

Марина Медовская

Крылья
в багаже

12+

Annotation

Продолжение романа «Я тебе посылаю любовь». Обычно все романтические истории заканчиваются объяснением в любви или свадьбой. Но как часто нам хочется узнать — а что же было дальше? Что случилось с героями, сумели ли они сохранить свои чувства, не пожалели о том, что связали жизнь друг с другом, а может, любовь между ними стала сильнее? Роман «Крылья в багаже» является тем самым продолжением историй любви между Николаем и Надеждой, между Вадимом и Викторией, тем, что их ждет, что придется преодолеть, испытать, найти, даже потерять. Читателя ждет увлекательное путешествие вместе с героями на Сейшельские острова, зимние вечера в полюбившемся Беляниново и даже путешествие во времени. А почему бы и нет? Ведь, несмотря на кажущиеся изменения, вечными остаются настоящие ценности — доброта, отвага, нежность, дружба и, наконец, любовь.

- [Марина Ледовская](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
-

Марина Ледовская

Крылья в багаже. Книга вторая

Пролог

В году 1200 по рождеству Христову случилось в селе Дивееве чудо превеликое и пристрашное. Месяца сенозорника, сиречь июля, 26-го дня собирал на закате солнца отрок Ясень, крещеный Варфоломеем, целебные травы на Кудрявой горе. И вдруг видит: шествует мимо дуба, сожженного молнией, женщина в белом одеянье, кое шито золотом, и в короне золотой. В одной руке держала она цветы диковинные, бледные, яко из воска, а в другой — косу с серебряным набалдашником. И так страшно стало отроку Ясеню, что на малое время обмер он и разумения лишился, а когда пришел в себя, кинулся со всех ног в родное Дивеево, поведал отцу-матери об увиденном.

— Ты, Ясень, мастер известный страшные сказки плести, — сказал отец. — Знай ври, да не завирайся.

И тут послышался с печи голос прадеда Родомысла, в святом крещении Антипа. Отмерил он уже сотню лет с гаком, три года лежал на печи обезноженный, но разумом был светел.

— Да не врет малец, слышите? Беда нагрянула. Нынче какой год? Високосный, вдобавок, говорят звездочтецы, веку-столетию конец. Вот и грядет к нам Марана злобная — всех выкосит в одночасье. Такое уже случалось, когда я сам пребывал в отрочестве.

— Ох, ох, Сварог всемилостивый и ты, Господь-Спаситель, за что наказуете?! — завывала мать.

— Ну-ка, снимите меня с печи! — скомандовал прадед, и когда посадили его на лавку, сказал: — Ты, внучек, коня буланого из конюшни выводи. Посадишь меня верхом, ноги к стремянам привяжешь, дабы не упал, дашь мне лук боевой и колчан со стрелами. Ты, баба, беги по деревне, вели людям выскакивать из домов и на траву падать пластом, будто мертвецы, сраженные в одночасье молнией. А ты, Ясень, как завидишь опять Марану, начинай рыдать и укорять Перуна за убиение невинных людишек. Живо! Мешкать некогда!

Через некоторое время, завидев Марану в конце села, залился отрок Ясень горькими слезами, принялся громко стенать и грозить небесам кулаком:

— Всегрозный Перун! За что людей невинных смертию лютой отстрел своих наказал? Зачем бесчинствуешь?!

Посмотрела Марана в недоумении на поверженных людей, к отроку приблизилась, в глаза ему заглянула мертвыми своими очами — да и прошествовала к реке, а потом в осиннике за рекою сокрылась, верша свой путь неведомо куда.

По просшествии еще некоторого времени начали люди подниматься с травы, благодаря Сварога, Сварожичей и Христа-Спасителя, что не допустили безвременной смерти всего селения. А мужики вместе с отроком Ясенем пошли к Кудрявой горе.

И что же? У ее подножия, близ родника, узрели они чудо превеликое и престрашное. Покоились на траве два скелета: всадника и лошади. Ноги всадника были привязаны к стремянам, а в руках он держал боевой лук, но в колчане не было ни единой стрелы.

Долго молчали мужики, а отрок Ясень проливал слезы над прадедом Родомыслом, в крещении Антипом, и над конем буланым.

На другой день тут же, на горе Кудрявой, предали кости земле, крест деревянный водрузив. Только с той поры гора эта, близ села Дивеева, зовется Мертвой.¹

Глава 1

Из беседы чада с духовным отцом:

— Сколько крыльев у ангела?

— Два крыла.

— А у Серафима?

— Шесть.

— А у человека сколько?

— Батюшка, не знаю.

— А у человека — сколько угодно.

Сколько любви — столько и крыльев.

Архимандрит Ипполит (Халин)

— Вика! — Вадим звонить не стал, открыл дверь своим ключом. В ответ — тишина. Наверное, уснула бедняжка. Только вчера

снизилась температура, и Викторией стало лучше. Перед этим она умудрилась подцепить простуду, ходила на работу до тех пор, пока не свалилась с жаром. Но и дома все охала и сожалела, что не доделала какие-то справки. Просто герой-трудоголик.

Вадим бросил куртку на галошницу, прошлепал в гостиную прямо в ботинках. Из-за угла выскочило пушистое существо, проскакало мимо хозяина, полностью его проигнорировав, и рвануло в коридор.

— Мусалина! — возмущенно крикнул ей вслед Вадим. — Что за манеры? Ведь ты же благородных кровей, вроде бы.

Естественно, в ответ ни звука. Кошка считала ниже своего достоинства отвечать на оскорбления.

Вадим на цыпочках подкрался к спальне, заглянул — Викторией там мне было. В кухне, судя по поведению кошки, — тоже, иначе бы она там крутилась. Ну не на улицу же ушла Виктория Корецкая? Вадим услышал плеск воды. Ванная! Как он сразу не догадался?

— Привет! — Зорин сунул голову в открытый дверной проем.

— Привет! — радостно отозвалась Виктория. — Я и не слышала, как ты вошел. Так захотелось принять ванну, я после болезни чувствую себя деревенской свинюшкой.

— Ой, а я люблю деревенских свинок! Они такие славные, — Вадим улыбнулся. Вика бросила в него мочалку. Через секунду в дверном проеме появилась голова кошки. Она, немигающе, уставилась на мочалку на полу, затем перевела взгляд на Викторию.

Это хвостатое существо, еще не так давно было заклятым врагом Корецкой. Как только Вика появилась в квартире Вадима, Мусалина решила для себя, что будет ей мстить. Мстила она обдуманно и пакостно. Это была ревность. Вика поняла сразу, что движет соперницей, и рассказала об этом Вадиму, но он лишь смеялся. Мусалина или по-простому Муся обожала Вадима все пять лет своей кошачьей жизни, она безумно скучала в его отсутствие, видела его в своих снах и там всегда побеждала тех, кто претендовал на ее место. Самым первым и главным врагом была жена Вадима, она не выносила животных и была способна на любую гадость. Муся после нескольких неудач в борьбе с ней сбежала из их дома и отправилась к родителям Вадима, там было безопасно, и любимый Вадим появлялся часто. Потом зловредная соперница исчезла, но появилась Виктория. Муся сразу почувствовала свое преимущество. Первым делом она оставила

в ее мягких тапочках свои экскременты, стала периодически писать в самые дорогие туфли, отказывалась есть именно тогда, когда ее кормила Вика, хотя при этом возмущенно орала от голода. В общем, была объявлена война. Вадим придерживался принципа никогда не наказывать животных, иронично отзывался на жалобы Виктории и просил просто не обращать внимания на выходки кошки, самым любимым занятием которой было ходить по пятам за Корецкой и пищать, мяукать она не умела. На возмущения Вики кошка садилась в мягкое кресло, смотрела на нее, щуря желтые глаза, потом делала вид, что ей страшно докучают претензии соперницы, и принималась вылизывать шерстку.

Была она трехцветная, с преобладанием коричневого, манишка и лапы белые, на мордочке и ушах перемешаны белые и рыжие пятна, причем рыжие словно кисточкой брызнули. Было у Муси еще одно развлечение: как только Вика шла принимать душ или ванну и забывала запереть дверь, кошка умудрялась открыть ее самостоятельно, она с важным видом заходила в помещение, садилась у входа и смотрела, как Корецкая моется. Будто оценивая ее формы, она периодически расширяла глаза, словно удивлялась. На крики «Кыш! Пошла отсюда!» Муся не обращала внимания. Это повторялось каждый раз, как ей только предоставлялась возможность. Однако в один прекрасный момент все изменилось.

За дверью одной из соседних квартир жил кот, черный как уголь, здоровый, гладкий, страшно уверенный в себе. Хозяева его решили оскопить, так как хлопот он доставлял немало. Когда Муся успела плениться неугомонным красавцем — непонятно, но она то и дело выскакивала на лестничную клетку, виляла хвостом, крутила бедрами и зазывно смотрела на черную, большую, как миска, морду. Кот тоже не упускал возможности показать себя во всей красе. Одним словом, они доигрались — Муся успела потерять невинность и забеременеть. Вскоре кота повезли в лечебницу.

Прошел месяц, чуть больше, кошка по-прежнему с удовольствием лазила по шкафам, прыгала на форточку, носилась по квартире, вероятно, в какой-то момент она получила внутренние ушибы. Началось заражение, она не ела, не пила ровно сутки, вставала и опять ложилась. Вика первой почувствовала беду, она, придя с работы, на пороге оставила сумки, бросила на кошку только один взгляд и поняла,

что медлить больше нельзя. Муся орала как резаная, когда Вика тащила ее в лечебницу, — благо, что было недалеко, — но скользко: Корецкая дважды чуть не упала. Но все-таки донесла. Врач был в шоке, кошка умирала на глазах, у нее уже начались судороги. «Варианта два, — сказал врач, — делаем сейчас операцию. Котята, конечно, уже мертвые, но не даю гарантий, что и она не умрет — все зависит от почек; второе — сейчас просто ее усыпляем». «Делаем операцию! — закричала Вика так, что всех испугала. — Сколько это стоит? У меня с собой мало денег и карточки нет». Оказалось, что налички не хватит, но Вика договорилась, что принесет. Все равно кошку можно будет забрать только через два часа. Виктория не смогла дозвониться до Вадима, съездила домой, потом ждала в лечебнице. Кошку принесли в маленьком одеяле, как ребенка, она смотрела на мир стеклянными глазами — еще не отошел наркоз. Потом врач дал лекарства и сказал, что колоть надо всю ночь каждые два часа. Вот так. Вика сидела рядом с Мусей, обложенной теплыми бутылками, трогала ее нос, гладила, уколы делал Вадим. Когда кошка пришла в себя, она поползла куда-то в коридор, затем даже попыталась влезть на шкаф, но не смогла. Швы сняли через две недели, Вика отвозила кошку сама. С тех пор Муся стала ее самой горячей и преданной поклонницей, о соперничестве не было и мысли. Но кошка все равно любила смотреть, как Вика моется.

— Вадим, хватит на меня пялиться, и Муську прогони, — сказала она, заметив, кошку.

— Почему мы должны уйти? — удивился он. Зашел в ванную комнату, Муся за ним. — Нам очень нравится то, что мы видим.

— Муся может так не думать.

— Это неважно, — Вадим насмешливо посмотрел на Викторию, сел на край ванны. — Ты сделала пену слишком густой, мне не видно, что под ней, — пожаловался он и опустил руку в воду.

Кошка удивленно выкатила желтые глаза, заметив, как хозяин ломает белоснежные холмики пены. Один из холмиков он навесил ей на ушко. Муся выразительно фыркнула и ушла спать. Проснулась она лишь в тот момент, когда хозяин нес Викторию на руках. На ней был толстый белый и очень мягкий халат — Муся проверяла. Хозяин и Вика смеялись, потом он покружил ее по комнате, отнес в спальню и бережно уложил на кровать.

— Я заварю тебе чай с лимоном и мед принесу, — сказал Вадим Вике, подмигнул ей и исчез за дверью. Виктория поправила подушку, прикрыла влажные волосы полотенцем и легла. Муся вошла в спальню через несколько минут, беззвучно мяукнула, остановилась прямо перед кроватью Виктории.

— Иди сюда, — Вика похлопала рядом с собой, — давай, — получив разрешение, Муся грациозно прыгнула на кровать, помяла лапками левый бок Виктории и улеглась возле него. Корецкая блаженно вздохнула. В последнее время ощущение счастья не просто накатывало, оно обрушивалось, накрывая с головой. Временами казалось, что происходящее вот-вот исчезнет, испарится, Вадим был наградой. Как же здорово, что они встретились! Но самое удивительное, что и подруга Надежда одновременно с ней — Викторией — обрела свою любовь. И ни с кем иным, как с братом Вадима. «Теперь мы — родственницы», — тогда пошутила Вика. Жаль только, что Надя с Николаем не стали устраивать свадьбу. Они так поспешно расписались и уехали за границу, словно боялись опоздать, решили не терять ни минуты. Отныне они принадлежали друг другу, как и время, которое им было отпущено. Каждая минута, каждый миг, вместе, рядом, наслаждаясь, познавая, растворяясь...

Глава 2

Надя подтянула на плече сумку и посмотрела на мужа. Он широким шагом шел по зданию аэропорта, где-то здесь должны быть бегающие дорожки с чемоданами.

Надя не очень хорошо переносила самолет: пока летели первую часть пути, она сидела, вставала, ходила, наблюдала за соседями, пила, есть отказывалась, одним словом — маялась. Чего не скажешь о Николае: он спокойно сидел в кресле, попивал кофе, читал сначала прессу, затем достал какую-то брошюру, отрываясь от которой, периодически спрашивал Надю о самочувствии, не надо ли чего. Она улыбалась и шутила: не может ли он ускорить полет? Но муж сказал, что им еще предстоит лететь гораздо больше, чем пролетели, надо набраться терпения. Утомительный полет. Шутка ли — лететь почти 10 часов, да еще с пересадкой. Пересадку сделали в Париже. Сели на Боинг, стюардессы — смуглые пышечки — выдали пледы, маски для

сна и наушники для плеера. Взревели моторы, и самолет понес их навстречу с Сейшельскими островами! В семь утра забрезжил рассвет. По салону пронесли кофе. Карта на огромном мониторе салона указывала о завершении перелета. Через полчаса самолет зашуршал по бетонке приютившегося у скал аэропорта. Вот они — Сейшельские острова!

Николай предложил именно их. Сказал, что однажды был здесь. Да, они целой компанией встречали Новый год. Необычно, конечно, Новый год без снега, зато отдохнули замечательно. На вопрос Нади «были ли с ними девушки?» Фертовский сделал вид, что ее не расслышал, принялся разыскивать путеводитель, утверждая, что он им пригодится. Добавил, что на островах теплый климат, места просто сказочные, они словно созданы для «медового месяца».

«Медовый месяц»! Надежда произносила эти два слова и могла поклясться, что ощущает вкус меда на губах. В какие-то моменты она ловила себя на мысли, что находится не здесь и не сейчас — все, что произошло с ней в последнее время, не может быть реальностью, она просто попала в другое измерение, но скоро вернется к тому, что всегда было вокруг нее, словно проснется, но не от кошмара, а от выдуманного ее отчаявшейся душой сна, мечты. Однако шел день за днем, а мечта была рядом и никуда исчезать не собиралась, более того, оказалась очень пылкой мечтой. Ну, кто бы мог подумать, что за такой ледяной сдержанностью и немногословием таится настоящая страстность, ненасытность и потрясающая нежность и терпение?! Мало того, поначалу Надежда просто стеснялась, она еще и была сбита с толку именно этим. Она вышла замуж за человека, которого только-только открывала для себя. С точки зрения здравого смысла это было, ну, если не безумием, то риском. А она опасалась авантюры, даже в мелочах, избегала их по мере возможности.

Мама была удивлена не меньше. Она только спросила: кто он? Как давно вы знакомы? Услышав ответ, всплеснула руками, но отговаривать не стала. Может, она что-то почувствовала, по-женски? Увидев Фертовского, приняла его радушно, сказала, что рада знакомству. А он покорила ее своими безупречными манерами и настоящей мужской серьезностью. Мама лишь вздохнула: только больно уж красивый! Как картинка с обложки. На что Надя засмеялась

и вспомнила, какое на нее он произвел первое впечатление. Мама была мудрой и видела больше — так и сказала Наде.

В то же вечер Николай впервые привез Надю к себе. От волнения ее трясло как перед экзаменом, щеки предательски горели, а руки были холодными.

Для одного человека квартира была довольно просторной, не то что Надина «хрущевка». Уютной? Нет, ей так не показалось. Везде присутствовал минимализм и все та же сдержанность, особенно, в колористике — белый, серый и черный. Надю всегда удивляло подобное: так скучно да еще за приличные деньги! Более того, всюду царил идеальный порядок. Надежда даже испугалась. Вот уж у нее был вечный хаос, и в жизни, и в доме — веселое буйство красок, спонтанность, куча милых безделушек, памятных сувениров, папки с бумагами, пакеты с файлами (работа редактора приносила свои плоды), вырезки из журналов, книги везде, даже на полу, и еще множество всяких мелочей. «Господи, да у нас нет ничего общего! — от паники у нее даже голова закружилась. — Зачем мы все это затеяли? Мы как небо и земля! Что я здесь делаю? Зачем пришла? А ведь, похоже, именно сегодня он хочет большего, чем поцелуи!» Она попятилась и неожиданно наткнулась на кожаное кресло, шлепнулась в него.

Николай подошел к ней, дотронулся до рук.

— Тебе холодно? — удивился он и так пристально посмотрел ей в глаза, что Наде показалось — он знает обо всех ее страхах. — Я налью тебе чего-нибудь выпить, ты согреешься, — он пришел к такому выводу и ринулся к шкафам. Надя перевела дух, нет, он не может читать ее мысли. Это было бы слишком! Просто он озабочен, чем ее согреть. Сколько же у него шкафов с полками? И он не знает, в каком из них спиртное? В собственном доме? Надежде вдруг стало смешно. Чопорность дизайна его дома тоже имела свои недостатки.

— Черт! — тихо выругался Фертовский, почесал затылок. — А, вспомнил! — он полез в шкафчик возле холодильника и достал бутылку с жидкостью темно-янтарного цвета. — Это коньяк, хороший.

Надя пришла в ужас, знала, что быстро пьянеет от крепких напитков. Пьянеет и становится невоздержанной на язык, чересчур раскованной и способной на самые неожиданные поступки. Не хватало

еще и осрамиться перед Николаем. Пьяная дурочка, он сразу разочаруется.

— Нет-нет, спасибо! — она так эмоционально запротестовала, что он удивленно на нее вытаращился, захлопал ресницами. — Я уже согрелась, мне не нужен коньяк.

— Ну, хорошо, — тут же согласился Николай, встал посередине комнаты, не зная, что делать дальше, — может, тогда кофе? — смущение Нади передалось и ему.

— Лучше чай, — ответила Надежда, — помочь заварить? — она пружинкой выскочила из кресла. В следующую секунду зазвонил телефон, и Фертовский, извинившись, попросил Надю саму заварить чай, взял трубку.

Надя бесшумно вышла на кухню и теперь, подобно хозяину, принялась методично открывать и закрывать бесконечные полки в поисках заварки. Пока она это делала, пыталась понять, что сейчас их обоих так смущало. Когда они встречались на нейтральной территории, все было гладко, хотя события разворачивались просто с гиперзвуковой скоростью: в первое же свидание поцелуи, там, под лестницей, там же объяснение в любви и предложение руки и сердца и опять поцелуи. Потом еще несколько свиданий, и вот Надежда дома у Николая. Наверное, это этап их отношений, который имеет особое значение. Мужчина пустил ее не только в свое сердце, но и в свою жизнь, в свой дом.

Да где же у него заварка? Надя на всякий случай оглянулась, пошарила глазами по пустому столу. Архаикуратность!

— Вот здесь, — Николай подошел сзади, одной рукой обнял ее плечо, другой открыл дверцу шкафчика прямо перед глазами.

— А, спасибо! — опять заволновалась Надя. Ну что же это такое? Совсем сошла с ума! Нервничает, как девчонка.

— А, пожалуйста! — не без иронии ответил Николай. Снял руку с ее плеча и направился ставить чайник.

Сели друг напротив друга, синхронно взяли в руки чашки и также синхронно отпили. Засмеялись этому, Надя облегченно перевела дух, незаметно расслабилась. Но ненадолго.

— Чем будем заниматься? — задал невинный вопрос Николай, она встрепенулась, словно испуганная птица, были бы крылья — обязательно ими замахала. Торопливо поставила чашку. Фертовский

внимательно за ней наблюдал, казалось, замечал каждую мелочь, с трудом прятал улыбку. И не только ее. Как же хотелось обнять эту глупышку, прижать к себе, ощутив стук ее взволнованного сердца, потом подхватить на руки, отнести в спальню и там вести себя отнюдь не как английский аристократ, с каким она его все время сравнивала. Но вместо этого он сидел напротив с самым серьезным выражением лица, пил английский, настоящий английский чай, и молот какую-то чепуху о старых фильмах. Неожиданно сам для себя затронул эту тему, заметив, что Надя оживилась и даже охотно стала вспоминать давно известные и любимые цитаты. Фертовский упомянул о своей богатой видеокolleкции, Надя попросила показать ее. Таким образом, они переместились в гостиную, по дороге обсуждая, чего хотелось бы посмотреть. Сошлись на фильме «Еще раз про любовь», Андреева его давно не видела.

Сумерки уже сгустились в комнате, часы двигали стрелки, приближаясь к полуночи, Николай предложил включить свет, словно в темноте боялся поддаться соблазну обнять ее и этим спугнуть, но Надя и не догадывалась об этом, она смотрела фильм. В темноте светился большой прямоугольник экрана телевизора, а там, в кадре, главный герой ждал девушку, которую любил. Но он ждал напрасно, она погибла, проявляя, скорее глупость, чем отвагу, она не думала о нем, человеке, которого любила. Смерть — страшный эгоизм по отношению к любимым.

Надя вздохнула. Печальный финал. Николай за все время фильма не сказал ни слова, ни одного комментария, однако то и дело бросал на Надю взгляды, которые говорили о многом.

— Ну, мне пора, — как только кончился фильм, Надя медленно поднялась с кресла. Николай включил свет.

— Уже? — удивился он. — Но ведь... может, еще чаю? Ты не голодна? — держал в руках пульт и нервно постукивал им по ладони.

— Нет, спасибо! Тем более, так поздно я не ем, — она смущенно улыбнулась.

— Поздно? Разве уже поздно? — Николай оставил в покое несчастный пульт, стал переминаясь с ноги на ногу. Как странно, он — тот, кто никогда не испытывал недостатка внимания со стороны женщин, сейчас был растерян и не знал, как ему поступить, чтобы не спугнуть Надю. Он так долго ждал момента близости, что просто

сгорал от желания, но полностью отдавал себе отчет, что его любовь и нежность должны излечить ее от душевных травм, однако было и одно обстоятельство: он боялся ее отказа. Это укоренилось в нем еще со времен, когда они были в Беляниново. Надя и сейчас могла занять жесткую и категоричную позицию. С другой стороны, ведь она дала свое согласие на брак! Но какие были у нее причины для этого? Неужели она так быстро изменила свое мнение о нем и влюбилась? Вряд ли. Николай пока многого не понимал и боялся, боялся сделать что-то не так. Иногда ему казалось, что он ступает по шаткому мостику, досочки угрожающе качаются, можно упасть только при одном неверном шаге. Еще ни одна женщина не вызывала в Фертовском таких чувств, и ни одну женщину он так не боялся потерять. Более того, Надя вызывала в нем и непреодолимое физическое притяжение. Оно сжигало его изнутри.

— Да, поздно, — Андреева посмотрела на часы, — дома будут волноваться, — зачем-то добавила, хотя предупреждала маму, что, возможно, останется у Николая. Мама хитро сощурила глаза, возражать не стала. А в последний момент даже сунула в ее сумку ночную рубашку.

— Поздно, — вынужденно согласился Фертовский, подошел к окну и отодвинул жалюзи, — дождь усиливается, наверное, будет идти всю ночь, — он повернулся к Наде, она все еще стояла возле кресла. Как глупо! Ведь сейчас, действительно, придется уйти.

— Ты отвезешь меня? — безнадежно спросила она. Смотрела на Николая широко раскрытыми глазами и ждала, затаив дыхание.

— Конечно, — слишком поспешно согласился он, но эта поспешность не была обусловлена его желанием от нее избавиться, отнюдь, просто он не мог придумать предлог оставить ее у себя. Не проще ли сказать все начистоту: я хочу, чтобы ты была со мной в эту ночь, я люблю тебя! Нет, оказывается, не проще! А если она не хочет близости? Не хочет, не готова, еще не чувствует того, что чувствует он? — Конечно, я отвезу тебя, — Фертовский стал искать по карманам брелок ключей от машины.

— А дождь все сильнее, — Надя следила за его действиями и опасалась: он сейчас так быстро найдет ключи, а она не успеет придумать предлог, чтобы остаться.

— Да, усиливается, вроде бы и снег мокрый обещали, — Николай перестал делать вид, что ищет ключи. Он прекрасно знал, где они находятся, главное, чтоб об этом не знала Надя, — в такую погоду ехать небезопасно... — опять этот шаткий мостик! И идти по нему страшно, и тянет, словно магнитом.

— Не люблю такую грустную погоду, — Надя пожала плечами.

— Тогда, может... останешься? — наконец выдал он с затаенной опасливостью. — Я постелю тебе в спальне, а сам лягу здесь, в гостиной.

— Мне не хочется доставлять тебе неудобства, — ну что за глупость? Почему она сопротивляется? Ведь сама искала предлог! Николай его нашел, а она все делает вид, что хочет уехать. Нет, еще как хочет остаться! И не только остаться... Пожалуй, впервые в жизни Надя ощутила в себе эту искру, это пламенеющее желание, ей захотелось познать Фертовского не только как человека, как личность, но и как мужчину.

— Никаких неудобств, поверь! Здесь прекрасный диван, я отлично высплусь. И тебе будет комфортно, я позабочусь, — он сделал паузу, — в смысле, постелю, — с этими словами он как-то быстро ретировался. Наверное, чтобы больше не давать Наде возможности возражать. Предлог найден, говорить нечего.

— А можно мне принять душ? — робко спросила Надя после того, как Николай застелил постель и сообщил ей об этом. Он едва сдерживал радость.

— Дверь слева, вот полотенце, — он с готовностью протянул большое зеленое полотенце и улыбнулся, — мне приятно, что ты решила остаться.

Она стояла под стремительным потоком воды, зачем-то вымыла голову, выдавила на руку ароматный гель и долго его нюхала. Затем намазалась им и тут же смыла, провела рукой по изгибам своего тела и покачала головой. На самом деле, многим женщинам в определенные моменты не нравятся их фигуры, но Надин комплекс был особенно стойким. И конечно, в этом случае разве что-то могло привлечь мужчину?

Надя, наконец, вышла из ванной комнаты — не будет же она вечно мыться? Николай сидел в кресле и читал книгу. Услышав шаги, он

отложил книгу в сторону, поднялся.

— Все хорошо? — подошел к Андреевой, провел ладонью по ее влажным волнистым волосам, с удовольствием задержал взгляд на лице без косметики — он любил ее выразительные, миндалевидные глаза, румяные щеки, очерченные аккуратным бантиком губы.

— Да, у тебя вкусно пахнет гель, — она улыбнулась одними губами, а глаза тревожные.

— Тебе нужен фен? — она мотнула головой «нет», — ложись, приятного отдыха! — Николай взял ее за подбородок, легонько поцеловал в губы и ушел.

Она легла на огромную, как платформа, кровать, закуталась в голубое одеяло, как в кокон. Хорошо, что Николай выключил свет. Может, в темноте и ничего? Изъяны видны лишь при свете. А мама, что, специально положила ей эту закрытую и длиннющую рубашку? Когда Надя вышла из ванной, она только тогда поняла, что под такой рубашкой что-либо разглядеть невозможно. А он и не разглядывал. Зато поцеловал в губы, хотя поцелуй был, скорее, дружеский. Ну и пусть, ну и ладно! А ведь через три дня они распишутся, так сказал Николай.

Надя, услышав, что Фертовский выключил воду, закуталась в одеяло почти с головой, словно испуганный ребенок, которому в темноте шкаф почудился настоящим чудовищем.

Фертовский вышел из ванной, щелкнул выключатель. Стало совсем темно, но глаза Нади уже привыкли к мраку, она хорошо различала очертания предметов. Николай прошел по комнате, что-то положил в кресло. «Боже мой! — подумала Надя, — как он красив!» Она подглядывала из-за сугроба одеяла и была не в силах отвести взгляд, его бедра были обмотаны полотенцем, Фертовский подошел к окну, поправил штору, полоска света фонаря с улицы очертила его силуэт. Наверное, боги на Олимпе были именно такими.

Николай обернулся, несколько секунд стоял неподвижно, смотрел на Надю, затем медленно подошел к кровати.

Глава 3

Надежда от досады принялась кусать губы. С другой стороны, о чем сожалеть? То, чего она так боялась, не случилось. Вот и радуйся:

Фертковский тихо сказал «спокойной ночи!» и ушел, не дождавшись ответа. Все хорошо, все замечательно! Зато ей нет нужды беспокоиться о несовершенстве своих форм и о том, что он бы разочаровался, увидев все ее прелести.

Это она — Надя Андреева — мучается, сама не знает: переживать о том, что между ними ничего не произошло или радоваться, что ничего не произошло? А вдруг он ее просто не хочет? Не считает привлекательной? Привлекательной как женщину? Эта абсурдная мысль так ею овладела, что сон вообще как рукой сняло, хоть вставай и иди на кухню. Почему туда? Просто, обычно те, кому не спится, обитают именно на кухне: кто-то ест, кто-то пьет чай или кофе, кто-то даже включает телевизор. Надя закрыла глаза, стала считать овец. Представила себе огромное стадо, глупые улыбающиеся морды, кудрявые спины. Вон та пухленькая овечка похожа на нее. Так увлеклась процессом создания фантазии на тему «овцы», что забыла, зачем все это затеяла. Ну, теперь точно до утра не уснуть. Да и кровать жесткая, одеяло слишком теплое.

Надя тихонько поднялась с постели, включила ночник, стараясь не шуметь, на цыпочках вышла в гостиную, туда, где спал Николай. Он лежал на спине, прикрывшись одеялом до пояса, грудь равномерно опускалась и поднималась в такт тихому дыханию, глаза закрыты. Одна ладонь покоилась на груди, другая под затылком — поза полностью расслабленного человека.

Надя тяжело вздохнула и прошла дальше, в темноте нащупала арку, ведущую в кухню. Недолго думая, открыла дверцу шкафчика, — хорошо, что помнила, какую, и вытащила бутылку с коньяком. Это должно успокоить. Она сделает только пару глотков, от которых не успеет опьянеть.

Коньяк, ущипнув за язык, приятным теплом разлился по телу. А в целом не так уж и плохо! Просто она сегодня переволновалась, столько событий за один день, да еще ночевать у Николая осталась. Нет, все-таки он ее любит, иначе бы она здесь не сидела. Не сидела? Вот именно! Была бы давно в его кровати и наслаждалась близостью с этим мужчиной. Вместо этого сидит на кухне и пьет коньяк. Видела бы Виктория, погнала бы пинками в спальню, нет, перед этим прочитала бы нотации и сорвала с нее нелепую бабскую рубашку. Надя

хихикнула, представив себе подобную сцену. Надо еще выпить коньяку, это повышает настроение.

— Будем здоровы! — сказала Андреева вполголоса, подняла рюмку и опорожнила ее. Вот так-то лучше.

Очередное вливание оказало свое благотворное воздействие. Стало очень хорошо и даже весело. Надя убрала бутылку обратно на полку, сделала несколько па по кухне, наткнулась на стул, чуть его не уронила, стул грохнуть не успел. А если бы грохнул? Ей понравилась эта мысль. Николай бы тогда испугался и примчался сюда. Николай...

Надо пойти к нему в гостиную, кажется, уже дошла до такого состояния, когда все грустные мысли растворились в коньяке. Нет, сначала необходимо расчесаться. Разве можно такой лохматой соблазнять мужчину своих грез?! А кто сказал о соблазнении? Сама и сказала. Так что же она теряет время? Вперед!

Надя элегантно, как могла, вошла в гостиную, Николай, отвернувшись, лежал на боку. Она остановилась перед диваном в замешательстве: как соблазнять мужчину, если он от тебя отвернулся? Приставать к его затылку? Нет, он опять все ее карты спутал, хотелось появиться грациозно, с достоинством, нежно разбудить его поцелуем в губы, услышать заверения в любви, а потом...

Что-то фантазия истоцилась. Нет, затылок, конечно, тоже весьма привлекательный, мягкие кудрявые волосы, хочется провести по ним кончиками пальцев или зарыться носом. Или погладить плечо, оно такое сильное, теплое.

— Николенька, — тихо позвала она, близко подходить не стала. Зачесалось колено, Надя почесала его через рубашку и только сейчас осознала, как нелепо выглядит со стороны: клуша в длинной рубашке да еще чешет колено и имеет намерение пристать к мужчине, который лежит к ней спиной.

— Нет, это пытка какая-то! — чуть не сказала громко, вовремя снизив децибелы возмущенного голоса. — Ну, если и правда он меня не хочет?

Расстроенная, она убежала в спальню, прыгнула в кровать, неловко запуталась в рубашке, психанула, сняла ее с себя и, метко прицелившись, бросила в кресло. Через пару секунд захотелось плакать — от жалости к себе или это коньячные метаморфозы? Сначала радость, потом слезы...

Неожиданно она почувствовала прикосновение к волосам, затем легкое касание к шее. Чуть сдвинулась кровать от тяжести тела, он лег рядом. Надя, не решаясь повернуться, замерла. Фертовский придвинулся к ней вплотную, приник к ее уху и нежно укусил за мочку.

— Откуда ты знаешь, что мне это нравится? — тихо произнесла Андреева.

— Что? — переспросил он и опять укусил ее за мочку. Голос был вкрадчивым и невероятно сексуальным.

— Прекрати! Этим ты сводишь меня с ума.

— А я и хочу тебя свести с ума, — промурлыкал он и поцеловал ее за ухом, — я хочу, чтобы ты потеряла голову. Я-то ее давно уже потерял, ты сомневаешься?

— Иногда — да! — она спрятала улыбку.

— М-м-м, иди сюда, — Николай включил ночник, перевернул Надю, наклонился над ее лицом, — пахнет коньяком, — удивился он, — постой, ты пила коньяк? — он хохотнул, закрыв лицо ладонью.

— Ну да, — призналась Надя, — не вижу ничего смешного, — вознамерилась было обидеться, но Николай так искренне и от души хохотал, что она передумала. Даже и не подозревала, что он способен так смеяться. Будто миллионы бриллиантовых искр засветились в его глазах, а ямочки на щеках, оставленные поцелуями ангела, затронули в ее душе самые нежные и звучные струны...

— Если ты пила коньяк, — сказал Николя сквозь смех и вдруг умолк, — да еще сняла рубашку, — он только сейчас заметил, что она лежит рядом обнаженная, одеяло съехало вниз, открывая взору грудь, — все-таки ты думала о близости?

— Ну, вот еще! — Надя отвела в сторону тянущуюся к ее груди руку и отодвинулась на другой конец кровати.

— Немедленно двигайся сюда! — раздалось притворно сердитое требование.

— И не подумаю! — Надя скорчила забавную гримасу.

— Как девчонка, честное слово! — Фертовский уселся на кровати и грозно сложил руки на груди.

— Я и есть девчонка, — не стала спорить она.

— Тогда иди сюда! Я хочу, чтобы ты придвинулась ко мне, — он хитро улыбнулся, — ну, пожалуйста, я должен кое-что сказать.

— Только сказать?

— Не только, — он протянул руку, — ну, иди ко мне, мое сокровище бесценное. Любовь всей моей жизни, моя Наденька.

Ей так понравились его слова, что она, больше не медлила. Они одновременно устремились навстречу друг другу. Объяты, горячие поцелуи. Оторвавшись на секунду от разгоряченных губ Надежды, Николай перевел дыхание.

— Я едва уговорил тебя остаться, — пожаловался Николай, откинувшись на подушку, Надя пристроилась у него на плече, — ты не хотела близости?

— Ничего подобного, я переживала не меньше твоего. Мне даже не спалось.

— Мне тоже.

— Но ведь ты, — она замялась, — я видела, как ты спал.

— Значит, ты наблюдала за мной?

— И ты тоже. Ведь ты видел, что я ушла.

— Да, видел, — признался он, — видел и очень страдал, — он опять принялся ее целовать, а руки гладили. — Но ведь и ты проявила свое коварство: вышла из душа вся такая недоступная, как в доспехах, демонстративно закуталась в одеяло и отвернулась, дав понять, что не хочешь быть со мной этой ночью.

— Это ты дал понять, что я тебя не привлекаю, — возмутилась она и даже махнула рукой, — поэтому я и ушла, — она сделала паузу, — пить коньяк! Чтобы хоть как-то себя утешить. А потом решила попытаться тебя соблазнить.

— Соблазнить? — он невольно улыбнулся.

— Ну да, как дурочка стояла и смотрела на твой затылок. А ты делал вид, что тебе все равно. Ты, наверное, так привык к тому, что тебя дамочки соблазняют сами, что уже и не реагируешь.

— Были ситуации, конечно, — в его голосе чувствовалась ирония, — но так изящно еще никто меня не соблазнял: сначала полное безразличие, включая томительное пребывание в душе, выход в рубашке твоей прабабушки и ныряние в постель, а потом распивание в одиночку коньяка и скромное стояние возле моего дивана.

— А коньяк и правда хороший, — призналась Надя, — можно иногда я буду опрокидывать рюмочку? — пошутила она. — Ведь

именно после этого волшебного коньяка я перестала вести себя так нелепо.

Фертовский опять засмеялся. Шутить над собой умела только Надежда Андреева.

— Я люблю тебя! Люблю всей душой, Наденька!

— Чему ты улыбаешься? — спросил Николай, когда они уже вышли из аэропорта, взяли такси — одну из самых приличных на вид машин, она была раздолбана меньше всех, и стали загружать чемоданы.

— Так, кое-что вспомнила, — Надя посмотрела на чудесное голубое небо Сейшел, легкий ветер стал заигрывать с ее волосами. Воздух был теплым и даже вкусным. Шоколадно-смуглый таксист, настоящий креол, глянув на Надю, цокнул языком. Когда сели в машину, он простодушно спросил у Николая про его спутницу. Правда, спросил так непонятно, что Фертовский, знающий королевский английский с детства, так как жил в Лондоне почти до российской перестройки, с трудом понял креола.

— Моя жена, — ответил Николай, чеканя каждый слог. Креол обернулся, опять посмотрел на недоуменную Надю, обнажил молочно-белые зубы в широкой улыбке.

— Мсье богатый человек, очень богатый, — сказал таксист. Николай сдвинул темные очки на кончик носа и в ожидании объяснений уставился на таксиста, — на моей Родине пышнотелая женщина считается огромным богатством.

Глава 4

Такого рода высказывание можно было расценить как угодно: от искреннего желания сделать просто комплимент гостям до попытки заигрывания с чужой женой на глазах у мужа. Правда, Надя плохо расслышала, что сказал таксист, скорее, догадалась по реакции мужа да по взглядам, которые то и дело на нее бросал креол, посматривая в зеркало. Фертовский сдвинул брови, поправил очки, что-то ответил таксисту, у того улыбка сразу сползла набок. И хотя он был добродушным малым и не комплексовал при общении с богатыми путешественниками из «больших стран» — обиделся, правда,

ненадолго. Решил извиниться, объяснив, что не хотел ничего дурного. Кажется, господин принял извинения, по крайней мере, кивнул и скупо отвечал на вопросы. Оказывается, уже был на островах, и весьма высокого мнения о них, неплохо ориентируется на местности и даже знает историю Сейшел, чем вызвал у креола настоящую гордость.

Надя посмотрела в окно автомобиля. Дорога, по которой они ехали из аэропорта Маэ на север острова, тянулась вдоль восточного побережья Индийского океана. Машина таксиста скрипела рессорами и так подпрыгивала на буграх «лежачих полицейских», что Надя чуть ли не ударялась головой о крышу. Николай так крепко держался за облупившуюся ручку машины, что только чудом не получал удары по голове. Креол привычно прыгал и не замечал неудобств. Надя тоже скоро перестала испытывать дискомфорт, приспособившись ловко подпрыгивать, и даже находила в этом детское удовольствие. Более того, кругом расстилался такой пейзаж, что хотелось вылезти в окно, чтобы увидеть всю эту красоту. Невероятным казалось именно это — океан близко. Чуть ли не за бортом машины его изумрудная гладь, изумительно белый песок, пляжи чистые, как в пору творения. Они окаймляли остров, повторяя очертания бесчисленных бухт и бухточек, изрезавших побережье. Надя никогда не видела ничего подобного, ее путешествия ограничивались Крымом и один раз Северным Кавказом. На первый взгляд ей показалось, нечто подобное есть и на Сейшелах, но это лишь на первый взгляд. Здесь был настоящий рай, начиная от воздуха, солнца, океана и заканчивая местной экзотикой во всем, даже в мелочах. Муж сказал, что они проедут через столицу острова Викторию (Наде понравилось название, сразу вспомнила о подруге). Еще он добавил, что многие, кто провел здесь свой медовый месяц, называют эту поездку «путешествием жизни», еще долго вспоминая его с благодарностью.

— Николенька, это столица? — спросила Надя, когда показались дома с полотняными маркизами и ажурными балконами, лавочки, магазины — дорога Мон-Флери привела их к центру города.

— Да, это Виктория — столица острова Маэ, — подтвердил Фертовский, — до залива Бо-Валлон нам ехать совсем немного, меньше семи километров. Это по-настоящему туристическая зона архипелага, второй после столицы очаг цивилизации. Знаешь, как называют к нему дорогу? Дорога в 33 поворота! Вообще, здесь

своеобразные дороги, делятся они на две категории — прибрежные и проложенные поперек острова. Всего их, кажется, шесть, да, шесть. Конечно, можно импровизировать по ходу дела (с риском вернуться в исходную точку, сбившись с дороги), но предпочтительно следовать установившимся маршрутам, о которых мне известно. Более того, меня привлекают пешие прогулки, надеюсь, ты непротив, дорогая? Мне не хочется зависеть от транспорта и чаще быть с тобой именно на дикой природе.

Надежда зарделась:

— С тобой — на край света!

— По-моему, мы не так далеко от него, — пошутил он с самым серьезным видом. Таксист слушал, открыв рот: какая странная речь! Окончания тянут, слова длинные! А господин с таким лицом, будто все время недоволен, хотя его замечательная жена явно покраснела от удовольствия. Да и смотрит она на него с нескрываемой нежностью, в то время как он закрыл глаза темными очками.

— А в маршрут наших прогулок войдет осмотр достопримечательностей Виктории?

— Конечно, — кивнул Фертовский, — но не забывай, для чего мы сюда приехали, прежде всего, — он снял очки и бросил многозначительный взгляд на декольте ее платья.

— Мы в машине не одни, — Надю все еще смущала его страстность, которая в определенный момент явилась для нее полной неожиданностью. Фертовский оказался самым горячим и ненасытным мужчиной в ее жизни. Ее удивляло, как быстро он воспламенялся, стоило им лишь остаться наедине. Надю охватывала дрожь, восторг, смущение. Понадобилось совсем немного времени, и она осознала — Фертовский способен своей любовью исцелить ее.

— Мы не одни, но таксист не знает русского языка, — заметил Николай.

— Кажется, для того, чтобы разгадать наши желания, вовсе необязательно знать язык. Посмотри хотя бы на мои пунцовые щеки, а взгляды, которыми мы обмениваемся? Особенно твои, мой дорогой!

— Тогда я надену очки. Так лучше? — он водрузил очки на нос.

— Бесполезно, думаю, таксист уже обо всем догадался. Будем скромнее хотя бы оставшуюся часть пути? О, это рынок? — воскликнула она, заметив ограду, на вывеске которой красовалось: «Sir

Selwyn — Market», при входе колоритная темнокожая дамочка продавала лотерейные билеты. — Мы придем сюда?

— Если пожелаешь, — отозвался Николай и усмехнулся. Редкая женщина равнодушна к базару.

Наконец, столица осталась позади и вот он — залив Бо-Валлон. Его пляжи самые известные, самые посещаемые, на берегах спят, живут и купаются в спокойном океане сотни туристов. Однако густая заселенность всего района ничуть не мешает найти одну из множества бухточек, усеянных гранитным щебнем, очень удобную для купания в одиночку. А жить? На юге залива в бухте Бель-Омр Надю и Николая ждал деревянный домик в Le Petit Village. Домики здесь новые, словно только что сошедшие с картинки, находились на самом пляже, в тихом углу огромного залива.

Туда и приехали, выгрузили вещи, таксист, получив плату, пожелал хорошего отдыха, еще раз посмотрел на Надю и уехал.

— Какой славный домик! — не удержалась от восторженного возгласа Надюша. Хозяин домиков оказался радушным и гостеприимным, сам повел их к домику, выделил помощника донести вещи.

Домик из темного дерева был двухэтажным, на второй этаж выходил резной балкон с круглым столиком и стульями. Можно вечерами здесь сидеть и наслаждаться видом океана. Крыша домика была из зеленой черепицы, почти пологая. Весь первый этаж был застеклен, его окружала тоже деревянная резная ограда, которая крепилась в высоком фундаменте, украшенном мозаикой из мелкого серого камня. Домик утопал в зелени каких-то низкорослых деревьев, сбоку от него шумели пальмы. К газонам с экзотическими цветами вели ступеньки из того же серого камня.

Наде понравилась столовая и кухня, они были единым целым. Широкий стол с большой столешницей, высокие плетеные стулья возле маленького стола у окна, микроволновая печь, в углу — холодильник, возле него на стене — телевизор, все было залито солнцем, на столике и на холодильнике — вазы с цветами.

Спальня представляла собой небольшой зал, стены которого и потолочное перекрытие тоже были из дерева, в песочно-карамельном цвете. Большая кровать располагалась возле стены с вышитым в небесно-голубой рамке панно. Покрывало на кровати было точно в

такой же цветовой гамме. Возле миниатюрного столика находились два плетеных кресла, в стене шкаф, тут же рядом, дверь в душевую. Особого шика не ощущалось, но уют и продуманность каждой мелочи создавали чувство домашней обстановки.

— Может, все-таки надо было взять номер в отеле? — вслух подумал Фертовский.

— Нет, мне здесь нравится! — Надя побежала к мужу и поцеловала его в знак благодарности. — Я предпочитаю банальной гостиничной комнате домик, где ощущаешь, что находишься «у себя». Это же здорово, разве не так?

— Меня умиляет твое умение радоваться самым простым вещам, — Николай обнял ее и прижал к себе, — меня вообще многое в тебе умиляет, восхищает и... — он поднял глаза кверху, — возбуждает. Да, воздух Сейшел пропитан не только пряностями, но и негой и эротизмом.

— Николенька, мы ведь только приехали, — напомнила Надя, — мы устали с дороги, хотелось бы принять душ.

— Удачная идея, — подхватил он. — Идем принимать душ.

— Вдвоем?

— Конечно! Разве тебе нужен кто-то еще третий?

— Нет, но...

— Никаких «но»! Я и так насилу дождался того, чтобы иметь возможность остаться с тобой наедине, кругом люди, люди, а тут еще и таксист со своими высказываниями и невероятной тряской своей машины. Неужели он думает, что я не знаю, какое мне досталось сокровище?!

Он стал расстегивать молнию на ее платье, поцеловал одно плечо, затем другое, коснулся груди. Да, идея снять домик была самой удачной, именно здесь им гарантировано полное уединение.

Глава 5

Надя, как только ее голова коснулась подушки, необычайно быстро уснула. Такого с ней прежде не случалось, в чужом месте она всегда плохо засыпала, независимо от удобства кровати, мягкости перин, умиротворяющей тишины или убаюкивающей темноты. Здесь тишину нарушал голос волн, которые неустанно накатывали на берег

океана, их было слышно и в домике. В окна, через навес, пыталось пробиться ослепляющее солнце, да и кровать была жестковатой и даже тихонько поскрипывала, правда, не раздражающе. И Надежда уснула.

За это время Николай разобрал вещи, узнал адрес ближайшего кафе и заказал на ужин столик. Вернулся, жена еще спала. Удержаться от поцелуя оказалось весьма сложно. Она открыла глаза, потянулась.

— Тебе кто-нибудь говорил, что у тебя особенная улыбка? — спросила Надя, когда устроился на кровати рядом с ней.

— Особенная?

— Она быстрая, легкая, иногда даже обезоруживающая, жаль, улыбаешься ты редко.

Надежда была права. Такая улыбка, как у Николая, была сродни появлению солнца. Он любил уединение, погружение в себя, но когда его солнышко «выглядывало» из своего уединения, получалась такая восхитительная королевская улыбка. Однако солнышко пугливо и беззащитно, поэтому улыбка только для «своих». А ямочки на щеках? Это же чудо! Изысканное и завораживающее. Надя, наконец, поняла, что делает его таким неотразимым — сопереживающий взгляд. В своей чувственности он был благотворитель, а сама чувственность носила ореол таинственности. Более того, создавалось непреодолимое ощущение, что он способен понять женщину на очень высоком уровне, практически досконально. В этом был ключ осознания его магнетизма. Однако посторонним человеком Николай воспринимался иначе — сдержан, порой скован, педантичен, иногда чрезмерно щепетилен.

В любви? Вот здесь самое интересное. Такие, как Фертовский, если их сердце поймано, уступают, уходят в укрытие, чтобы подумать. Страсть им кажется болезнью души, которую разум должен излечить. Они анализируют чувства, стараясь свести их к минимуму с помощью разума, сомнений, прений, насмешки, будучи при этом привязанным сильнее, чем думают. Они — горящий лед, не изливают свои чувства и любовь, доказывая делами больше, чем словами. Они рассчитывают на отношения, где главный акцент делается на моральную честность, чистоту, глубокое целомудрие, привязанность, если они не могут иметь этого, то предпочитают одиночество. И ещё один важный момент: люди, подобные Николаю, осторожны и с большим трудом заводят новых друзей. Они не будут делать первый шаг, пока не почувствуют

себя абсолютно свободными в общении с новым человеком в их окружении. По некоторым моментам и обрывочным рассказам Надя успела понять, что во многом характер ее мужа сформировался не здесь, а в Лондоне, он там провел свои детские и юношеские годы.

Отец делал карьеру на дипломатическом поприще, матушка при этом никогда не работала, ни единого дня. Она всегда была «светской львицей», любила развлечения, праздник. Замуж вышла за сына друга родителей совсем молоденькой, неопытной по жизни, расценив это как веселое приключение. Кроме того, ей льстило внимание такого как Владимир Фертовский — образованный, с хорошими манерами, к тому внешне красивый, яркий. Он был подкупающе сдержан и серьезен, да еще его родители имели возможность ездить за границу. По тем временам это было великое благо. В общем, сыну светило такое же блистательное будущее, и это сыграло свою роль для заключения брачной сделки. В свою очередь Сонечка тоже понравилась Владимиру. Девочка была миленькой, даже очень, источала жизнерадостность, смотрела на Володю влюбленными глазами, все указывало на то, что она станет прекрасной женой. Но первые трудности начались, когда молодая жена, забеременев почти сразу после свадьбы, восприняла эту новость с ужасом. Более того, ее так мучил токсикоз, что из милой веселой курносой девушки она превратилась в постоянно раздраженную, усталую, болезненно исхудавшую женщину, которая к тому же не хотела иметь ребенка. Какой ребенок? Она еще сама дитя! И хочет получить от жизни все удовольствия. Муж стал уставать от ее нытья и перепадов настроения, он злился и старался меньше бывать дома.

Но, как известно, все проходит, и плохое тоже. Токсикоз закончился. Сонечка Фертовская почувствовала себя лучше и воспрянула духом. Родился замечательный здоровенький мальчик: русый пушок волос, поджатые пухленькие губки, и уже тогда он смотрел на мир серьезно. Софья заметно похорошела, красота набирала силу день ото дня, и она это знала. По взглядам мужчин, по комплиментам, да и зеркало было ее лучшим другом.

Сына назвали Колей, оба семейства были в восторге от факта появления ребенка. Но только факта. Сама молодая мамочка порадовалась, что избавилась от беременности, да и только. Такое странное равнодушие к ребенку со стороны женщины бывает редко,

однако бывает. И хотя мальчику уделялось достаточно внимания от няни, одна из его бабушек — вторая умерла раньше — любила Коленьку, но, овдовев, долго болела, на нервной почве заработала заболевание, из-за которого была вынуждена переехать жить в теплые края. Поэтому внука удавалось видеть нечасто. Но он чувствовал себя несчастным именно из-за равнодушия собственной матери. И, чем больше ему хотелось получить ее любовь, заслужить, тем сильнее он ее раздражал. Ее раздражало в нем все: начиная от темных, почти черных, недетских глаз, которые он не сводил с нее ни на секунду. Избавиться от этих, как ей казалось, укоряющих глаз было возможно, если только лишить мальчишку своего общества — что она и делала... Это ей помогало. Он становился похожим на своего папашу не только внешне, был замкнут, молчалив, он совсем не умел улыбаться. В этой его сдержанности угадывалось и врожденное, и привитое высокомерие семьи Фертовских, их надменная чопорность. Они, конечно, скрывали дворянское прошлое своих предков, тщательно вуалируя его активной партийной работой, связями, умением приспособливаться и хранить тайны. И все же в этом семействе при определенных обстоятельствах обнаруживались замашки отнюдь не пролетариев или представителей новых советских интеллигентов. Здесь тяготела наследственность, «голубая кровь», которая не разбавлялась никакими вливаниями.

Коленьке хорошо давались науки, он знал английский язык едва ли не с пеленок, много читал, уединяясь в своей комнате. Когда появлялся отец, то задавал ему различные вопросы, внимательно слушал ответы, скупно хвалил или сердито возмущался неточностями. Любил ли его Коленька? Он не знал, но отец, по крайней мере, проявлял к сыну интерес, в отличие от матери. Та была несбыточной мечтой, фантазией с шуршанием шелковых платьев, мимолетным запахом духов, напоминающих ландыши, и отчаяньем. Первое явное разочарование пришло к Коленьке в день его семилетия. Отец в этот раз почему-то решил устроить настоящий праздник, созвал много гостей. Все они улыбались хмурому мальчику, дарили дорогие подарки и тут же теряли интерес к имениннику. Детей было мало: два крошечных мальчика, которых еще интересовали соски, и девочка-подросток, которую совсем не интересовала малышня — виновник торжества пребывал в этой же категории.

— Какой у вас красивый мальчик! — одна из гостей, полная высокая дама, подошла к Коленьке и погладила его по густым русым кудрям. Вместе с ней подошла и мама. Он не любил, когда прикасаются к его волосам, и не привык к проявлению ласки, от посторонних — тем более. Ласка забылась, она была в другой жизни, в обрывочных воспоминаниях раннего детства, где-то там были теплые руки бабушек, одна из которых умерла рано, другую он почти не помнил, видел редко. Мама так хотела. А теперь нежность совсем посторонней тетеньки не вызвала в нем ничего, кроме желания убежать. Но он не мог, не решился, с ней была мама.

— Только грустный какой-то, — добавила тетенька.

— Просто он у нас серьезный, — криво улыбнулась мама, — такой маленький — большой мужчина. Да, золотко? — она вдруг обняла его — испуганного и онемевшего. На миг его накрыло волной тепла, запаха ландышей и прикосновения мягких складок одежды. Мама быстро обняла и так же быстро отпустила Коленьку. Именно тогда ему пришло в голову, что мама просто хотела показать тете, какая она хорошая и как любит его. Именно тогда он начал распознавать фальшь и лицемерие...

Зачем он все это сейчас вспомнил? К чему ворошить целый пласт воспоминаний, покрытых толстым слоем пыли, надежно, казалось бы, похороненных обид и разочарований, связанных, прежде всего, с женщинами в его жизни. Вернее, с одной женщиной. От нее почти ничего не осталось в его судьбе. Нет, осталось и гораздо больше, чем он думал. И мертвый груз воспоминаний всплыл на поверхность неслучайно: сейчас рядом находилась женщина, которая, первая после матери, сумела тронуть его сердце, заставила его биться иначе. Не потому ль так болезненно он реагировал на все, что происходило между ними? Он вернулся в прошлое, к тому Коленьке, и опять жаждал любви. Это была своего рода спираль, еще один шанс. И неважно, что сейчас он взрослый мужчина и может о себе позаботиться, защитить себя, а женщина рядом — вовсе не его мать. Суть в том, что одна из них, дав ему жизнь, лишила любви, а другая своей любовью способна возродить его к жизни.

Фертовский внимательно посмотрел на Надюшу: она, подсунув под щеку ладошки, устроилась у него на груди, закрыла глаза и опять задремала. Он погладил ее по спине, затем запустил руку в волосы,

жесткие густые — свидетельство ее непростого характера. Но Николаю нравилось и это. Ее прямолинейность избавляла его от необходимости сомневаться в ее чувствах, уличать в лицемерии. А способность проявлять эмоции? Он когда-то попал в такой фонтан негодования при ее отказе, но ведь ее эмоции бывали и позитивными? Они ошеломляли, заражали, она умела наслаждаться каждой мелочью и с удовольствием этим делилась.

Надя во сне почмокала губами, Николай продолжал гладить ее по волосам, затем кончиками пальцев прикоснулся к шее, почесал за ушком, как кошку. Реакция последовала незамедлительно — Надежда вздрогнула, открыла глаза.

— Нечестно, — она поджала губы, — я так хорошо устроилась и даже задремала. Ты можешь спокойно лежать?

— Нет, — он пожал плечами, улыбнулся одними глазами, — ты хочешь невозможного: лежать с тобой рядом и ничего не делать?

— Ну, ты мог бы тоже подремать, — предложила она, однако заинтересованно поглядела на его губы — нижняя более полная и чувственная. И хотя лицо по-прежнему оставалось бесстрастным, руки уже выдавали все его желания.

Глава 6

Надя сидела у самой кромки воды, которая, накатывая, омывала ее ноги и звала за собой, на гребнях собирались барашки, а потом весело разбегались на шелковом песке. Николай заплыл так далеко, что Надя видела его лишь темную голову, которая казалась едва ли не точкой.

Плыть с ним Надежда не решилась, как супруг не уговаривал, у нее сегодня немного кружилась голова, наверное, акклиматизация. Поэтому дальний заплыв — несколько рискованное занятие, хотя и любила воду, особенно морскую. Любила ее теплое прикосновение, солоноватый вкус, мелькающих рыбок и мягкий «гребешковый» песок под ногами. А когда был полный штиль, море источало такое безграничное спокойствие, такое умиротворение, что душа очищалась, осветляя мысли, и возникало ощущение бесконечной свободы. Его дарило море, а здесь было даже лучше — здесь был океан.

Надя перевернулась, легла на живот прямо в воде и ощутила, как волны стали шаловливо подталкивать ее, то и дело, плескаясь на

спине. Потихоньку перемещаясь к горизонту, солнце готовилось к закату, туда, где соединялись небо и океан. Воздух был особенно густым и мягким, легкий ветерок шелестел листьями пальм, одна из которых на длинном, похожем на толстый канат, стебле, устремилась к воде и нависла над ней, так и не добравшись. На вечернем небе растекались облака сиреневато-желтыми перьями. Пляж был почти пустым, вдали загорали двое мальчишек, но и они вскоре ушли.

— Привет! — услышала Надя и удивилась: как быстро муж доплыл обратно, к берегу. Еще несколько минут назад его даже не было видно, а тут уже родной сердцу голос над самым ухом. Она почувствовала прикосновение его крестика на цепочке на своем плече.

— Как там, на глубине океана? — Надюша повернула голову, посмотрела на мужа, улыбнулась: мокрые кольца его волос прилипли ко лбу, на коже блестели капельки воды, а глаза имели цвет темного янтаря.

— Все хорошо, тебе огромный привет от марлина, он сетовал, что не засвидетельствовал тебе свое почтение лично, — Фертовский хитро сощурил глаза и провел взглядом по фигуре Надежды.

— Ой, что-то мне подозрительны такие взгляды, — пробормотала она и на всякий случай отодвинулась, волна тут же обдала ее, захлестнув почти с головой. Николай засмеялся.

— Ах, так! — Надя вскочила и, недолго думая, окатила мужа брызгами очередной набежавшей волны. Он замер, вытаращив на супругу глаза, дождался еще пару атак с ее стороны, и, наконец, поток воды двинулся ей навстречу. Она завизжала, отскочила. Миллионы соленых искр, будто сказочный дождь, посыпались на Надю, она хохотала, отворачивалась, пыталась убежать, но «дождь» настигал ее с новой силой. Это было восхитительно, легко и радостно, словно на миг вернулось детство — невинное, неповторимое, беззаботное.

— Больше не могу, сдаюсь! — закричала Надя и в изнеможении плюхнулась на песок. — Ты победил, — сказала она, когда муж поцеловал ее и сел рядом.

— Я с тобой абсолютно счастлив, ты знаешь об этом? — сказал он и положил ей руку на плечо.

— Приятно догадываюсь. Давай, проводим сегодня закат? Это первый наш закат в раю. Смотри, солнце уже коснулось воды. А потом

оно все больше и больше станет уходить за край океана, и, в конце концов, утонет. Коленька, завтра утром ты спасешь из воды солнце?

— Попытаюсь, конечно, вот только придется для этого очень рано встать. А это небезопасно.

— Почему? — она так искренне удивилась, расширила глаза, что Николай не удержался и опять поцеловал ее. Ему вообще все время хотелось прикасаться к жене, ласкать ее, целовать, такого не было ни с одной женщиной, он не испытывал ни тяги, ни сильных эмоций и так привык к этому, что и не подозревал, что способен на иное. С Надей все по-другому.

— Так ты не в курсе, что происходит на Сейшелах ночью? — он притворно возмутился. — Как такое не знать?

— И что же происходит? — от нетерпения Надя заерзала.

— Я думал, что ты знаешь, — продолжал подтрунивать Николай, — это важно, очень важно.

— Ну, Коленька, не томи, говори! — Надежда дернула его за палец.

— Все не так просто, — он сосредоточенно смотрел вдаль и словно решал: сказать или нет? — Во-первых, надо взять с тебя клятву, что ты никому не скажешь об этой тайне.

— Клянусь! — поспешно выкрикнула Надя. — А Вике можно? — тут же спросила она, на всякий случай.

— Виктории ни в коем случае, — строго сказал Николай, — нет никаких гарантий, что своими знаниями она не захочет поделиться еще с кем-нибудь.

— Хорошо, я буду молчать, — торжественно произнесла Надюша, — хоть это и нелегко.

— Все-таки я должен подумать, — Николай лег на песок, положил руки под голову, закинул ногу на ногу, уставился на вечеряющее небо.

— Пока ты будешь думать, я с ума сойду от любопытства. Тебе нужна жена с помешанным рассудком? — Надя перекинула ногу и села супругу на живот.

— Да, твоя угроза носит серьезный характер, — согласился он, по-прежнему глядя в небо, — придется все-таки рассказать, — он сделал паузу, — но предупреждаю, что это небезопасно.

— Я не боюсь, — Надя поймала тянущуюся к ней руку супруга и стала от нетерпения закручивать на ней пальцы...

— Уверена?

— Ну, Коля, хватит насмешничать! — Надя надула губы. — Зачем ты это делаешь?

— Наденька, ты так живо реагируешь, что я не могу удержаться, чтобы не пошутить. Кроме того, ты понимаешь юмор, это одно из твоих многочисленных достоинств, — сказал он и улыбнулся. Она в ответ — тоже.

— Так что же там все-таки за тайна? Что происходит ночью на островах?

— Это связано с пальмами «Коко-де-мер».

Надя кивнула, готовая слушать.

— У этих плодов необычная форма, кокос отчетливо похож на... ягодицы, он считается символом Сейшел. Вспомни, наше знакомство с этим уникальным плодом произошло практически с первых минут пребывания на островах — на визе, которую нам поставили в аэропорту, изображен Коко-де-мер во всей своей красоте. Но его пальмы ни менее интересны. Они разнополые. Женская, украшенная этим самым кокосом, достигает 24 метров в высоту, а мужская, в кроне которой прячется похожее на фаллос соцветие, растет до 37 метров. По слова местных жителей, во взрослом Коко-де-мер содержится вещество, служащее основой для... виагры. А как только солнце садится за горизонт, пальмы занимаются любовью, и тот, кто увидит, как это происходит, с рассветом умрет. И это вполне понятно — остаться в живых после созерцания такой картины смог бы не каждый.

Надя думала об этой легенде всю дорогу, пока шли до домика, потом, когда пили чай, а Николай планировал на завтра маршрут путешествия. Перед тем, как лечь спать, она все-таки не удержалась и спросила про Коко-де-мер: неужели пальмы и правда могут заниматься любовью? Они разнополые, а кокос получается, действительно, необычным. В связи с этим легенда похожа на правду. Николай засмеялся и объяснил, что на самом деле все гораздо прозаичнее и нет никакого волшебства: пальмы растут напротив друг друга и опыляются посредством ветра. Вот и все.

Надя так и знала: сказка слишком хороша, чтобы быть правдой. Она вздохнула и пошла спать.

Ночью ей снились огромные пальмы, они вальсировали по берегу, игриво помахивали листьями, а потом сплетались стволами. Им

подмигивали звезды, и волновался ветер. Он что-то шептал, но Надежда не могла разобрать, пока не напрягла слух: «Нельзя! Нельзя смотреть, как пальмы занимаются любовью...» — сказал ветер.

Проснувшись она внезапно, дернулась. В первую секунду не поняла, где находится, когда сообразила — обнаружила, что лежит аккуратно поперек кровати, одеяло где-то сбоку. Супруга рядом не было, не было его и душевой, и на кухне.

Открыт балкон, Надежда накинула халат и вышла. Николай сидел в плетеном кресле, курил и хмуро смотрел вдаль, туда, где плескался ночной океан, а луна выкатилась на черный небосвод и кокетливо любовалась собственным отражением в воде.

— Ты огорчен? Это из-за звонка? — Надя вспомнила, что незадолго до того, как им лечь спать, звонил свекор и отчитывал сына — тот не доложил, что уехал из страны. Николай выслушал отца с ледяным спокойствием, скупно ответил на вопросы и положил трубку. Надя догадалась, что речь и о ней, а муж явно не желал обсуждать эту тему со своим отцом, тем более, в присутствии Надежды. Она, конечно, вышла из комнаты, но Николай все равно разговор закончил быстрее, чем хотелось отцу. Владимир Григорьевич Фертовский иногда забывал, что его сын — давным-давно не маленький мальчик и способен сам принимать решения, нести ответственность за свои поступки, да и вообще жить так, как он считает нужным. Диктат отца порой доходил до абсурда, это отмечали даже его коллеги, ну а студентов он третировал нещадно. Преподавал в Международном Институте иностранных языков, имел профессорское звание, писал научные статьи. И каждый раз с болью вспоминал свою неудавшуюся карьеру дипломата. Виновата в этом была его жена, вернее, бывшая жена. Милая девочка Соня...

— Я привык к тому, что отец так себя ведет, — помолчав, нехотя признался Николай.

— Ты так редко упоминаешь о своей матери. Ты о ней думаешь? Где она? — спросила Надя.

Он вздрогнул. Надюша словно мысли его читала. Нет, просто они становятся ближе друг к другу, поэтому и мысли могут совпадать. Так бывает.

— Как-нибудь потом поговорим об этом, хорошо? — Николаю не хотелось сейчас ворошить прошлое, хотя почему-то именно здесь, на

Сейшелах, воспоминания просыпались уже не в первый раз. Несомненно, что это связано и с присутствием в его жизни Нади. Любовь делала его не только счастливым, но и обнажала его душу, тревожила сердце, пробивала его неуязвимость, которая ему раньше помогала существовать.

— Потом так потом, — согласилась Надежда, погладила мужа по волосам. Так прикасаться умела только она — ласково, трепетно. Говорила, что очень любит его волосы — кудрявые, густые, послушные. Такими волосами обладала его мать, только более светлыми.

— Я еще покурю, а потом приду к тебе, хорошо? — мягко попросил Николай. Сейчас он должен побыть один, Надюша не заслуживает того, чтобы ее вот сразу, с головой, окунать в воспоминания, еще не время. Сначала надо самому разобраться в себе. Он столько лет старался ни о чем не вспоминать, не думать и уж тем более, не анализировать. Он просто жил и все, жил, учился, работал, женился, заимел ребенка, развелся, полностью посвятил себя работе — стал снимать фильмы, потому что тогда ему это казалось интересным и престижным, а теперь решил опять серьезно заняться фотографией. Да, именно фотографией. Ему всегда нравилось это занятие, с самого детства...

Николай погасил сигарету, поднялся с кресла. Интересно, Надя уснула или все еще ждет? Ему вдруг захотелось, чтобы она не спала, посмотрела на него своими изумрудными глазами, обняла и сказала, что любит его больше всех на свете.

— Ты не спишь? — он заметно обрадовался, лег рядом, Надя тут же устроилась у него на плече.

— Мне хотелось тебя дождаться и убедиться, что с тобой все в порядке. Ты какой-то тревожный, что тебя гложет? Это связано с настоящим или прошлым?

— Маленькая плутовка, — Николай тронул кончик ее носа, — так ты ненавязчиво выуживаешь информацию?

— Ненавязчиво я всего лишь хочу тебе помочь.

— Скажи, что ты меня любишь, а потом поцелуй так, чтобы я забыл обо всем на свете.

— Это поможет? — спросила она с сомнением.

— Еще как! Это единственное, что мне помогает, исцеляет, придает смысл, позволяет быть счастливым. Ты мой ангел, мое спасение.

— Я люблю тебя больше всего на свете! — сказала Надя и прильнула к его губам. — Уже лучше? — она на секунду перестала целовать мужа. Он кивнул. — Никогда не слышала о подобной терапии.

— Есть такая и она очень эффективна, но это только начало исцеления. Не останавливайся, пожалуйста, — он прижал ее к себе, — тут важна не только страсть, но и непрерывность. Продолжай, я уверен в положительном результате.

— А вот так? — покрасневшая Надя откинула одеяло и принялась покрывать поцелуями его грудь, плечи, живот...

Глава 7

— Все-таки хорошо, что завтрак можно заказать прямо в домик, — сказала Надя, наливая чай.

— Угу, — отозвался Николай, зацепившись взглядом за статью в газете, принесенной вместе с завтраком — некий вариант необременительных местных новостей на английском языке, где последний лист украшен цветными фотографиями и рекламой.

— И чай у них тут особенный, ванильный. Никогда раньше такого не пила. Тебе нравится?

— Да, — ответил Николай, все еще читая статью. Какой же он очаровательный, когда на чем-то сосредоточен!

— Неправда ли, этот чай сочетается с... — она сделала паузу, сдержала желание прыснуть от смеха, — горчицей и уксусом?

— Конечно, — машинально подтвердил Николай.

— И ты бы пил его каждый день? И еще перчиком присыпал бы?

— Думаю, да, — Фертовский через секунду поднял глаза на жену. Та хохотала от души, закрыв ладонями лицо. Он несколько мгновений соображал, что веселого она нашла в его словах. Что-то там про чай...

— Я могу быть очень сердитым, — сказал Николай, сдвинув брови, — и наказать насмешницу.

— Наказать? Интересно, как? — Надя допила свой чай, ополоснула чашку, коварная, прошла мимо и намеренно задела мужа

бедром, слегка, по-женски, едва коснулась, но он это почувствовал, так, что даже щеки вспыхнули под щетиной.

— Мы ведь сегодня собирались в Викторину? Экскурсия, между прочим, обещает быть интересной. Но кое-кто останется дома, — Николай едва сдержал улыбку, заметив реакцию жены. Она встала возле него, через секунду начала тихонько поглаживать его плечо, затем перешла к шее и подобралась к уху.

— Если я останусь дома, то тебе будет без меня скучно, — выдала шепотом.

— Придется мне с этим смириться, — также шепотом ответил Николай.

— Может, мы тему моего плохого поведения обсудим не здесь? Успешность деловых переговоров часто зависит от комфорта обстановки, удобства положения.

— Боюсь, что в данном случае потеряется объективность восприятия, и выиграют совсем другие чувства, нежели рассудок и логика. Нет, мне на этом стуле вести переговоры гораздо удобнее.

— В таком случае, я предпочту быть поближе к тебе, мы тогда быстрее пойдем друг друга и придем к полному согласию, — Надя облокотилась о стол так, что ее слегка прикрытая кофточкой грудь оказалась прямо перед глазами мужа. Были заметны кружева на белье, а крестик прятался в ложбинке.

— Кажется, ты применяешь запрещенный прием, — невозмутимо произнес Фертовский и все-таки посмотрел на вырез.

— Ничуть! Это просто тактика такая, — самым будничным тоном пояснила Надя. — Так что ты решил насчет экскурсии?

— А что ты говорила про комфортные условия переговоров?

Надя вышла из домика, сладко потянулась. Никогда она себя так хорошо не чувствовала, все в ней менялось: крепло желание видеть даже малейшие прелести этой жизни. Она, наконец, поняла, что такое быть любимой, она училась любить сама, забывая о своих страхах, боязни сделать что-то не так, ошибиться, она всегда была неуверенна в себе и поэтому боялась потерять то, что имела. Рядом с Николаем она стала мыслить иначе. И это были не только восторг и страсть медового месяца, это было ее ощущение мужчины, человека, судьбы, которая стала к ней благосклонна.

— Надюша, я подумал, что до Виктории все-таки далековато, ты устанешь, — в дверях появился Николай, — давай возьмем напрокат велосипеды?

— Велосипеды? — удивилась Надя. — Идея заманчивая, но учти, я садилась на велосипед в последний раз лет пятнадцать назад. Именно и тогда я свалилась с него, летела с горки у тети в деревне. В последний момент у велосипеда еще и тормоза отказали. Грохнулась прямо возле торфяного болотца, тормозила всем, чем могла. Разбила колени и локти. Собралась толпа, вытащили и велосипед, и меня, а тетке в панике сообщили: девка твоя разбилась и в болоте тонет.

— Но теперь ведь рядом буду я, — улыбнулся Николай.

— Хочу, чтобы ты всегда был рядом.

— Обещаю.

— Тогда мне ничего не страшно. Где прокат? Я готова быть и велосипедным туристом. У меня даже наряд подходящий, — она осмотрела свои бриджи, легкие парусиновые тапочки, поправила лямки на топике, и только сейчас заметила наряд супруга. — Какой ты милый в шортах! — смутила его этим возгласом.

— Ну да, если учесть, что мои ноги похожи на ершики для чистки труб, — пробурчал он и полез в барсетку за темными очками.

— Между прочим, хорошие ершики — незаменимое средство в хозяйстве.

— Между прочим, в прокате может и не быть двух подходящих велосипедов, многие ими пользуются, поэтому кто-то все же останется дома, — стараясь сохранить в голосе строгость, сказал Николай. Он нацепил на нос очки и теперь смотрел на жену через них.

— Молчу, характер мягкий, — обворожительно улыбнулась Надя. — Ты ведь подстрахуешь меня, когда я сяду на велосипед?

Оказалось, она вовсе и не забыла, как управлять этим замечательным транспортным средством. Кроме того, велосипед подобрали удобный и небольшой, не то, что у тетки был — старый, ржавый, без тормозов, седло расположено высоко. Здесь же все соответствовало нормам, Надя оттолкнулась и поехала. Муж несколько секунд наблюдал за ней, потом сел на свой — большой спортивный велосипед, обогнал Надю и поехал впереди.

Сначала дорога была гладкой и почти прямой, потом стали появляться пригорки и резкие повороты. Мимо проезжали машины, легко обгоняя велосипедистов. Из одного автомобиля две девочки радостно помахали Наде, а в другом мальчишка показал язык, в ответ получил то же самое. Велосипед резво мчался по дороге, блестел на солнце руль, а колеса шумно трещали от пластмассовых вертушек, закрепленных между спицами. Николай остановил свой велосипед на вершине довольно крутой горы, обернулся, Надя подъехала чуть погодя.

— Здесь, пожалуйста, будь аккуратнее! — Николай поднял очки на лоб и быстрым взглядом окинул велосипед жены, — когда поедешь, держи ноги все время на тормозе, сдерживай машину.

— Зачем? По-моему, я неплохо справляюсь, — хвастливо заявила Надежда. — А с горки слететь — настоящее удовольствие!

— Вот именно — слететь! — подчеркнул Николай, — осторожность не помешает. Придерживай машину тормозом, съезжай не торопясь.

— Но это же неинтересно!

— Зато безопасно. Ты хочешь получить травмы? В «медовый месяц»? — резонно заметил Фертовский.

— Нет, не хочу! — испуганно отозвалась она.

— Тогда слушай, что тебе говорят, — строго сказал Николай.

— Ты беспокоишься обо мне? Как это здорово! — она дернулась, чуть не выпустила велосипед из рук, схватила его в последний момент. Николай покачал головой. Вот девчонка! Неловкая, неуклюжая, нелогичная, но такая милая и трогательная в своей нелепости, она нуждается в его любви и заботе. — Николенька, мой дорогой! — в порыве чувств крикнула она, сделала рывок и полетела с горы. Ветер засвистел в ушах, она ощутила себя птицей, свободной в своем полете. Скорость была просто невероятной, велосипед рассекал воздух так, словно собрался взмыть в небо, к облакам.

— Ну, что скажешь? — Надя дала по тормозам, остановила велосипед и победоносно улыбнулась.

— Неоправданное лихачество, — сердито сказал Николай. — У тебя есть еще какие-либо качества, о которых я раньше не подозревал?

Надя подбежала к нему и быстро поцеловала в губы.

— Ты в этих очках, Николенька, смотришься, как бы сказать, стильно и соблазнительно, да и шорты подходят к этому образу. Мне очень нравится.

Он покачал головой: ну что с ней делать? Насмешница, да еще, оказывается, лихачить любит. Сюрприз один за другим. А он еще и сравнивал ее с первой женой. Да, Марго, конечно, не уступала в начитанности и уме, да и с юмором у нее все в порядке. Но и только. В ней нет и никогда не было той живости и огня, тех эмоций и пылкости, которыми обладает Надя. А главное, что Фертовский уже в такой степени прочувствовал эту подзарядку на себе, что не мог допустить и мысли лишиться ее. Он вдруг поймал себя на том, что не помнит лица своей первой жены. Не помнит и все. Что-то расплывчатое, размытое. Маргарита...

Они встретились на дне рождения одной общей знакомой. Марго там оказалась случайно, привела подруга, с которой они учились вместе. Рита тогда жила в общежитии. А здесь подобралось общество сплошь из столичных мальчиков, на которых провинциальные девушки смотрели как на богов. Однако никто и не подумал в той ситуации, что они сойдутся — Коля и Рита, слишком разные. И тем ни менее, именно на нее он обратил внимание, может, потому что она, единственная из всех девиц не старалась казаться лучше, чем есть на самом деле. Сидела в кресле, танцевать не рвалась, громко не смеялась, в то же время не выглядела зажатой и смущенной. Она просто наблюдала за происходящим. Как и Николай. Они встретились глазами и ... ничего не произошло. Отвели взгляды одновременно и так несколько раз. Через некоторое время Николай заметил, что кресло, в котором сидела девушка, опустело. Она исчезла так внезапно и бесшумно, что ему почему-то стало жаль. Николай вышел в большой коридор и увидел эту девушку, кажется, ее звали Маргаритой. Она собиралась уходить. Неожиданно для себя Николай вызвался ее проводить. Всю дорогу они разговаривали, как два человека, которые знали друг друга очень давно. Тем, интересных обоим, было много. К тому же оказалось, что Рита читала в подлиннике Фолкнера, Уальда и Коварда, вот тебе девочка из провинции! У нее было отменное чувство юмора и удивительная выдержка во всем, а еще врожденное достоинство. Николай увлекся. Они встречались так часто, что Рите завидовали все

подруги: она отхватила не просто столичного красавчика — у него была своя большая квартира, оставленная в наследство дедом. И неважно, что отец был против, Маргарита все равно опутала сыночка так ловко и быстро, что папенька и глазом моргнуть не успел. Но что самому Коле пришлось выслушать от отца, когда тот узнал о его девушке, нет, даже еще не невесте, и, тем более, не жене?! Отец случайно увидел их на улице. Они шли, взявшись за руки, о чем-то увлеченно разговаривали и не замечали никого вокруг.

В один из вечеров, во время ужина Николай сказал отцу, что хочет сделать ремонт в квартире деда и переехать туда. Отец со звоном, не сулящим ничего хорошего, швырнул вилку и нож, чем напугал домработницу.

— Ты собираешься там жить один? — выдавил из себя побагровевший Фертовский-старший.

— Нет, — ответил Николай, понимая, что все-таки придется ставить отца в известность. Все эти месяцы, что он встречался с Ритой, инстинктивно старался уберечь ее от своей семьи, особенно, от собственного отца. Конечно, Николай отдавал себе отчет в том, что рано или поздно отец узнает об их отношениях. Проблема не в этом, а в его реакции. Отец никогда не одобрил бы выбор сына, можно не сомневаться. Николенька всегда подчинялся ему, но, видимо, пришло время самому решать, что и как он должен делать.

Фертовский-старший сорвал салфетку с груди и уставился на сына взглядом-рентгеном. Он всегда так делал — действовало беспроборно. Николай знал об этом.

— Я собираюсь там жить с девушкой, — выдал он, подумал пару секунд и добавил, — у меня серьезные намерения.

Это был ход конем. Отец стал похож на рыбу, которую вытащили из воды, без привычной среды обитания она потеряла ориентацию, уверенность и стала беспомощной и жалкой.

— Серьезные намерения? — прохрипела «рыба». — С этой деревенской девкой?

Николай понял, что отец все знает. И давно ли? Почему он тогда до сих пор не вмешивался?

— Что ты не сказал, я все равно сделаю так, как решил, — Фертовский-младший едва сдерживал улыбку. Его впервые веселила растерянность отца, такого всегда уверенного в себе, всезнающего,

безупречного во всем, что он говорит и делает. Поведение сына так разозлило Фертовского-старшего, что разговор грозил перерасти в скандал. Николай впервые поступал наперекор отцу, это был первый и не последний, как показала жизнь, вызов. Ни один из доводов, сказанных в тот вечер, ни последующие их разговоры не убедили Николая изменить свое решение жениться на Рите. Отец расценивал этот поступок не как пылкую любовь сына, а как бунтарство, упорное нежелание поступить по воле родителя.

— Какая там любовь?! — возмущался Фертовский-старший, призывая на помощь свою сестру, но и она, пожимая плечами, говорила, что проще всего оставить мальчика в покое. Пусть делает, как считает нужным. Она еще не забыла, как пятнадцать лет назад ее саму старший брат отговаривал от брака, приводя те же аргументы: подумаешь, инженер из Ленинграда?

Николай и Рита подали заявление и поженились.

Глава 8

Велосипеды оставили на стоянке и решили гулять по городу пешком. Надя, держась за руку мужа, с неподдельным интересом и с особым удовольствием слушала, как он рассказывает. Похоже, что, побывав здесь с друзьями, он не только лежал на пляже и плавал в океане. Николай был активным и весьма любознательным туристом, который жаждал познать новое там, куда приезжал. В нем жила страсть к путешествиям. Надя это почувствовала, когда муж упомянул о своих поездках в Штаты, бывал он и в Европе, а Лондон знал как родной город. Кроме того, он на удивление хорошо переносил любой вид транспорта, а о самолетах говорил, что это замечательная возможность всего через несколько часов оказаться в другой стране, в другой культуре, путешествия расширяют границы восприятия.

Оказывается, в том, что выходишь замуж за человека, которого мало знаешь, помимо риска, есть еще и возможность его узнавать, при этом открывая для себя наличие качеств, о которых ты и не подозревала. И невероятно здорово — влюбляться в собственного мужа все больше и больше! А он шел рядом, то и дело поправлял рюкзак за плечом, рассказывал и поглядывал на Надежду из-под темных очков.

На улицах Виктории царило оживление. Николай и Надя прошли районы Бель-Эр, Се-Луи, миновали Президентский дворец, оказались на проспекте Революции. Здесь, на пересечении улицы Альберта и самого проспекта находились два светофора — еще одно свидетельство цивилизации. Светофоры — первые и единственные на всем архипелаге. Самое забавное, что час пик на этом перекрестке буквально и являлся часом — с 16.00 до 17.00 — здесь все забито машинами. В другое время все спокойно. Исключая, однако, последнюю субботу каждого месяца, когда люди со всего острова Маэ съезжаются в Викторину, чтобы растратить полученную зарплату. И у Нади была возможность в этом убедиться.

Пожалуй, сегодняшний субботний базар являлся самым крупным аттракционом. У входа опять стояла продавщица лотерейных билетов, за оградой царило радостное возбуждение. Слева от входа располагался огромный прилавок, заваленный только что выловленной в океане рыбой. И если крупные тунцы и марлины уже разрезаны на куски, то морские петухи и рыбы-попугаи ожидали покупателей, перевязанные прочной тесемкой, чтобы их было удобнее нести; рядом лежали губаны, луна-рыба и еще много-много экзотических представителей морской фауны.

С интересом рассматривая их, спрашивая название и прицениваясь, Надя так увлеклась, что готова была начать покупать все, что ей предлагали. Однако вовремя остановилась, хотя возле тунца стояла долго.

— Я бы хотела приготовить рыбу исключительно для тебя, — Надя ласково посмотрела на мужа. Он терпеливо ходил с ней по рядам, не торопил, не ворчал, а когда жена торговалась — улыбался. Она была такая возбужденная, румянец во всю щеку, глаза горели. Креолы-торговцы охотно ей уступали, цокали языками и смотрели с нескрываемым восхищением. Похоже, Надюша понравилась не только таксисту. Ее популярность росла буквально у Николая на глазах. Пышнотелая белая молодая женщина, смешливая, общительная и доброжелательная. В какой-то момент он даже почувствовал укол ревности, это чувство было новым. Но, словно догадываясь о мыслях мужа, Надя взяла его за руку и повела дальше, к центру рынка.

Здесь, под развесистым манговым деревом, служащим для защиты то от солнца, то от дождя, на деревянных столах, покрытых вошеной

тканью, продавали фрукты и овощи. За прилавками стояли женщины, в основном, темнокожие креолки в цветастых платьях и сарафанах, на деревянных ящиках располагались огромные плетеные корзины.

— Николенька, смотри, сколько бананов! — воскликнула Надя, завидев разложенные на лотке гроздьи, по размеру и форме кардинально различающиеся друг от друга. Ими торговала пожилая полная креолка. Она затараторила по-креольски, Фертовский покачал головой и остановил поток цветистой и колоритной речи всего лишь одним вопросом. Торговка обнажила в улыбке молочные зубы и перешла на английский. Она охотно рассказала, что на Сейшелах существуют по крайней мере пятнадцать разновидностей бананов, даже с удовольствием перечислила некоторые из них — месье, миля, миньон, габу, сен-так, фиговый, таитянский, салегга, варвар. Потом она выдвинула корзину с саблевидными плодами манго и также бойко начала говорить и о них. Белый фисетт, периз, д'офине, додо, нинон — а какое из них вкусное пюре, приправленное растительным маслом, солью и стручковым перцем! А щербет из манго с обожженным бананом? Это же чудо!

В разговор вступила вторая торговка, помоложе, но не менее словоохотливая и бойкая, она показала ананасы совершенно гигантского размера, невиданных размеров плоды папайи. У следующей продавщицы в огромных плетеных корзинах лежали таких красивых очертаний тыквы, что закрадывалось сомнение — настоящие ли они? Надя не переставала удивляться богатству фруктового ассортимента: кокосовые орехи, плоды цитры, авокадо, дыни, хлебного дерева, жамалаки, карамболи, коросоли, сахарный тростник. Просто фруктовый рай, некоторые названия даже и не выговоришь. Как жаль, что всего нельзя купить! Глаза так и разбегаются. Купить не получится, но попробовать можно.

Наконец закончились фруктовые ряды, за ним оказалось несколько витрин с пряностями. Запахи: стручки ванили, коричные палочки, разные виды чая, гвоздика, перечное дерево. Здесь же торговали пузырьками с ванильным экстрактом, бутылочками с целебной вытяжкой из перечной мякоти и множеством натуральных настоек, вроде мазарово. Далее расположились торговцы почтовыми открытками, брелоками для ключей в виде кокосового ореха или стручков.

— А это что за здание? — Надежда указала на помещение, находящееся в самой глубине рынка.

— Ряды мясников-колбасников, — пояснил Николай, — говядина и свинина на островах очень дорогая, их покупают лишь для воскресных обедов. Хочешь зайти?

— Нет, — она покачала головой, взяла мужа за руку, — лучше пройдем вперед.

Они направились к маленькому бассейну с фонтанчиком. Несколько белоснежных элегантных цаплей, как часовые, замерли на своих длинных ногах на бортике бассейна. В следующий момент одна из них встрепенулась, взмахнула крыльями и перелетела в другое место.

— Устала? — спросил Николай, слегка прикоснувшись к волосам жены. Она какое-то время наблюдала за птицами, потом отвернулась, достала платок, вытерла испарину на лбу. Лицо ее покраснелось, вероятно, от непривычной жары, на рынке солнце ощутимо палило. А если учесть, что совсем недавно они уехали из глубокой московской осени, где уже несколько раз шел мокрый снег, то контраст очевиден, и акклиматизация проходит сложнее.

— Немножко, — призналась Надя, — давай выйдем на улицу? — она посмотрела на Николая. Просто не верилось: рядом мужчина, о котором она и мечтать не смела. Девичьи фантазии, сладкие грезы? Сказки о принцах? Она давно перестала верить в это. Есть реальные люди со своими достоинствами и недостатками. Их можно принимать или нет, просто закрывая дверь, уходя и не оборачиваясь. Но судьба-насмешница иногда дает второй шанс, повторный виток жизненной спирали, и тут главное — увидеть, понять, осознать. Странное ощущение — познавая Фертовского, она познавала себя.

Глава 9

Вышли за ограду рынка, оказались на Маркет-стрит — главной артерии города, о чем свидетельствовала 50-метровая пешеходная зона и три пальмы, окруженные кольцом скамеек, на одной из них и решили отдохнуть. Надя выпила купленный мужем прохладительный напиток, сняла обувь и, поджав ноги, уселась на скамье. Николай, молча, наблюдал за женой. Еще ни за одной женщиной ему не нравилось так наблюдать, хотя на его веку — фотографа и оператора — было

предостаточно возможностей видеть женщину со всех ее сторон. Но Надя была ни на кого не похожей, и он получал особое удовольствие, когда на нее смотрел. Ему нравился ее каждый жест, движение, поворот головы, выражение чувств и эмоций. Он восторженно удивлялся: что же такого она сделала, что он так влюбился? Влюбился по-настоящему, практически потерял голову и обрел крылья. Эта романтическая чепуха его впервые радовала и умиляла. И еще, он чувствовал настоящую страсть, невероятное сексуальное желание.

— Все, я отдохнула, — сказала Надя, опустила ноги, стала обуваться, — если ты готов, продолжим прогулку? Почему ты так на меня смотришь?

— Как? — он сдержал улыбку. Сидел, расслабленно вытянув длинные ноги, очки были подняты на затылок, рубашка расстегнута на пару пуговиц больше, чем утром.

— Как? — Надя задумалась, подбирая слова, — загадочно, необычно, не знаю, как! — она пожала плечами. — Ты о чем-то там думаешь?

Он кивнул, поджал губы, стараясь не улыбаться. Жена была смущена и заинтригована.

— Ты что-то подумал обо мне? Скажи, пожалуйста!

Николай отрицательно помотал головой, надел очки, потянулся за рюкзаком. Надя попыталась перехватить его руку, но промахнулась и чуть не кувырнулась через скамью. В следующую секунду оказалась на коленях мужа. Сквозь дымчатые стекла очков на нее близко смотрели его насмешливые глаза цвета гречишного меда.

— Ребенок! За тобой, оказывается, еще нужен присмотр, — сказали его губы, на подбородке небольшой кустик плохо выбритой кожи, заметный только на близком расстоянии.

— Да, — быстро согласилась Надя, — поэтому, — она задумалась, — поцелуй меня, — выдала требовательно, словно желала получить компенсацию.

— Мы в общественном месте, — мягко напомнил он.

— Мы — молодожены, — возразила она.

— На нас все смотрят.

— Мы в тени и за большой пальмой.

— Я не целуюсь на улице.

— А я целуюсь там, где мне хочется. И даже под лестницей, в пыли, между старыми ящиками. Главное, не где, а с кем.

— Неужели? — совершенно искренне удивился он. — И позволь узнать, с кем же ты целовалась под лестницей, в пыли, да еще между старыми ящиками?

— О таких вещих обычно не распространяются.

— Но я-то могу знать? У меня есть все-таки некоторые привилегии.

— И какие же?

— А вот какие! — он прижал ее к себе и поцеловал. — И что ты скажешь на это? — он оторвался от ее губ.

— Целоваться в общественном месте неприлично, — перевела дыхание она.

— Мы в тени и за большой пальмой, — ответил Николай.

— Я никогда не целуюсь на улице, — Надя передразнила его и в смешной гримасе наморщила нос.

— А я целуюсь и еще как! — он опять впился в ее губы.

— М-м-м-м, кажется, на нас смотрят, — Надя, нацеловавшись, спрыгнула с коленей мужа. Недалеко от их скамьи стояла худенькая сгорбленная старушка и внимательно смотрела, как они целовались. Надежда смущенно хихикнула, поправила волосы, кофточку и, проходя мимо, извинилась по-английски. Креолка неожиданно улыбнулась тонкими бескровными губами, и, прижав к себе сплетенную из листьев вакоа сумочку, поковыляла к рынку.

— Как мило! Нас не осудили, — сделала вывод Надя.

— Знаешь ли, в определенном возрасте иногда приходит мудрость, — заметил Николай, — кроме того, подозреваю, что этой пожилой леди вспомнились самые романтические моменты ее жизни. Кстати о мудрости, давай зайдем в один универмаг?

— Универмаг? — удивилась Надя. В последнее время это понятие как-то выпало из жизни. Скорее, супермаркет, торговый центр или просто магазинчик, но не универмаг, тем более, муж почему-то связал его с мудростью.

— Конечно, универмаг «Дживан». Там продают множество товаров, но, прежде всего, люди приходили туда познакомиться с самим хозяином. Уникальный был человек — Кантилал Дживан Шах.

Его семья сто лет назад приехала на Маэ из Бомбея. Этот человек, помимо того, что являлся коммерсантом, историком, художником, натуралистом, активистом-экологом, просто кладезь премудрости. Мудрец Индийского океана. К нему приходили познакомиться и выдающиеся люди и просто туристы. Он еще был и хиромантом. Зайдем в его магазин?

— Конечно! — глаза Нади загорелись.

Универмаг «Дживан» оказался в самом конце улицы. Николай толкнул дверь. У Надежды от удивления перехватило дыхание: в магазинчике, кроме множества ярких рулонов тканей, где всюду сустились женщины, не зная, какому цвету отдать предпочтение, в глубине помещения находилась огромная коллекция сейшельских раковин, а на полках среди книг были и книги на русском языке.

Народу в магазине было очень много. Посетители, увлеченные разглядыванием раковин, долго стояли возле витрин, переговаривались на разных языках. Николай обнаружил альбом и с интересом принялся разглядывать в нем фотографии подводных съемок. Надя остановила свой взгляд на одной из самых больших раковин. Она так увлеклась разглядыванием этого шедевра природы, что не заметила, как подошел муж.

— Жаль, что хозяин магазина не дожил до нашей поездки, — сказал Фертовский, вздохнул, — я бы хотел поблагодарить его еще раз. Когда я здесь был раньше, имел удовольствие познакомиться с мудрецом лично. Он тогда произнес несколько загадочных фраз, смысл которых я понял только теперь.

— Это касалось твоей личной жизни?

— Практически, да. В тот момент я, конечно, не осознавал, более того, не верил ему. Гадание по руке, пристальный взгляд черных глаз, словно гипноз, необъяснимое ощущение нереальности происходящего, этот магазин — будто маленькая Индия посреди Сейшел, которая, кроме своего колорита и самобытности, принесла с собой свою магию. Я по натуре прагматик, я подвергаю очень многое сомнениям и даже осмеянию. Но после разговора с Кантилалом я хоть и мало понял из его пророчеств, но ушел каким-то просветленным, обрел легкость, ощутил равновесие внутри себя. А еще... желание жить. Жить для чего-то или кого-то. Наверное, я должен был ждать именно тебя.

— А я — тебя, — она улыбнулась, — кажется, мне не стоит сожалеть, что я не удостоилась услышать предсказания индийского мудреца, ведь я вознаграждена и мне не надо большего. А если в будущем нас ждут какие-то испытания, то я предпочитаю о них не знать. Пусть все идет своим чередом.

— Мудрая моя! — Николай взял жену за руку. — Что тебе купить на память об этом магазине?

— Отрез этой замечательной ткани, смотри, какие переливы и всевозможные оттенки зеленого! А тебе, давай, купим ту самую книгу с фотографиями, что ты так долго крутил в руках?

— Она довольно дорогая, — заметил Фертовский.

— Кроме общих денег у меня есть кое-что, отложенное именно для таких неожиданных подарков. Я хочу купить эту книгу для тебя.

— Я люблю тебя, — прошептал он одними губами.

— Я — тоже! — она подмигнула и отправилась платить за книгу.

После еще одной прогулки по центру столицы островов Надя и Николай вернулись на Маркет-стрит. Магазины сувениров, лавочки, но самым замечательным здесь была художественная галерея местного живописца и дизайнера Жоржа Камиля — офорты, акварели, батик. Николай заметно оживился, особенно при виде акварелей. Надя и не подозревала, что ее муж так любит живопись. Хотя фотограф чем-то близок к художнику. Она как-то раз сама назвала Фертовского художником, мастером света и тени, но сказала это, скорее, ради усиления эффекта своих слов, попытки донести свою мысль более выразительно. Однако попала в точку — муж обожал живопись.

Оказывается, он еще в прошлую свою поездку посещал все художественные галереи Виктории, так много знал о местных художниках и их стилях, что Надя была поражена в очередной раз. Здесь ей открывалась еще одна его сторона. А муж тем временем охотно и не без удовольствия посвящал ее в детали живописи Сейшел.

Среди мастеров, занимавших на островах прочные позиции, Николай упомянул Майкла Адамса — сына британского плантатора из Малайзии. Он просто мэтр сейшельской живописи. Его пламенеющие полотна привлекают многих зарубежных художников. Они полны игры красок и форм, показывают острова во всем их блеске и порой

написаны в фантазмагорической манере. Глядя на них, думаешь о том, какое же счастье жить в этом раю! Адамс создал школу и имеет вполне успешных учеников, многие из которых отошли от фигуративного стиля мэтра. Так Марк Люк, выбравший импрессионизм, использует крупные, широкие мазки, создающие впечатление движения и жизни. Леон Радегонд пишет коллажи. Серж Руйон носит звание фовиста² за его агрессивность. Краски сверкают на его полотнах, взгляд художника обращен в большей степени вглубь островов, нежели к берегам. Руйон также и талантливый портретист.

Николай с особым удовольствием вспомнил о своей поездке на остров Праслен, где в галерее «Кафе искусств» видел акварель Кристины Гартер. Бывшая учительница рисования в колледже, она предпочитает показывать сцены повседневной жизни: играющих на улице детей, старушку в соломенной шляпке, сидящую на ступеньках крыльца своего дома, беседующих на рынке рабочих. В акварелях Гартер преобладают смягченные зеленые и голубые тона, которые просто дышат красотой и покоем.

— К сожалению, — закончил рассказ Николай, — большая часть сейшельских художников не живет своим искусством, они совершенно не умеют продавать свои полотна. А то, что представлено в обеих галереях, лишь немного из огромного количества картин сейшельской живописи.

— Откуда ты столько знаешь о художниках, живописи? — не удержалась от вопроса Надя. У мужа прямо глаза горели от восторга. Они вышли из галереи, а он все еще рассуждал о картинах.

— Ну, мне это нравится, — неопределенно отозвался Николай.

— И только? — засомневалась она.

— Здесь, напротив церкви Святого Павла есть чудесный магазинчик сладостей, — ушел от ответа Фертовский, — это просто грех чревоугодия. Зайдем? Там свежее домашнее печенье, итальянское мороженое, клубничное и ванильное, местные чипсы, банан и маниока, как раз сегодня большие сладкие пироги «китч», они считаются праздничными.

— Ой, как заманчиво! — обрадовалась Надя. — Правда, мне все это противопоказано. Я сама как пирожок.

— Мой любимый пирожок, — он обнял ее за талию. — Так мы идем туда?

Ну, конечно, войдя в магазин, Надя забыла о своих обещаниях, клятвенно данных себе, не злоупотреблять сладким.

Глава 10

Надя проснулась среди ночи. Окно спальни было открыто настежь, лунный свет лился на полупрозрачные шторы, которые, руководимые ветром, вальсировали. Ночь-то какая! На небе, черном, как вороново крыло, меж мерцающих звезд был виден Млечный путь. То и дело слышался приносимый ветром рокот волн. Океан этой ночью бодрствовал как никогда. Волны ударились о берег, с шипением увлажняли белый песок, откатывали назад, притихшие и смиренные.

Шумели и деревья на ветру, где-то вдруг запела птица, да так искусно, что Надя стояла, боясь пошевелиться — не спугнуть бы. Птица своим тоненьким голоском прямо мелодию выводила, в котором по всем законам музыки был ритм, припев. Интересно, о чем поют птицы? О приходе весны, о тепле? Ну, это в странах, где зима. А здесь, на островах, где не бывает зимнего холода? Они поют о любви!

Наде захотелось увидеть эту чудесную птицу, трели раздавались совсем близко. Накинув на рубашку шелковый халат, Надежда вышла из дома, прислушалась: пение птицы раздавалось со стороны тропинки, ведущей вглубь сада. Она была узкой, петляла между густым и высоким кустарником. В некоторых местах Наде пришлось даже раздвигать ветви руками. Пение птицы становилось все громче. Где-то здесь... Певунья должна быть очень красивая.

Надя раздвинула еще несколько веток и вышла на поляну. Птица так неожиданно замолчала, что Надежда озадачилась: либо она ошиблась и пошла не туда, либо ночная птица просто улетела? Как обидно! Словно упустила что-то важное. Шла, уверенная, что все делает правильно, оказалось — опять неверный ход. Надя развернулась и хотела идти к дому, но что-то зашуршало за ее спиной, да так громко, что она поспешно обернулась. Такого не видела никогда: огромное количество бабочек, целое облако, были необычного изумрудно-зеленого цвета, а кончики изящных крыльев словно обшиты черным ажуром, на котором искрились точки-бусинки. От бабочек исходило желтое сиянье, переходящее в голубые разводы, которые пересекались паутиной переплетенных между собой зеленых

нитей. Затаив дыхание, Надя наблюдала за бабочками, они кружились в веселом хороводе, словно крошечные фонарики. Потом вдруг собрались в один светящийся шар, который поплыл по поляне. Не раздумывая, Надежда поспешила за шаром, который с каждой секундой двигался все быстрее, пока не достиг края поляны. Словно в сказке раздвинулись ветви больших деревьев, и Надя с изумлением обнаружила беседку, которая была сплошь увита трепетно тянущимися друг к другу тонкими лианами. Они любовно сплетались в немыслимые узоры, украшенные мелкими цветами.

Шар опять распался на сотни бабочек, которые шумно опустились на крышу беседки, покрыв ее живым ковром своих крыльев и усиков. Надя от восторга ахнула и вошла в беседку.

Внутри на ее стенах горели крошечные светильники, излучая мягкий розовый цвет. В центре беседки находился круглый столик на резной ножке, на нем — подсвечник, свечи, глиняный кувшин, чернильница с пером и клетка с птицей.

«Неужели та самая певунья?» — подумала Надя и обрадовалась. Правда, сейчас птица молчала. Надя, стараясь двигаться бесшумно, подошла ближе. Птица, наклонив набок головку цвета оранж, смотрела на Надежду глазами, которые были словно обведены коричневым карандашом. Оранжевая грудка птицы постепенно меняла цвет к желтому. Крылья имели цвет молочного шоколада, в котором определенным рисунком проглядывали красные перья, более мелкие. Птица смело смотрела на Надю и по-прежнему молчала. Появились сомнения: та ли это птица? А может, в клетке она не поет? Недолго думая, Надя открыла дверцу клетки, предоставив птице свободу выбора. Пернатая, перебирая розовыми лапками с острыми коготками, стала двигаться по жерди, приблизилась к открытой дверце и выскочила на волю. Взмахнула крыльями и, вместо того, чтобы улететь, исчезнуть из виду, закружила по беседке. Тоненькое «фью-ить» раздавалось у Нади над головой всякий раз, когда птица пролетала именно над ней. Надежда взяла со столика кувшин и рассмотрела его — ничего особенного, просто глиняный сосуд, на горлышке орнамент в виде цветов, самых незамысловатых. Чернильница с пером — она явно старинная, отделка изящная, наверное, из какого-то особого камня, на шлифовальных плоскостях, словно тропинки в лесу, заметны витиеватые белые прожилки.

Чернильница полная, да и на кончике пера видны следы, словно писали совсем недавно. Но на чем? Ни бумаги, ничего подходящего для письма не видно.

Птица перестала кружить и добровольно вернулась в клетку.

— Что же ты? — удивилась Надя. — Вот глупышка! Нет ничего дороже свободы.

— Сердце тоже иногда предпочитает плен свободе, — раздался голос, Надежда вздрогнула, резко обернулась. В беседку снаружи через вход повалили белые клубы. В облаке дыма показалась фигура. От страха Надя стала пятиться, пока не наткнулась на столик, он накренился, и кувшин, потеряв равновесие, упал, откололся кусочек горлышка.

— Ой, простите! — Надя даже взмокла, тщетно попыталась приладить осколок на место.

— Не трудись, — фигура буквально выплыла из дыма. Это оказался небольшого роста старик. Одет он был во все белое. Подошел к Наде, взял из ее рук кувшин. От страха она не осмелилась посмотреть ему в лицо, просто опустила голову и ждала. Неожиданно птица опять вылетела из клетки, сказала свое «фью-ить» и села на плечо загадочного человека. Надя невольно подняла голову, посмотрела на человека. У него были ласковые цвета темного шоколада глаза, улыбка мягкая.

— Это всего лишь кувшин, — тихо сказал старик, глаза его и голос его завораживали, — хотя и символизирующий мудрость, ее накопление.

— Но я его разбила, — прошептала Надя, — я неловкая.

— Это не так, — старик протянул ей кувшин — целый, больше не было отломленного горлышка, — запомни, нельзя себя обвинять во всем, что происходит вокруг. Ты не должна отвечать за то, в чем ты не виновата. Крест на плечах и так тяжел. А ты обрекаешь себя на чужие муки, Надин, — он произнес ее имя на восточный манер, так ее никто не называл. Надя вдруг вспомнила старика в православном храме, его наставления. Тогда его слова помогли ей понять, в ком же ее счастье, счастье женщины. Но то был старец, священник. А здесь? Ведь здесь Сейшелы... И старик другой совсем. И что же дальше?

— Кувшин — накапливаемая мудрость, но ведь он пустой? — осмелилась спросить Надя. Старик смотрел на нее с теплотой.

— Разве пустой? — удивился он и во второй раз протянул Наде кувшин, который теперь был полон водой до краев, прозрачной, чистой.

— А перо и чернильница? — кажется, она уже перестала чему-либо удивляться. Стало просто любопытно.

— Перо и чернильница — чтобы писать свою судьбу. Каждый из нас ее пишет.

— А эта птица — мое сердце? — догадалась Надя.

— Да, — подтвердил старик, — когда оно счастливо — птица поет, когда печально — она молчит, для птицы есть и свобода, и клетка.

— Как не потерять счастье?

— Ответа на этот вопрос не существует. Просто цени то, что имеешь, будь внимательна к себе и другим, вокруг столько знаков. Люби искренне и трепетно, пока имеешь дар, — сказав это, старик развернулся и направился к выходу.

— Какой дар? — крикнула Надя. — Какой?

— Один неверный шаг, и появится женщина с небесным именем. Она уничтожит птицу...

Надя резко повернулась к клетке — певунья лежала бездыханная.

Надежда вскрикнула и проснулась.

Глава 11

Ночь была глубокой, до рассвета еще далеко. Вдали по-прежнему шумел океан. Надя провела рукой по постели — пусто. Муж опять не спал. Неужели бессонница? Вот уже вторую ночь она просыпается, а Николая нет рядом. Они вчера целый день были в Виктории, столько ходили, ездили, ощутимо устали. Даже ужинать не захотели, ограничились фруктами. Николенька принял душ сразу после Нади, лег рядом, чмокнул ее в щеку и почти сразу уснул. Получается, спал всего пару часов.

Надежда поднялась с кровати, теперь уже знала, где искать мужа. И, правда, он опять сидел в кресле на балконе, на столике рядом — папка небольшого размера. В одной руке Николай держал карандаш, в другой — лист бумаги, прикрепленный к картону. Уверенными движениями Фертовский делал наброски, он рисовал! От удивления

Надя не смела шелохнуться. До сегодняшнего дня она не подозревала, что муж умеет рисовать. Фотографировать — да! Снимать фильмы — да! Но рисовать?! Вот откуда столько он знал о художниках, стилях, направлениях. Это не просто интерес обывателя.

— Привет, — тихо сказала Надя, стараясь его не испугать. Погруженный в свое занятие так глубоко, он при ее словах все равно вздрогнул, потом смутился, даже покраснел, румянец залил обе щеки.

— Я думал, ты спишь, — сказал Николай, словно оправдывался.

— Я думала — ты тоже. Что-то случилось?

— Почему ты так решила?

Она пожалала плечами. Не хотелось его пытаться, заставлять что-то в свое оправдание придумывать, не хотелось лезть в душу. Если будет в том необходимость, муж сам расскажет, поделится. Он отложил в сторону рисунок.

— Иди сюда, — похлопал себе по коленям. Надя послушно села, обняла его за шею. Николай выглядел утомленным, мелкие морщинки возле глаз, даже обозначились темные круги.

— Ты плохо спишь здесь, на Сейшелах, — заметила Надя, — бессонница?

— Скорее, просто акклиматизация, — отмахнулся он.

— Я люблю вот эту родинку, — она прикоснулась к коричневому пятнышку на шее возле мочки его уха. Николай улыбнулся.

— А я люблю тебя всю, каждую родинку, впадинку, твои пальчики, твои изгибы и линии. Смотри, — он протянул руку к папке и вытащил из нее несколько рисунков. Оказывается, успел их уже сделать за эту ночь. На рисунке, что был сверху, простым карандашом была изображена спящая женщина, ночная рубашка во сне сбилась и оголяла одно бедро, волосы были спутаны и закрывали часть лица.

— Так это же я? — удивленно воскликнула Надя. — А когда ты меня рисовал? Сейчас? Ты смотрел и рисовал?

— Нет, по памяти, — отозвался Николай.

— Невероятно, я не знала, что ты так умеешь, — Надежда хлопала глазами, — ты никогда не говорил, что ты еще и художник.

— Я не художник, — он покачал головой, — я никогда этим не занимался профессионально.

— Да? — она отложила рисунок и внимательно посмотрела в глаза мужа. Он их чуть прищурил, делал это в моменты, когда

нервничал или переживал.

— Да, — облизал губы, — просто меня учили в детстве рисовать. Когда мы жили в Лондоне, — замолчал, отвел взгляд.

Надя терпеливо ждала. Прошлого мужа, вернее, его жизнь в Лондоне, была для нее чем-то загадочным, он, всякий раз упоминая об это отрезке своей судьбы, менялся в лице, рассказывал мало. И это не потому, что он не доверял Наде, нет, он и сам не хотел ворошить прошлое, заново окунаться в него. Значит, были причины и, наверное, веские. Она ощущала сердцем, женским.

— Все началось с фотографий, — наконец стал пояснять Николай.

— С фотографий? — удивилась Надя.

— Да, тогда пошла мода на это увлечение, — его волнение выдавал лишь карандаш, который он крутил между пальцами, — открывались фотостудии, много частных. Устраивались выставки. В тот год проходил какой-то крупный фотоконкурс, в котором англичане заняли первое место. Моя семья решила, что одним из гениев фотосъемки стану я. В угоду моде.

— Так решил твой отец? — уточнила Надя. Что-то не верилось, что Фертовский-старший шел на поводу у модных тенденций.

— Нет, конечно, он был против, не считая это занятие серьезным, скорее, хобби. На обучении настояла моя мать, ей очень хотелось сделать из меня великого фотографа. — Николай опять замолчал. Так или иначе, все воспоминания о жизни в Лондоне сводились к ней, к Софье Фертовской.

Видя выражение лица мужа, Надя уже пожалела, что затеяла весь этот разговор. Не надо стучать туда, где дверь заперта. За ней могут оказаться чужая боль, тягостные воспоминания и незажившие раны.

Надежда взяла папку с рисунками в руки, стала смотреть. Удивительное дело, но у Николеньки вопреки его убеждениям, был талант, настоящий. Конечно, многое отражено схематично, трудился самый простой карандаш, но линии такие уверенные, штрихи точные, сама суть схвачена. Вот «коко-де-мер», рядом две пальмы, ветер щекочет им листья, рядом плоды. Вот закат, океан, солнце выглядывает из-за перистых облаков. Как, наверное, здорово это будет в красках! А вот лицо старика...

— Кто это? — Надя от напряжения памяти сдвинула брови. Лицо человека было ей знакомым: темные миндалевидные глаза.

— Кантилал Дживан Шах, — пояснил Николай, — тот самый индийский мудрец, хиромант, владелец универсама.

— Я его видела, — сказала Надежда.

— Нет, ты не могла его видеть. Кантилала нет в живых, — покачал головой Фертовский.

— Он мне приснился, — Надя от волнения даже спрыгнула с коленей мужа, — перед тем, как я нашла тебя здесь, на балконе, я видела сон. Там был этот человек, — она прошла в комнату, все еще держала в руках портрет, включила свет. — Абсолютно точно! Я видела его во сне. Он даже со мной разговаривал.

— Неужели? — Николаю не верилось. Он прошел в комнату вслед за ней. Надя задумалась.

— Разбитый кувшин, перо судьбы, птица... — Да, птица! Мудрец сказал, что птица — это мое сердце. И что я должна быть осторожна, иначе женщина с именем... Каким? Не помню! Ах, он сказал, что птица может погибнуть из-за этой женщины. Ничего не понимаю, — Надя села на кровать, Николай — рядом.

— Не переживай, это всего лишь сон. Мой рассказ о Кантилале произвел на тебя сильное впечатление, — он обнял ее, — обещаю, что я всегда буду рядом и не дам ни одному тревожному сну тебя беспокоить.

Надя доверчиво прижалась к мужу. Он нежно поцеловал ее.

— Как хорошо, что мы с тобой тогда встретились в театре, — вспомнила она.

— В Ленкоме?

— Да, именно там я увидела тебя совсем другим.

— Ты так думаешь? — усмехнулся он. — Но я ведь не изменился с того момента, как ты... — он запнулся.

— Отказала тебе?

— Ты дала мне ясно понять, что не испытываешь и малой доли того, чего я желал бы. Моя самоуверенность сыграла со мной злую шутку.

— Ты действительно был огорчен? Неужели я так тебе нравилась?

— Неразумно было бы отрицать очевидное.

— Честно говоря, там, в Беляниново, мне это не казалось очевидным. И твое признание, ну, если не явилось полной неожиданностью, то удивило меня. Хотя предположения и домыслы

Виктории сводились к тому, что ты равнодушен ко мне, однако я в это мало верила. Нет, совсем не верила. Я была убеждена, что фактов «против» гораздо больше. Пока ты не признался, выложив все начистоту. Ух, как я тогда разозлилась! — Надя хитро прищурилась, теперь вспоминать те времена было приятно, они оба находили в этом удовольствие — каждый свое. Надежду грела мысль, что уже тогда такой, как Фертовский, влюбился в нее, искренне переживал, даже боролся со своим чувством, а она не замечала. Николай же, несмотря на ее отказ и выказанное презрение, с особой нежностью вспоминал те моменты, когда Андреева оказывалась рядом, и ему предоставлялась хотя бы малейшая возможность познавать ее, быть в ее обществе, даже спасать из неловких ситуаций, в которые она имела обыкновение попадать. Его непреодолимо тянуло к ней, и не только на уровне физиологии, он ощущал, что нужен ей, просто необходим. Ощущал это, не отдавая себе отчета, где-то на уровне подсознания. Впоследствии это чувство укрепилось, как и любовь. Увидев Надю в театре, после нескольких месяцев разлуки, он убедился, что ничего не забыл, не перестал чувствовать и что, возможно, желает быть с ней больше, чем когда-либо. Ему стоило некоторых усилий вести себя по-прежнему сдержанно и ни единым взглядом не выдать своих мыслей и желаний.

Глава 12

Утром проснулись поздно, решили сегодня никуда не ездить, а пойти на пляж и весь день лениться.

— Мне очень понравились твои эскизы, — сказала Надя, когда они пришли на пляж, сегодня тут было безлюдно. Надежда увидела океан и вспомнила о пейзаже на рисунках мужа, — ты сказал, что учился рисовать у профессионала?

— Да, — это правда, — закивал головой Николай, — Алессандро Корсо. Знаешь, с этим человеком связаны, пожалуй, самые светлые воспоминания моего детства и юности, — Николай сел на теплый песок, вытянул ноги, закрыл глаза очками и подставил солнцу лицо. Надя устроилась рядом.

— Пожалуйста, расскажи о нем? — попросила она. Кажется, муж сегодня настроен благодушно и готов делиться своими

воспоминаниями.

Корсо утверждал, что один из главных принципов художника — находить с миром общий язык. Нельзя смущать, тревожить или разозлить мир. Свое творчество он называл фотоанализом. В свое время он объездил весь мир, снимал японские сады, французские провинции, американские атомные станции, петербургскую скульптуру. Это принесло ему неплохой доход, что позволило открыть фотостудию в родной Италии, весьма солидную по тем временам. Он работал на несколько серьезных журналов, делал иллюстрации к дорогим изданиям, ему помогал племянник.

Корсо был уникальным человеком, он умел искать и находить значение и смысл даже в самом малом, он без устали восхищался красотой окружающего мира, его гармонией. Он был бесконечно добр, мягок, любил людей и доверял им. Не имея собственных детей и так и не женившись, он считал племянника своим сыном. Тот в один прекрасный день «перешел» дяде дорогу, в результате дом и прекрасно оборудованная студия Корсо стали принадлежать ушлому родственнику. Он и все заказы перевел на себя, и украл все деньги со счетов. Алессандро остался без жилья и средств к существованию. От пережитого потрясения он заболел и, наверное, все это кончилось бы трагично, если бы не его давний друг и почитатель таланта, приехавший в Италию по делам. Он нашел Корсо в весьма плачевном состоянии и, недолго думая, увез его в Лондон.

Вскоре в одном из районов столицы Королевства открылась маленькая фотостудия. Второй этаж служил Алессандро Корсо жилищем. Он набрал учеников и взялся обучать их своему ремеслу. В свободные часы он стал рисовать, самозабвенно, увлеченно. Он скучал по своим полотнам там, в Италии, а ведь когда-то считал себя посредственным художником, никогда не чувствуя удовлетворения от того, что писал на холсте. Такое недовольство собой привело к тому, что во времена проживания в Италии он навсегда запретил себе заниматься живописью и занялся фотографией.

Теперь живя в Лондоне, он считал, что предал свое настоящее призвание, предал самого себя. Он перестал быть художником в тот самый момент, как заработал первые свои деньги за умение фотографировать... Поэтому все и потерял. Значит, наказание было

справедливым. Можно обмануть других, но не себя. Однако здесь, в Лондоне, его положение было сложным: чужая страна, чужие люди, он поклялся, что вернет другу все занятые деньги. Надо работать, надо только работать. А картины? Никто не запрещает писать их в свободное время...

Вместе с Колей Фертовским к Корсо ходили учиться еще два мальчика, они были местными, чуть постарше, и делали вид, что его просто не замечают. Сначала учитель относился ко всем одинаково, никого не выделял, терпеливо объяснял теорию, ее техническую часть. Показывал всевозможные альбомы, обложки, указывал на ошибки и недостатки, восхищался удачными композициями: свет, тени, краски, сочетания и оттенки, полутона. Он пояснял, что и как надо делать, чтобы поймать лучший момент в движениях, сравнивая это с ловлей удачи за хвост. На первых занятиях Коля Фертовский даже побаивался этого человека, его горячности, азарта, быстрой речи, смысл которой он улавливал с трудом. Мистер Корсо был итальянцем, по-английски говорил с акцентом, все время разбавляя речь итальянскими высказываниями. Он, несмотря уже на немолодые годы, шустро передвигался по студии, суется и размахивая руками. Носил старомодный темно-синий пиджак, под ним светлая рубашка, на шее вместо галстука завязывал артистический бантик. Волосы черные с проседью, все время откидывал назад и почесывал макушку. Когда удивлялся, расширял карие, как две черешни, глаза под густыми бровями. Улыбку прятал в усах и аккуратной маленькой бородке. Но иногда мог замолчать на полуслове, и тогда Коля ощущал его грусть, словно примерял на себя. Со временем он в полной мере увидел в своем учителе доброту и мягкость, искренность и сердечность. Он умел не просто находить красоту, но и учить этому других, передавая свой опыт, свои восхитительные открытия, отмечать старательность и усердие в других, горячо поощряя их фантазии, воспламеняя в них огонь. Корсо проникся особой симпатией к русскому мальчику. Его поразили в самое сердце его настороженный взгляд, неумение улыбаться, как улыбаются дети в его возрасте, его сдержанность и замкнутость. Не может ребенок быть таким серьезным! И неважно, что он — сын дипломата. Детство никто не оттенял. Он все равно должен шалить и проказничать, фантазировать и ставить эксперименты, ошибаться и набивать шишки. Он ведь мир познает...

Коле первому разрешили самостоятельно проявлять свои дебютные фотографии на тему лондонских улочек, учитель лишь наблюдал. Он взял в руки один из снимков, долго крутил его в руках. Мальчишка ждал, затаив дыхание. Еще большую нервозность и томление придавал красный свет в лаборатории.

— Проявлено отлично, — наконец сказал Корсо, — но снято...

Коля растерянно моргал ресницами.

— Хотя если вспомнить мои первые работы, — учитель лукаво улыбнулся, — они были гораздо хуже. Мистер Колин, — он так называл ученика, переиначив его имя на английский лад, но не Ник, не Николас, и именно Колин, — давайте сейчас возьмем эту фотографию, пойдем на ту самую улицу, где Вы снимали, и сделаем подробное сравнение. Начнем с того, что мне понравилось. В любом случае, я рад вашим стараниям, дорогой мой. У вас есть талант, поэтому нам с вами придется много трудиться, чтобы достичь чего-то значительного. Запомните, мистер Колин, все достижения человечества — малые и великие — это труд, силы, неустанный поиск. Только гении способны на эврику, но их мало, наверно, для того, чтобы человечество вконец не обленилось. Мы лениться не станем?

Коля улыбнулся впервые, открыто, весело. Так мягко, тепло и на равных с ним не разговаривал никто. У отца не было времени, да и похвалы не дожدهшься, больше укоров и порицания, иногда он так боялся отцовского недовольства или разочарования, что чувствовал себя загнанным в угол и делал еще больше ошибок. Мама вообще интереса к сыну не проявляла. Здесь, в Лондоне, он особенно чувствовал одиночество. Но теперь у Коли Фертовского появился не просто учитель, а друг.

Николай замолчал, посмотрел на жену: она сидела на песке, обхватив руками колени и положив на них голову. Слушала так внимательно, будто и не дышала, боялась упустить малейшую деталь. Николай подумал о том, что прошлое все больше и больше затягивает его в свои сети, а на поверхность выплывают такие подробности, о которых он, казалось, забыл навсегда.

— Хочешь поплавать? — спросил он, понимая, что ему просто необходимо отвлечься, хотя бы от мыслей.

— Пожалуй, я останусь на берегу, — улыбнулась Надя, — позагораю, хорошо? А ты поплавай, — она поняла, что муж устал от

воспоминаний, и так рассказал о слишком многом, если учитывать его скрытный нрав.

Николай пошел к воде. Сегодня океан был удивительно спокойным, полный штиль. Вода казалась гладким зеркалом, по которому скакали солнечные зайчики. Здесь, у берега, ее цвет был нежно-голубым, а там, подальше, он становился изумрудным, как Надины глаза.

Фертовский зашел в океан, сделал рывок, нырнул, долго плыл по самому дну. Затем, выскочив на поверхность, уверенными и быстрыми движениями поплыл, рассекая зелено-голубую гладь.

Надя задумчиво смотрела на плывущего мужа и думала о Корсо. Она пыталась представить его себе. На самом деле, не редкость, что в детстве твое мировоззрение формируют не только родители, но и совсем чужие люди, что в данном случае вообще оказалось счастливым случаем. Надя ничего не знала о матери Николая, только то, что его родители развелись много лет назад, и сына без проблем отсудил отец, но зато уже успела увидеть весь набор негативных черт характера своего свекра. Можно без труда себе представить, как он третировал сына, давил на него, требовал, вряд ли осознавая, что воспитание — это не только кнут.

— Я постараюсь сделать все, чтобы Николай был счастлив, — вслух пообещала себе Надя.

Домой вернулись после полудня, решили, что не помешает переждать самую активную жару в их домике, включив кондиционер. Надя горела нетерпением еще послушать о мистере Корсо, о том, как он открывал перед Коленькой все тайны ремесла не только фотографа, но и художника, о чем они беседовали, мечтали, как развивалась их дружба, привязанность. Обладая неумемной фантазией, Надежда представляла себе их в студии, совместные прогулки, выбор места съемок. Наверняка, мистер Корсо не только учил Коленьку тому, зачем сюда ходили ученики, но и многому другому. В нем ощущались качества, который мог привить добрый, мягкий, отзывчивый человек, равнодушный к чужой боли, способный пожалеть и утешить...

Николай вышел из душа с замотанным на бедрах полотенцем, Надя сидела за столом и, наверно, уже в сотый раз рассматривала папку с рисунками. Эти нехитрые наброски раскрывали перед ней не

просто одно из дарований ее мужа, нет, нечто большее — она поражалась сложности и многогранности его натуры, имела возможность видеть эти грани, открывая их постепенно, не сразу.

— Не думал, что тебе так понравится мое художество, — проходя мимо, заметил Николай. Расчесывая влажные кудри, он наблюдал за женой. Она покусывала нижнюю губу, о чем-то напряженно думала и по-прежнему перебирала его рисунки.

— Очень нравится, — медленно произнесла она, потом подняла глаза, сделала движение плечами, словно встрепелась. — Ты напрасно не стал этим заниматься профессионально.

— У меня были свои причины, — вздохнул Фертовский, подошел к жене, поцеловал ее в макушку, — я знаю, как тебе не терпится услышать еще что-нибудь о мистере Корсо.

— Неужели это написано на моем лице? — удивилась Надя.

— Просто я хорошо тебя знаю, — скрыл улыбку Николай, — обещаю, что удовлетворю твоё любопытство, но позже, хорошо? Сейчас меня так клонит в сон, что я вот-вот свалюсь.

Надя кивнула. В следующий момент услышала телефонный звонок — о ней беспокоилась сестра. Чтобы не мешать мужу, Надежда ушла разговаривать на балкон, когда вернулась — Николай уже спал.

Наде спать не хотелось, она взяла в руки книгу, устроилась в кресле и погрузилась в чтение.

Глава 13

Прошло несколько часов. За это время Надежда успела, и почитать, и чаю попить, и на балконе постояла, наслаждаясь видом океана. По дороге мимо их домика проходил владелец *La Petit Villiage*, он помахал Наде рукой, спросил: довольны ли они с мужем обслуживанием? Услышав, что все просто чудесно, радостно кивнул и направился по аллее вглубь сада. Надя вернулась в комнату, Николай еще спал. Потоптавшись на пороге, она все-таки прошла к кровати, но так, чтобы ничем не нарушить тишину. Села на самый краешек. Вдруг вспомнила, как Виктория весело, ничуть не смущаясь, призналась, что любит разглядывать обнаженных красивых мужчин, это доставляет ей эстетическое удовольствие. «Любимого мужчину» — поправила тогда Надя. Виктория усмехнулась, но спорить не стала. Любимого...

Надя повернулась к мужу и стала внимательно рассматривать его. Он лежал на боку, обмотав бедра простынею лишь спереди. Кожа спины была гладкой и смуглой, он, пребывая на островах, быстро загорел, буквально в течение нескольких дней. Линии спины правильным треугольником сужались к тонкой талии, чуть ниже поясицы по обеим сторонам симметрично располагались две небольшие впадины-ямочки, в одной из них притаилась родинка. Ягодицы были упругими и молочно-белыми, что особенно их выделяло на фоне загорелого тела. Они аппетитно выдавались вперед, совсем как у детей, и Надежде это безумно нравилось.

Ее взгляд скользнул дальше. Он, словно почувствовав, что его так откровенно и восхищенно рассматривают, перевернулся на спину, тем самым дал возможность Надежде продолжить ее зрительно-анатомические изыскания. Николай вытянул безупречно длинные мускулистые ноги, в меру покрытые темной мягкой растительностью. Ступни были аккуратными, четко пропорциональными длине ног, как и пальцы — ровные, без шишек, мозолей, такие мягкие подушечки. Кожа на щиколотках тонкая, заметны вены.

Он глубоко вздохнул, но не проснулся, лишь положил ногу на ногу. Предпочитал эту королевскую позу всем остальным, полностью расслабляясь и испытывая комфорт. Наде почему-то особенно нравилась такая асимметрия положения красивых ног мужа. Она едва сдержала себя, чтобы не прикоснуться к его ступням, погладить каждый пальчик, приласкать. Остановила лишь боязнь его разбудить. Пусть отдыхает.

Надежда бесшумно передвинулась к его лицу. Уши наполовину закрывали темные кудри волос, мочки розовые, покрыты мягким «персиковым» пухом, кажется, одна мочка была когда-то проколота. Вот это да! Еще одно проявление индивидуальности? Или протест? Наверное, он что-то хотел доказать? Вот только кому? Надя подумала об отце Николая. В первый момент, когда его увидела, поразились их внешнему сходству: едва ли не копия, только разница в возрасте. Но это в первый момент. Фертовский-младший был совсем другим, и — слава Богу! Надя улыбнулась и продолжила любоваться мужем.

На щеках пробивалась щетина, она у него росла быстро, неровно покрывая мягко раздвоенный подбородок — признак породы. Нос

крупный и прямой, ноздри вырезаны изящно правильно. Веки были плотно сомкнуты, густые недлинные ресницы собрались острыми лучиками. Глаза...

Жаль, что сейчас они были закрыты, но Надя столько раз замечала, как смотрит ее супруг, что помнила каждый момент. Он удивительным образом мог выразить только одним взглядом все, что чувствовал: тревогу, печаль, смущение, нежность, ласку и, конечно, любовь. Вероятно, такая богатая палитра взглядов компенсировала его внешнюю сдержанность в проявлении эмоций.

Надя еще раз провела глазами по его фигуре. Он был весь такой складный, ухоженный, приятный буквально на ощупь, даже на вкус, она и не думала, что может испытывать такое непреодолимое желание познавать мужчину, с удовольствием прикасаться к нему, смотреть на него. Надя и сама поразилась откровенности своих желаний. С ним она словно перешла некий барьер зажатости, стеснительности, неумения выразить свои чувства, не позволяющий раскрыть себя. С Николаем она ощутила свою силу, она уверилась в себе, как в женщине, она успешно училась любить...

Надя наклонилась над мужем и почувствовала запах его кожи. Да, ей еще очень нравился и его запах! Впервые она ощутила его, когда они стали целоваться там, на выставке. Поцелуи познания, вдохновения, наслаждения.

Они стояли под лестницей и, забыв обо всем на свете, целовались. Надя, прервав поцелуй на секунду, перевела дыхание и внимательно посмотрела на своего будущего мужа. Он улыбнулся, показав ряд не очень ровных зубов. Надю когда-то поразила эта небезупречность в нем, поразила и понравилась. Теперь она стала замечать и многое другое. Руки... ей еще нравились его руки. Они крепко обнимали ее, ласкали и позволяли себе нечто большее, чем можно было бы позволить в подобной ситуации. Эта смелость рук уверенного в своей неотразимости мужчины почему-то Надю не раздражала. На мгновение она подумала, что не позволила бы ни одному представителю сильной половины человечества подобные вольности в первое же свидание. По сути дела, несмотря на то, что она знала Фертовского и раньше, сейчас это было их первое свидание. И вместе с тем, ей казалось, что они так давно и долго находились в поиске, что,

встретившись и поняв: их поиск увенчан успехом, они с радостным узнаванием бросились в объятия друг друга.

— Все-таки, тогда, в Беляниново, ты ответила на мой поцелуй, — тихо сказал Николай.

— Да, — кивнула Надежда, — и мне понравилось. Я потом все время вспоминала о твоём поцелуе, даже когда злилась. Ничего не могла с собой поделаться. Это было наваждение, которое не только не проходит, но и усиливается.

— Наденька, любимая! — Фертовский хотел ее обнять, но зазвонил телефон. Виновника торжества искал Никита, гости волновались. Пока Николай разговаривал, Надя вдруг почувствовала такой озноб, что буквально задрожала, даже зубы стали отбивать дробь, — под лестницей было холодно. Николай перевел взгляд и мгновенно понял, в чем дело. Он снял пиджак и накинул ей на плечи. Она, благодарная, закуталась, прижав нос к теплой ткани. От пиджака пахло мужчиной, ее мужчиной. И ей стало хорошо и спокойно.

— И долго ты собираешься наблюдать за мной? — неожиданно спросил он, не открывая глаз. Оказывается, уже не спал. — Еще никто так скрупулезно и досконально меня не исследовал.

Она покраснела, хихикнула.

— Откуда ты знаешь? У тебя глаза были все время закрыты.

— Тебя я чувствую даже во сне.

— Но я же не виновата, что люблю смотреть на твое лицо, — попыталась выкрутиться она.

— Только лицо? — он приоткрыл один глаз, затем второй, — по моему, ты изучала меня всего и не без удовольствия, да?

— Дело в том, что я очень любознательна, а ты слишком самоуверен.

— Самоуверен? Ну, если только чуть-чуть, — он прикоснулся к ее руке, погладил, затем поднес к своим губам, стал медленно целовать. — А вот насчет любознательности я тебе не уступаю. Ложись, теперь моя очередь проводить изыскания.

— Может, не надо? — неуверенно спросила она. Представила себе, как он станет также добросовестно исследовать и ее.

— Надо, надо, — сказал он с самым серьезным видом и потянул ее к себе, — я люблю твое тело и хочу в очередной раз видеть его.

Доставь мне такое наслаждение, пожалуйста!

Еще ни один мужчина не говорил ей подобных слов! Еще никто не восторгался ее далеко небезупречными формами. Надя всегда помнила о своих недостатках, забыть о них никак не удавалось. И поэтому казалось невероятным, что Николай их не видит, не просто не замечает, а не видит. Странно и непостижимо, если учесть, что вокруг него всегда было множество красивых, роскошных женщин, наверняка и он многим нравился. Как-то Надя сказала об этом мужу, он улыбнулся: похоже, ревновала. Он посмотрел на нее своими бархатными глазами. Они уже давно перестали казаться Наде холодными, в них было столько тепла и нежности, что она только удивлялась, почему этого не замечала раньше?

— Все о чем, я мечтаю — быть любимым тобой. Я обрел себя, нашел смысл своего существования. Неужели ты думаешь, я откажусь от всего этого? Я останусь один лишь только в одном случае — если ты решишь меня оставить, если ты меня разлюбишь.

— Разлюбить? Оставить? — искренне удивилась Надежда. — Это было бы полным безумием. А у меня всегда был вроде бы здравый рассудок.

— Я не сомневаюсь.

Повинуясь мужу, Надя легла на спину, а он склонился над ней, обнаженный, мускулистый, подобен прекрасному греческому богу...

Его возлюбленная лежала на ложе из мягких трав и благоухающих цветов. Она смотрела на своего бога сквозь длинные ресницы глазами цвета моря, щеки полыхали огнем, над влажным бутонем верхней губы красовалась родинка, которую ему всегда хотелось поцеловать.

В длинные волнистые волосы его любимой вплетались лучи солнца, нежные лепестки роз были рассыпаны по ее телу, плавность линий которого услаждала взор. Узость высокой талии подчеркивала женственную полноту бедер. Лепестки роз прикрывали розовые соски груди, что особенно волновало бога, но он не торопился убирать лепестки. Он любовался. Живот ее не был плоским, чуть выступал, как и положено настоящей богине, а кожа отличалась восхитительной мягкостью, хотелось прикоснуться к ней кончиками пальцев, провести по тоненькой дорожке волосков, ведущей к заветному треугольнику...

Богиня перевернулась, предоставив богу наслаждаться белизной и пухлой нежностью своих ягодиц. Он почувствовал, как в нем

нарастает напряжение, и желание его усилилось. Бог откинул шелк ее волос и губами прикоснулся к шее, вызвав трепет в каждой частичке ее тела, в самых затаенных уголках. Ветер взволнованно теребил струны ее души, цветы с ложа что-то нашептывали, в них еще искрилась роса, рассыпанная крошечными алмазами, она дразнила бога. Дразнила и вся дрожала от предвкушения — повелитель души и тела вел ее на вершину блаженства...

Глава 14

Два раза в неделю шофер отца отвозил Колю в фотостудию. Забирал ровно в назначенный час, отец любил пунктуальность, она способствовала порядку, обеспечивая безопасность, помогала избежать ошибок и просчетов. Фертовский-старший решительно шел по жизни, знал ответ на любой вопрос, выдавая все свои убеждения как истину в последней инстанции. Его раздражала спонтанность, необходимость отступить от намеченного, расхлябанность и отсутствие дисциплины.

Но в тот вечер машина, в которой шофер привозил Колю, в назначенный час домой не вернулась. Фертовский, как ни странно, обнаружил это не сразу — просто смутное, неосознанное беспокойство, но поскольку он был занят чрезвычайно важным делом — готовил завтрашний доклад, то промелькнувшее беспокойство растворилось в бумагах и многочисленных записях. Жена сначала разговаривала по телефону, потом встретила гостью, которая полностью завладела ее вниманием. За весь вечер супруги не сказали друг другу ни слова. Каждый из них жил в своем, отдельном мире.

Тем временем Коля ждал шофера. Сегодня занятие было необычным, обсуждали снимки с природной стихией — ливень, зигзагообразная молния. Учитель подобрал целую серию фотографий на эту тему и очень подробно говорил о каждом. Словно по желанию за окном вскоре пошел дождь. Весь день было облачно, но тучи, подгоняемые порывистым ветром, собрались лишь к вечеру, крупные капли самоотверженно кидались на землю, разбивались там об асфальт, оставляя после себя мокрые пятна. Некоторым нравится дождь, они находят в нем успокоение, возможность помечтать, пребывая во влажной меланхолии, не тревожимой насущными проблемами. Корсо нравился дождь своими размытыми красками,

которые смешиваясь друг с другом, сами придумывали сюжеты и словно показывали иную картину мира.

А дождь тем временем все больше набирал силу, где-то агрессивно гроыхал гром, воздух совсем потерял прозрачность. От ливня и испарений он стал белой стеной, практически парализовав движение на улицах. Корсо приоткрыл окно, дав ливню явнее обнаружить свое присутствие — дохнуло влажностью, усилился стук по подоконнику.

Всецело увлеченный занятиями, Коля совсем забыл о времени, когда сам учитель, мельком глянув на часы, заметил, что скоро за мальчиком приедут. Коля собрал свой рюкзачок, сел на краешек стула и принялся терпеливо ждать. Каждый раз он с сожалением покидал дом учителя, здесь было уютно, мягкий свет напольной лампы, потрескивающий камин, который мистер Корсо часто зажигал в сырые лондонские вечера, и даже когда было тепло. Он мерз в Англии, нередко вспоминая о своей солнечной Италии. Коля украдкой рассматривал разные безделушки и фигурки на полках, учителю их дарили ученики и друзья, и конечно, в студии было великое множество фотографий — на стенах, на столах, в рамках, даже на полу, сложенные в папки и альбомы. И еще книги. Они стояли в большом шкафу, почти все мировая классика. Некоторые корешки книг были потрепаны временем и пользованием, другие высокомерно блестели золотым тиснением. Тяжелые фолианты находились в самом низу — чтобы было легче снимать с полок.

Коля любил в этом доме каждую мелочь, каждый штрих. Здесь всегда был беспорядок, который так раздражал бы отца, смешение стилей и красок, который он посчитал бы моветоном, но именно здесь жила сама доброта, забота, участие, внимание, да и просто хороший человек.

Мальчик сидел на стуле, смотрел на резные стрелки настенных часов и ждал. Когда стрелки переползли назначенное время и пробежали еще пару кругов, Коля бросил взгляд на свои часы: так и есть, шофер опаздывал.

— Может быть, позвонить вам домой? — учитель тоже смотрел на часы.

— Нет-нет, — решительно отказался мальчик. Он с волнением следил за стрелками и с тайным трепетом надеялся, что Бен сегодня

вообще не приедет. И тогда можно будет остаться у учителя на всю ночь, а утром учитель вполне сможет проводить его в школу. Вот было бы здорово! — Бен просто немного задерживается. Наверное, из-за ливня. Звонить домой не надо, — он сделал паузу, — отец будет сердиться, Бену попадет. Надо подождать.

— Ну, хорошо, — согласился учитель, — подождем Бена. Наверняка, он вот-вот подъедет.

Прошло еще пять минут, Коля, как замороженный, смотрел на часы: впервые время было с ним солидарно, у него словно появилось чувство сострадания к мальчику, оно безвозмездно дарило мальчику секунды, потом минуты, обещало что-то необыкновенное, волнуя сердце. Каждый раз ему так не хотелось отсюда уезжать, каждый раз в душе он придумывал предлоги, даже самые нелепые, которые позволили ли бы ему остаться, но он твердо знал, что его не станут слушать. Но сегодня случилось чудо: Бен не приехал. Коля посмотрел на одну из фотографий на стене, там, внизу, стояла дата. «Если в сумме получится четное число, — подумал он, — то Бен вообще не приедет». И стал считать. Число оказалось четным...

— Мистер Колин, вы любите тайны? — неожиданно спросил учитель. — А хранить их умеете? Уверен, что да, — он подмигнул.

— Могу поклясться, сэр! — отчеканил мальчик.

— Хорошо, — одобрил Корсо, — пока ваш шофер добирается сюда, наверное, из-за ливня проблемы на дорогах, мы поднимемся на второй этаж студии, и я вам кое-что покажу.

Ни один из учеников Алессандро Корсо не поднимался на второй этаж по узкой лестнице с потертыми перилами, никто из них и понятия не имел, что там маэстро буквально несколько недель назад впервые за много лет взял в руки кисти и краски. Он так давно не прикасался к холсту, что уже стал опасаться: не разучился ли рисовать? Все это было совсем в другой жизни, нет, даже не в той, итальянской, где жил и работал талантливый фотограф. Это было еще раньше. Когда он вот таким мальчиком, как Колин, стал учиться живописи. Он проникал в сущность этого ремесла, старательно изучая все тонкости, он часами рассматривал репродукции картин признанных художников. Он горел страстью при одной мысли о том, что у него есть теперь возможность хотя бы немного прикоснуться к их тайне. И теперь Корсо опять ощутил эту страсть. Он не говорил об этом ни с кем, но сегодня,

наконец, захотелось поделиться с самым своим любимым учеником, кроме всего, этот мальчик умел чувствовать, как никто другой, у него было трепетная душа ребенка и грусть взрослого человека.

— Смотрите, — Корсо откинул кусок ткани, и взору Коли предстала картина: за стеклом витрины магазина находилось великое множество глиняных игрушек, у каждой свой характер, образ, они словно на миг замерли каждая в своем движении, кто-то даже в танце. Но самым удивительным было не это — в отражении стекла угадывалось отражение девушки. Она с интересом рассматривала фигурки игрушек, а ветер трепал ее белокурые волнистые локоны. Все это было так красиво и так просто, что дух захватывало, картина просто дышала настроением, какой-то особой лиричностью, к тому же она была по-настоящему объемной.

— Нравится? — спросил учитель, он стоял у мальчика за спиной.

— Очень, — выдохнул Коля.

— В таком случае, мой юный друг, следующее занятие посвятим живописи? Расскажу много интересного. Надеюсь, вы не против?

Это был самый замечательный вечер в его жизни. Бен так и не приехал, ливень уступил место простому лондонскому дождю, который ритмично стучал по карнизам, а затем и вовсе прекратился. Учитель и ученик сидели возле камина, пили чай со сладким печеньем и чувствовали себя самыми счастливыми на свете. Им казалось, что время остановилось, здесь и сейчас: оно грелось в танцующих языках пламени, отражалось в рамках фотографий, что висели на стенах, пряталось в огромных фолиантах книжного шкафа, весело кипело в свистящем чайнике, а потом паром, похожим на лондонский туман, клубилось над чашкой с тонкой резной ручкой. Юный Коля именно в тот вечер научился видеть и ценить по-настоящему счастливые моменты жизни.

Глава 15

— И что же было потом? — не удержалась от вопроса Надя. Николай вдруг прервал рассказ. Вечером они отправились на прогулку вдоль берега, шли по белому песку. К большой радости жены Николай опять стал вспоминать учителя Корсо. — Ты вернулся домой?

— Домой? — переспросил Фертовский, словно очнулся. — Да, конечно! Самое грустное, что дома меня так и не хватились: отец думал — Бен, как обычно, привез меня, я в своей комнате. Представляешь его удивление, когда позвонили и сообщили, что его шофер попал в аварию и сейчас в реанимации, а через несколько минут появляюсь я! Живой и невредимый, в сопровождении своего учителя. От потрясения отец даже сказал ему «спасибо!». Вот уже чего тяжело дожидаться. Более того, разрешил дополнительное занятие, чему я был бесконечно рад. И началась совсем другая жизнь, — улыбнулся Николай.

— И ты стал учиться живописи? Но ведь ты не забросил фотографию, — уточнила Надя.

— Нет, конечно. Мы связали эти два ремесла, которые, кстати, имеют много общего. Поскольку появился еще один дополнительный урок, мы ездили по городу и его окрестностям, изучали архитектуру, ландшафт. Мой самый удачный, на взгляд Корсо, был снимок Биг-Бена. Он являлся черно-белым, маэстро почему-то любил фотографию без красок, а живопись, наоборот, яркую, сочную.

— А снимок с Биг-Беном сохранился? — с волнением спросила Надя, так захотелось его увидеть. Это ведь первая гениальная работа ее супруга.

— Увы, у меня его нет. Снимок остался у учителя, на память обо мне, как и первые мои рисунки. Отец о них ничего не знал — это был наш секрет. Правда, рисовал я немного, все-таки способностей к фотографии было больше, но одно универсально помогало другому. Я научился видеть и воспроизводить объем, глубину, меня увлекала комбинаторность, переходы света, под руководством учителя я овладел настоящим фотонализом. Это была сенсация, открытие мира в себе. Но самое важное: я приобрел друга — мудрого, внимательного, заботливого. Алессандро дал мне очень многое.

— И сколько же ты был его учеником?

— Все время, пока семья жила в Лондоне. Отец, видя мои работы, наконец, одобрил когда-то навязанный матерью выбор, всего лишь отдающей дань моде. Спустя три года после начала моих занятий Владимир Фертовский подарил мне настоящую цифровую фотокамеру «Маверик». Они тогда только-только стали появляться в мире, стоили

баснословных денег, но отец скупиться не стал, за что я ему благодарен до сих пор.

— А потом? Что было потом?

— За год до возвращения моей семьи в Союз, мне тогда было 16 лет, учитель серьезно заболел. Перед этим он взялся делать для одного очень солидного издания серию снимков. Это был серьезный заказ, заключили договор с весьма жесткими сроками.

В один из дней Корсо почувствовал слабость, поднялась температура, в груди что-то сжимало, появился сухой кашель. Сначала легкое покашливание, продолжающееся несколько дней, затем дышать стало труднее, особенно по ночам. Корсо приспособился засыпать в кресле, так ничего не сдавливало грудную клетку. Лицо его приобрело нездоровый землистый оттенок, обозначились круги под глазами, голос осип. Корсо уверял Колю, что это простуда, она пройдет. Но категорически запретил приходить на занятия во время его болезни, не хватало еще и заразить мальчика! Нет, уже юношу. Он рос на его глазах, вытягивался в росте, расширялся в плечах, волосы темнели, черты лица теряли мальчуковость, красота становилась мужественной. А как личность? Этот ребенок всегда был умным, интеллигентным, по-мужски сдержанным, а главное, с добрым и чутким сердцем.

Несмотря на запрет, Коля пришел к учителю буквально на следующий день после того, как тот совсем слег, и нашел его в плачевном состоянии. Здоровье его явно ухудшалось, и это была отнюдь не простуда. Двусторонняя пневмония — такой диагноз поставили врачи. Лицо врача было угрюмым, и впервые в жизни Коле стало страшно. Он никогда не задумывался о том, что в одночасье можно потерять того, кто тебе по-настоящему дорог.

Учитель болел долго, пневмония была запущенной, антибиотики помогли не сразу. Не обращая внимания на возмущения, Коля ходил к учителю каждый день, благо уже стал более взрослым и самостоятельным, и не отчитывался перед отцом так строго, как раньше. Неожиданно позвонили из издательства и напомнили о договоре на серию фотографий, оставалась неделя до срока сдачи. Корсо заметно расстроился. Этот заказ был честью его профессиональной деятельности, его репутацией. Но не было и речи о том, чтобы покинуть больницу и отправиться делать фотографии, врач

замахал руками и даже разговаривать не стал. Корсо, несмотря на лечение, все еще тяжело дышал, долго и мучительно кашлял. Он сидел на солнце в маленьком дворике больницы и грустно смотрел на удаляющуюся фигуру своего ученика. Коля, пока ехал домой, дал себе обещание: фотографии будут готовы к сроку.

— И ты сдержал данное обещание? — спросила Надя. Муж, рассказывая, временами делал такие длинные паузы, что, сгорая от нетерпения услышать все, она подталкивала его своими вопросами.

— Конечно, — отозвался он, — я всегда сдерживаю свои обещания. Надеюсь, ты это не ставишь под сомнение? — в его голосе прозвучал металл. К тому же он вдруг отпустил ее руку и отвернулся. Надя смутилась, в супруге все-таки иногда чувствовался тот Фертовский, которого она видела в Беляниново: надменный, резкий, сухой. Он словно замыкался, уходил в себя. Пожалуй, правы те, кто утверждает, что характер человека вряд ли меняется за всю жизнь. Натура в каждом из нас прочно укореняется, аккумулируя в себе и гены, и условия существования, и воспитание, и накопленный опыт.

— Кажется, я не дала тебе повода думать, что я в чем-то сомневаюсь, — тихо сказала Надя. Она подумала о том, что влюбленный человек еще более раним. Присела на корточки и стала пересыпать песок из ладони в ладонь.

— Наденька, кажется, я тебя обидел, — сказал Фертовский, он заметил, как изменилось выражение ее лица. Упустил из виду, что Надя — натура чувствительная, у нее в жизни хватило душевных ран и переживаний. Она выпрямилась, подняла глаза.

— Мы все больше узнаём друг друга, привыкаем, открываем не только свои сердца, а свое прошлое, в котором у нас было то, о чем вспоминать не только хорошо и приятно, но и напротив — забыть бы навек. У нас обоих непростые характеры, и наступит день, когда пылкие чувства исчезнут — ты знаешь это лучше меня, притупится острота эмоций. На смену всему этому должно прийти то, что мы закладываем именно сейчас, то, что мы возвращаем именно в период, когда сила любви еще в апогее. Мы с тобой строим мир для двоих, в котором должны прожить долго-долго, который должен выдержать бури не только внешние, но и внутренние. Пусть в нем не будет разрушительного града упреков, обид, сомнений, недоразумений и

непонимания. Я рядом с тобой, чтобы быть твоей женой, опорой, поддержкой, заботой и утешением.

Николай притянул ее к себе.

— Прости, — прошептал он, — я старше тебя, но ты гораздо мудрее.

Глава 16

Всю обратную дорогу шли, молча, словно боялись нарушить ту блаженную тишину и умиротворение, которые возникли после объяснения. Надя все больше убеждалась в том, что Николай часто нуждается в уединении, он любит размышлять и думать, его внешне кажущаяся мрачность и сдержанность ничуть не влияют на его чувства к ней, объективно не отражая того, что он ощущает на самом деле. Этот человек с добрым, нежным и любящим сердцем.

Когда Николай вышел из душа, супруга уже спала. Она лежала на боку, свернувшись калачиком. Николай поправил одеяло и лег рядом. Надя, не просыпаясь, тут же устроилась у него на животе, обняла за талию. Он улыбнулся.

«Какое же это счастье — любящая женщина!» — Фертовский закрыл глаза, но вместо сна сознание опять уводило его в прошлое. Он уже запустил локомотив воспоминаний, остановки — лишь временное явление. Поезд теперь движется помимо воли.

...Снимки и, правда, всем понравились. Все говорили, что Корсо — гениальный фотограф, а здесь он превзошел самого себя. В издание включили почти всю серию. Ни один человек не догадался, что фотографировал ученик мастера, Коля ни за что бы не признался в своем авторстве — причин было несколько, но главная — он обязан был помочь учителю сохранить его репутацию и неважно, чья стояла подпись под снимками. Удивлению Корсо не было предела, когда он, вернувшись, домой после больницы, стал получать поздравления с успехом своей новой серии фотографий, лучшей, чем когда-либо. Корсо со слезами на глазах долго рассматривал снимки, затем изрек:

— Я так горжусь тобой, мальчик мой, — этот юноша заслуживал настоящего пиетета как мастер. — Что самое важное для учителя?

Чтобы ученик превзошел его, тогда все усилия не напрасны — все, что я сумел вложить в тебя, дало прекрасный результат, я бы сказал, ошеломляющий. Я также рад, чтобы приобщил тебя и к живописи. Вероятно, недалек тот день, когда перед тобой встанет выбор одного из ремесел. Главное, прислушаться к голосу своей души, только она знает истину. Но у тебя талант, мой мальчик, талант настоящий, яркий, ты умеешь видеть и отражать очень многое. Тебя одинаково любит и палитра художника, и камера фотографа. Пусть тебе это помогает в жизни, чтобы ты в итоге не выбрал.

И хотя Коля был против, Корсо публично признался в том, что фотографии делал его ученик, поэтому и слава, и гонорар достаются ему. О шестнадцатилетнем мальчике в тот год написали все газеты. Даже Фертовский-старший расчувствовался и говорил, что всегда видел в сыне талант, и не без участия своей супруги, решил отдать мальчика одному из лучших фотографов города. Коля абсолютно равнодушно относился ко всей этой шумихе вокруг своей персоны и не удивлялся тому, о чем вещали родители, лицемерие всегда присутствовало в их семье. Софья Фертовская, давая интервью, в одночасье стала звездой: молодая красивая женщина да еще мать такого замечательного сына. Для полной картины этого образа не хватало только совместного снимка, где мать и сын вместе, идиллия отношений, пронизанная искренней заботой и любовью. В семейном альбоме не оказалось ни одной подобной фотографии, это удручающее для Софьи обстоятельство не должно было выплыть наружу. И тогда она решила сделать эту недостающую фотографию. Пришла в комнату к Коленке, элегантная, по-прежнему изысканно пахнущая, походка легкая, улыбка милая, а глаза ... чужие.

— Чем ты занят, милый? — искренне заинтересованно спросила она. Коля захлопнул книгу, которую до этого читал. — Ах, я всегда знала, что ты умный мальчик! — Софья прикоснулась к его волосам, густым, давно нестриженным, просто шапка кудрей. Надо бы отвести его к стилисту, да и приодеть не мешало бы. Ходит в каких-то странных жилетках, на запястьях кожаные браслеты. Что-то в последнее время муж перестал обращать внимание на внешний вид сына.

Коля поднялся со стула, подошел к окну, встал к матери вполупорот, не произнес ни слова. Ну, просто гениальный актер,

умеющий держать паузу. Софью всегда раздражала эта его манера. Он словно показывал, что сильнее ее. Особенно, когда стал старше. И по всему видно, что он будет очень красивым, но холодным и бесчувственным мужчиной, превзойдет своего отца. Софья считала, что Николай — дитя только ее мужа, он его воспитывал, наказывал, порицал. Один раз она только вмешалась, настаивая, чтобы мальчишку отдали в фотостудию, и что из этого вышло? Он принес славу всей семье, а значит, Софья Фертовская заслуживает благодарности, да еще какой!

— Мне нужна твоя фотография, — нараспев сказала Софья, — улыбалась обворожительно, на щеках ямочки.

— Не вижу проблемы, — Коля пожал плечами, — их в альбоме предостаточно.

— Ты не понял, — еще мягче произнесла Софья, — мне нужна фотография, где мы с тобой вдвоем в домашней обстановке.

— У нас нет такой фотографии, — сухо заметил он.

— Да, я знаю. Однако завтра к нам придут брать интервью, ты ведь будешь при этом присутствовать? Они как раз сделают пару снимков.

— Завтра? — переспросил он. — Нет, завтра не смогу, — в его глазах Софья заметила странный блеск.

— Почему? Почему ты не сможешь? Чем может быть занят ребенок твоего возраста, чтобы отказать своим родителям в просьбе всего лишь быть дома?

— Родителям?

— Перестань все время переспрашивать! — она начала злиться. — Будь любезен завтра в момент прибытия журналиста находиться дома, ты меня понял?

Не дожидаясь ответа и таким образом, оставляя за собой последнее слово, она вышла из комнаты. Как, оказывается, иногда приятно воспитывать и быть строгой. В этом есть ощущение собственной значимости.

Об этом Софья Фертовская на следующий день собиралась развернуто рассказать в интервью, а также о своих заслугах и каким правильным стал ее выбор увлечения для своего ребенка. Но этот самый ребенок и подложил ей свинью — никем незамеченный, он исчез из дома, причем перед самым прибытием журналиста.

— Все-таки это замечательная идея: выбраться на целый день за город, чтобы писать натуру, — сказал Корсо, — Колин, ты молодец! Наконец мы поэксплуатируем и мой старенький автомобиль. Он так давно не покидал гараж, да и мне прогулка не помешает. Я со своей болезнью основательно засиделся дома. Положишь этюдники в багажник?

Коля кивнул, подхватил два этюдника, покачал головой. Учитель категорически отказался от гонорара за снимки, наделавшие столько шуму, деньги были переведены на счет мальчика. Лучше бы обновили машину, — сказал тогда Коля, на что учитель ответил, что в его возрасте это рискованное мероприятие, он привык к своей «старушке».

— Кажется, в студии звонит телефон? — спросил Корсо, закрывая входную дверь. — Слышишь?

— Нет, не слышу, вам показалось, — солгал Коля. Наверняка, матушка разыскивала его, теперь он стал нужен ей, просто необходим. Для осуществления ее планов. Она всегда добивалась всего, чего хотела, используя всевозможные средства, в том числе и свою настойчивость. В этот раз не вышло. И кто виноват в этом? Ее собственный сын! Когда явится, с ним будет особый разговор.

Глава 17

Надя что-то пробормотала во сне, Николай приподнял руку и осторожно повернулся к ней, она затихла. Волосы спутались, закрыв лицо. Он убрал их с лица, улыбнулся. Как быстро эта женщина стала ему ближе всех на свете! Будто он знал ее всю жизнь. Осознание этого в его душе рождало что-то светлое, приятное до дрожи, словно благодать опускалась. Николаю хотелось сохранить это чувство в себе как можно дольше. Эмоционально-чувственная память... Она хранила и другое...

В тот вечер, после загородной прогулки с учителем, Коля вернулся домой поздно. Застал матушку в гостинной. К концу дня ярость ее немного поутихла, но с появлением сына разгорелась вновь, подпитываемая его равнодушным видом и явным нежеланием раскаяться.

— Добрый вечер! — вежливо-отстраненно сказал он, намереваясь пересечь гостиную и благополучно оказаться в своей комнате.

— Ты сделал это специально? — Софья остановила его вопросом. Он медленно повернулся к матери, опять в глазах что-то такое, чего она никак не могла понять.

— Что ты имеешь в виду? — наконец он выдал из себя.

— Не делай вид, что не понимаешь. Я просила тебя быть сегодня дома, — Софья повысила голос.

— Я предупредил, что не смогу, — отчеканил юноша. И все. Между ними, никогда не находившими общий язык, выросла еще большая стена. Непреодолимая, каменная. Этой своей фразой, вернее, тоном, не мальчик Коленька, а взрослый человек Николай дал понять, что многое изменилось. Только Софья Фертовская этого не видела. Слушая упрёки матери, он ловил себя на мысли, что теперь абсолютно равнодушно относится к ее попыткам призвать его к ответу, объясняя, что такое репутация их семьи, какое они занимают положение, что все это значит для отца. Нет, он не собирался вредить, и сегодня ушел из дому лишь потому, что счел: его занятия живописью, уроки и общение с Корсо куда более важные вещи, чем лицемерное интервью прессе. Да еще и семейная фотография... вот уж поистине ложь, в основе которой выгода лишь одному человеку. Пусть и позирует сама. Тем более что у нее это хорошо получается: позы, жесты, разные ракурсы. Вот только теплу и любви она так и не научилась. Даже от отца он видел куда больше чувств и интереса к себе. Фертовский-младший развернулся и пошел в свою комнату.

— Ты куда? — возмутилась Софья. — Я не договорила.

— Уверен: все, что мне необходимо — я услышал. Не тратьте понапрасну силы. Доброй ночи!

Дерзкий, упрямый мальчишка семейства Фертовских! Софья так и думала, что рано или поздно он начнет откалывать номера. За молчаливой и тихой натурой скрывался жесткий характер, резкость, полная непримиримость. Зачем она вышла замуж за его отца?

В тот же вечер Софья разыграла целый спектакль перед мужем, несомненно, приукрасив свою роль — роль пострадавшей стороны, а Николенька предстал в роли ребенка, которого плохо воспитали и давно не наказывали. Фертовский-старший сидел в кресле, курил сигареты, одну за другой, шурился от дыма и злился. Менялась

политическая обстановка в Союзе, менялись кое-какие условия и в Англии, кроме того, у него не сложились отношения с одним из влиятельных лиц здесь, поговаривали, что под Фертовского начнут копать, чтобы выслать на Родину. В Союз возвращаться он не хотел, поэтому вел себя осторожно. Неожиданный успех сына несколько упрочил его позиции, о юноше писала пресса, и Англия им гордилась. Значит, пока можно чуть ослабить узел галстука. Но жена со своими глупостями могла все испортить, эта женщина вообще имела редкий дар говорить и делать глупости. Непонятно, как он этого не просек с самого начала? Хотя тогда понять было сложно: юная, весьма хорошенькая, на все реагировала с непосредственностью и милой живостью. Потом это стало раздражать Фертовского, как и то, что она совсем не интересовалась собственным ребенком. Владимир тоже сначала не ощущал в себе тягу к отцовству, но со временем, видя, как похож на него мальчик, как тот послушен, усерден, по-умному немногословен, он захотел быть отцом и стал уделять ему гораздо больше времени. А теперь мальчишка вырос, и из него явно будет толк, а супруга предьявляет претензии, упрекает и даже жалуется на свою несчастную долю. Невероятно! Фертовский бросил сигарету. Софья стояла к нему вполоборота и не замечала, что мужем овладевает все большая ярость, слишком увлеклась своей ролью, все жаловалась и жаловалась.

— И мое терпение небеспрдельно! — Фертовский жену оборвал на полуслове, вскочил, нервно откинул волосы назад. — Ты абсолютно не отдаешь себе отчета в происходящем. И еще смеешь меня упрекать в плохом воспитании сына?! Да, он мой сын! А что ты за все эти годы сделала для него?

— Я ему мать, — Софья поджала губы.

— По свидетельству о рождении — да! А всего остального нет и не было. Софья, оглянись на свою жизнь: тебя кроме вещей, косметики и развлечений ничего не интересует.

— Неправда!

— Правда, — Фертовский устало махнул рукой, злость стала испаряться, уступая место досаде и привычному при разговорах с женой чувству, что он напрасно сотрясает воздух. По молодости он негодовал, что-то пытался ей втолковать, к чему-то призывал — тщетно. Она не менялась. Они давно стали чужими.

Фертовский толкнул ногой стул, пробормотал ругательство и направился в свою комнату, на пороге обернулся.

— Оставь Николая в покое, да и меня тоже. Всем будет гораздо легче, если ты по-прежнему будешь заниматься только собой.

— Но я должна...

— Нет, уже не должна, — покачал головой, — поздно...

Глава 18

Надя лежала на песке и смотрела в синее небо, она, наплававшись, вышла из воды, не обсыхая, плюхнулась прямо на песок, теплый и удивительно белый. Кожа уже обветрилась, привыкла к солнцу, которое подарило бронзовый загар, красивый ровный, вот только все время шелушился нос, не помогал никакой крем. Приходилось прятать лицо под полями шляпки. Николенька сказал, что шляпка ей очень идет — вид этакой романтической барышни.

Вчера они целый день провели на экскурсии в ботаническом саду Мон-Флери. Экскурсовод попался на редкость словоохотливый и рассказывал так подробно, что Николаю с его знанием английского языка слушать было одно удовольствие, но не Наде. Хотя сначала все было понятно.

... Сад был основан в 1901 году неким господином Дюпоном, директором ботанической станции. Путешествуя, он привозил из своих странствий живые сувениры: тропические растения, пальмы, растения, дающие пряности, фруктовые деревья и декоративные кустарники. Первоначально сад служил базой экспериментальных исследований растений. Сейчас эту территорию украшают более 200 видов привнесенных извне и эндемичных растений, придавая вид парка — с величественными деревьями, приятными лужайками и причудливыми скалами. Многие из них увиты вьющимися растениями, папоротниками и сероватыми лишайниками...

Затем экскурсовод стал рассказывать про пальмы. Коко-де-мер Наде была знакома, все остальное называлось так замысловато, что она больше не стала напрягать память на английские слова и принялась рассматривать все, что ее окружало. Их экскурсионная группа несколько поредела, кто-то отправился гулять по дорожкам самостоятельно, кто-то просто отстал, увлекшись разглядыванием,

например, ярко-зеленых ящериц гекконов, которых можно заметить на стволах деревьев, или же маленьких коричневых ящериц, прячущихся под покровом опавших листьев на лесных тропинках. Надя видела очень красивых светло-бирюзовых голубей, экскурсовод сказал, что они плотоядные. А еще ее просто покорили гигантские сухопутные черепахи. Они не выходили за пределы своих загонов в освещаемой солнцем части сада. Оказывается, в момент прекращения роста эти редкие костяные чудища достигают полутораметрового размера и 500-килограммового веса. Чаще всего черепахи отживают свой 300-летний срок в заповедниках. Для фотосессии разрешают даже одну из них оседлать. Но Надежде вовсе не хотелось садиться на эту замечательную «тортилли», пока та флегматично жевала плотный лаковый лист платана. Надя получала удовольствие просто от того, что гладила ее теплой и прочной как камень панцирь, прикасалась к кожаным лапам, на концах которых были довольно внушительные когти. Но поведение черепахи внушало доброту и такое спокойствие, что Надя потом всю дорогу оборачивалась, а черепаха даже вышла на тропинку и, казалось, смотрит ей вслед.

Пальмы, пальмы... Надежда вслушалась: как экскурсовод помнит все эти названия? Хамеропс или капустная пальма, веерная пальма хаубан, веерная бутылочная, рафия, корифа теневая, Феникс. С названиями деревьев тоже непросто: такамака, розовая папская чаша, альбизия. У нее листья зубчатые, ствол серебристый, ветви широко раскинуты. Надя посмотрела на мужа, он предельно внимательно слушал экскурсовода, ни разу ни на что не отвлекся, казалось, даже не замечал и ее. Вид самый серьезный, очки подняты на лоб, лицо загорелое, от этого стали заметны морщинки у глаз. Кудри уже успели выгореть. Руки деловито сложил на груди, на пальце поблескивало тоненькое колечко. Клетчатая рубашка вольно-соблазнительно расстегнута на груди. А еще элемент соблазна в том, что он на жену даже и не смотрит. Ну, когда же закончит экскурсовод?

Надя намеренно отстала от группы, постояла, подождала, пока те скроются за поворотом, Николай ее так и не хватился. Ну и ну! Так увлекся экскурсией, что забыл обо все на свете.

Надя пошла по дорожке лесной части парка, заросли кустарника и трав становились пышнее. Где-то слева кричали птицы, да так эмоционально, словно отношения выясняли. Солнце проглядывало

сквозь кроны деревьев, Надежда остановилась, подняла голову и вдруг на одной из веток увидела некое существо, висящее вниз головой. Оно было рыжим гладкошерстным, размером с упитанную кошку и с крыльями как у летучей мыши. Надя отступила на шаг, еще один, что-то зашуршало сзади. Она обернулась: на другом дереве висело сразу несколько рыжеголовых существ. Они, прикрывшись кожаными крыльями, как плащами, мирно дремали. Напоминали свисающие елочные игрушки, только очень большие.

— Это крыланы, — раздалось у нее над ухом так неожиданно, что Надежда охнула, резко развернулась и оказалась в объятьях мужа. Он строго смотрел на нее с высоты своего роста.

— Я не слышала, как ты подошел, — тихо сказала она, боясь разбудить рыжемордые существа.

— Ты могла заблудиться. По какой причине ты отстала от экскурсии? — его лицо было непроницаемым. Интересно, он сердится на самом деле, или так искусно ее разыгрывает? В последний раз, когда он злился по-настоящему, последовал такой поцелуй...

— Ты, наверное, в школе был отличником-зубрилой? — вдруг брякнула она. Фертовский выдал свое удивление лишь тем, что слегка приподнял брови. — Писал аккуратным почерком, выводя каждую буквочку?

— Английскую буквочку, — уточнил он.

— И всегда внимательно слушал учителей?

— Естественно, — последовало утверждение, — судя по некоторым моментам, ты вела себя иначе.

— Это по каким же моментам? — она упрямо дернула плечом.

— Твоего терпения слушать внимательно экскурсовода хватило, — он сделал паузу, — ровно на 27 минут. Ты стала смотреть по сторонам, переминаясь с ноги на ногу, один раз зевнула, прикрыв ладонью рот, поправила застёжки на босоножках, затем сделала подарок гиду, вернув ему свое внимание, но ненадолго. Исчезнуть из моего поля зрения — как только тебе пришла эта идея в голову, ты ее воплотила в жизнь. Вот только зачем?

— Ого! Так ты все это время наблюдал за мной! — вместо ответа удивилась она. — Вот уж никогда бы не подумала. Ты был так увлечен экскурсией. Ну, просто шпионские игры.

— А что шпионам достается в награду? — наконец Фертовский улыбнулся, но сдержанно, одними кончиками губ. И все равно, ямочка уже привлекательно обозначилась.

— Пуля в сердце? — насмешливо предположила Надя. Кажется, им обоим нравилось подтрунивать друг над другом.

— О, она у меня там уже есть, — притворно вздохнул он. — Выстрел был точным.

— Неужели?

— Не сомневайся. И вместо того, чтобы прятаться от меня по саду, подумала бы о том, что можешь здесь заблудиться.

— А ты, и, правда, волновался? — Надя поднялась на мысочки, потянулась к его лицу.

— Нужны доказательства? — он прижал ее к себе.

— Необходимы, — сказала она мечтательно и закрыла глаза в предвкушении.

— Ты самая непредсказуемая женщина на свете, — негромко сказал Фертовский.

Объятья, дыхание, горячие губы. Да на Сейшелах просто вирус какой-то, и все им пропитано.

Вот только крыланы так и не проснулись. Позже Надя узнала, что этих удивительных существ даже приручают, и они самым настоящим хрюканьем предупреждают хозяев, когда у дома появляется чужой. А еще самки носят на животе своего детеныша, а под покровом ночи умеют так хохотать, что не на шутку пугают туристов.

Глава 19

Надя лежала в гамаке и читала книгу, когда увидела, как муж возвращается из дайвинг-центра, куда он ходил узнавать насчет экскурсии на остров Альфонс. Она все еще раздумывала: составить Николаю компанию в погружении с аквалангом или нет? Идея заманчивая, но опыта не так много, хотя и есть сертификат.

Фертовский неторопливо шел по пляжу, ветер трепал его волнистые волосы, кожа уже настолько загорела, что еще чуть-чуть, и его можно будет принять за местного жителя. Надя махнула рукой, но он не увидел, в тот момент обернулся на оклик совершенно потрясающей блондинки. Она словно из воздуха появилась. Блондинка

с практически идеальной фигурой и, естественно, в модном бикини, рекламно откинула длинные волосы, обворожительно улыбнулась и защебетала. Николай сложил руки на груди и стал внимательно слушать. Пару раз что-то коротко ответил. Надя напряженно наблюдала из-за книги. Фертовский бросил взгляд на часы, пожал плечами, произнес что-то такое, отчего блондинка повернулась и посмотрела на Надю. Да, да, именно на нее! В какой-то момент Наде захотелось спрятаться — уж больно взгляд был оценивающим, за версту видно. Потом выражение лица красотки изменилось — появилось что-то вроде разочарованного удивления. Она развернулась и грациозно пошла вдоль берега. Николай двинулся к Наде. Она грустно подумала, что эти двое внешне очень подходят друг другу. Высокие, статные, красивые, хоть ролик снимай. А как блондинка пыталась его очаровать?!

— Я все узнал, — сказал Николай, когда подошел к гамаку.

— Хорошо, — отозвалась Надя, не отрываясь от книги. Была так поглощена чтением, словно и понятия не имела, что несколько минут назад ее муж беседовал с весьма привлекательной особой. Интересно, о чем они говорили?

— Группу набирают на послезавтра, — добавил Фертовский, — кстати, желающих много, а экскурсий мало. Вот и девушка сейчас меня об этом спрашивала, хочет попасть в нашу группу.

— Угу, — Надя по-прежнему читала и явно не собиралась поддерживать разговор.

— Может, ты все-таки решишься, — он сел рядом с ней в гамак.

— Пожалуй, да, — она глянула на Николая, на секунду встретившись глазами, опять спряталась за книгу.

— Да?! — переспросил он. — Это твой окончательный ответ?

— Окончательный, — ровно произнесла она.

— Вчера было столько опасений, я так долго тебя уговаривал, ты упорствовала, ничего мне не пообещала. А сегодня ты так легко и небрежно бросаешь: «пожалуй, да!» В чем дело? Откуда такие разительные перемены? — Николай погладил ее по щиколоткам, затем провел по икрам, добрался до коленей.

— Тебе нравится это? — Надя бесстрастно наблюдала за действиями мужа. Они словно местами поменялись сейчас: она была само воплощение сдержанности и спокойствия, он же проявлял

эмоции — не скрывал удивления, заглядывал в глаза, делал намеки, высказывая, таким образом, определенные желания.

— Что? А, это! Безусловно, — Фертовский продолжал ее гладить, рука двигалась выше. Надя по-прежнему без всякой реакции следила за его действиями. — А почему ты спрашиваешь? И почему ты такая вся суровая и неприступная? — он наклонился и поцеловал ее в живот.

— Кругом люди, и на нас смотрят, — заметила Надежда, едва сдерживая желание засмеяться. Ее мнимая холодность и сдержанность распалили мужа как никогда. Вот это да! Оказывается, и он любит контрасты.

— Да на пляже никого нет, — пылко возразил Николай и повертел головой.

— Неужели? А та блондинка с безупречными формами, что крутилась возле тебя, она уже ушла? — Надя опять уткнулась в книгу.

— Ты ни разу еще не перевернула страницу, — начал было Николай и осекся, — блондинка? Бог мой, да ты ревнуешь?!

— Ничуть! Мало ли кто возле тебя крутится? Если я буду ревновать к каждой...

— Правильно, в этом нет никакой необходимости, — перебил ее Фертовский и улыбнулся.

— Ничего смешного, — Надя громко захлопнула книгу, собралась спрыгнуть с гамака.

— Мне не нужны никакие блондинки с их формами, — он стал серьезным, — и перестань, наконец, вырываться из моих объятий! Не верти головой, мне неудобно целоваться. И книгу брось на песок, она тоже мешает...

Солнце почти скрылось в воде, небо накрывала темнота ночи. Было безветренно и поэтому тихо. Николай и Надя шли по берегу.

— Ты сказал, что я — самая непредсказуемая женщина на свете. Что это значит? — спросила Надя, вспомнив его слова.

— Именно то, что я сказал. При всей твоей осторожности и, на первый взгляд, неуверенности в своих силах, вероятно, выработанной обстоятельствами, — он подумал секунду, — разного характера, ты способна на спонтанные решения, неожиданные поступки, даже авантюризм. В такие минуты ты забываешь о своих страхах и становишься другой.

— Тебе это не нравится? — Надя нахмурилась. Не очень хорошо понимала: муж ее упрекает, критикует или просто констатирует факты? Она давно, очень давно, выработала в себе привычку: чуть что — защищаться, выпуская наружу иглы как ёж. Она прикрывала ими свою ранимость, чувственность и болезненное восприятие всего того, что ее касалось. Нет, она вовсе не требовала постоянного восхищения своей персоной, более того, чаще предпочитала затененность и уединение, таким образом, избегая лишнего к себе внимания и возможной оценки. Она не любила критику и не критиковала сама.

— Дело не в этом, — Николай посмотрел на океан, — что бы я не находил в тебе, что бы не открывал, это не влияет на мои чувства.

— Почему? — искренне удивилась Надя. — Ведь наличие, скажем, каких-то моих недостатков вполне может тебя разочаровать.

— О твоих недостатках я знаю гораздо больше, чем тебе кажется. Они меня ничуть не смущают. Мне гораздо важнее твои достоинства. А вообще, если честно, мне плевать на все эти рассуждения, на рациональный подход, социальную совместимость, общность в воспитании и прочее. Во мне есть полная и непоколебимая уверенность в том, что ты и я — единое целое. Наши души до встречи друг с другом были потерянными, а теперь они вместе стремятся к абсолютной гармонии, — он замолчал. Надя слушала и изумлялась. То, что сказал муж, по сути дела, было гораздо важнее банального признания в любви.

А если разобраться, как все происходит? Как возникают и развиваются отношения между мужчиной и женщиной? Сначала некие флюиды, которые легким ветерком касаются обоих, рисуют первые впечатления, порой запоминающиеся надолго, или взгляды, улыбки — здесь тоже происходит обмен, вступают в силу эмоции. Это начало самой настоящей иллюзии — под ее влиянием создаются образы, которые едва ли соответствуют действительности. Их фантомность держится до того момента, как начинается контакт более близкого характера. Нет, речь не об интимных отношениях, а об отношениях вообще: проведение вместе времени, столкновение с первыми трудностями, несогласия, противоречия, в конце концов, элементарное желание стать самим собой, приводит к тому, что отношения меняются, как и меняются люди, а трансформация отношений не всегда безболезненна. Самое удивительное, что у Надежды и

Фертковского с самого начала все не так. Флюиды, романтика — ничего этого не было, сразу реальность, первые впечатления, которые ничуть не способствовали завязке отношений. Хотя последующие обстоятельства складывались так, что все время их подталкивало друг к другу, фатализм. Где-то там, наверху, решили, что они должны быть вместе. Вот и все.

Глава 20

28 января 1730 года к необитаемому острову в Индийском океане причалил французский парусный фрегат «Ле Лиз» под командой шевалье Альфонса де Понтивеза, страстного охотника за сокровищами и искателя приключений. Новый неизведанный уголок оказался на удивление живописен и богат на растительность, способную пополнить запасы судна, месяцами бороздившего океан в поисках новых земель для французской короны и спасаясь от преследований злобствующих в тех местах пиратов. Остров представлял собой покрытый джунглями треугольник, похожий на парус, окаймляющий огромную, заполненную водой чашу, на другой стороне которой также простерлась узкая полоса земли с многочисленной колонией крачек, фрегатов и прочей летающей живности. В проливе между островами вода была лазурного цвета. В прозрачной синеве у дна сновали разноцветные рыбы. Рядом с лодкой плыла зеленая морская черепаха-Лагерхед, она высунула голову подышать...

Сотня взмахов весел, и шлюпки пересекли зеленую гладь естественного канала и уперлись в нежный коралловый песок. Шевалье первым спрыгнул с лодки. Впереди зеленели настоящие непроходимые джунгли. Огромные кокосовые пальмы свисали к самой воде на контрастно-голубом фоне неба. Дул свежий морской бриз. Под ногами Шевалье де Понтивеза был необитаемый остров, самый красивый из всех, которые он видел. В тот момент де Понтивез даже не подозревал, что этот сказочный маленький остров в 174 гектара спустя двести с лишним лет будет носить его имя...

Пока ехали до аэропорта, Надя читала путеводитель. Встали ранним утром, очень хотелось спать. Николай приложил некоторые усилия, чтобы поднять жену, сам был, как никогда, в хорошем

настроении и бодр. Даже что-то мурлыкал, заваривая кофе. Надя вошла в кухню сонная лохматая и недовольная всем миром. И зачем она вчера согласилась? Ах, да, из-за блондинки. Ну и Бог с ней! Сегодня утром так хотелось спать, что Надежда уже готова была изменить свое решение, но муж... Он просто сиял от предвкушения удовольствия. Более того, так долго и терпеливо ее будил, что пришлось встать с кровати, с трудом открывая глаза и бурча себе под нос незлобные ругательства. Изумительно сваренный супругом кофе выполнил свое главное предназначение — окончательно разбудил Надю и улучшил ее настроение. В награду Николай получил поцелуй и заверения в вечной любви, ну, хотя бы из-за того, что он умел гениально варить кофе. Фертовский возмутился, подчеркнув, что у него еще масса других достоинств. Разве тут поспоришь?

Так что там еще в путеводителе об Альфонсе?

...Остров стал заселяться только в 1928 году. До этого изредка посещался моряками для сбора кокоса и гуано, а также для отдыха рыбаков и китобоев. Альфонс можно запросто обойти за два часа по периметру, а на велосипеде объехать за полчаса. Каждый год на нем созревает сто тысяч кокосовых орехов. Он также является лучшим в мире местом для рыбалки на летучую рыбу, которая водится тут в несметных количествах, иногда залетая прямо на палубу катера. Для туристов Альфонс открыли в 1999 году...

— На чем мы полетим? — Надя с подозрением посмотрела на пластиковый посадочный талон — действительно, зачем напрягаться и печатать новые? Затем перевела взгляд на «кукурузник» местных авиалиний. Он стоял на взлетной полосе и ожидал, а Николай, улыбаясь, смотрел именно на него.

— Ты мыслишь в правильном направлении, — сказал Фертовский и потянул ее за руку.

— И кто из нас непредсказуемый? — Наде ничего не оставалось, как идти за мужем.

«Кукурузник» оказался шестнадцатиместным, стюардессы, естественно не предусматривалось. Усатый улыбчивый капитан поздравил всех с началом полета, предупредил, где лежат целлофановые пакетики. Самолет почти вертикально с форсажем

взмыл в небо. Надя, побелев, вцепилась в подлокотники, но до конца полета держалась стойко, не жаловалась и пакетиком не воспользовалась. Перед этим капитан пошутил, что пакетики в худшем случае все равно не спасают.

Самолет на бреющем полете несся над водой, как альбатрос над морем. Спустя час он стал подлетать к месту назначения. С высоты птичьего полета простирался кратер огромного вулкана, заполненного морской водой. С одного края приютился небольшой коралловый островок Альфонс. Тот самый Альфонс... Надя на секунду забыла о своих страхах. Даже не верилось.

Самолет сделал крутой вираж и зашел на посадку. Взлетно-посадочная полоса разделяла треугольный остров на две одинаковые части. Самолет плюхнулся на три точки и, взревев, винтами начал интенсивное торможение. После короткой пробежки по посадочной полосе он развернулся и замер. Команду дайверов, Николая, Надю и еще двух японцев встречала владелица дайвинг-центра Бриджит. Надежда глотнула свежего воздуха, посмотрела на мужа и наконец, улыбнулась. Все такой же бодрый и активный (для него, наверно, самолет — второй дом), он разговаривал с Бриджит, расспрашивая о местных обитателях острова. Она рассказывала, что отель на Альфонсе открыли несколько лет назад. Но половина острова до сих пор — непроходимые джунгли, где хозяйничают дикие куры и охотящиеся на них расплодившиеся коты. Ни первые, ни вторые с человеком общаться не хотят. Главное место их сбора — старое креольское кладбище, где по утрам орут петухи, а по ночам из-за могил светятся голодные кошачьи глаза. К сожалению, нельзя подняться на старый маяк, он зарос непроходимой растительностью. С другой стороны, за взлетно-посадочной полосой, джунгли прорежены стараниями нанятых индусов, построены виллы, рестораны, бассейн, есть деревушка для обслуживающего персонала. По центру — здоровенный загон с гигантскими черепаками, которые громко вздыхают по ночам. Услышав про черепах, Надя оживилась и стала расспрашивать у Бриджит подробности. Оказалось, что самой шумной — за сто пятнадцать лет, но «старушка» не отличается большой доброжелательностью. Пару раз она резво прогнала туристов, перебравшихся через ограду пофотографироваться. Зато, уточнила Бриджит, можем насладиться черепаховых зрелищем под водой.

Морские зеленые черепахи — это традиция. Правда, и они не очень любят близко к себе подпускать, но зато более миролюбивы...

Двухмоторный катамаран с инструктором-белорусом (вот приятная новость) уже ждал группу дайверов. Экипируясь, Надя вдруг почувствовала такой азарт и возбуждение, что, наконец, поняла, что ощущал муж с самого утра. Просто она была начинающим дайвером и никогда не видела уникального Индийского океана. И еще, Николай договорился с Бриджит, что будет вести подводную съемку.

Прыжок, и японцы, один за другим, опустили под воду. Пока глубина до пятнадцати метров. Затем прыгнула Надя, Николай следом.

Потрясающе! Надежда от изумления даже остановилась. Рябило в глазах от бурной жизни подводной мелочи, здесь простирались великолепные живописные коралловые плато. Николай махнул Наде рукой, на что-то показывая, она повернулась: слева важно и степенно проплывал целый десяток тех самых морских зеленых черепах. Надя было погналась за ними, но черепахи неожиданно оказались проворными, да еще вдруг вода помутнела — встретились два течения. Надежда ощутила, как полетела вперед без малейшего движения с ее стороны, а через пятнадцать минут ее уже несло обратно, настоящий скоростной полет, аж дух от восторга захватывало.

Инструктор дал знак опускаться ниже, за отметку пятнадцать-семнадцать метров, здесь был совсем другой подводный мир. Остров опоясывали абсолютно отвесные скалы с огромными зарослями ветвистых горгонарий³. Аналогов этого зрелища в природе просто не существует. Здесь, соответственно, и обитатели покрупнее, Индийский океан имеет свои сюрпризы.

Например, трехметровая дог-туна⁴: глаза — с тарелку, а зубы — с палец. Стаи каранксов, они же «джек» или «блек-джек», свирепо патрулировали тучи мелких триггеров, порхающих вокруг, словно бабочки. Из темных пучин поднялись скаты-орляки, они, будто позируя, все больше крутились возле Николая, а потом призраками исчезли. Он почти все время снимал, хотя видимость под водой колебалась. Океан-то живой, дышал.

Надя то и дело отставала от группы, уж очень хотелось все рассмотреть поближе да повнимательнее. И она первая увидела таких акул, которых не в каждом морском музее увидишь. Например, акула-трешер, известная как лисица, она должна водиться на

четырехсотметровой глубине, но иногда приходит пошалить в тунцовые стаи. Надя испугалась, когда увидела акулу-няньку, но инструктор знаком успокоил — опасности нет, тем более, что на тот момент акула спала. Также в этих водах водятся акула-молот и тигровая акула, последние опасны по-настоящему, приплывают на остров в ноябре. Про акул все подробности Надя узнала уже потом, когда просматривала пленку и слушала комментарии Бриджит.

Не меньше ее захватила история о затонувшем в XIX веке корабле «Дойле» с артефактами. Он зацепился на отвесной скале: основная часть ушла в пучину, но довольно большой фрагмент красовался на тридцати пяти метрах глубины.

Но самым сильным впечатлением оказались увиденные отдыхающие кашалоты, бронзовые и горбатые касатки. Инструктор⁵ плавал с китами, словно они были большими друзьями.

Удивительный, неповторимый мир! Завораживало все: кристальная вода, свобода скоростных полетов, создаваемых течениями, словно ты в космосе, отвесные скалы, сменяющиеся коралловыми садами...

После того, как подводная прогулка закончилась, группу провели по острову, организовали замечательный рыбный ужин. Два раза в день в океане бывают отливы, атолл оголяет свое песчаное дно, Надя и Николай по нему зашли в море почти на километр. Раковин было столько, хоть собирай здесь же коллекцию.

Настроение было приподнятым, усталости от походов совсем не ощущалось, как и неудобств полета на обратном пути, все на том же «кукурузнике». Надя посмотрела на мужа, он сидел, прикрыв глаза, отдыхал.

— Большое спасибо тебе, Николенька! — сказала она, прикоснувшись к его руке.

— За что? — он улыбнулся, не открывая глаз.

— За такой роскошный «медовый» месяц. Ты подарил мне другой мир, создал настоящую сказку.

Он сжал ее руку.

— Ты подарила мне гораздо больше...

Виктория посмотрела на часы: что-то подруга задерживается. Это непохоже на нее. Хотя если учесть, что они вернулись из поездки сегодня ночью, а сейчас шесть часов вечера, Надюша вполне могла проспать. Вика улыбнулась, представив, как Надя суется, обнаружив, что не успевает — она не любила опаздывать, не любила, когда опаздывают другие, могла ворчать по этому поводу полвечера.

Ну, наконец-то! Надежда влетела в ресторан, первое, что бросилось в глаза Виктории: ее каштановые локоны, роскошными волнами лежащие на плечах, рекламно трянув этими самыми локонами, она стала озираться по сторонам, увидела подругу, махнула рукой. Пока добиралась, успела зацепиться за стул, споткнулась.

— Привет! Какая ты шикарная! — Вика звонко чмокнула ее в щеку, погладила норковую шубку. Надя, действительно, изменилась. И дело было не только в том, что на ней замечательная шуба, бронзовый загар, уложенные волосы, она была просто счастливой женщиной. И это ощущалось во всем: в улыбке, блеске глаз, жестах, походке, даже несмотря на то, что она не изменила своей привычке неуклюже задевать предметы. Все равно она стала другой.

— Шикарная? — усмехнулась Надя. — Это не я, а шуба, — уточнила она, — когда муж ее выбирал, я утомилась настолько, что просто сбежала из магазина. Ты же знаешь, дорогая, длительное хождение по магазинам не для меня.

— Так шубу выбирал Николай? — Вика протянула Наде меню. — У него идеальный вкус, — заявила она и кокетливо подозвала взглядом официанта.

— Ну, да, — засмеялась Надежда, — я не забыла, как ты всегда расхваливала Фертовского.

— Конечно, ведь он выбрал тебя, а это говорит о многом, — Вика посмотрела на подошедшего официанта, медленным жестом поправила очки, подарила ему такой взгляд, что тот стушевался. А она тем временем с выразительными паузами и неторопливым листанием меню сделала заказ и в довершение задержала на парне взгляд дольше, чем положено. Красный как томат, он механически записал заказ Нади, стараясь на нее не смотреть. Ему хватило и ее рыжеволосой подруги. Когда он скрылся из виду, Надежда вволю насмеялась. Давно Корецкая не выкидывала своих фортелей! Стали забываться те времена.

— Неужели Вадим займет место в ряду отвергнутых? — Надя царственным жестом скинула шубу. Вика сняла очки, потеряла переносицу.

— Почему ты так решила? А, официант, — догадалась она, — нет, подруга, Вадим — лучшее, что у меня есть, и я его ни на кого не променяю. Ты решила, что мне нужен этот мальчишка? Я просто проверяю иногда таким способом, в форме ли я еще, не более, — она сделала паузу, — нет, ничего я не проверяю, просто решила тебя посмешить. Знаешь, Надюш, — Вика стала серьезной, — я, действительно, люблю Вадима и мечтаю, впервые в жизни, чтобы мужчина сделал мне предложение. Хочу быть с ним все время, заботиться, ждать его с работы, рожать ему детей, хочу быть просто женой, как ты. Тебе нравится быть женой?

— Нравится, — не задумываясь, ответила Надя.

— Вот видишь, — кивнула Виктория, — я и не сомневалась, что мужчины их рода — лучшие в мире.

Пока Виктория рассуждала, Надя думала о своем. Да, ее жизнь изменилась, и дело совсем не в статусе и не в том, что у нее только-только закончился «медовый» месяц. У нее было ощущение, что она знала Николая всю жизнь. Став к нему ближе, она быстро научилась понимать его немногословность, его внешнюю сдержанность, которую раньше принимала за надменность и холодность. На самом деле это был удивительно добрый и душевно щедрый человек, обладающий настоящим теплом сердца. Ведь добрые люди — высшее социальное благо. Наде не просто повезло, что она его встретила, ей позволили любить и быть любимой и желанной. Ей выпал счастливый шанс, и теперь она должна сделать все, чтобы сохранить то, что имела.

— Девочка моя, — расчувствовалась Виктория, коснулась ее руки, — ты и представить себе не можешь, как я за тебя рада. Мы с тобой столько раз говорили о женском счастье, о любви, в поисках которой люди мечтают, находят, теряют, проходят мимо. Твоя дорога не была простой и гладкой, но я всегда верила, что ты будешь счастлива, помнишь мои слова?

— Конечно, помню, мое рыжее чудо! — Надя дернула ее за локон. Официант принес заказ. Оправившись от смятения, он смотрел на них с явным интересом. Эта яркая девица с такими чувственными губами, длинными ногами и томным взглядом за явно дорогущими очками

никого не могла оставить равнодушным. Наверняка, любительница приключений, причем «дорогая штучка». Да и подруга ее тоже ничего — пышногрудая, загорелая, улыбчивая. Похоже, что они долго не виделись, намерены сидеть здесь много времени, заказали на приличную сумму, а значит, оставят и приличные чаевые, а, может, и номер телефончика.

— Давай закажем хорошего вина? — предложила Вика, настроение было приподнятым. — И выпьем за нас — красивых и удачливых! Где тут у них карта вин?

Зазвенели бокалы, заблестев хрустальными гранями. Рубиновое вино было отменным, конечно, расточительная Виктория заказала самое дорогое.

Они пили, шутили, смеялись и говорили, говорили, вспоминали о прошлом, то и дело перебивая друг друга. Они были такие разные, и внешне, и характерами, и своими взглядами, но что-то их всегда объединяло. А, может, просто дополняло? Да, скорее, они дополняли друг друга, не пытаясь что-то изменить, не давили, не навязывали. Оказывается, это создает гармонию не только в любви, но и в дружбе.

— Надюня, я тебя обожаю! — Виктория опьянела. Она неуверенным жестом сдернула с себя очки, умиротворенно улыбнулась и пристроила подбородок на ладонях. — Знаешь, как я без тебя страдала? Я так виновата...

— Не надо, Вика, — отмахнулась Надя. Она тоже начала чувствовать, что пьянеет, хотя выпила гораздо меньше. Но сказывался перелет, смена часовых поясов и бессонная ночь. Кроме того, они с подругой по-настоящему расслабились. Нет, надо ехать домой, пока еще способны стоять на ногах.

Надя попросила счет. Опять пришлось спорить с Викой, кто его оплатит. В результате обе оставили кучу денег. Официант на такое даже не рассчитывал. Послав ему воздушный поцелуй вместо номера телефона, Виктория первой вышла из ресторана и тут же поймала такси. Условились, что сначала отвезут Надю, до ее дома было ближе. Таксист всю дорогу посмеивался над веселыми и шумными девицами, потом они долго прощались и чмокали друг друга.

Надя задремала. Сама не поняла, как это получилось: приготовила ужин, поставила чайник, потом присела в кресло к телевизору и уснула, держа перед собой пульт. Чайник, вовсе не электрический, истерично свистел, а Надя спала.

И вот он — знакомый перрон. Надя ждет поезда и явно торопится. Она все время смотрит на часы. Наконец, поезд подходит к перрону, но двери закрыты. Надя в растерянности смотрит на грязные стекла дверей состава, часть вагонов в весьма плачевном состоянии. Это не поезд, это какая-то развалина на рельсах. Но Наде необходимо ехать, действительно, надо уехать. И двери открываются. Изнутри вагон не менее страшен. Надежда с трудом находит целое сиденье у самого окна, жмет к нему. Поезд трогается, но начинает движение совсем в другую сторону. Мелькают деревья, домики, даже станции, и поезд упрямо увозит Надю назад, в прошлое...

Она вскрикнула и проснулась: одновременно свистел чайник и звонил телефон. В несколько прыжков Надежда оказалась на кухне, выключила полувывкипевший чайник, лишь потом схватила трубку.

— Да!

— Мне необходимо поговорить с моим сыном, — отчеканил холодный голос. Надя боялась этого голоса, каждый раз боялась, почти все разговоры Николая с отцом заканчивались ссорой.

— Добрый вечер, Владимир Григорьевич! — стараясь унять дрожь в голосе, вежливо сказала Надя. Свёкр не должен догадываться о ее страхах, кроме того, ему нельзя давать повод в чем-либо упрекнуть жену сына, на худой конец — в отсутствии воспитания. — Николай еще в агентстве.

— Так поздно? — возмутился свёкр. — Хотя чему тут удивляться: работа для него всегда важнее, чем что-либо другое, или кто-либо другой. Поэтому он и не торопится домой. Ведь мы стремимся туда, где нам хорошо. А раз в такой час Николая еще нет дома...

Надя подумала о том, что сегодня свёкр слишком разговорчив. Видимо, желание говорить гадости частенько развязывает язык.

— Что ему передать? — внезапно ей стало весело: Фертовский-старший тратил на нее — плебейку, столько драгоценного времени, хотя неоднократно утверждал, что не станет с женой сына не то, что разговаривать, даже здороваться. Правда, он сейчас не поздоровался.

— Ничего передавать не надо. Это не ваше дело, — он отключил телефон. Надя вздохнула: ну, что ж, по крайней мере, звонок свёкра прервал этот ужасный сон с поездом и не позволил чайнику сгореть. Надо свёкра еще и благодарить!

Николай вышел из здания турагентства, куда сдал серию снимков о Сейшельских островах. После того как съемки фильма были приостановлены, а Никита тут же влез в проект какого-то документального фильма и уехал из страны, Фертовский всерьез занялся фотографией. Осуществилась его давняя мечта: заниматься тем, что ему по-настоящему нравится. А тут еще позвонил приятель и предложил работу фотохудожника в его журнале. Отец высказал свое неодобрение: что это за профессия? Но Николай лишь поджал плечами. А когда отец в очередной раз взялся упрекать его в выборе жены...

Да, Николай ведь обещал позвонить Наде. Всякий раз, когда он звонил ей, ему нравилось слышать в трубке ее мягкое «да!» и говорить всякие глупые нежности, на которые, как ему казалось раньше, он просто неспособен. Надя, сама того не подозревая, пробудила в нем такую чувственность, доброту, легкость, что будто мир открыла заново. Она умела радоваться каждому мгновению, каждой мелочи, в этом была вся прелесть, чудесные свойства ее натуры, начисто лишенной тщеславия, заносчивости, черствости, неумения прощать. Она по-прежнему стеснялась и краснела от его комплиментов, которыми её щедро одаривал муж. Она легко иронизировала в свой адрес, ее частенько спасал юмор. Николай не без удовольствия словесно пикировался с женой, подтрунивал над ней, и получал настоящее удовольствие от ее эмоциональности. Кроме того, она замечательно готовила. Всегда внимательно слушала о его работе, искренне удивлялась тому, что ей казалось невероятным. А как она восторженно рассматривала все его альбомы с фотографиями?!

В кармане зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Николай, даже не посмотрев на экран. Стоял на крыльце и ежился от холода, к вечеру мороз стал крепче, настоящие зимние дни.

— Привет! — как можно непринужденнее произнес знакомый голос.

— Добрый вечер! — отозвался Николай, в первую секунду подумал, что ослышался. Они не виделись с лета, не разговаривали с того самого раза, как поссорились из-за девушки, впервые поссорились. И все, полгода молчания, никто не делал первый шаг, один считал себя обиженным и обманутым, другой не знал, как оправдаться.

— Ты как?

— Занимаюсь новой работой пока с фильмом финансовый напряг.

— Я в курсе.

— Никита просветил? А как у тебя дела?

В воздухе висело напряжение, но они должны были когда-то поговорить и помириться, если получится. Нельзя же так, в одночасье, вычеркнуть годы не только родства, но и крепкой мужской дружбы.

— Тоже неплохо. Может, встретимся и поговорим? Мне кажется, подойдет какой-нибудь тихий ресторанчик...

Вадим умолк, почему-то испугавшись, что брат отвергнет его миротворческий порыв. У Николая непростой характер, он не из числа тех, кто быстро отходит, хотя прошло уже больше полугода, оба давно успокоились, более того, Николая женился. Об этом Вадим узнал от Виктории.

— Знаешь, что, Вадим, давай-ка подъезжай ко мне? — поразмыслив, предложил Николай. — Посидим в домашней обстановке, поговорим, все обсудим. Ресторан для деловых переговоров, а не для родственников.

— Согласен! — обрадовался Вадим. На душе сразу стало легче. Мудрый старший брат.

— Ты сейчас где?

— Сажусь в машину. Я только что вышел из дома.

— Хорошо. Поезжай, мы встретимся прямо у моего подъезда. Я тоже еду.

Николай подошел к своему автомобилю и привычно полез в карман за ключами. Но в кармане было пусто. Он полез в другой — пусто, чертыхнулся. Ну что за оказия? Неужели ключи потерял?

Машина равнодушно поблескивала в свете летящих снежинок, они искрами падали на капот и стекла. Фертовскому ничего не оставалось, как вернуться в офис агентства. Хорошо, если брелок с ключами окажется где-то там.

Вадим ехал несколько дольше, чем рассчитывал, на одном из проспектов попал в пробку, решил перезвонить брату, что задержится, но теперь тот был недоступен.

Зорин, подъехав к месту встречи, осознал, что уже основательно опоздал и, скорее всего, Николая ждет его дома. Ни секунды не раздумывая, он направился в подъезд. Консьерж пропустил беспрепятственно, знал его.

Надя открыла дверь, даже не подозревая, кто за ней находится. Она словно приросла к месту. Вадим снял меховую пушистую шапку и смущенно улыбнулся. За те полгода, что они не виделись, он изменился: больше так коротко не стригся, даже отрастил классическую бородку, а глаза все такие же теплые, и все те же густые девичьи ресницы.

— Привет, Надя! — он, не скрывая восхищенного взгляда, смотрел на нее. В один миг вспомнилось все: Беяниново, лес, река, солнце, запутавшееся в венке темных волос, гитара с печальным романсом, несостоявшийся поцелуй и утраченные мечты, им так и не суждено сбыться.

— Добрый вечер, Вадим! — наконец сказала Надежда, она не знала, как вести себя. Конечно, когда-нибудь они должны были встретиться, ведь Вадим — брат ее мужа.

— Мы с Николаем созванивались, — начал объясняться Вадим: судя по ее реакции, она не предупреждена о визите, — и договорились, что встретимся здесь, в его... — он осекся, — в вашем доме. Я думал, что опаздываю, и поэтому поспешил зайти, но... если Николай нет, я могу подождать и в машине.

— Ни в коем случае! — воскликнула Надя и жестом пригласила его войти. — Я не ожидала тебя увидеть, поэтому растерялась, — теперь принялась объясняться она, чувствуя еще большую неловкость. Чтобы как-то сгладить ситуацию, тут же спросила: не голоден ли он? Вадим отказался от еды, на чай согласился.

Она принесла в гостиную поднос с чайником, чашку, розетку с медом и блюдец в виде лепестка, на котором лежали ароматные дольки лимона.

— А чашку для себя? — удивился Вадим. — Я один пить не стану.

Надя кивнула. За небольшим удобным столиком они устроились друг напротив друга. Вадим взял чашку, прижал к ее горячим стенкам пальцы. Приятные ощущения, согревающие, как и то, что рядом Надя. Ах, эти ее изумрудные глаза!

Глава 23

— Я, пожалуй, еще раз перезвоню Николаю, — сказал Вадим, допив свой чай. Он набрал номер — длинные гудки, — вероятно, не слышит, — прокомментировал, опять будто оправдывался, обвел взглядом гостиную. — Я давно здесь не был, изменилось многое. Как тебе живется, Наденька? — посмотрел на нее так пристально, что она поторопилась отвести взгляд.

— Я счастлива, — ответила просто, без пафоса, сказала, как думала. Чтобы скрыть смущение, принялась хлопотать — налила Вадиму еще чаю, предложила конфеты и, не дождавись ответа, упорхнула на кухню, якобы, на одну минутку.

Вадим пересел в кресло, закинул ногу на ногу. Душу раздирали противоречия, что-то там ёкнуло, внутри, в тот самый момент, как он увидел Надю.

Ощущение возможного с ней счастья полгода назад было так близко, что оставалось лишь руку протянуть. Он и протянул, но слишком поздно. Хотя она тогда еще ничего не испытывала к Николаю, а Вадим ни за что бы не поверил, что его будущее связано с Викторией. Как же непредсказуема жизнь! И порой так сложно себе представить, что все будет иначе, чем мы хотим, желаем, планируем.

Надя вернулась из кухни, улыбнулась. «Хороша!» — подумал Вадим. Будто вся светится, шелк волос рассыпан по плечам, щеки залиты румянцем, в глазах словно искры. В движениях, словах столько мягкости, женственности, тепла, прямо чувствуешь его кожей. Недаром Николай потерял голову. Так Виктория сказала...

Вадим подумал и о ней. Он не испытывал бешеной страсти, не захлебывался от эмоций и не был готов бежать за ней на край света, но ему было хорошо с Корецкой. Она окружила Вадима такой искренней заботой, нежностью, что он впервые в жизни почувствовал себя по-настоящему любимым. Эта женщина жила ради него и делала все, чтобы он стал счастливым. Как Надя сказала: «Я счастлива!» Значит, и

брат делал то же самое, что и Виктория. Но любит ли его Наденька так же сильно? Может быть, она, как и Вадим, решила, что принимать любовь гораздо безопаснее и надежнее?

— Я иногда вспоминаю, что было в Беляниново, — признался Вадим. Ему так хотелось поговорить об этом. — Надюша, скажи, ты хоть раз задумывалась: открой я тогда тебе свои чувства раньше, все было бы по-другому, а? И сидели бы мы сейчас не в этой квартире и не как два чужих человека. Мы выбираем дорогу, одну из тысячи, но кто знает, насколько верен наш выбор? Даже если нам сейчас и хорошо, кто ведает, может быть там, на другом пути, нам было бы лучше? Ты не сожалела об упущенных возможностях?

Надя поднялась со своего места, подошла к окну. Яркие фонари освещали очищенные от снега дорожки, проезжали автомобили, торопились домой замерзающие прохожие. Холодно. До нового года оставалось несколько дней, и, наверно, неспроста появился Вадим, появился, напомнил о себе. И Наде показалось, что именно сейчас, в последние дни уходящего года, где-то там, на небесах, решили устроить ей проверку на прочность.

Конечно, Надя не забыла о Вадиме, ведь о нем говорила Виктория, не один раз, и по ее рассказам сложился некий образ, который не имел ничего общего с Вадимом в Беляниново. Тот Вадим исчез, растворился во времени, а другой полюбил Вику, ответил на ее чувства. А теперь вдруг он появился снова. И хотя изменился внешне, это был все тот же Вадим Зорин. Потому, как Надя заволновалась, она поняла это. Он сейчас был рядом, близко, следил за каждым ее движением, за ее реакцией. Упущенная возможность? Какое же это искушение — несбывшиеся мечты, нереализованные планы, выбор одной из дорог, когда знаешь, что другая так и останется в стороне?! Неужели и, правда: хорошо там, где нас нет? Пространство вариантов... Тот ли вариант она выбрала?

— Вадим, я хочу тебе сказать, что... — Надежда повернулась к нему, спрятала руки за спиной.

Николай подъехал к дому, некоторое время посидел в машине, так разболелась голова, что не хотелось даже двигаться, да и усталость сковывала тело. Он стал тереть переносицу, запустил пальцы в волосы, надавливая ладонью на лоб. Так просидел еще несколько минут. Мотор автомобиля тихо урчал, но даже это раздражало больную голову. Ах, в

спешке и суете Фертовский забыл позвонить Наде, забыл предупредить, что задерживается. А ведь он основательно задержался, она наверняка беспокоится. Он улыбнулся, вспомнив о жене, и посмотрел на окна второго этажа, свои окна. Через секунду штору отодвинули, и за окном возник знакомый силуэт. Она ждала, смотрела на улицу и волновалась. Так всегда делала, когда он задерживался. Не ела, не ложилась спать, смотрела в окно, иногда ждала в кресле и, совсем измучившись, успевала задремать, вскакивала при его приходе и ни за что не признавалась, что задремала. Его жена была особенной, ни на кого не похожей, иногда Николаю казалось, что она — существо из другого мира. Он трепетал лишь при одном прикосновении к ней, чувствуя себя мальчишкой, испытывал настоящую эйфорию просто от того, что она была рядом.

Он обожал по ночам ее теплое дыхание, смешное сопение, любил ее спутанные волосы, которые лезли ему в лицо, когда она поворачивалась. Надя часто спала беспокойно, иногда просыпалась ночью в испуге и жалась к нему, как дитя. Потом, уткнувшись ему в подмышку, засыпала. В такие минуты он испытывал особую нежность и почему-то страшную ответственность за нее. Утром, в выходной, если она просыпалась раньше, довольная, смотрела на его профиль, что-то бормотала, потом целовала его в нос. В следующую секунду шептала, что он самый красивый и умный мужчина на свете. Спросонья он отнекивался, гладил ее мягкие округлые плечи и потихоньку возбуждался. Он учил ее не стесняться своего тела, умело ласкал его, неустанно и искренне восхищался каждым его изгибом. Для него жена была совершенством.

Из подъезда вышел мужчина, застегнул куртку, держал в руке мохнатую шапку. Обернулся и посмотрел именно на то окно, за которым стояла Надя. Мужчина махнул ей рукой, и Надя ответила ему, более того, послала воздушный поцелуй.

Николай обомлел. Все происходило будто в замедленной съемке, более того, он успел рассмотреть каждую деталь развернувшейся сцены, рассмотреть и понять: между этими двумя что-то было! Когда мужчина прошел мимо машины Николая, он узнал в нем Вадима. Именно он вышел от Надежды, обернулся, а та даже поцелуй послала. Или не послала? Николаю показалось, что он сходит с ума. А может,

он все придумал? Вышел из подъезда мужчина, похожий на Вадима, обернулся на окна. Надежда стояла и... Но мужчина мог помахать и кому-то другому, а Надя просто заметила автомобиль мужа, вот и отреагировала. Николай закрыл глаза и понял всю нелепость только что придуманных оправданий. Это был Вадим, ведь Николай сам его позвал. Он приехал к нему домой, долго ждал. Да, именно долго! Николай опоздал на целый час, а Вадим был у него дома, с Надей, наедине...

Кровь бросилась ему в голову. Он сам создал такую ситуацию, он сам предоставил Вадиму возможность встретиться с Надей. Они ведь так и не встречались после Беляниново. Любила ли тогда Надя Вадима, что она чувствовала, страдала ли, Николай не знал. На эту тему было наложено табу. Да и где-то в глубине души Фертовский всегда боялся этой темы. То, что спустя несколько месяцев Надежда Андреева вдруг переменила свое мнение о нем и даже дала согласие на брак, теперь ничуть его не утешало. Она могла это сделать, чтобы окончательно забыть Вадима. Неужели предложение Николая стало для нее всего лишь способом вычеркнуть Вадима из своей жизни? Жалела ли она хоть раз, что так поступила? Сомневалась ли в своем выборе? Иногда она становилась задумчивой и какой-то отстраненной, может быть, она вспоминала Вадима? А ее беспокойные сны?

Николай вышел из машины, хватанул снега и со злостью швырнул его в стену дома. Фертовскому еще никогда не изменяли женщины! Он горько усмехнулся. Никогда... дело совсем не в этом. Просто несколько минут назад окончательно убедился: он так сильно любит Надежду Андрееву, что и не мыслит своей жизни без нее. Это делает его слабым и очень уязвимым.

Открыл дверь своим ключом, вошел в холл, что-то с грохотом задел.

— Привет, милый! Как ты быстро перенял от меня привычку неуклюже задевать предметы, — пошутила Надя, — или они сами на тебя натываются?

Глава 24

Николай не ответил, посмотрел на Надю как-то странно. Стоял посреди холла и не делал никаких движений.

— Иди, мой руки, ужин готов, Николенька, — Надежда подбежала к мужу, поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку. Она так всегда делала. На секунду он почувствовал тонкий аромат ее пряных духов.

«Интересно, чем пахнет измена?» — подумал Фертовский, глядя ей вслед. Ни о чем не подозревающая предательница упорхнула на кухню. Впервые в жизни Николай не знал, как себя вести, что делать, что говорить. Ревность выбивала почву из-под ног. А что в таких случаях делают другие? Кричат, обвиняют, требуют признаний или просто хлопают дверью? Почему-то захотелось все это проделать сейчас, сразу, не медля ни секунды выпустить пар. Он сделал шаг и остановился, перевел дыхание. Все-таки воспитание и природная сдержанность победили, он не может вести себя так, чтобы потом было стыдно. Что бы ни происходило, необходимо сохранять достоинство и уважение к себе и окружающим, даже если они этого не заслуживают.

Все так же молча, Николай прошел в ванную, помыл руки, после направился в спальню. Там, бросив пиджак в кресло, лег на кровать поверх покрывала и уставился в потолок. Если бы можно было, просто закрыв глаза, легко избавиться от проблем.

— Ты себя плохо чувствуешь? — Надя появилась в спальне, села рядом с мужем. Взяла его руку и прижала к своей щеке. Неужели так можно притворяться? Николай старался не смотреть на жену, взгляд скользнул мимо, словно обошел что-то нежелательное. Проще всего закрыть глаза, что он и сделал.

— Голова болит? — догадалась Надя. — Принести лекарство? Укрыть тебя пледом? — она забросала его вопросами, готовая сделать все, чтобы он ни попросил. — Может, сладкого чаю? Да, совсем забыла: приезжал Вадим. Сейчас принесу плед, — спохватилась и пошла за пледом. Николай из-под полуопущенных ресниц следил, как ее пухленькая фигурка исчезла за дверью. Все-таки сказала про Вадима. И ни тени смущения, никаких эмоций. А чего он ожидал? Что она будет говорить об этом с великой радостью, тем самым выдавая себя с головой?

— Вадим не дождался тебя, вынужден был уехать — кажется, позвонила его матушка, что-то срочное, — Надежда вернулась с

пледом, — Николенька, ты такой бледный, — тут же констатировала она, — ты точно не станешь пить лекарство?

Он отрицательно помотал головой.

— Надеюсь, это не из-за твоей новой работы? Нагрузка большая, — Надя принялась поправлять ему подушку. У нее всегда были такие ласковые руки, их прикосновение доставляло Фертовскому удовольствие, но не сейчас, когда он чувствовал себя обманутым и униженным. — Хочешь, я сделаю тебе массаж? — предложила она. — Станет сразу легче.

Он опять помотал головой, едва сдержал слова-упреки. Как можно быть такой лицемерной, чтобы после любовных утех с одним тут же ласкаться к другому?

— Ну, как знаешь, — она пожала плечами. Ей вдруг на миг показалось, что взгляд Николая опять стал холодным, равнодушным, таким, как в Беляниново, еще в самом начале из знакомства. Тогда его черные непроницаемые глаза смотрели на нее, и в них была холодная пустота, которая ее поразила и оттолкнула.

— Я хочу побыть один, — тихо, но твердо, наконец, сказал он и отвернулся.

— Хорошо, зови если что, — она пожала плечами. Ощутила беспокойство, неясное, необъяснимое, что-то засосало под ложечкой. Женская интуиция подводит редко. С этим беспокойством Надя ушла на кухню. Через пару минут зазвонил телефон.

— Да, привет! — Надя поставила чайник. — Давно не виделись? — она засмеялась. — Только недавно расстались.

Николай слышал все. Неужели Вадим осмелился позвонить сюда?!

— Да, да, — отозвалась Надя невидимому собеседнику. — Ну, как тебе сказать? Изменился и даже очень. Новый имидж мне понравился.

Николай жадно ловил каждое слово жены, сказанное по телефону, и все больше осознавал, что его такой короткий брак дает трещину. В их союзе любил лишь один, а второй... Рано или поздно отсутствие любви начинает утомлять. Впервые в своей жизни он так страстно и безумно хотел любви женщины. Но словно в насмешку судьба не давала ему этой любви, женщина была равнодушна. Может, она и хотела полюбить, может, и старалась, но не смогла. Кара за высокомерие, надменность и раздутое самолюбие.

— А Николай совсем недавно вернулся, да, так получилось, — продолжала говорить Надежда, все больше вонзая нож в сердце мужа, — но ничего, главное, сделан первый шаг. Все еще впереди. Я искренне рада. Конечно, нам надо чаще встречаться, было бы здорово. Знаешь, на свете так много обид, разочарований, и так мало любви, прощения, искренности и тепла. Я радуюсь, что мы помирились, простили друг друга, я тебя обожаю, глупышенок! Подожди, чайник кипит, — Надя положила трубку телефона, — все, чай готов! — доложила спустя несколько минут, — подожди еще немного, спрошу у Николеньки, может он все-таки захочет чаю?

Стараясь не шуметь, Надя вошла в спальню. Николай лежал, отвернувшись, пледом накрылся до самой макушки.

— Коля, — тихо позвала Надя, подошла ближе, он не реагировал, наверное, уснул. Она поправила плед, улыбнулась. Он, действительно, устал.

— Уснул, — Надя опять села с телефоном в кухне, на том конце провода терпеливо ждали, — вернулся уставший, лег. Я укрыла его пледом, приготовила сладкий чай. Что говоришь? Идеальная жена? — она засмеялась. — Нет, это не про меня, а вот мой муж близок к идеалу. Я совершенно серьезно, — она глянула в пролет коридора, показалось, что кто-то ходит... нет, только показалось. — Я все больше убеждаюсь, что мне достался лучший мужчина на свете, да-да, не смейся. Он просто необыкновенный. Знаешь, чему я учусь у него? Не только терпению и сдержанности, я учусь у него любить. Он, как никто, умеет любить, в моем счастье находит свое собственное. Он считает, что очень важно стремиться дарить счастье другим. И мне безумно нравится быть его ученицей, единомышленницей, быть его женой. Слукавлю, если скажу, что у моего мужа легкий характер, но, пожалуй, впервые в жизни я адекватно воспринимаю все его недостатки, одновременно не стремясь идеализировать. У меня удивительное внутреннее спокойствие и такой душевный комфорт, какого я никогда не испытывала.

Николай сел в машину, включил зажигание. «Ехать, ехать, надо просто ехать», — с этой мыслью он выкатил на шоссе, влился в поток машин. Ему всегда нравилась дорога, а когда он был за рулем — особенно. И даже пробки как-то не раздражали, зато было время

подумать, что-то для себя решить, вырываясь из привычной суеты. Съемочные дни, пожалуй, самое суетное время, чересчур много эмоций, то и дело возникающих трудностей и споров. Со стороны — так вообще полный хаос, в котором порой нелегко разобраться и самим. И все же хаос в голове — совсем другое. Что ощущает человек, когда что-то рушится в жизни? Когда испытывает разочарование? И что делать в такой ситуации? Он не знал. С Маргаритой было иначе, практически одновременно они стали отдаляться, в какой-то момент, поняв, что между ними уже ничего нет, только сын. Но и он не смог связать. Хотя Николай всегда скучал по нему, да и мальчишка любил его приезды, они почти все время проводили вместе, Маргарита относилась к этому с пониманием. У нее был новый муж. Странно, но установившиеся между ней и Николаем отношения после развода стали намного теплее и крепче, чем брачные. А может, он вообще неспособен строить отношения с женщиной, быть мужем? Ведь до встречи с Надей он так и думал — матримониальные обязанности не для него.

Вот и отец после развода так и не женился, менял любовниц, не часто, правда, но ни к кому не привязывался, ни о чем не сожалел, не переживал. Хотя последние несколько лет он один, и, пожалуй, впервые стал говорить о Софье без раздражения и упреков. Все дело в том, что он теперь больше живет воспоминаниями, особенно, теми, что связаны с Лондоном, а там была Софья и самые яркие события его жизни. Самые яркие и самые горькие...

Кажется, Николай идет той же дорогой и повторяет те же ошибки.

Звонок телефона он услышал не сразу, так был поглощен собственными мыслями. На последней трели посмотрел на экран — Надя! Вот уж с кем не хотелось сейчас разговаривать. Не зря он ушел, хлопнув дверью, больше не в силах слушать ее любовное щебетанье, и с кем? С его братом! Вот, оказывается, для чего Вадим решил пойти на примирение.

Фертвовским вдруг овладела такая ярость, что с силой ударил по педали газа и рванул, обгоняя автомобили, один за другим. Наплевать на все: обледеневшую дорогу, поток машин, ограничение скорости и тревожные сигналы — именно в таком состоянии чаще всего случается самое непоправимое.

Глава 25

Вадим проснулся около четырех часов ночи, стараясь не разбудить Викторину, поднялся с кровати. Она спала, как всегда, по диагонали, во сне чему-то улыбалась.

Вадим вышел на кухню, нестерпимо хотелось пить. Он включил тусклую лампу возле мойки, долго и жадно пил из хрустального кувшина, струйки прохладной воды быстро стекали по подбородку, бросались на грудь, мочили мятую футболку. Осушив почти половину кувшина, Вадим удовлетворенно крикнул, вытер тыльной стороной ладони подбородок, смахнул брызги. Стало легче, не зря говорят, что вода — это жизнь.

Вадим подумал было вернуться в спальню, но спать совсем не хотелось. Он подошел к окну. Город, утомленный суетой рабочего дня, сейчас был погружен в здоровый зимний сон. Четыре часа... ночи или утра? Зимой, пожалуй, ночи. За окном чернота небесного покрывала и снежная белизна сугробов. Есть в русской зиме что-то особенное: в узорах на стеклах, в трескучем морозе, в метелях, в утопанных снежных тропках, в зеркалах прозрачной замерзшей воды и в ожидании весны. Да, именно зима помогает осознать, какое же это счастье — приход весны, приход нового, его рождение. Правда, в последние годы зима стала другой, много теплых, не по сезону, дней, ранние оттепели, снег не успевает выпасть, как уже тает под ласковым, совсем не зимним, солнцем. И лишь за городом, в полях, в лесу зима чувствуется явственнее, хотя тепло приходит и туда.

Вадим приоткрыл форточку, вдохнул холодный воздух и понял, что соскучился по Беяниново. Наверное, потому, что давно там не был, уехал оттуда сразу почти, как вернулся из Петербурга. Собрал вещи и уехал. Для магазина сезон закончился, а воспоминания давили тяжелым грузом. Необходимо от них избавляться, и решение должно быть радикальным. Поэтому он и позвонил Викторине, он солгал ей тогда, что пытался поговорить с Надей, нет, не пытался. Каждый раз, когда набирал ее номер, тут же отключал его. Один раз решился поехать к ней домой, но перед самым домом развернулся, почему-то стало страшно. Вот он и отступил, всегда был фаталистом. Но чувств все равно хотелось. Что-то там щемило и не давало покоя. По утрам он просыпался и частенько мучительно думал о своей жизни, о том, что

судьба все никак не хочет дать ему шанс. А может, он его уже упустил? Может, чего-то не заметил? Необходимо ли оборачиваться назад и пытаться вернуть прошлое?

Однажды вечером он долго не мог уснуть, беспокойно крутился в постели. Заснул едва ли не под утро и погрузился в короткий, но глубокий сон. Видение было таким отчетливым, словно все происходило наяву. Вадим занимался любовью с Викторией, делал это неистово, даже отчаянно, в какие-то моменты она пыталась сопротивляться, но он не останавливался, сжимал ее тело, причинял боль, целовал так, что она задыхалась. Он чувствовал, как бьется ее сердце, прерывается дыхание, слышал стоны и ее, и свой собственный. И вдруг — вспышка, все замерло, Вика, молча, смотрела на него. Вадим дернулся и проснулся, стал щупать кровать — пусто. Сел потный, одеяло скомкано, поднес руки к лицу — ногти так впились в ладони, что оставили следы. Сон был не просто эротическим и возбуждающим, он словно толкал Вадима к чему-то, заставляя задуматься. И не зря ощущения были явственными, даже боль казалась настоящей. Так выходило, что в отношениях с женщинами у Вадима всегда получалась какая-то недосказанность, он ушел от жены, так и не объяснившись толком, это произошло гораздо позже, в отношениях с Настей тоже не было ясности, она просто исчезла, потом Надя... Не хватило мужской решительности, смелости да еще обстоятельства, в которых не последнюю роль сыграла Виктория.

И что же осталось? Один в своем Беляниново, с разбитым сердцем от дважды неудавшейся любви за короткое лето, неуверенный в себе — ему хотелось защиты от несправедливости судьбы. Надя как-то сказала, что с ним хорошо и спокойно, он умеет опекать, заботиться и защищать. Одного она не знала — ему тоже хотелось защиты. Может быть любовь Корецкой — и есть то самое, чего он ждет и ищет? Виктория — сильная личность, правда, легкомысленная, непостоянная, с ней как на вулкане. А что, если ему и нужен этот самый вулкан? Чтобы все перевернуть вверх дном, посмотреть другими глазами и хоть чуть-чуть научиться легкости. Конечно, было одно «но», Вадим мог просто опоздать, прошло больше трех месяцев, а такие, как Виктория, долго в одиночестве не пребывают. Он без труда нашел номер ее телефона и, услышав голос, понял, что у него все еще есть шанс — кажется, Вика его любила до сих пор. Только в этом

необходимо было убедиться, он больше не хотел рисковать, да и не мог. Как она расвирепела тогда в машине в Питере, кричала, оскорбляла его, глаза метали молнии. Так могла вести себя только влюбленная женщина. А потом они целовались, долго-долго, говорили всякую чушь, смеялись, возвращались в город, то и дело, останавливаясь, чтобы опять целоваться. Она была другая в своих очках, более нежная, ранимая, где-то беспомощная. Такая — она совсем не раздражала Зорина. А у нее напрочь отпало всякое желание изображать из себя некую искусительницу, выставлять напоказ свою самоуверенность и власть над мужчинами. Все, что она хотела, быть рядом с Вадимом, любить его. А он? Он принял ее любовь. Такое с ним было впервые, и он решил отдаться в руки судьбы. Хотя все же иногда вспоминал Надю. Где-то в уголке его сердца жили мысли о ней, они не хотели растворяться во времени. И были моменты, когда Вадим страстно желал ее увидеть. Узнав о том, что она вышла замуж за Николая, он испытал настоящий шок. Несколько дней мучительно переваривая новость, он, в конце концов, убедил себя, что необходимо поставить точку, пути их, действительно, разошлись. И лучше всего это принять как данность, забыть, похоронив болезненные фантазии, и думать о своей жизни, о своем будущем. Да и с братом помириться не мешало бы, Вадим скучал по нему, даже, несмотря на то, что произошло между ними. И Вадим решился позвонить ему. Николай разговаривал с ним так, словно не было никаких обид и взаимных претензий. Более того, пригласил в гости. Вадим хотел было отказаться, но не смог. Все равно захотел увидеть Надю, даже если она теперь и чужая жена. Наверное, решил убедиться, что она счастлива или наоборот?

Она встретила его, смутившись, не ждала, или все же что-то отозвалось в сердце? Отводила глаза, излишне суетилась. Слишком велико было искушение, и Вадим понял, что откровенного разговора не избежать. Он сказал об этом. Надя вдруг перестала волноваться и понимающе улыбнулась, она тоже осознавала, что рано или поздно они встретятся и все выяснят до конца, чтобы спокойно жить дальше.

Надя принялась говорить о нем, о Вадиме, изящно подчеркнула его достоинства, даже поблагодарила, но внезапно замолчала и отвернулась. Потом без всякого перехода рассказала, как отправилась в театр, где после продолжительной разлуки встретила Фертовского, что

почувствовала при этом. Как, благодаря актеру на сцене, осознала, что находясь во власти предубеждения, она упорно не желала признавать очевидное. Человек может быть совсем иным, нежели мы видим.

... Мы с тобой, Вадим, в чем-то похожи, мы убедили себя, что, скорее, полюбим мы, чем нас. Отдавать, конечно же, прекрасно, даже милосердно, есть в этом польза для души. Но мы не умеем принимать любовь, видеть ее вокруг нас, давать шанс другим. Нас больше устраивает быть жертвой своих чувств и упиваться своими страданиями, упрекая тех, кто не разделяет нашу любовь. За всем этим душевным театром мы не замечаем главного. Я столько раз жаловалась Виктории, что не нахожу в своей жизни любви, и ни разу не задумывалась, что, бросив все силы на свой собственный поиск, я не вижу поиска других. И, как только я отпустила свою жизнь, в ней появился человек. Я не стану сейчас говорить о том, какие к нему испытываю чувства, и что он для меня значит, скажу лишь: когда его нет рядом, мне целый мир кажется пустым.

Вадим понял все, подумал о Виктории, она тоже для него теперь станет целым миром.

Глава 26

Надя положила трубку телефона и в следующий момент услышала, как хлопнула входная дверь. Или почудилось? Что-то ей сегодня беспокойно. Она с секунду подождала и решила все-таки проверить.

Николая в спальне не было, плед небрежно валялся на полу, она насторожилась — муж отличался редкостной аккуратностью. В гостиной его тоже не оказалось, как и в ванной комнате. Надя вышла в коридор и обомлела: куртки Николая тоже не было, он оделся и, молча, ушел. Что же произошло, пока Надя разговаривала по телефону? Или это произошло раньше? Супруг пришел сам не свой...

Надя стояла посреди коридора и комкала в руках собственный шарф, который, вероятно, упал, когда Николай уходил. И вдруг ей стало так страшно, что перехватило дыхание: Николенька ушел навсегда и больше не вернется! Наверное, он ее больше не любит...

Почему-то именно в подобные минуты женщинам приходят в голову самые абсурдные мысли. Женская паника вообще вне всякой

логики, даже женской. Поле деятельности ее фантазии безгранично и, главное, очень убедительно в отношении себя самой. И даже интуиция идет у нее на поводу. Она находит все признаки и совпадения надвигающейся беды.

Надя бросилась к окну и увидела, как на дорогу выезжает серебристый джип. Куда поехал Николай и, главное, зачем? Вот так сорвался, ничего не сказал, не предупредил, просто хлопнул дверью. Надя прижалась носом к холодному стеклу. Ощущение надвигающейся опасности отзывалось тупой болью в правом боку. Не многовато ли событий за один вечер? Звонок свекра, неожиданный приезд Вадима, все эти разговоры, неизбежность возврата к прошлому.

От волнения Надя стала себя дергать за челку, вспомнила про мобильный мужа, набрала номер, в ответ — долгие гудки. Вот и думай, что хочешь. Гадай, что произошло, и почему муж уехал и не отвечает на ее звонки. А ведь за весь вечер он не сказал ей ни слова и смотрел на нее как-то странно.

Нельзя, нельзя паниковать и нервничать. Господи, какая же это хрупкая вещь — счастье! Все можно потерять в одночасье... Поезд! Опять тот поезд во сне. Он увозил ее в прошлое, в то самое, где она чувствовала себя никому ненужной, невезучей, нелюбимой. И она опять проиграла. Только в этот раз сможет ли пережить потерю?

— Я не знаю, что делать, — тихо сама себе сказала Надежда. Телефонный звонок вывел ее из странного оцепенения, дернулась, рванула к аппарату.

— Слушаю, — стараясь унять волнение, выдохнула в трубку. А вдруг это звонит муж, и сейчас разъяснятся все недоразумения, развеются все сомнения, доказывая ее неумное паникерство.

— Мне необходимо поговорить с моим сыном, — раздалось на другом конце провода. Голос возмущался, кипел, требовал, как всегда.

«Сегодняшний вечер — просто сущее наказание», — с тоской подумала Надя. На свекра у нее уже не было сил.

— Я никак не могу его застать. Безобразие! Раньше он себе такого не позволял!

Раньше — это до Нади, понятно. С появлением невестки сын вел себя все хуже и хуже. Прошло всего лишь два месяца, а Николая не узнать. Отец всегда называл его полным именем, не признавая никаких сокращений, а уж ласкательных — тем более.

— Его нет дома, — Наде страшно хотелось положить трубку.

— А где же, в таком случае, мой сын? С работы он давно уехал, — оказывается, свёкр провел уже целое расследование.

— Не знаю, — она сказала, а потом уже подумала. Нет, думать не хотелось, иначе становилось страшно. И этот страх не имел ничего общего с тем, что было раньше. Николай своей любовью создал для нее совсем иной мир, и появилась другая Надя Андреева, а возврат к прошлому означал гибель. Гибель ее как личности, как женщины.

— Как это «не знаю»? — свёкр подумал, что ослышался. Эта девица бормотала что-то невнятное. Неужели они поссорились?! Владимир Григорьевич боялся поверить такому счастью. Кажется, этот брак продержался еще меньше, чем он прогнозировал.

— Простите, — тихо сказала Надя и положила трубку, стала ходить по комнате, отсчитывать шаги — два, три, четыре...

Посмотрела на часы: вычурно изогнутая стрелка бежала по кругу, как резвая лошадка — почти десять вечера. И сколько еще ждать, пока все прояснится? И чего ждать? Тот редкий случай, когда неизвестность настоящего и определенность будущего одинаково пугают.

Надя опять зашла в спальню, положила плед на краешек кровати, подушка все еще сохраняла помятость сбоку, муж любил спать именно так. Надя провела по ней рукой, как жаль, что вещи быстро утрачивают тепло своих владельцев. Еще недавно здесь отдыхал Николенька, а теперь...

А вообще, он редко себе позволял просто так отдыхать на кровати, чаще всего в кресле, много читая, иногда комментируя прочитанное, охотно выслушивал высказывания Нади, ему была интересна ее оценка. А как он смутился?! Надежда и представить себе не могла, что случайно найденная папка именно с этими фотографиями, заставит его покраснеть и лепетать что-то несвязное о снимках обучения для студентов. Она раскрыла папку и от удивления даже села. Целая серия портретных фотографий да еще каких! На одной из них он был снят явно в какой-то студии: кожаный стильный пиджак, черная рубашка, волосы зачесаны назад, открывают высокий лоб, тем самым прибавляет ему несколько лишних лет, однако лицо... оно совсем несерьезное, лукавое, в глазах будто искры. Вторая фотография: Николай вполуборот, любимый темно-синий бархатный пиджак, под ним серая в крапинку рубашка, в руке — треугольный бокал, скорее

всего, с мартини, губы растянуты в улыбке. А вот и натурная съемка: огромный шершавый ствол дерева, Николай сидел у его корней, кожаная куртка, темная водолазка, синие джинсы, одно колено согнуто, руки на животе, волосы взлохмачены. Этот образ, напротив, молодил его. Глаза задумчиво смотрели вдаль. Такой человек умеет не только позировать, но и размышлять, мечтать.

Самыми потрясающими оказались фотографии, лежащие в отдельном альбоме. Надя не удержалась от удивленного возгласа. Со снимка на нее смотрел настоящий английский аристократ времен Джейн Остен, ни больше, ни меньше. Красивые кольца уложенных волос, черные баки моды той эпохи, белый высокий воротничок, лицо серьезное, глаза темные, строгие, даже жесткие. Интересно, о чем он думал в тот момент? На втором снимке на Николае надета уже другая белая рубашка, воротничок — сплошь кружева, сверху — атласный жилет, в руках — кий, в камеру не смотрит, взгляд сосредоточен на игре в бильярд. И еще несколько фотографий, где Николай в костюмах той эпохи: воротники, рубашки, сюртуки, цилиндры. Надя просто влюбилась в этот образ — вот оно настоящее воплощение мистера Дарси! Не напрасно она сравнивала их, и если бы в России задумали экранизировать этот чудесный роман... Неужели Николай проходил кинопробы?

Выяснилось, что никаких кинопроб, конечно, не было. Это оказалось что-то вроде экзаменационной работы студентов, причем экспериментальной, фантазия сработала на целый цикл, помогал превосходный гример. Николай, обычно избегающий участвовать в подобного рода экспериментах в роли модели, на сей раз почему-то поддался на уговоры. И не пожалел. Галерея образов получилась замечательной. Особый восторг вызвал персонаж — английский аристократ. Мистер Дарси...

Николай усмехнулся, Надя обожала этого героя, увидев снимки, воскликнула: «Это он! Дарси был именно таким!» Она никак не хотела признавать, что Дарси всего лишь придумала неуемная фантазия Джейн Остен. Николай в угоду супруге все же прочел этот роман, и был вынужден признать, что неправ, считая романы Остен весьма посредственными. Ну, а мистер Дарси? Это особая тема. Неужели Николай на него похож? Надю переубедить было невозможно, главным аргументом в ее пользу оказалась сцена объяснения Дарси и Лиззи, та

самая. Надежда провела параллель между некоторыми событиями романа и тем, что произошло в Беляниново. Николай покачал головой, он не любил вспоминать ту сцену, там они были так далеки от того, что есть сейчас между ними.

Далеки...Надя подошла к окну, а вдруг сейчас из-за поворота покажется машина мужа, и он вернется, и все объяснит. Надо только успокоиться и ждать.

Глава 27

Машину несло как на коньках, Фертовский почувствовал, что теряет контроль над управлением, попытки сбросить скорость только ухудшили ситуацию. Единственное, что он сумел — перестроиться в правый ряд, вернее, перекатиться, но так рискованно, что услышал за собой возмущенные сигналы автомобилей. Его машина впервые вела себя, абсолютно ему не подчиняясь, ее бросало из стороны в сторону, да еще пошел мелкий снег, который стал покрывать стекла белым ажуром, таким образом, создавая дополнительные проблемы. Не увидев дорожного знака, Николай повернул машину направо на примыкающую дорогу, ощутил через несколько минут, что колеса стали покачиваться, словно увязать, правда, гололед исчез, и управление опять оказалось под контролем. «Дворники» едва успели очистить стекла, как Фертовский увидел, что с налету въезжает в сугроб. Хлоп! Машина остановилась, секунда, зазвонил телефон.

— Слушаю! — рывкнул от пережитого испуга Николай.

— Наконец-то! — выдал отец, услышав его голос. — Ты переехал на Аляску?

Николай посмотрел по сторонам, отец словно видел то, что творится вокруг, а, главное, что его сын так прочно въехал в сугроб, что, пожалуй, это похоже на Аляску.

— Почти, — ответил Николай, опять заставил работать «дворники». Они так быстро, словно с энтузиазмом, взялись счищать снег. — Ты звонил мне раньше?

— Естественно. Я передал твоей... э-э-э... — отец никогда не произносил имени невестки, — как только ты появишься, чтобы позвонил мне. Конечно же, она тебе ничего не сказала. Она делает это специально?

— Что? — не понял Николай. Разговоры о Наде часто заканчивались ссорами с отцом. Ее приходилось защищать, что-то объяснять, оправдываться. Он всегда оправдывался перед отцом, делал это так часто, что возненавидел вообще по жизни перед кем-либо держать ответ. — Что она делает специально?

— Пытается посеять между нами вражду. С тех пор как она появилась, мы перестали понимать друг друга.

— Мы перестали понимать друг друга гораздо раньше, — жестко заметил Николай, почувствовал, что опять начинает злиться, — ты упорно разыскивал меня для того, чтобы сказать все это? Поверь, ты потратил напрасно массу своего драгоценного времени.

— Ладно, не кипятись, — неожиданно примирительно произнес отец, — собственно говоря, я звоню вот по какой причине: на днях из Европы приехали Стефановичи. Мы так давно не виделись, у Виталия Дмитриевича, как всегда, все хорошо, — не без зависти заметил он — хоть у кого-то все сложилось — сделал паузу, вероятно, подумал о своей судьбе. — Помнишь, как мы раньше встречали Новый год со Стефановичами? Еще до Лондона?

— Помню, — отозвался Николай. Он тогда был маленьким, но, оказалось, что помнит, как две семьи собирались вместе, разыгрывали целые представления. Супруга Стефановича, кажется, Лариса, он ее звал «Ларсон», имела талант настоящей актрисы. И в доме жила сказка. А еще рядом была девочка с огромными, как блюдца, голубыми глазами и пшеничными локонами. Она казалась такой маленькой и хрупкой, словно кукла, которую принесли в коробке. И имя у нее было необычное — Ангела.

— Так вот, — продолжил отец, — Стефановичи сейчас у меня, мы празднуем встречу. Все присутствующие просто жаждут тебя увидеть, Николай. Отказа я не приму, ты — мой сын, и я хочу, чтобы ты именно сейчас был рядом.

— Отец, кроме обязанностей сына у меня есть еще и другие, — сухо напомнил Николай. Первым порывом было отказаться, его мало волновали Стефановичи и встреча с ними. Это больше прошлое отца, чем его.

— Например, какие? — уточнил Фертовский-старший. — Обязанности мужа? — Николай промолчал. Отец больше вел разговор сам с собой. — Да уж, что-то ты их не очень добросовестно

выполняешь. Уже довольно поздно, а ты домой не торопишься. Более того, твоя жена не смогла мне ответить: где ты?

Жена... Николай подумал о Наде, стал тереть ладонью лоб. Не мог он сейчас вернуться, не мог, не было сил ни на разговор, ни на объяснения. Хотелось просто исчезнуть, раствориться, может быть, в таком случае, что-то решится само собой?

— Я приеду, если ты не станешь поднимать тему моей супружеской жизни, — наконец выдал Николай. Фертовский-старший даже опешил от того, как он быстро принял его предложение, и уговаривать почти не пришлось.

— Обещаю, что не стану докучать тебе, — пообещал он, — тем более что есть намного более приятные темы, чем твой брак. Приезжай, ждем!

Николай дал задний ход машине, выбрался из сугроба, остановился на обочине. Что бы ни произошло, он должен сообщить Надежде, что ночевать дома не будет. Хотя, может быть, ей уже все равно? Она позвонит Вадиму, а тот, счастливый и довольный, прилетит к ней...

— Слушаю! — Надя взяла трубку телефона почти сразу. Даже в одном этом слове ощущалось волнение.

— Я сегодня останусь ночевать у отца, — сказал Николай, чувствуя, как давит камень нахлынувшей вновь волны разочарования и неприязни.

— Что-то случилось, Николенька? — она называла так его в особые минуты нежности. — Владимир Григорьевич разыскивал тебя, да, я совсем забыла тебе это передать! Боже мой, с ним все в порядке? Пожалуйста, прости мою забывчивость!

На миг у Николая закрались сомнения в неверности жены, да и Вадим разве способен?

— Ой, подожди, мой мобильный звонит, — Надя взяла телефон здесь же, на столике, — да, конечно, я ждала твоего звонка, — сказала она другому. Николай, услышав эту фразу, бросил трубку. Все! Хватит!

Дверь открыла домработница отца — Елена Степановна, седая молчаливая старушка. Сколько помнил Николай, она всегда была у них в доме. Он вырослел, она старела. С годами не менялись лишь ее комплекция — все такая же худенькая, стиль одежды — строгая

униформа, и характер — молчаливость, беспрекословное послушание и стойкий страх перед хозяином. Она знала обо всем, что здесь происходит, о чем говорят, чем болеют, чего жаждут, ненавидят или любят. Она далеко не всегда понимала аргументы и доводы бесконечных споров хозяина и сына, но суть улавливала. И при этом ей было искренне жаль обоих: Владимира Григорьевича с его разочарованием и одиночеством, ведь он был по-настоящему одинок, во всем: сын, работа, студенты, проходящие и уходящие любовницы, а в глазах — тоска и пустота. Елена Степановна жалела и Коленьку. Они с отцом не находили взаимопонимания, как-то очень по-разному видели этот мир. Несмотря на принадлежность к поколению, которое воспитывали в страхе и послушании перед родителями, здесь она чаще была на стороне мальчика и находила оправдание его непокорности и несогласию с отцом. Кроме того, в конфликтах мальчик вел себя весьма достойно, он-то как раз не выходил из берегов, не хлопал дверями, не переходил на личности. Его нервозность и волнение выдавали лишь характерные жесты: потирание пальцем подбородка, почесывание кончика носа, он поджимал нижнюю губу, а еще курил сигареты, одну за другой. А когда все-таки уходил, не в силах выслушивать и дальше родителя, Елена Степановна видела идеально прямую спину, широкий шаг при отведенных назад плечах и его умение именно так размахивать руками.

— Здравствуйте, Елена Степановна! — входя, сказал Николай.

— Здравствуйте, Николай Владимирович! — она, за те несколько секунд, что наблюдала за ним, как он снимает куртку, разматывает шарф, разувается, поняла: у Коленьки явно что-то случилось. Он даже осунулся в лице, опять поджимал губы. Она вздохнула, хотя бы отец его сегодня не донимал, пожалел ребенка.

Высокая светловолосая женщина обернулась, в руке держала бокал.

— Добрый вечер! — сохраняя хмурое выражение лица, Николай вошел в гостиную.

— Замечательно, что ты приехал! — воскликнул отец, пребывая в настроении, диаметрально противоположном настроению сына. — Мы тебя уже заждались, правда, Гелочка?

Ночью Надя спала плохо, то и дело просыпалась, прислушивалась к звукам, шорохам, ей все еще не верилось, что вот так, без объяснений, Николай может уйти из дому, где-то провести вечер, а потом кратким «я останусь ночевать у отца», действительно это сделать. Какова причина подобного поведения? Что произошло? Надя просто терялась в догадках, даже и не пыталась это связать с появлением в их доме Вадима. Ведь муж его пригласил. А сам не приехал вовремя. Но потом... потом он вел себя так странно.

Когда раздался звонок от консьержки, Надежда вздрогнула, сердце почему-то ухнуло вниз, а колени предательски задрожали, сказывалась беспокойная ночь и взвинченные нервы. Было странное ощущение: будто что-то рушится у тебя за спиной, ты чувствуешь это, даже слышишь, но оборачиваясь, понимаешь, что тебе это только кажется, мир по-прежнему такой, каким был вчера. И не хочется верить в то, что обретенное тобой счастье в один прекрасный момент вдруг исчезнет, захлопнув за собой дверь.

— Привет, дорогая! Ну, что вы надумали приехать к нам в Беляниново? — Виктория впорхнула в прихожую, бросила сумку, на ходу стянула модные сапоги, шубу отдала Наде как прислуге. Проходя мимо зеркала, глянула на себя, поправила очки, удовлетворенная увиденным, наконец, обратила взор на подругу. Хватило нескольких секунд, чтобы понять: случилось нечто, напоминающее катастрофу. Давненько они не мыли косточки сильной половине человечества, все больше дифирамбов и слащавых речей, особенно, в адрес Фертовского. Ну, еще бы! В глазах Виктории он был почти безупречен, и Надюше невероятно повезло, что он влюбился в нее первым. И совсем здорово, что она далеко не сразу ответила ему взаимностью. Пожалуй, ей этот триумф был необходим как никому. И что теперь делать? Неужели все возвращается к тому, о чем ее подруга успела благополучно забыть? Но там-то были глупые мальчики, которые и понятия не имели о том, как надо относиться к женщине, не видели самого главного. Но Фертовский совсем другой: воспитание, уровень, жизненный опыт, зрелый муж.

— Что произошло? Вы поссорились? — спросила Виктория, готовая внимательно выслушать Надю, разобраться, если понадобится,

все детально. Хотя Надюша далеко не всегда любила откровенничать, предпочитая многое держать в себе. Вот и сейчас, обхватив плечи руками, отвернувшись к окну. Она выглядела, скорее, не расстроенной, а потерянной, беспомощной.

— Мы не ссорились, — наконец отозвалась, повернула голову. Еще недавно такая счастливая, окрыленная, она купалась в любви, сегодня в глазах безысходность и непонимание происходящего.

— Тогда что? Ты вчера по телефону что-то говорила о том, что Николая, молча, ушел из дому. Ну и... Я думала, вы поссорились, но все уладилось давно. Милые бранятся, только тешатся, — она посмотрела на часы. Решили именно сегодня с Вадимом поехать в Беляниново, чтобы все подготовить к празднованию Нового года, а там и Фертовские подтянутся. Эта идея пришла в голову Зорину, Вика согласилась. Отличная идея, веселый загородный праздник им гарантирован.

— Николай позвонил поздно вечером и сказал, что останется ночевать у своего отца, — сообщила Надежда и вдруг осознала, что в этой ее фразе сейчас не прозвучало ничего странного. Муж просто остался ночевать у своего родителя, ну и что?

— Ну и что? — то же самое озвучила Виктория.

— Понимаешь, — Надя повернулась, — меня беспокоит не то, что он остался у отца, а то, что пришел с работы, молчал, не захотел ни ужинать, ни разговаривать, а потом ушел, хлопнув дверью.

— Хочу заметить, что твой супруг никогда не отличался многословием, он ведь молчит гораздо чаще, разве не так?

— Это на него не похоже, — покачала головой Надя.

— Не похоже? — переспросила Вика, удивленно вытаращив глаза. Кажется, подруга ее не слышала.

— Он бы меня предупредил, объяснил, — Надя стала ходить по комнате.

— По-моему, мужчины вообще не любят ничего объяснять. И, к примеру, Вадим — тому подтверждение. Просто делает, как считает нужным.

— И ты бы не стала беспокоиться, если бы он вернулся с работы угрюмым и явно чем-то расстроенным?

— Ну, стала бы, наверное, — задумалась Виктория, — но списала бы это на усталость, либо на неприятности.

— А потом он, ни слова не говоря, ушел бы из дому, провел где-то часть вечера, позвонил, что останется ночевать у родителей. Чтобы ты подумала?

— Другая женщина... — неуверенно произнесла Виктория и осеклась. Надя перестала ходить по комнате. Глаза стали большими-большими. Корецкая пулей выскочила из кресла. — Я сейчас сказала глупость, не обращай внимания, пожалуйста! — быстро произнесла она. — Так хочется кофе, сварить? — она хитро улыбнулась.

— Конечно, сварю, — Надя пожалала плечами и ушла на кухню.

— Сделай покрепче, хорошо? — крикнула Вика, лихорадочно разыскивая в записной книжке номер телефона отца Фертовского. Надя как-то звонила с ее телефона в дом свекра, Вика тогда сохранила номер, так, на всякий случай. Ага, вот и телефон! Она прижала трубку к уху. Соединили сразу и почти сразу сердитый низкий голос сказал:

— Алло!

Вика растерялась, не думала, что попадет на Фертовского-старшего.

— Я слушаю! — он терял терпение.

— М-м, мне нужен Николай, — наконец сказала она, получилось как-то неуверенно и к тому же пискляво.

— Хорошо, что ты позвонила сама, — голос на том конце почему-то обрадовался. — Уверен, нет смысла объяснять происходящее. Раз ты сумела захомутать моего сына, следовательно, девица неглупая, а посему понимаешь и то, что вы не пара. Этот брак — досадная оплошность. И мой сын, — он опять сделал паузу...

«Хорошо, что Надя не слышит всей этой околесицы, — подумала Вика, — не слышит и даже не знает, что ее подруга проявила инициативу и позвонила. А зачем, собственно говоря, она позвонила? И должна ли вмешиваться? Вроде бы и не должна, но Надя переживает».

— ...Мой сын принял решение разорвать эти узы.

Виктория по-прежнему молчала, хотя это было нелегко.

— Теперь ты об этом знаешь, и я надеюсь, отнесешься к его решению с пониманием, не опускаясь до банального выяснения отношений. Тем более что мой сын встретил прекрасную, достойную женщину.

На последнем слове Корецкая нажала «отбой» и выругалась не хуже самого настоящего сапожника. Правда, легче от этого не стало. По крайней мере, Надя пока не догадывалась о решении семейства Фертовских. Но супруг ее каков?! Мало того, что предатель и лгун, да еще у него не хватило мужества и уважения самому поговорить с Надей, папеньку определил для переговоров. А тот и рад стараться быть гонцом дурных вестей. Но вообще, все как-то странно и непохоже на Николая, ведет себя как маленький нашкодивший мальчик и прячется. И потом, с его характером, с его завидным постоянством, серьезностью, и, главное, таким сильным чувством к Наде, вдруг — другая женщина? Как там сказал папенька — прекрасная и достойная? Достойная чего? Похоже, он считает своего отпрыска чуть ли не императором? А Надежда, конечно, ему и в подметки не годится, ей корону доверить нельзя, даже нести.

— Кофе готов, — «королева», по мнению некоторых недостойная короны, бесшумно вошла и застала Вику с трубкой телефона в руке, нервно кусающую губы. — Кто-то звонил?

— Нет, — она помотала головой, — это я звонила маме, — она взяла поднос из рук подруги и поставила его на столик. Запах кофе распространился по всей квартире, создавая атмосферу какого-то уютного очарования. Хотелось устроиться в мягко утопающем кресле, взять чашку с кофе, вдохнуть полупрозрачный пар, сделать маленький глоток, при этом закрыть глаза и наслаждаться вкусом, запахом, проникающими в тебя, до самых чувственных клеток, волнующих душу и навевающих грезы... Глупые грезы. Все это иллюзии, и они мало помогают в реальной жизни, скорее, даже усложняют ее. Неужели Надя ошиблась в мужчине? Неужели они все ошиблись? И судьбой Надежды должен был стать Вадим? Только не он! Вика поежилась. Прекрасно помнила, что все время вмешивалась там, в Беяниново, не дала им шанса быть друг с другом. Помимо того, что сама была влюблена в Зорина, искренне верила в то, что Наде подходит именно Фертовский, кажется, и он так полагал. Чего стоило одно его объяснение в любви?! И понятно, что он переживал и нервничал, хотя и скрывал это. Но Вика замечала, как он смотрит на Надю, угадывала его чувства за маской сдержанности и скрытности. А их невероятный, просто сказочный медовый месяц?

— Не знаю, что и думать, — Надежда села напротив, покачала головой. Вика подлила себе еще кофе, опорочив медную турку с витиеватым восточным рисунком.

— Что делать? — хлебнула кофе, подняла глаза из-под съехавших на кончик носа очков. — Ехать сейчас с нами в Беляниново! — выдала, не задумываясь.

— Я не могу. Я должна дождаться мужа, — расстроено произнесла Надя.

— А тебе не кажется, что он захотел побыть один? — наступала Вика. — Между прочим, уже полдень, а он так и не позвонил. Сердится или обижается, это его право.

— Но он мой муж! — напомнила Надя. — Как я уеду куда-то без него? Тем более, в такой ситуации. Все-таки, я позвоню.

— Не надо! — Виктория крикнула так громко, что Надя вздрогнула. — Не стоит этого делать, по крайней мере, сейчас, поверь мне. Дай ему время подумать.

— Над чем? — испуганно спросила Надя. Вика неопределенно пожалала плечами. Не могла же она, в самом деле, рассказать о том, что услышала от Фертовского-старшего.

— Ни над чем. Просто, если человек уезжает вечером из дому без объяснений, и пока, повторяю, пока, не позвонил, значит, он хочет побыть один. Просто один. У твоего мужа сложный характер, не забывай. Ты должна уважать его желания, ведь ты не хочешь потерять его, наделав глупостей? — она сама устала от своей лжи. Но что делать? Иначе будет только хуже. — Пойдем, я позвоню Вадику, мы поедем в Беляниново прямо сейчас, все вместе. Увидишь, Фертовский явится туда в ближайшее время, не успеешь соскучиться. Пожалуй, только оставь ему сообщение, где ты. Но не звони. Так будет лучше, поверь.

— У меня чувство, что ты знаешь, больше, чем я, — покачала головой Надя.

— Что я могу знать? — Вика нервным жестом поправила очки. — Все, хватит терять время на пустые разговоры. Я звоню Вадиму, и мы едем. Не спорь, пожалуйста, один раз я уже увезла тебя в Беляниново, и в результате ты нашла там свою судьбу.

— Да, только тогда я так не думала, — невольно улыбнулась Надя.

Глава 29

У нее были такие нежные руки. Они гладили его лицо, потом ласкали его грудь и плечи. Но он всегда любил прикосновение не только ее рук, но и волос, густых, пышных, в них на свету играло солнце, окрашивая отдельные волоски в цвет осенних влажных листьев. Ему также нравилось наблюдать, как она смущается под его пристальным взглядом.

Николай резко открыл глаза, осознал, что здесь и сейчас ее быть не может. Он ведь остался ночевать у отца, и вообще все хуже, чем можно себе представить. Да еще Ангела. Николай сжал пальцами виски.

Отец весь вечер намекал, что у него слишком угрюмый и недовольный вид, Николай отмалчивался, пребывая в горьких раздумьях, и понимал, что попал в ситуацию, похожую на ловушку. Даже если из нее и выберешься, останутся раны. И хуже всего, что предали его два самых близких человека. О своем предательстве он не думал.

«От таких, как ты, женщины добровольно не уходят, и не предают», — как-то в откровенном разговоре сказал ему Никита. На самом деле, так и получалось, Николай всегда уходил первым, либо первым начинал отдаляться, хотя надо отдать ему должное, практически ни одна из женщин после его ухода не вспоминала о нем дурным словом.

Николай проспал почти до обеда, поднялся с постели, оглянулся в поисках халата. Как давно он не ночевал в этом доме, как отвык от него! Теперь все здесь казалось чужим, хотя отец не изменял своим привычкам — каждой вещи свое место. Халат аккуратно висел на спинке стула. Николай, не одеваясь, прошел в душевую. В зеркале заметил свое отражение, подошел ближе. Лицо было мрачным, подбородок почему-то заострился, неровно выступала щетина, у глаз уже обозначились первые морщинки. Были они и на высоком лбу, прячась под ворохом кудрей. Надо бы постричься и привести себя в порядок. Но теперь этого вовсе не хотелось. Не разжимая рта, он растянул губы в улыбке, получилась гримаса, включил воду гораздо горячее, чем обычно, надеясь хоть чуть-чуть разогнать кровь. Пар повалил, зеркало почти сразу запотело.

— Так можно и живьем себя сварить, — из-за шума воды Николай едва услышал женский голос. Он обернулся, в дверях душевой комнаты стояла Ангела. Несколько секунд она оценивающе рассматривала обнаженного Фертовского.

Вадим подъехал через час. К этому времени Надя собрала кое-какие вещи, планировали провести в Беляниново не один день, еще раз сварила кофе, на этот раз чуть не упустила его. Стояла над закипающей туркой и думала о своем. Не покидало ощущение тревоги и чувство: она сделала что-то не так. И сейчас не до конца была уверена, правильно ли то, что она уезжает в Беляниново без Николая. Хотя Виктория все это время пыталась ее убедить в обратном. Зная ее пылкую настойчивость и прислушиваясь к аргументам, которые она выдвигала, Надя все-таки согласилась. Сообщение о своем отъезде она оставила на телефоне мужа, но подтверждения о доставке не поступило, следовательно, телефон был отключен. Можно, конечно, позвонить домой свекру, но Надя как представила, что он сам возьмет трубку, сразу отпала охота.

Шоколадная шапка кофе угрожающе добралась до краев турки и уже почти начала вылезать наружу. Надя ахнула и быстро сняла турку с огня.

— Надеюсь, мне кофе хватит? — в кухне появился Вадим, повел носом, — м-м, «Лаватца»? Привет, Надюша! — прошел прямо в куртке, уселся за стол. Лицо довольное, глаза горят, румянец с мороза. Кажется, и не было того, о чем вчера говорили. Или он все понял и принял ситуацию такой, какая она есть? И теперь они вполне могут стать друзьями? Нет, даже родственниками?

— Привет, Вадим! Тебе в кофе сахару побольше, как всегда? — она опять скрыла смущение за хлопотами.

— Да, спасибо! — он чуть не сказал: ты еще помнишь? Но удержался, теперь, когда они все помирились, и Надя опять появилась в его жизни, к ней надо относиться, прежде всего, как к жене брата. И не вспоминать прошлое. Она сама сказала об этом. Ведь, кроме них, в этой истории есть Николай и Виктория, и они оба заслуживают любви.

— Вадимыч, ты все взял? — крикнула Корецкая из коридора. — Ничего не забыл?

— Все, не беспокойся, пожалуйста! — отозвался Вадим, отхлебнул кофе. — Просто магия: запах, вкус! Боюсь вызвать гнев Виктории, не оставив ей кофе.

Надя улыбнулась, ей понравилось то, с какой теплотой и нежностью эти двое разговаривали друг с другом. Она никогда раньше не видела Вику такой искренне влюбленной, ласковой, податливой. Наверное, ей нужен именно Вадим, с его прямолинейностью, с сильным характером, жесткими принципами, одновременно граничащими с умением защищать, заботиться, и, конечно, любить. А ей, Надежде Андреевой, какой нужен был ей мужчина? А ее всегда волновала загадочная внешняя сдержанность, разумное немногословие, даже холодность, но такая, чтоб можно было догадаться о внутреннем огне, способном тебя саму воспламенить, поднять на вершину блаженства, почувствовав себя желанной.

Все это она ощутила с Фертовским, и теперь знала точно: нашла того, о ком мечтала в самых несбыточных грезах. Нет, даже мечтать не смела. А он в один прекрасный день просто оказался рядом. Еще на Сейшелах она, просыпаясь по ночам, долго смотрела на него, даже легонько прикасалась, словно боялась, что он исчезнет, растворится в серой прозе жизни. Но потихоньку она стала привыкать, что он рядом. Хотя иногда все еще могла замолчать на полуслове, вдруг осознав, какой мужчина ее любит. Находит ее не только красивой, но и ценит ее ум, интеллект, чувство юмора. Для всего мира он был закрыт, сдержан и недоступен, он держался в стороне от большинства людей, тем самым себя словно возвышал. Но, как ни странно, это притягивало. Его независимость и спокойная уверенность заставляли людей к нему тянуться. Ну а женщины... Надя множество раз замечала, с каким интересом дамы весьма разного возраста смотрят на ее мужа. Иногда в ней просыпалась ревность, которую она сдерживала. Замечал ли, догадывался Николай?

Она уже так много знала о нем. Знала, что утром он всегда ровен и миролюбив, даже если не выспался, он никогда не уйдет без завтрака, во всем аккуратен и педантичен, кроме, пожалуй, бритья. Вот тут явное насилие над собой. Поэтому щетина — частая его спутница. И еще шнурки, точнее, один. Надю веселило, что он у него часто развязывается, будто живет своей свободной жизнью, и неважно, какого качества сами ботинки и материал шнурков. А еще он очень

любил кеды и джинсы, хотя костюмы, фраки, бабочки, всевозможные галстуки ему очень шли, как будто создан был их носить.

А тапочки, те, что ему подарил любитель розыгрышей и шуток Никита Бондарев? Сказал, что это опоссумы — редкие животные, как и сами тапочки. Они долго стояли в холле, до тех пор, пока Надя не решила примерить это чудо обувного искусства и ощутила всю их прелестную мягкость и тепло. Этим же вечером муж заметил, что из коридора исчезли его любимые тапочки. Надя посмотрела на свои ноги и хихикнула. Николай отложил газету в сторону и грозно сдвинул брови.

— Иди сюда, — потребовал он, — в тапочках! — добавил на всякий случай. Через несколько секунд Надя оказалась на коленях мужа, они вдвоем рассматривали ее торчащие ноги, обутое в опоссумы.

— Нет, на мне они лучше смотрятся, — наконец изрек Николай.

— Почему это? — весело возмутилась Надя.

— У тебя ножки слишком махонькие, — он прищурился, словно и, правда, прикидывал размер. Ей так понравилось это глупое слово «махонькие», что в порыве неудержимой радости она поцеловала мужа в шею. У нее никогда ничего не было махоньким, помимо полноты еще и кость широкая, даже когда худела, все равно крупная девушка. Вот, пожалуй, только запястья и лодыжки тонкие, а все остальное... плюс ее пресловутая неуклюжесть, которая заставляла ее чувствовать себя слоном в посудной лавке. Ни капли изящества, легкости в походке, умения быть хрупкой и воздушной.

— Ну, хорошо, можешь оставить их себе, — милостиво разрешил Николай, — если уж они так тебе нравятся.

Глава 30

В машине Надя задремала. Сквозь сон слышала смех Виктории, и в какой-то момент вдруг возникло ощущение дежавю. Когда-то вот так же она ехала в машине на заднем сидении, дорога вела в Беляниново, за рулем была Виктория, рядом — ее молодой человек, на душе Нади скребли кошки, и она пыталась убежать не только от мужчины, который ее не любил, но и от себя. Стоп! Сейчас все не так и не то. Вместо Антона — Вадим, кстати, за рулем, и они едут к нему на дачу,

отнюдь не в незнакомое место, а Вика по самые уши влюблена в своего парня. И нет никакого глупого Мишеньки, и ни от кого Надя не убегает. Более того, теперь у нее есть муж, и чувства их взаимны. Она в это верит.

Надежда сбросила с себя остатки сна, поежилась, будто от озноба, хотя Вадим натопил в машине, даже душно. У Вики щеки горели, то ли от тепла, то ли от шуточек, которыми они обменивались всю дорогу. Нет, теперь все иначе, и Виктория ведет себя по-другому. За полгода столько всего произошло, что порой не верилось: жизнь может меняться, как в одну, так и в другую сторону.

Вадим глянул в зеркало.

— Надюша, ты проснулась? — спросил он. — Мы только недавно обнаружили, что ты дремлешь, а то бы так не шумели.

Виктория повернулась к ней.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Тебя не укачивает?

— Нет, не волнуйся. Мне тепло и уютно. Скоро мы приедем? — Надя посмотрела в стекло автомобиля, подышала на него.

— Осталось совсем немного, — отозвался Вадим. Только сейчас он понял, что, действительно, соскучился по Беляниново, по бескрайним просторам полей, укрытым белоснежным покрывалом, по лесу, волнуемому на ветру, по бездонному небу.

— Как же давно мы здесь не были! — воскликнула Виктория. Машина въехала в Беляниново с трудом, дорогу давно не чистили. Вадиму пришлось попотеть, чтобы просто проехать по деревне, но в гараж попасть вряд ли удастся, даже во двор не получится — нужна лопата для чистки снега. — Как здесь замечательно! — Вика вышла из машины вслед за Вадимом. Он pokrутился возле автомобиля, потоптал снег возле забора, застегнул куртку, натянул перчатки, туго завязал шарф и по глубоким сугробам полез к дому. Лопата-то находится там. — Вадимыч, мы можем тебе чем-нибудь помочь? — крикнула Корецкая ему вслед. Он махнул рукой.

— Ты хочешь, чтобы я потом и вас еще вытаскивал из сугробов? Нет, мне хватит того, что я каким-то чудом должен расчистить путь для машины.

— Надюша, выходи, — Вика сунулась в салон, — почувствуй всю прелесть Беляниново. А воздух-то какой! — она шумно вдохнула. Энтузиазма хоть отбавляй, и где она берет столько энергии? Вечно

готова куда-то бежать, что-то придумывать, везде совать свой любопытный нос, во все вмешиваться и, кажется, готова перекроить весь мир. И еще, она умеет наслаждаться каждым моментом жизни, ценить то, что сейчас ее окружает. — Кругом поля, поля, в той стороне коттеджный поселок, по дороге к нему — магазинчик Вадима. Как мне все это нравится, нет, я просто с ума схожу от этих мест. Надюня, выходи!

— Я всегда думал, что летом я тебя с ума свел, а не Беляниново, — появился Вадим, весь в снегу, в руках большая лопата, — разве не ты во все глаза рассматривала мой обнаженный торс?

Надя услышала, как в сумочке звонит ее мобильный телефон. Хорошо, что она не успела выйти из машины и не прозевала звонок. Господи, сделай так, чтобы это был Николенька! Она закрыла дверцу автомобиля, чтобы не мешать ни Вике, ни Вадиму, да и самой поговорить спокойно, если получится.

— Обнаженный торс? — переспросила Виктория, сняла очки и стала сосать дужку. — Мог бы и рубашку надеть.

— Зачем? — искренне удивился он. — Я хотел привлечь к себе внимание, и у меня это получилось, не так ли?

— Так, я была покорена именно твоим торсом, — Вика легонько толкнула его, — ты собираешься чистить дорожку или будешь вытягивать из меня комплименты в адрес своей внешности?

— Одно другому не помеха, — усмехнулся он, поправил перчатки, накинул капюшон.

Раз-два, раз-два! Пушистый искрящийся снег летел к краям дороги, образуя высокие белые холмы. Вадим даже почувствовал азарт. Да еще знал, что Виктория глаз с него не сводит. А она и, правда, любовалась его мужской силой и ловкостью. Физический труд подчеркивает именно эти качества. Вика на секунду представила себе Вадима в роли настоящего крестьянина-косаря: на лугу, в высокой траве, он работал огромной косой, палящее солнце жарило его потную спину и плечи. Трава нервно шумела, коса, казалось, даже от удовольствия повизгивала, а мускулистые руки не давали себе ни секунды передышки. Вот где красота мужчины!

— Вадим, а ты умеешь косить? — крикнула Вика.

— Что? — перестал отбрасывать снег, обернулся. Она повторила вопрос. — Косить? — он пожал плечами. — Пробовал как-то, но получилось не так, чтобы можно хвастаться. Надо учиться. А почему тебя это интересует?

Вика обернулась на Надю, та все еще сидела в машине и разговаривала. Корецкая быстрым шагом направилась к Вадиму, заглянула в его глаза.

— Ты будешь очень соблазнительным в роли косаря, уверена.

Зорин отбросил лопату, схватил Викторину за руку.

— Целоваться на морозе не件лезно, — улыбнулась Корецкая.

— Зато приятно, — он своими губами обхватил ее полные губы, — м-м-м, с тобой я становлюсь таким ненасытным, что удивляюсь сам себе.

— Просто я разбудила в тебе настоящего мужчину, — хвастливо заявила она.

— Нет, маньяка, — засмеялся он.

Звонила мама. Надя, стараясь скрыть разочарование, выдохнула в трубку: да, мамуля! Родительница, словно что-то почувствовав, первое, что спросила: все ли в порядке? С Колей все нормально? Он здоров? Надя приложила все силы, придавала голосу беззаботность и даже веселость, сказала, что все в порядке. Что они даже поехали в Беляниново встречать Новый год. Мама искренне порадовалась и, в свою очередь, сообщила, что уже договорилась со своей сестрой провести вместе новогоднюю ночь. Двоюродная сестра Нади Ольга даже обещала им привезти какое-то эксклюзивное шампанское. Надя нажала отбой на телефоне, посмотрела на экран, в углу светился конвертик — сообщение! Ее сообщение Николаю дошло, значит, он включил телефон. Надя секунду колебалась, но все же нажала кнопку «вызов». Сердце сразу подкатилось к горлу и стало стучать так громко, словно превратилось в куранты. Длинный гудок, еще один, еще...

«Возьми, пожалуйста, трубку!» — прошептала Надя, стараясь унять биение сердца, оно было готово выскочить наружу. Так можно и инфаркт получить.

— Алло! — ответил женский голос, такой, с бархатной хрипотцой, ее называют сексуальной, — алло, говорите! — Надя

сбросила звонок. Еще раз посмотрела номер последнего вызова: все правильно, она звонила собственному мужу.

— Надюш, все готово, — Вика открыла дверцу машины, — теперь мы беспрепятственно въедем во двор, даже в гараж есть проход. Вадим все расчистил. Ах, какой он ловкий и сильный! Боже мой, ты плачешь?

По щекам Нади и, правда, текли слезы, без всхлипываний и вздохов. Такие слезы — самые горькие. — Что случилось? Кто звонил? — Виктория влезла в машину, обняла подругу. Сколько раз вот так они сидели рядом, утирали слезы, утешали друг друга, говорили, обсуждали и опять плакали?!

— Кто звонил? — повторила вопрос Виктория, чувствуя неладное. Неужели Фертовский-старший все-таки добрался до Надюшки?

— Мама звонила, — тихо ответила она.

— В таком случае, почему ты плачешь? — Вика испытывающе посмотрела ей в лицо.

— От Николая до сих пор нет ответа, — она сделала паузу, — я не знаю, что делать.

— Он обязательно позвонит и, конечно, приедет, — уверила ее Вика, — ведь он любит тебя. Все будет хорошо, я в этом уверена.

Глава 31

— В чем ты уверена? — в салон сунулся Вадим, — хотя можешь не отвечать: ты всегда во всем уверена, и невероятная оптимистка.

— Надеюсь, тебя это не раздражает? — Вика деловито поправила очки.

— Ничуть, напротив, даже в чем-то помогает. Леди, вы так и собираетесь сидеть в машине? До самого Нового года? Тогда зачем я чистил дорожки?

Пока Вадим ставил машину в гараж, Вика открыла дом. Они с Надей вошли в холл, оглядывая помещение, остановились одновременно, Вика включила лампу у входа.

— Ну вот, мы снова здесь, — тихо сказала Корецкая, — летом, уезжая отсюда, была уверена, что никогда не вернусь.

— Я тоже, — заметила Надя, — не поверила бы тогда, что опять буду стоять здесь.

— А насчет того, что будешь носить фамилию Фертовская? Помнишь, как ты злилась, что я пророчила вам любовь? А все приметы в Купальскую ночь? — Вика запнулась, в воспоминаниях о той ночи невольно всплывала баня и вся та чертовщина, что там была. И предательство тоже.

— Эта кошка так здесь и сидит? — Надя догадалась о мыслях подруги и сменила тему.

— Ой, она вечно в темноте меня пугала. Сидит как живая, да я еще со своим плохим зрением.

— Знаешь, тебе очень идут очки, — улыбнулась Надя, — они словно законченный штрих к твоей красоте и элегантности.

— Правда?

— Истина!

— Вот и Вадимыч так говорит. И еще он придумал, что очки придают мне некую таинственность, загадочность, которая его волнует. Надюшка, если бы ты знала, как я хочу стать его женой! Как я хочу быть Викой Зориной!

— Думаю, он скоро сделает тебе предложение, — успокоила ее Надя, — у вас все складывается так замечательно, вы живете вместе. Считай, что ты ему уже жена.

— Не удивляйся, но впервые в жизни я хочу быть ею официально.

— Тогда, это точно — любовь! — подвела итог Надя и поежилась: в доме-то холодно, да еще как. Хотя удивляться нечему, здесь ведь никого не было довольно долгий период, значит, и отапливать незачем.

— Красавицы, что встали на пороге? И почти без света! Ну, вы даете! — появился Вадим, включил полное освещение. Весь первый этаж как будто сразу вырвали из мрака. — Давайте проходите, осваивайтесь. Можно подумать, вы обе здесь впервые. Бр-р-р, вообще-то в доме не жарко. Надо срочно включить отопление, а то околеем и Новый год встретим в образе сосуллек, — с этими словами он скрылся из виду. Вадим был из тех мужчин, которые предпочитают не говорить, а делать, — да, сумки я отнесу сам, — крикнул он откуда-то из подсобного помещения.

— В таком случае, я пойду на кухню и поставлю чайник, хорошо? — сказала Вика. Раньше такими вещами обычно занималась Надя, Виктории нравилось появляться на все готовое. Но теперь иначе, и этот дом скоро станет и ее домом.

— Я поднимусь наверх, в нашу, то есть, в ту комнату, которую мы с тобой занимали летом, — пояснила Надежда.

— Конечно, сходи туда. Навести чудесный зеленый диванчик, помнишь его? Я позову тебя на чай.

Надя, не спеша, поднялась по лестнице, прошла по коридору, открыла мозаичную дверь. Ей почему-то совсем не захотелось включать здесь свет, словно с ним могли ожить все воспоминания, и хорошие, и плохие. Хотя они и так уже ожили. Сам приезд в Беляниново всколыхнул в ее душе что-то уже забытое, утерянное. Но было и другое, то, о чем вспоминать она не хотела намеренно, не хотела к этому возвращаться даже в мыслях. Она от всей души надеялась, что прежняя Надежда Андреева в ней не проснется никогда.

— Это очень уютная комната, правда? — на пороге стоял Вадим. Он уже снял куртку, толстый вязаный свитер шикарно смотрелся на нем. Вельветовые коричневые брюки все еще были в снегу, словно в белом инее. Отросшие волосы чуть вились и прикрывали высокий лоб. От этого черты лица его казались более мягкими, как и его выражение. Надя с удивлением еще вчера отметила сходство мимики Вадима и своего мужа. Особенно, привычка поджимать губы, смотреть на собеседника прямо в глаза, тем самым смущая, или неожиданно выдавать улыбку, да еще с такими ямочками на щеках, что точно растеряешься. — Вам с Николая здесь понравится, когда он приедет. Надюша, — Зорин шагнул в комнату, но свет тоже включать не стал, дверь оставалась открытой, а холл был освещен ярко, — я бы хотел тебя попросить, — он замялся, стал топтаться на месте, Надя начала нервничать, не хватало еще и здесь выяснять отношения, когда Виктория близко.

— Вадим... — Надя отошла к окну.

— Подожди, — остановил он ее, сделал шаг, — в общем, я хотел тебя попросить: забудь о нашем вчерашнем разговоре, ну, по поводу несбывшихся желаний, других путей... Все это уже в прошлом. И если у нас не сложилось, значит, так должно быть, ты права. Я, наконец, понял, что нельзя жить прошлым, надо идти вперед и каждому из нас строить свое. Я хочу сказать, — он помотал головой, и вдруг Надя в этом жесте так явно увидела Николая, словно это он сейчас стоял и объяснялся перед ней, — ты теперь не только жена моего брата, ты для меня друг, хороший, добрый, славный. К тому же близкая подруга,

любимая подруга, моей девушки, моей Виктории. Я хочу быть рядом с ней, любить ее и быть любимым. Мне кажется, что у меня это получится.

— Я уверена, — Надя облегченно вздохнула. В следующий момент она подошла к Вадиму и нежно поцеловала его в щеку. — У вас, видимо, это семейное: не любите бриться, щетина — просто наждачная бумага, — пошутила она и улыбнулась. Вадим потер щеку.

— Есть такое, — признался он, — но на этом наши недостатки заканчиваются.

— Охотно верю. Виктория однажды сказала, что мужчины вашего семейства — лучшие на свете.

— Вика всегда видит истину. Спасибо, Наденька! — он тронул ее за плечо.

— За что?

— За то, что ты правильно поняла меня. Ты не только красивая, но и умная. Николая — абсолютно счастливый муж.

— Надеюсь, что это так, — она опустила глаза. Вспомнила о том, что за последние двадцать четыре часа что-то произошло в их жизни, его сейчас нет рядом, а по его телефону почему-то отвечает женский голос. И чего теперь ожидать? Если в ближайшее время все не выяснится, Надя просто сойдет с ума.

— Я пойду вниз, — Вадим опять стал переминаясь с ноги на ногу, — помогу Виктории, хорошо? Да, совсем забыл! Я же тебе багаж принес.

Он быстро вышел в коридор, принес сумку, еще раз улыбнулся Наде и направился к лестнице на первый этаж.

Вика приготовила чай, сделала горячие бутерброды. В кухне уже стало тепло и уютно, Надя даже сомлела. Она сидела, как в прежние времена, на высоком стуле, будто на жердочке, пила огненный чай, в пол-уха слушала веселое щебетанье подруги и часто-часто моргала ресницами. Второй раз за сегодняшний день на нее напала какая-то болезненно-расслабленная дрема, которая, вероятно, была следствием нервного перенапряжения.

— Да ты спишь на ходу! — заметила Вика. — Пойдем, я провожу тебя в комнату, — вызвалась она.

Диван и, правда, был чудесным, мягкий удобный. Как только голова коснулась подушки, Надя провалилась в сон. Вика укрыла ее

пледом, сказала «отдыхай» и бесшумно вышла за дверь. Вадим был на кухне, уже помыл посуду, вытирал руки.

— Чем займемся? — спросил он.

— Есть идеи? — Виктория сняла очки, облизала полные губы. Вадим усмехнулся, ему стали нравиться такие игры.

— Идей масса, но одна мне нравится больше всех, — он взял Викторию за руку и притянул к себе. Их лица оказались близко друг к другу, — Надя точно уснула? — одними губами спросил он.

— Да, — также беззвучно ответила Вика. Зорин засунул руку под ее свитер и стал поглаживать спину, другая рука шаловливо забралась под свитер спереди, отыскала грудь и коснулась соска.

— Что ты там себе нафантазировала, когда я чистил снег? Я прямо затылком чувствовал твой взгляд. И кто из нас, в таком случае, ненасытный?

— Кажется, оба. Тихо, не шуми.

Вадим подхватил ее на руки и отнес в комнату, в свою комнату. Вика оказалась на кровати, на той самой, где когда-то грезил о Зорине.

— А если все-таки Надя проснется и спустится вниз? — Вика покосилась на их одежду, брошенную прямо у входа в комнату.

— Не проснется, — уверил ее Вадим, но на всякий случай захлопнул дверь, прошел по комнате — обнаженный статный, мускулы так и играют. Поймав на себе восхищенный взгляд Виктории, он улыбнулся.

Глава 32

— Я хотела с тобой поговорить.

— Послушай, Гела, — перебил ее Николай, — вышел из душевой кабины, надел халат прямо на мокрое тело, но чувствовал смущение и неловкость вовсе не из-за наготы, — то, что вчера произошло между нами — досадное недоразумение.

— А что произошло между нами? — она пожала плечами. — Не думаешь ли ты, что я из тех, кто после такой мелочи, как спонтанный секс, требует на себе жениться?

— Я женат, — напомнил он.

— Тем более, значит, это твои проблемы, а не мои. А у тебя они, кажется, есть. В противном случае то, что произошло вчера, не произошло бы вовсе.

Фертковский нахмурился, создавалось впечатление, что отец посвятил Ангелу в подробности его семейной жизни, и наверняка наделал уже предположений о том, почему сын остался у него ночевать.

— Желаю тебе провести этот день более удачно, чем вчерашний! — помахала кончиками пальцев и удалилась.

Николай вернулся в свою комнату, лег на кровать, вытянул ноги. Лежал долго, уставившись в одну точку. Впервые за несколько месяцев он был без Нади. Неужели все так и кончится? При одной мысли об этом становилось больно, что-то давило в груди и мешало дышать. Даже Ангела догадалась, что у него проблемы. Ангела... напрасно он вчера позволил себе эту слабость, напрасно пошел у нее на поводу. Но все вышло как-то неожиданно, быстро, главное, без чувств и эмоций. Они просто долго сидели в гостиной, родители вели беседы, вспоминали, смеялись, потом вдруг заговорили о современной живописи, а Ангела оказалась знатоком периода Арт-Деко, и в частности, хорошо знала картины Тамары да Лемпицки. Николай как-то давно увлекался произведениями этой художницы, завязался интересный разговор, потом оказалось, что родители оставили их наедине... Но еще ничего не было. Ангела пожаловалась, что не так давно овдовела, глаза её стали влажными. Николай ощутил жалость, что-то промямлил в утешение, как-то нужные слова не находились. Поэтому он счел нужным проводить Ангелу по длинному темному коридору, комната ей была выделена в самом конце. Но тут что-то произошло, Николай и сам не понял, как оказался в ее объятьях, жаркие губы, она что-то неистово шептала, будто заклинание наговаривала. Потом они оказались в кровати и практически не раздеваясь, сделали то, в чем он теперь раскаивался. Зачем делать то, что в итоге тебе не приносит ничего хорошего? Наивно думая клин клином вышибить? Только не в этой ситуации. Он все еще любил Надю, нет, сейчас даже сильнее, чем прежде. А она... она даже не позвонила за все это время.

Он протянул руку и взял с тумбочки телефон. Что-то не помнил, когда его сюда клал? На экране светилось принятое сообщение.

Николай сел на кровати.

Случилось худшее: Надя уехала в Беляниново, уехала к Вадиму! Она просто воспользовалась отсутствием мужа и спокойно отравилась к любовнику. Да еще написала об этом! Неужели может быть такой откровенный цинизм? Либо она решила, что таким образом муж все сам поймет, отойдет в сторону и даст им возможность, наконец, быть вместе? Что ж, пусть это случится. Пусть она в глаза скажет, что уходит к его брату.

Фертовский вскочил, стал одеваться.

Через полчаса подкатил к дому, решил убедиться, что жена укатила. Отец, пытаясь его задержать, стал приставать с расспросами, что-то вещал о достоинстве. К его нескрываемой досаде Николай не сказал ни слова, хлопнув дверью, ушел. Пока ехал, казалось, прокрутил в голове тысячи вариантов объяснений. Что она скажет в свое оправдание? А, может, и оправдываться не станет? Просто уйдет из его жизни и все. Как тогда ушла от объяснений с Вадимом, на ночном шоссе. Они с Никитой подвезли ее после всего этого. Вадим пытался что-то ей объяснить, одновременно ревновал и упрекал. Даже к Николаю предъявлял претензии, ему в тот момент было очень неприятно. А Надя просто уехала. Как и сейчас, но только сейчас с точностью наоборот. Судьба словно насмеялась над ним.

Фертовский вошел в квартиру, поднял с пола шарф Нади — вечно у нее все падало, билось, грохотало. Утром она, будучи «совой», с трудом поднималась с кровати, долго раскачивалась, при этом злилась на будильник, а потом опаздывала. Всегда. Летала по квартире как ядро, выпущенное из пушки, говорила, что все часы в квартире ополчились против нее, на ходу поливала себя духами, надев один сапог, вспоминала, что не поцеловала мужа. Поцелуй обычно затягивался, и она опаздывала еще больше. После нее в квартире оставался легкий хаос, который почему-то Николая не раздражал. Наверное, потому что он любил в ней самой проявление спонтанности, некоторой непредсказуемости, способности живо и заразительно реагировать на происходящее, при этом попадая в смешные ситуации, смущаясь и сетуя на себя. Она могла быть настолько самоироничной, чего бы Николай никогда не позволил в отношении себя, гордыня не давала. Но на опыте жены он все больше убеждался, что самоирония не приносит страданий и не умаляет достоинства. Напротив,

появляется прекрасная возможность взглянуть на происходящее с большей объективностью. Одним словом, Надя со своим хаосом внесла порядок в его жизнь. Так бывает.

В квартире было тихо, Николай прошел по комнатам, громко хлопал дверями, словно это помогло бы ему помочь успокоиться. Ничуть. В душе кипела ревность, жгучая, мучительная. Она раздирала его на части. Но хуже всего: он понимал, что не в силах что-либо изменить, насильно мил не будешь. И стоит ли ехать в это чертово Беляниново?

Он зашел на кухню, схватил стакан, налил себе воды. Вдруг заметил в сушке две перевернутые чашки для кофе, вымытая турка стояла возле раковины. Две чашки... неужели Вадим уже успел побывать здесь и сегодня?! Конечно, а потом они вместе уехали в Беляниново!

Фертовский сжал стакан так, что тот раскрошился в его руке, кровь медленно потекла по пальцам, но он не замечал этого. Широким шагом направился к выходу.

Надя сквозь дремоту услышала звонок, в первую секунду не поняла, откуда доносится звук. Помотала головой, телефон продолжал настойчиво звонить. Надежда стала вылезать из-под пледа, запуталась в нем, чуть не упала. Телефон оказался на самом дне сумочки, спрятавшись за всем содержимым — это обычное дело, и размеры сумочки не играют никакой роли. Номер не определился.

— Да! — сказала Надя, пытаюсь унять бьющееся сердце. Она что, теперь при всех звонках будет так прыгать и нервничать?

— Мне бы хотелось поговорить с Николая, — произнес женский голос. «Николя» — так его называли близкие друзья. Это придумал Бондарев, подчеркивая, таким образом, не без добродушной иронии, его аристократические корни. Николай к такому звучанию собственного имени относился индифферентно, однако это касалось лишь узкого круга...

— Но... — Надя растерялась, — это не его номер телефона.

— А чей, позвольте узнать? — что-то в трубке щелкнуло, и Надя догадалась, что дама на том конце провода закурила.

— Я его жена, — был ответ. Но прозвучал он как-то жалостливо и неуверенно, словно она оправдывалась.

— Даже так, — протянула дама, — в таком случае, жене должно быть известно, где провел сегодняшнюю ночь ее муж?

— У своего отца.

— А с кем? — последовал вопрос.

— Что вы хотите этим сказать? — Надя подошла к окну, прижала трубку к уху так сильно, что оно начало гореть.

Дама нажала «отбой», Надя несколько секунд оторопело смотрела на экран телефона, пытаясь понять и переварить все, что сейчас слышала. И что об этом думать? Чего добивалась незнакомка своим звонком? Зачем она искала Николая именно по ее телефону?

«Не стану себя накручивать, пока все не прояснится, — благоразумно решила она, — устала тревожиться и нервничать».

Стала спускаться вниз, лестница знакомо поскрипывала.

— И что ты придумал? Кому это надо? — доносились слова возмущения Виктории. Она вышла из комнаты в коридор, даже сорвала с себя очки и засунула их в карман.

— Новый год без ёлки не праздник, Вика, подумай сама, — вслед за ней вышел Вадим.

— Я против этой идеи. Она мне не нравится, — Вика дернула плечами.

— Тебе не нравится ёлка в Новый год?

— Я не об этом!

— А о чем?

— Во-первых, небезопасно идти в лес одному в такое время.

— А во-вторых? — улыбнулся Вадим.

— Рубить ёлку — нарушение закона. А вдруг тебя поймут?

— Кто? — он покачал головой, направился в коридор, стал одеваться.

— Вадим! — позвала Виктория.

— Все будет хорошо. Я быстро вернусь, и соскучиться не успеете. Правда, Надюша? — он увидел, как она спускается по лестнице. — Нам к Новому году нужна ёлка, — объяснил он, — я хочу пойти за ней в лес. И почему Вика делает из этого трагедию?

— Вадим, мне тоже эта идея не по душе, — призналась Надя, — скоро начнет темнеть, да и снег идет не переставая. А если будет метель?

— Слушайте, у вас двоих такое богатое воображение и столько фантазии, что получится роман. Я же сказал, что буду с краю леса, там хороший ельник. Срублю очаровательную ёлочку, принесу ее домой. Свежую, пахнущую смолой, лесом, на лапах — снежинки. Кстати, у нас нет игрушек! — воскликнул он. — Девочки, вам задание — нарезать мишуры, найти что-нибудь подходящее для ёлки. Мы должны встретить Новый год по всем правилам.

Глава 33

— Ну, и что с ним делать? — обиженно произнесла Виктория, когда Вадим закрыл за собой дверь. Долго искал топор, потом ворчал по поводу фонарика, обвиняя, что тот нарочно не хочет зажигаться. Вика заметила, что это предупреждающие знаки, он должен остаться дома. Но Вадиму было все нипочем. Он так воодушевился идеей принести домой ёлку, что переубедить его было невозможно. Сказал, что в мужчине хотя бы иногда должны просыпаться гены пещерного человека, толкающие, ну, если не на мамонта, то хотя бы на имитацию охоты. Здесь зов древности. А ёлка? Она вполне сможет сыграть роль трофея или добычи.

Вадим только-только отошел от дома, как Вика обнаружила, что он забыл перчатки, оставил их возле тумбочки. Теперь вернется, а это плохая примета.

— Надюша, окажи мне, пожалуйста, услугу? — попросила она. — Выскочи на улицу, отдай Вадиму перчатки, а? Не хочу, чтобы он из-за них возвращался, а так пальцы, чего доброго, отморозит. Я сама бы выскочила, но пусть думает, что я все еще обижена из-за его ухода. Сделаешь для меня?

— Конечно! — улыбнулась Надя, быстро надела сапоги, накинула шубу, подхватила перчатки. Он уже вышел за ворота, посмотрел на небо, солнце стало прятаться за зимними белыми облаками. Может, и правда, снег усилится? И вполне возможна метель. Ничего, он успеет.

— Вадим! — крикнула Надя с крыльца, он не услышал. Пришлось бежать за ним, размахивая перчатками.

Николай въехал в Беляниново. Гонимый отчаяньем и ревностью, быстро домчался до деревни. Немного не доехав до дома Зорина,

остановил машину, перевел дух. Плохо себе представлял, с чего начнет, что будет говорить, что делать. Пока ехал, старался об этом не думать. А теперь решительность куда-то исчезла, перед глазами навязчиво маячила картина, где он застаёт любовников прямо на месте преступления, и чувствует себя при этом как в пошлой мелодраме.

Он поднял голову и вдруг увидел Надю. Она выскочила из-за ворот, побежала к дороге. У Фертовского даже дыхание перехватило, когда у края дороги он, наконец, заметил Вадима. Надя бежала именно к нему. Они оба засмеялись, Надя что-то протянула Зорину, он закивал, взял, затем погладил ее по плечу. А Надежда, перед тем, как уйти, поправила ему шарф. Фертовский застонал. Еле дождался, когда его жена исчезнет за воротами. Нет, он не станет с ней разговаривать и требовать объяснений, не станет унижать себя. А вот Вадим пусть оправдывается, жалкий предатель!

Фертовский выскочил из машины.

— Зорин, стой! — крикнул он. Шел так быстро, как мог. Но усилившийся ветер уносил слова в сторону. Фертовский шел с непокрытой головой, но холода не ощущал, ему было не до этого. Вадим, наоборот, экипировался по всем правилам. Да еще Надя ему заботливо шарф поправила. Фертовский сжал в карманах кулаки и ускорил шаг. Словно что-то почувствовав, Вадим обернулся.

— Николая? — удивленно-радостно воскликнул он. — Ты уже приехал? Так рано? Мы думали, ты приедешь позже. Надя ...

— Поговорим? — перебил его Фертовский, достал сигарету, нервно закурил. — Нам ведь вчера не удалось этого сделать, — он прищурился, затянулся. В следующий момент сигарета неожиданно погасла. Фертовский бросил ее в снег. — А с тех пор уже многое изменилось, не так ли?

— Ну, да, — пожал плечами Вадим, не очень понимая, куда клонит брат. И вообще все странно: Николая с ними не поехал, объяснения Виктории были какими-то невразумительными, мол, будет позже, сейчас занят, тогда почему Надя поехала с ними, не дожидаясь мужа? «Так надо! — сказала Вика. — И не задавай больше вопросов». Сама Надя при этом выглядела озабоченной и встревоженной. Ей явно было не по себе, они с Викой все о чем-то шептались. А теперь Николая приехал, но пошел сразу за Вадимом и хочет поговорить. О чем?

— Давай потолкуем по дороге? Я, собственно говоря, иду за ёлкой, она обязательно должна быть в доме на Новый год. Помнишь, когда вы вернулись из Англии, мы встречали у вас Новый год? Какая там была ёлка! Просто волшебная! Тогда твой отец, наконец, перестал сердиться на мою матушку и простил ей замужество с ленинградским инженером. Тебе было семнадцать, мне — девять, и ты мне казался таким взрослым и серьезным. Ты отстраненно наблюдал за праздником и сначала меня совсем не замечал. А мне так хотелось с тобой дружить. Но после Нового года все изменилось.

Николай опять закурил, воспоминания Вадима стали сбивать его с толку.

— И моя мальчишеская мечта осуществилась, у меня появился замечательный старший брат — умный талантливый. Я помню, какое впечатление произвели на меня твои пейзажи. Невероятно, я тогда даже стал собирать открытки по живописи. А потом влюбился в художницу. Мне так хотелось тогда приобщиться, мне казалось, что если я сам не имею таланта, то смогу понять всю глубину поэзии живописи. Ты всегда был для меня примером, и я старался походить на тебя.

Фертовский оторопело молчал, а Вадим все вспоминал и вспоминал: сначала детство, потом юность. То, что он говорил, никак не вписывалось в логику его поступков, а, главное, в предательство по отношению к брату.

Они свернули на узкую протоптанную дорожку, ведущую к лесу. Снег пошел сильнее.

— Ты бы надел капюшон куртки, — заботливо сказал Вадим. Обернулся, только сейчас заметил, что Николай идет без головного убора, нос уже покраснел, в волосах блестели снежинки, — все-таки холодно.

Фертовский никак не отреагировал.

— И вкус на женщин у нас с тобой одинаков, — продолжил Вадим, не подозревая, к чему приведет затронутая им тема. Николаю, который шел позади, захотелось ударить Вадима, но решил дослушать до финала. Интересно, чем все это закончится? — Ты всегда видел в женщине не только ее внешность, но и внутреннюю красоту, гармонию. Наверное, этого добиться помогла тебе твоя работа

фотографа, оператора, художника. Более глубокий анализ и связанный с ним взгляд помогает мужчине стать мудрее. Я думал об этом.

— Неужели? — выдавил Николай.

— Да! — еще больше воодушевился Вадим. — Не поверишь, но мне всегда нравилась твоя жена, хотя она никогда не блистала красотой. Очаровывала ее мягкость, женственность и, конечно, ум. Уверен, в женщине обязательно должен присутствовать ум, да? — Вадим все время оборачивался, задувал ветер, шел снег, тропинка была узкой. А на него нашло сегодня редкое вдохновение, желание рассуждать, делиться своими мыслями, говорить о том, что чувствуешь — это, наверное, потому что на душе было светло и спокойно. И потом, он ведь давно хотел помириться с Николя и рассказать ему, как переживал все эти месяцы, как ему важно было найти взаимопонимание со своим братом.

— Ум? А как насчет постоянства чувств, элементарной порядочности, верности, наконец? — спросил Николай. Опять стал злиться, разговор шел не в том русле, и Вадим со своими душевными излияниями все запутывал.

— Конечно, это многое значит, — отозвался Зорин, взял правее, скоро показалась двухполосная колея-дорога, по которой, вероятно, ездил транспорт. Правда, сейчас она была припорошена снегом, но по ней все же идти было легче, чем по узкой тропе. По бокам рос голый кустарник, представляющий собой переплетенные тоненькие веточки-прутики, которые под тяжестью снега кланялись земле. Снег лежал даже на стволах деревьев, особенно, на тех, что были причудливо изогнуты. Два тонких дерева так обвили друг друга, словно обнимались в согревающих объятьях. На лапах хвойных деревьев снег лежал настоящим покрывалом. Но самыми красивыми были ветви берез, покрытые инеем, словно тысячи жемчужинок нанизали на каждую ветку, на каждый ее изгиб. В девственно нетронутых сугробах сидели совсем молоденькие ёлочки, едва выставив наружу мохнатые лапки.

— Я знаю, что такое предательство, — добавил Вадим, остановившись, посмотрел на деревья.

— Знаешь? Тогда почему, скажи, почему ты так поступил со мной?! — наконец, заорал Фертовский, выпуская наружу все, что накопилось в нем за последние сутки. — Чем я заслужил? Ты сказал,

что тебе нравится моя жена? И ты решил, что это тебе дает право разрушать мою семью?

— Подожди, — не понял Вадим, схватил его за плечо.

— Не прикасайся ко мне! — не скрывая брезгливости, дернулся Николай. — Я выслушал все твои слезливо-романтические бредни о родстве, о чувствах, о том, чем я для тебя всегда был. Все это абсолютнейшая ложь и лицемерие. Зорин, чего ты добиваешься?

— Коль, я, правда, не понимаю, — Вадим нервно сглотнул слюну, сдвинул шапку на затылок, почесал взмокший лоб. Почему-то самые большие недоразумения происходят в Беляниново, место что ли заколдованное?

— Не понимаешь?! — Фертовский сжал кулак и занес его для удара. Никогда Вадим не видел брата в такой ярости. Она просто клокотала в нем, кажется, ею была пропитана каждая клеточка, даже воздух вокруг словно сгустился, началась самая настоящая метель.

Глава 34

— Зачем ты привез сюда Надю? — заорал опять Фертовский.

— Она сама захотела, — пожал плечами Вадим.

— Сама? — Николай развернулся и пошел прямо по сугробам. Он проваливался, падающий снег слепил глаза, но Фертовский все равно шел. Уйти подальше, исчезнуть, хватить унижать себя объяснениями.

— Да подожди ты! — Вадим рванул за братом. — Объясни мне толком, что происходит? При чем здесь Надюша?

— Ах, Надюша! — Фертовский развернулся и с размаху ударил его. Вадима отбросило назад, но он устоял, почувствовал что-то липкое на лице — кровь! Долго не раздумывая, он бросился в атаку, намереваясь ударить Николая в грудь. Тот не успел увернуться, получив удар, согнулся пополам. В следующую секунду Вадим наскочил на него. Оба грохнулись лицами в снег.

Пыхтели, кувыркались, хватали друг друга за ноги, выкручивали руки и при этом грязно ругались. Оба.

Окончательно выбившись из сил, Вадим первым прекратил драку, откатился в сторону, разжал руку — в ней клок черных волос. Невероятно! Они никогда не дрались из-за женщины, редко ссорились.

— Ты что, совсем спятил? — спросил Вадим, поднялся на ноги, опять почувствовав кровь под носом, хватанул снега, который сразу стал красным. Николай смотрел на него, казалось, и сам не осознавая, что происходит. Вадим пытался остановить кровь. — Нормальные люди решают проблемы, не размахивая кулаками, — прогундосил Зорин. — Скажи мне, наконец, чего ты хочешь? Почему ты приехал только сейчас и сначала не поговорил с Надей? — он начал кое-что понимать. — Думаю, ей есть что тебе сказать ...

— Да пошли вы оба! — рявкнул Николай, тоже поднялся на ноги. — Оставьте меня в покое, — он опять начал закипать.

— Не раньше, чем ты нам все объяснишь, — Вадим опять прижал к носу снег, хотя кровь уже не капала.

— Нам?! — Николай был готов разорвать брата. — Я не обязан что-либо объяснять! — сделал несколько шагов назад и вдруг почувствовал, что теряет равновесие. Под ногами снег стал проваливаться, деревья закружились в танце, небо поменялось местами с землей.

Удар был ощутимым. Фертовский открыл глаза.

— Коль, ты цел? — озабоченное лицо Вадима было где-то сверху.

— Что это было? — спросил Фертовский, приходя в себя.

— Тут под ветками оказалась яма, снег ее припорошил. Подвигай руками и ногами, все цело?

Николай сжал-разжал пальцы рук — все нормально, пытаюсь сесть, принялся потихоньку ощупывать себя дальше. Боль в лодыжке правой ноги заставила его вскрикнуть.

— Что? — всполошился Вадим. — Что болит?

— Нога, — простонал Николай.

— В каком месте?

— Кажется, лодыжка, — он закрыл глаза.

— Наверное, вывих или перелом, — резюмировал Вадим, — а бедро-то цело?

— Бедро цело, — Николай опять поморщился.

— Это хорошо, — Вадим стал лихорадочно соображать, как вытащить брата из ямы. Стал тянуть, сначала никак, пришлось поднатужиться. Вытащил кое-как, Николай кусал от боли губы, но не позволил себе даже стоана.

А снег все шел и шел, веселясь в танце, управляемый метелью. Была в этом своя, особая красота, которая с наступлением сумерек приобретала какой-то зловещий оттенок. В ночном зимнем лесу, казалось, оживает шорох каждой ветки, с которой падает снег, множество следов на нем свидетельствуют о жизни: следы большие, маленькие, петляющие и внезапно исчезающие на белом покрывале.

— Пока совсем не стемнело, нам надо выбираться из леса, — озабоченно сказал Вадим, — черт, фонарик куда-то задевался. Постой, здесь, у дерева, я поищу его. Иначе мы не выберемся отсюда до утра, если не замерзнем. Ты сможешь наступать на ногу?

— Не знаю, попробую, — у Николая прошла вся злость и ревность. Он просто устал, смертельно устал. Опираясь на руку Вадима, он осторожно поднялся, ступил на ушибленную ногу: больно, но, стиснув зубы, терпеть можно. Пока Вадим искал фонарик, Николай стоял, прислонившись к березе. Глупо все получилось, и драка эта совсем не нужна была, ни ему, ни Зорину. И вообще, не надо было ехать в Беляниново, не надо унижать себя. В пору супружества с Маргаритой Фертовский никогда ее не ревновал, не устраивал сцен, не допрашивал, и тем более, не допускал и мысли драться из-за нее. Что же с ним сделала Надежда Андреева?

— Уф, еле нашел, — подошел Вадим, уже вынырнул из темноты. На лес ночь опускалась быстрее. А метель не стихала. Но со светом от фонарика стало как-то легче. Вадим поправил шапку, запихнул мокрые перчатки в карман, хорошо, что куртка не промокла, хотя была вся в снегу. Николай надел капюшон, однако заметно дрожал то ли от холода, то ли от озноба?

— Клади руку мне на плечо, — сказал Вадим, — давай, давай, — добавил он, видя, что Николай медлит, — наша задача сейчас: как можно скорее попасть в Беляниново, там я отвезу тебя в областную больницу, еще неизвестно, что с ногой. Может, придется еще и гипс накладывать. Ты по-прежнему не хочешь меня просветить, за что бил мне морду?

— Нет, — Николай отвел глаза.

— Хорошо, — вздохнул Вадим, — может быть, дома передумаешь, когда увидишь Надю.

— Больше ни слова о ней, — процедил он.

— Как скажешь. Упрямство — наша фамильная черта, упрямство и гордыня. Идем сюда, левее, где-то здесь должна быть дорога. Надеюсь, что я не ошибся, в лучшем случае, учитывая нашу скорость, в Беляниново будем через час.

Так и вышло. За все время движения оба порядком вымотались, замерзли, по дороге практически не разговаривали, от этого обоим было еще тяжелее. В другой ситуации поддержка словом весьма ощутима. А тут рядом шли два врага, точнее, Николай считал Вадима врагом, а тот чувствовал это всей душой.

— В дом заходить не будем, поедem сразу в больницу, — сказал Вадим, когда они уже вышли на дорогу, проходящую через деревню. Зорин все время освещал путь фонариком, другой рукой поддерживал брата. Впереди у обочины стоял джип Фертовского. — Надеюсь, ты не против, если за руль твоей машины сяду я? — с некоторой иронией спросил Вадим. Он сейчас с удовольствием пошел бы в дом, успокоил Викторю — она наверняка волнуется, снял бы с себя мокрую одежду, выпил бы горячего чаю и, наконец, просто избавился бы от общества Николая. Его неприязнь могла свести с ума кого угодно. Но именно сейчас он не мог его бросить на произвол судьбы.

Дежурный врач осмотрел лодыжку, которая к тому времени уже начала отекать, сапог снимали с трудом. От боли Николай побледнел. Сделали снимок и, к радости Вадима, врач сказал, что перелома нет, нет и трещин. Зато ушиб сильный, надо наложить тугую повязку. Вадим сидел в коридоре, теребил шапку в руках и сто раз перечитал название медицинского бюллетеня на стене, что-то там про боли в суставах. Врач вышел в коридор вместе с Николаем, последний хромал еще сильнее, теперь уже из-за повязки. Доктор сказал, что никаких нагрузок, если хотите сохранить опорную функцию стопы и не получить осложнений, сутки прикладывать холод, потом можно, наоборот, согревающий компресс.

— Вы что, попали в аварию? — врач внимательно посмотрел на Вадима.

— С чего вы это взяли? — удивился тот.

— У вашего друга ушиб, у вас кровь под носом.

— А, это, — Вадим потрогал свой нос.

— Осмотреть? — предложил врач.

— Не стоит, спасибо! До свидания и с наступающим Новым годом! — улыбнулся Вадим. Веселые приключения перед праздником, настоящий экстрим. А Николай теперь еще и с травмой. Вот похромал по коридору, даже не обернулся. Что за характер такой? И как Надю угораздило влюбиться в такого? Он же непробиваемый! Ну, нет, сдержанность в проявлении эмоций и твердость принципов — истинно мужские качества, это понятно, но надо хотя бы изредка объяснять мотивы своих поступков, чтобы других не ставить в глупое положение. Хотя... он и сам иногда ставил других в подобное положение, и тоже терпеть не мог объяснять, оправдываться. Интересно, что Николая скажет, когда все выяснится? После всех этих перипетий просто необходимо, чтобы перед его взором предстала Надя. Нет, обе, Надя и Вика...

— Мы вернемся в мой дом, — твердо сказал Вадим, садясь за руль. Николай прищурил один глаз. — В любом случае, сейчас ехать в столицу нельзя, — добавил Вадим.

— Почему? — Фертовский поерзал, пытаясь найти удобное положение для ноги.

— Слишком поздно, идет снег, скользко. И... я просто устал, а ты машину везти не сможешь. Более того, твоей ноге нужен покой, хотя бы на сутки.

— Я вызову такси.

— Вряд ли сейчас сюда кто поедет: далеко, метель, да и перед самым Новым годом. Завтра ведь тридцать первое декабря, ты забыл?

— Нет, не забыл.

— Ну, вот и хорошо. Завтра я отвезу тебя в столицу, если ты не передумаешь, когда во всем разберешься.

Николай промолчал, только закусил губу, но не от боли в ноге — благо, обезболивающее начало действовать — болела душа. А ей не поможет никакое лекарство. Через четверть часа он увидит жену.

Глава 35

Когда Надя выходила из кухни, услышала звук открывающейся двери.

— Вадим, слава Богу! — воскликнула Надежда, — я уже стала волноваться... — она осеклась, увидев супруга да еще с повязкой на

ноге. Как он смотрел на нее в тот момент! Просто испепелял взглядом, разверзлись небеса, и на землю обрушился огненный дождь. Все живое под таким дождем обречено превратиться в золу.

— Коленька, что случилось? — живая и невредимая Надя, даже не заметившая этого огненного дождя, подбежала к мужу, намереваясь обнять его, но он отстранился.

— Какую я могу занять комнату? — спросил, повернувшись к Вадиму, который все это время наблюдал за ними. Может, привезти сюда Николая — идея не совсем удачная?

— Любую, — пожал плечами Вадим, — я готов тебе уступить свою, здесь, на первом этаже.

— Спасибо, но я обойдусь без жертв, — он не удостоил Надю ни единым взглядом, вел себя так, словно ее здесь нет, — гостевые комнаты, насколько я помню, на втором этаже? Что ж, я, пожалуй, пойду, не стану вам мешать.

— Коля! — Надя никак не могла понять, что происходит. Вадим знаком показал ей успокоиться и подождать, он потом все объяснит.

В гробовом молчании Фертовский проковылял к лестнице, даже в таком положении его спина оставалась презрительно-прямой. С трудом он поднялся на второй этаж, но хуже всего было не это — он вынужден, хотя и всего лишь до завтра, оставаться в доме любовника своей жены, более того, и она здесь. Можно сказать, он их уличил, сомнений не осталось.

Николай дернул ручку двери маленькой комнаты, той, где когда-то жил Антон. Здесь было уютно, мебель в теплых песочных тонах, у стены небольшая кровать, как раз для человека, желающего побыть в одиночестве. Фертовский сбросил с себя куртку, забыл снять ее там, в холле, освободился от обуви на здоровой ноге, лег на кровать, уставший и обессиленный.

— Вадим, я умоляю тебя, объясни, что все это значит, пожалуйста! — попросила Надя, обхватив голову руками. Он сел на галошницу, скинул обувь, расстегнул куртку, прицелившись, бросил шапку на кошку-подставку.

— Мне и самому интересно знать, что нашло на твоего мужа, — вздохнул он, — догадки, конечно, имеются, но ведь ты же знаешь, объяснений от него не дождешься. Зато по морде мне быстро настучал, — Вадим опять потер нос, — мы подрались.

— Как? — ахнула Надя.

— Молча, — хмыкнул Вадим, — нет, я не прав, мы ругались, скверно ругались. Но лодыжку не я ему вывихнул, он сам упал в яму.

— Ничего не понимаю, — Надя села рядом с Зориным.

— Давай поговорим на кухне? У нас есть чего-нибудь пожевать? Я голодный и сердитый, ёлку так и не принес.

— Я приготовила ужин, пойдем, покормлю тебя.

— Ты приготовила? Подожди, а где Виктория? — за всеми этими событиями он только сейчас понял, что любимая девушка не вышла его встречать.

— Понимаешь, почти сразу после того, как ты ушел, Вике позвонил отец. Ты ведь знаешь, что ее родители в разводе?

— Знаю, — кивнул Вадим.

Они прошли на кухню.

— Отец Вики вечно в командировках и редко бывает в России. Вика его очень любит, скучает и использует любую возможность увидеться. Он сейчас проездом в Москве, ровно сутки, завтра улетает, вот и позвонил дочери. Вадим, она просила тебе передать, чтобы ты не сердился на нее, — Надя села напротив, стала резать хлеб, — правда, она сначала ехать не хотела, но отец ее так просил, сказал, что они увидятся теперь не скоро. Вот Вика и сорвалась, взяла твою машину, сказала, что к Новому году обязательно вернется. Еще просила передать, что она тебя очень любит.

— Черт! — выругался Вадим, бросил вилку на стол, есть перехотелось.

— Вадим, что?

— Представляешь, все складывается против нас! Да еще и Виктории нет в Беяниново. Я-то думал, что Николая, увидев ее в моем доме, поймет, что ошибался, и все выяснится.

— Что выяснится? — Надя смотрела на него расширенными глазами.

— Что мог подумать твой муж, застав нас двоих в доме в Беяниново? Кстати, а почему ты поехала с нами, а не с ним? Выкладывай, что там у вас произошло?

— И что мне теперь делать? — спросила Надя спустя полчаса, когда они с Вадимом, сложив дважды два, все поняли, ну, или почти

все, оставались лишь некоторые детали.

— Наверху твой злой ушибленный муж, который считает себя обманутым, ненавидит меня всей душой. Но тебя-то он любит по-прежнему.

— Теперь я не уверена в этом, — медленно произнесла Надя, в памяти всплыл эпизод, когда в холле Николай брезгливо от нее отстранился.

— Все равно ты должна поговорить с ним и объяснить, что вышло недоразумение.

— Он не станет меня слушать, — она вздохнула.

— Я еще никогда не видел, чтобы он так ревновал, переживал, отчаивался. Ты для него много значишь, — заметил Вадим, стал собирать посуду со стола.

— Вот именно, поэтому его разочарование такое горькое, и тем сложнее мне переубедить его. Все, что я буду говорить, прозвучит, как попытка оправдаться. А невиновный оправдания не ищет.

— Ну и логика! — возмутился Вадим, грохнув посудой. — Невиновный, виновный — суцая ерунда! Мы не в суде, а Николая не прокурор. Ты должна все выяснить, а не рассуждать о пустом. Если боишься, я пойду сам.

— Нет! — запротестовала Надежда. — Ты уже выяснил, получив по носу. В конце концов, Николай мне муж, и это, прежде всего, мои проблемы, — она решительно поднялась со стула, сделала шаг к двери, — у тебя есть коньяк?

Надя несколько секунд постояла перед дверью, ни капли не сомневалась, что муж занял именно эту маленькую комнату. Решила в дверь не стучать, знала, что ответа не дождется. Надо же, совсем за небольшой период своего замужества она успела уже хорошо изучить характер своего мужа, его натуру, привычки и порой даже мысли угадывала. В такие моменты она словно существовала на его волне, ощущала его на каком-то ментальном уровне. Но почему вчера ничего не почувствовала, не догадалась? Пожалуй, мысли были заняты Вадимом больше, чем допустимо, его приходом, их разговором. А Николенька что-то почувствовал, поэтому так и вел себя. Как там Вадим сказал: злой муж ушибленный муж? Еще и это.

Надя толкнула дверь, Николай лежал на кровати, горела ночная лампа. Его лицо было в полумраке. «Может, и к лучшему», — подумала Надя. Она прошла по комнате, встала у окна.

— Я принесла тебе грелку со льдом. И нам все-таки надо поговорить, — положила на стул грелку.

— Не вижу в этом необходимости, — глухо отозвался он.

— И, тем ни менее, я должна тебе все объяснить. Я прекрасно отдаю себе отчет, что все сказанное мной, может не вызвать у тебя доверия, — она говорила спокойно и решительно, — ты сейчас в состоянии, когда вряд ли способен быть объективным.

— Я более чем разумен и объективен, — он с трудом поднялся с кровати, встал у стены.

— Ты ошибаешься относительно меня и Вадима, — все равно продолжила Надя, — у каждого из нас бывают ситуации, — она должна сказать все, что хотела, — когда мы становимся пленниками обстоятельств, вызванных нелепыми совпадениями, либо недоразумениями. Как только встаешь на этот путь, реальность начинает под него прогибаться. Я лишь догадываюсь, что побудило тебя перестать мне доверять. Я не знаю всего того, что ты увидел или услышал, но могу сказать с уверенностью только одно: мои чувства к тебе не изменились ни в малейшей степени, ни на миг. Более того, с каждым днем они сильнее и глубже. Для меня счастье — быть с тобой, любить тебя, познавать, наслаждаться тобой.

Надя обхватила плечи руками, ждала. За окном снег валил крупными пушистыми хлопьями. Николай подошел к жене, она почувствовала, что он растерян. Молчал и думал.

— Мне жаль, что твой дар ритора растрачивается впустую, — наконец, сказал Фертовский, — я не верю тебе, все усилия напрасны.

— А мне жаль, что ты не слышишь меня. Ты и представить себе не можешь, как ты изменил мой мир, меня саму... — она посмотрела в его глаза.

— Я хочу остаться один, — Фертовский отвернулся, — уйди, пожалуйста! Уйди, я сказал!

Она выскочила за дверь как ошпаренная, пока шла по коридору, на глаза стали наворачиваться слезы. Опять все испортила, сказала совсем не то, что хотела. Ни в чем не разобралась, ничего про Вадима не объяснила...

Глава 36

— Я так понимаю: результат отрицательный, — резюмировал Зорин, он все еще сидел на кухне. Пару минут назад звонила Виктория, просила прощения и клялась в вечной и пылкой любви. Разве можно долго сердиться на этот вулкан страстей, эмоций и шуточек?

Надя же сейчас, напротив, была расстроена, всхлипывала и размазывала слезы по лицу.

— Ну, братец! Просто скала неприступная, — возмутился Вадим, достал из кармана платок, протянул его Наде. — Не плачь, пожалуйста! — он погладил ее по плечу. — Все наладится, все утрясется. Завтра вернется Вика, и мы вдвоем постараемся убедить Николая.

— А если не убедим?

— Убедим, куда он денется, — махнул рукой Вадим, — кстати, я нашел коньяк! Вспомнил, где у меня была припрятана бутылка. Может, махнем по рюмочке? Что нам остается делать?

Николай никак не мог уснуть, несмотря на вколотое обезболивающее, в ноге что-то дергало. К тому же очень хотелось пить.

Фертовский, стараясь не шуметь, вышел из своей комнаты, проковылял к лестнице — вот здесь будет посложнее. Держась за перила и аккуратно подтягивая ногу, он стал спускаться. В доме было тихо, лишь ритмично тикали часы в холле, здесь же горел тусклый ночной свет. Николай открыл дверь кухни. Где-то здесь на столе должен быть кувшин с водой. Да, вот он. Фертовский стал жадно пить прямо из горлышка, струйки воды текли по подбородку, шее, попали на свитер. Эта влага казалась ему живительной, даже сила откуда-то появилась. Николай поставил кувшин на место, вытер тыльной стороной ладони щеки. Постоял еще несколько минут у стола, нога ныла. Надо возвращаться к себе и лечь в кровать. До утра не так уж много и осталось. А утром он вызовет такси и навсегда уйдет из жизни Надежды Андреевой. Навсегда... Это слово его пугало, оно казалось

разрушительным, а главное, совсем безнадежным. Но ведь предательство и есть разрушение! Услышав шаги в холле, Фертовский занервничал. Кто это может быть? Надя, Вадим? А может они вместе? Вот сейчас войдут вдвоем в кухню и... Николай не придумал ничего лучше, как спрятаться за занавеску. Осторожно выглянул из-за своего укрытия, различил фигуру Нади. Глаза уже привыкли в темноте. Она наощупь нашла кувшин и тоже стала пить из горла.

— Что, не спится? — в кухне появился Вадим, включил свет. Фертовский боялся пошевелиться, замер. Надя, наконец, утолила жажду, вернула кувшин на место.

— Не могу уснуть, — призналась она, села на высокий стул, поджала под себя ноги.

— И коньяк не помог? — Вадим устроился напротив.

— Нет. Я ничуть не расслабилась. Это странно.

— Ничего удивительного, ты сильно нервничаешь и переживаешь. Надюш, можно я здесь покурю? — попросил он. Полез в карман рубашки за зажигалкой.

— Кури, — разрешила Надя. — А почему ты не спишь?

— Только задремал, — он затаился, выпустил струйку дыма, — позвонила твоя любимая подруга. Сказала, так привыкла засыпать под мой храп, что когда меня нет рядом, она не может уснуть.

— А ты и, правда, храпишь? — удивилась Надя.

— Нет, конечно! Ты же знаешь Викторию: вечно что-то выдумывает. Но вообще-то и мне без нее неуютно. Задурила мне Корецкая голову основательно. Придется все-таки на ней жениться.

— Думаю, эта идея ей придется по душе.

— Ну, еще бы! У вас — женщин — приступы брачной лихорадки случаются часто. А когда мужчина все-таки делает предложение, вы просите у него время подумать. Уверен, что и ты на предложение моего брата ответила не сразу.

— Но долго я его не мучила, — улыбнулась Надя, ей всегда нравилось вспоминать это, — нет, совсем не мучила, хотя предложение было неожиданным. Что-то в моей душе перевернулось, в тот момент меня охватило волнение, дрожь, восторг, я вдруг поняла, что влюбилась. А сейчас, мне кажется, я люблю его сильнее. Люблю и скучаю по нему.

— Ты сказала Николаю об этом?

— Пыталась... — она опустила голову, — но, наверное, не так и не теми словами.

— Но он хотя бы выслушал?

— Выслушал, однако, но не поверил.

— Ничего, все наладится. Вот увидишь. Николая поймет, что был несправедлив. Он тоже тебя любит, Наденька! — Вадим ободряюще подмигнул ей, поднялся со стула. — Пойду, все-таки хочется спать.

— Добрых снов! — пожелала Надя, намереваясь тоже отправиться спать. Она вышла из кухни, но в последний момент обернулась, обвела глазами помещение, остановила взгляд на занавеске. Николай замер. Надя постояла несколько секунд, затем выключила свет и ушла. Фертовский выждал на всякий случай некоторое время, затем поднялся по лестнице, потратил на это все свои силы и уже чуть ли не ползком добрался до комнаты. Душу переполняла неудержимая, почти детская радость. Правда, к ней примешивалась горечь раскаяния и сожаления. Просто невероятно, что он накрутил в своей голове за последние сутки! Он подозревал Надю и Вадима Бог знает в чем. Начало положило лишь то, что он видел, как жена в окно машет рукой Вадиму, провожая его! А следующие за этим обстоятельства? Они будто намерено подогревали его ревность, усиливали ее муки, искажая реальность, словно в кривом зеркале, где вовремя никто никогда не берет трубку телефона и поэтому не узнает самого важного, либо сказанные слова приобретают совсем другое значение, а попытки что-либо объяснить или оправдаться только ухудшают положение. Да еще в этом кривом зеркале, как правило, появляется демон-искуситель, перед которым ты не можешь устоять.

Николай сел на кровати, от досады резко дернул ногу, застонал. Получается, то в чем он подозревал Надю, он совершил сам. Как глупо все получилось! Необдуманно. Он проявил слабость, сделал ошибку. Остается надеяться, что жена никогда не узнает об Ангеле. Конечно, не узнает. Ангела была и исчезла, один вечер, несколько часов и все. У мужчин, независимо от их семейного положения, бывают подобные мимолетные контакты, и они ничего не значат. Имеет смысл, лишь то, что у него есть Надя, и она по-настоящему любит его, а Вадим по-прежнему хороший брат и искренний друг. Наденька, любимая, родная, лучшая на свете. Николай с этими мыслями закрыл глаза и почти сразу уснул. Уже сегодня все изменится.

Утром Надя проснулась первой, долго смотрела на себя в зеркало, синяки под глазами, щеки бледные. Вчерашние неприятности дали о себе знать, на душе тревога только усилилась. Что ждет ее сегодня? Николай, не намерен ее слушать. Каким он стал чужим и отстраненным! Словно другой человек, пугающе далекий от того, кого она успела узнать и полюбить. Этот человек так быстро возвел стену непонимания и холодного отчуждения, что Надю стала охватывать паника. И чем больше она об этом думала, тем больше отчаивалась. С другой стороны, четко знала, что ни в чем не виновата, и поэтому просто обязана доказать это. Вот Вика точно бы не уступила, она — боец и всегда идет вперед и всегда добивается своего. А чем же Надя хуже? Нет, она не хуже, просто она другая. И не каждый способен брать крепость штурмом. И не у каждого хватает мужества и решимости доказывать свою правоту. Неудачи оказывают двойственное влияние: кого-то закаляют, кого-то загоняют в угол. Закон преодоления зовет не всех.

Фертовский дернул дверь комнаты, где спала Надя, ее там не было. Наверное, уже внизу. Он осторожно спустился по лестнице. Уже сто раз пожалел, что в порыве глупой гордости отказался от комнаты на первом этаже. Думал, сможет уединиться, словно спрятаться, дожив до утра, а потом уехать. Но сегодня никуда уезжать не собирался. В доме было тихо, все так же тикали часы в холле, через окна в дом со всех сторон проникало солнце, яркое, зимнее. Его лучи проглядывали сквозь щели. Кухня была залита просто слепящим солнцем. На столе завтрак, кофе еще не остыл. Фертовский вдруг осознал, что не ел со вчерашнего утра. За всеми этими пустыми переживаниями он и не вспомнил о том, что необходима, кроме духовной, другая пища. А теперь, при виде еды, даже желудок стало сводить. Вот только завтракать одному как-то неловко. Интересно, куда все делись?

Комната Вадима была тоже пустой. Николай больше не в силах терпеть голод, сел за стол.

Кофе оказался просто восхитительным! Конечно, его варили чудесные руки жены. И как он уже соскучился по этим рукам! Маленькие пальчики с аккуратными ноготками, круглые ладошки, а на левой — коричневая родинка, весьма изящные запястья. Он даже

возбуждение почувствовал, так захотелось прикоснуться к жене. Кажется, не делал этого целую вечность.

Надя появилась, когда он уже позавтракал. Хлопнула дверь, было слышно, как кто-то топает в коридоре, стряхивая снег с обуви. Фертовский с трудом поднялся с неудобного стула, пока дошел, Надежда уже успела снять шубу и обувь. Они встретились в общем холле, недалеко от лестницы.

— Доброе утро! — сказал Николай, посмотрел на нее пристально и очень серьезно. Вдруг понял, что не знает, как начать разговор, как объяснить, что он уже все знает и не сердится. Но откуда? Потому что подслушал ночью разговор ее и Вадима?

— Здравствуй! — Надя восприняла этот взгляд не в свою пользу. Все утро она думала о том, что происходит, размышляла о возможном выходе из этой ситуации, и пришла к неутешительному выводу: что бы она ни сказала, что бы ни сделала, муж все равно ей не поверит. Он был одним из самых категоричных и непримиримых людей, Надя видела это по отношению к другим. Так что же ей ждать теперь? И сейчас он смотрел на нее так, что хотелось опустить глаза и уйти, что она и сделала.

Глава 37

Иногда бывает очень трудно найти слова примирения. Еще труднее признавать свои ошибки и промахи. Получается, что виноват именно он — Николай Фертовский, и теперь именно он должен загладить свою вину, исправить допущенную оплошность. А что, если Надя его не простит? Если нанесенная им обида засела в ней слишком глубоко? Ведь подозрения в неверности больно ранят. Господи, и как он мог такое про нее думать?! Да еще и Вадима подозревал?! Как же подобное получилось? Николай себе задавал этот вопрос уже много раз.

— Ну и морозно сегодня, скажу я вам! — В дом вошел Вадим, щеки горят, шапка съехала на затылок, а в руке елка, пушистая, со снежинками на лапах, пахнувшая хвоей и смолой, до одурения. — Привет, Николай! Рад, что ты пока еще здесь, — улыбнулся Зорин. — Такси не вызывай, довезу тебя сам, только елку в гостиную поставлю.

— Спасибо, но я решил пока не уезжать. Не все так просто, — неопределенно пояснил он. Стушевался от добродушно-искренного к себе отношения Вадима. Похоже, тот совсем не держал на него зла.

— Правильно, — согласился Вадим, — глядишь, обстоятельства заставят тебя передумать. Ведь сегодня Новый год. Как я люблю этот праздник! Просто обожаю! Как мальчишка, который ждет чуда. Запах мандаринов, подарки, елка и звон хрустальных бокалов с шампанским... М-м-м, здорово! У нас все это есть, и шампанское лучшее. Виктория выбирала. Вот обрадуется, когда увидит елку! А еще не хотела, чтобы я шел за ней, боялась за меня. А что со мной может случиться? Разве что с братом силой померились? — он хитро подмигнул Фертовскому и направился с елкой в гостиную. Николай смотрел ему вслед. Кажется, в более глупое положение он не попадал. Кривое зеркало неожиданно перестало быть кривым и теперь показывало ему реальную картину. Вот только от этого нелегче, Вадим разговаривал с ним, как будто ничего не произошло. Нет, произошло, но он великодушно готов все забыть. Это видно даже по его настроению. Как он изменился за эти полгода, что не они виделись! Стал более открытым, жизнерадостным, эмоционально щедрым. Неужели на него так повлияла Виктория?! Похоже на то. А как он сказал? Скучает по ней и готов жениться? Так говорят только о любимой женщине. Значит у Вадима и Виктории и, правда, все серьезно. Николай Владимирович, ты идиот!

— Наденька, кажется, ситуация меняется в твою пользу, — шепнул ей Вадим, пока устанавливал елку, а Надежда ходила вокруг и восхищалась. Фертовский, не решаясь войти в гостиную, все еще стоял в холле.

— Почему ты так думаешь? — тоже шепотом просила она. У Вадима был вид настоящего заговорщика.

— Вчерашнее стремление Николая как можно быстро покинуть Беяниново сегодня заметно поубавилось. Нет, совсем исчезло. К тому же, он выглядит скорее, растерянным, чем разозленным и обиженным. Не знаю, что произошло за ночь, но сегодня он ведет себя совсем иначе. Вы больше не разговаривали, ничего не выясняли?

— Нет, — она помотала головой и тут же задумалась. Что-то в мыслях промелькнуло неясное, неуловимое, что-то связанное с этой ночью.

— Чудеса! — вздохнул Вадим. — Волшебство Нового года. Какое-нибудь волшебство сейчас бы Викторю сюда принесло. Это было бы лишним аргументом в твою пользу, к тому же она помогла бы тебе наряжать елку, ну и я соскучился по моей любимой очкарице.

— Ты и, правда, думаешь, что Коля больше не подозревает нас? И готов помириться? — Надежда оглянулась на дверь. Фертовский так и не пришел в гостиную.

— Уверен, — усмехнулся Вадим. — Я его слишком хорошо знаю, если бы он не передумал, давно бы уже уехал из Беляниново. Но он здесь и уезжать не собирается. Следовательно, все изменилось.

Она внезапно поняла, что упустила, думая о причинах таких резких перемен. Все-таки ей не показалось!

— Елку-то я принес, — Вадим обошел вокруг лесной красавицы. — Но наряжать ее нечем, игрушки мы не купили. Что делать?

— Все очень просто, — улыбнулась Надя, — ну, во-первых, у нас есть конфеты, те, что в красивых блестящих обертках, мы подвесим на ниточках. Во-вторых, у тебя в хозяйстве фольга кулинарная для запекания имеется? И еще бы подошла калька.

— Найду, — ответил Вадим. Он про себя с радостью отметил, как оживилась Надя, как загорелись ее глаза. От прежней печали и тоски не осталось и следа. Она была из тех женщин, что живут любовью, дышат ею, вдохновляются. Правда, это самая любовь сейчас находится в холле и не решается войти сюда и вообще ведет себя из ряда вон плохо.

— Прекрасно, носи ее, нарежем снежинки? Знаешь, кто лучше всех делает снежинки?

— Неужели ты?! — весело удивился Вадим.

— Да я просто чемпион в этом деле, владею в совершенстве.

— Ой, одни достоинства в этой девушке, просто мечта поэта, — он шутливо послал ей воздушный поцелуй и отправился искать фольгу и кальку. Брата в холле уже не было. Видимо, поднялся к себе. Ну не ушел же он из дома? Такси он тоже не вызывал. Вадим на всякий случай глянул на вешалку, нет, куртка Николая на месте. Что ж, братик, придется теперь тебе самому расхлебывать эту кашу.

— И вот что, — Надя взяла бумагу из рук Зорина, — кроме всех этих поделок, у нас еще есть возможность нарядить елку по-

настоящему. Если позвонить Вике? Пусть она по дороге сюда, в Беляниново, заедет и купит украшения для елки? Наверняка успеет. Позвони ей? Заодно и скажешь, что соскучился.

— Хорошая идея! — похвалил Вадим и бросился к телефону. Вернулся довольный, сияющий. — Виктория приедет через два часа. Тебе от нее привет, Надюша.

— Спасибо!

— Да, еще я попросил ее привезти трость.

— Трость? — удивилась Надя.

— Николая будет легче за тобой бегать, больше шансов догнать. Но ты не очень усердствуй, все-таки он у нас пострадавший. Хотя, видит Бог, он сам свалился в яму. Я тут ни при чем. И инициатором драки тоже был он, видимо, давно пар не выпускал.

— Я даже себе представить не могу: вы деретесь друг с другом? И Николай, таким образом, выпускает пар? Ведь члены семейства Фертовских-Зориных считают себя интеллигентными и воспитанными людьми.

— Так и есть. Вернее, так было. Но когда сердце наполнилось страстью, тут вступают в силу несколько иные понятия. В конце концов, на дуэли дрались именно аристократы.

— Да, с этим трудно спорить, — улыбнулась Надя. Она разложила на столе рулон фольги и кальку. — Подожди, а ножницы? Вадим, ты не принес ножницы?

— Забыл! — он почесал лоб. — Хорошие, острые — в твоей комнате, в шкатулке с нитками. Принести?

— Я сама, — махнула рукой Надя, — заодно и нитки прихвачу, будешь вешать конфеты.

Она быстро прошла по холлу, стала подниматься по лестнице.

— Надя, — Фертовский ждал ее наверху возле последней ступеньки, — нам надо поговорить, — произнес он так, словно ему с трудом давались эти слова. Надежда вдруг увидела, как изменилось его лицо. Теперь не было отчуждения и холодности, напротив, взгляд стал мягким и даже смущенным. Кажется, ночь прошла в раздумьях?

— Я думаю, что произошло недоразумение. Ты и Вадим... — он замолчал.

— Что я и Вадим? — Надя нервно дернула плечом.

— Я полагаю, что я несколько утрировал ситуацию. Но, не отрицай, что у меня были причины для этого. Ведь летом здесь, в Беяниново, между вами было...

— Ничего между нами не было, — перебила его Надя, — как тогда, так и сейчас.

Она умолкла и поняла, что больше не желает оправдываться и объясняться. Теперь они словно сменили свои боевые позиции.

— Думаю, я сказала достаточно, — произнесла она это таким тоном, что испугалась сама. Так самоуверенно и смело могла вести себя только Виктория, когда «крутила» со своими кавалерами, заставляя их страдать, бегать за ней, терять голову. Но те были лишь ее поклонниками, и Корецкая не испытывала и десятой доли того, что испытывала Надя. Николай ей не какой-нибудь там ухажер, а муж! Правда неожиданно ревнивый, и как оказалось, бескомпромиссный. Он ведь не поверил ни единому ее слову. Как расценить такую ревность? Его любовь, действительно, настолько сильна, или здесь доминирует обыкновенное чувство собственника?

— Надя, но мне показалось...

— Прости, я должна идти, — она помотала головой и направилась в свою комнату. Фертовский смотрел вслед до тех пор, пока она не скрылась за дверью. Тихо чертыхнувшись, он похромал к себе, не стоять же здесь у лестницы вечно? Жена дала ясно понять, что разговаривать не хочет.

Фертовский слышал, как потом Надежда вышла из комнаты, дверь он закрывать не стал, все еще слабо надеясь, что жена передумает и зайдет к нему, но тщетно. Надя прошла мимо, не останавливаясь и даже не повернув головы. Еще вчера она оправдывалась перед ним, переживала, говорила о своих чувствах, а сегодня ведет себя так, словно теперь он в чем-то виноват. Ни любви и ни жалости.

Николай сел в кресло, больную ногу вытянул, положив ее на кровать, закурил. Вспомнил, что пепельница находится внизу, в гостиной. Ну и что теперь делать? Он досадливо погасил сигарету. Один в этой крошечной комнате, ограниченный в движении, терзаемый противоречивыми чувствами и страстным желанием поговорить с женой, такой теперь недоступной, и от этого еще более желанной. А ведь именно в Беяниново, каждый из собравшихся, нашел летом свою половинку, но понял это не сразу, через

переживания и моменты, о которых не очень-то хотелось вспоминать. Вадим имел виды на Надю, Николай уже тогда влюбился в нее, Виктория мечтала о Вадиме, а Надя? Она меньше всего думала о Николае, как и сейчас.

Глава 38

— Вадик, Надюша, я приехала! — крикнула Виктория. Она буквально ввалилась в дом, в руках пакеты, заехала в супермаркет и накупила так много, что сама удивилась. Но это уже потом.

Вадим выскочил из гостиной первым, поцеловал Вику в губы, отнял у нее пакеты и тут же стал в них заглядывать.

— Ты решила, что мы в Беляниново останемся на всю зиму? — пошутил он.

— Хорошая идея, — улыбнулась Корецкая, — может, ну ее, работу? Надюш, как ты думаешь?

— Ты знаешь, что я поддерживаю все твои начинания, даже самые...

— Безумные? — подсказал Вадим, за что получил от Вики шлепок по руке.

— Кстати, насчет безумия, — вспомнила Вика, — Вадим, трость осталась в машине, сходи за ней, пожалуйста. Но честное слово, я даже не догадываюсь: зачем ты меня попросил купить ее. Это что, такая новогодняя шутка?

— Если бы, — вздохнула Надя, — трость нужна для моего мужа.

— Николя? Он здесь? — обрадовалась Вика.

— Да, и у него вывих лодыжки, — на ходу пояснил Вадим, накинул куртку и вышел за дверь.

— Я ничего не понимаю, — пожала плечами Вика, сняла очки. — Давай рассказывай, — обратилась она к Наде, — что у вас произошло, пока меня не было...

Не в силах больше оставаться в своей комнате, словно в заточении, Николай решил спуститься на первый этаж, будет настойчивым и все-таки поговорит с Надей. Из гостиной доносился смех, Фертовский остановился, не доходя до гостиной, услышал голос жены, но слова разобрать было невозможно, хотя говорила она

эмоционально. В ответ опять смешок. Хлопнула входная дверь, Николай не успел обернуться.

— Подслушиваешь? — Вадим подошел к брату, протянул ему трость. Весьма удобную. — Держи, с ней тебе будет удобнее передвигаться. Скажи «спасибо» Виктории, это она ее купила. Давай, давай, примеряйся. Не своди на нет хотя бы ее старания, — он сказал это с такой многозначительной улыбкой, что Николай почувствовал, как ему хочется сейчас убежать отсюда, куда глаза глядят. На душе и так было скверно. Да, жена, оказалось, ни в чем не виновата, это принесло невероятное облегчение, но ничуть не облегчило создавшегося нынешнего положения. Теперь у нее были все причины обижаться на него. Хотя она знает, что он ее больше не подозревает и не винит. И когда сам решил с ней поговорить, она отказалась, вернее, не хочет слушать. Как же ее поведение сегодня разительно отличается от вчерашнего. Да, кажется, она решила показать характер.

Услышав голос Вадима, Вика и Надя вышли из гостиной.

— Добрый день, Виктория! — поздоровался Фертовский, держа в руках трость, и при этом выглядел растерянным.

— Привет, Николенька! — дружелюбно улыбнулась она, чмокнула его в щеку. — Как самочувствие?

— Благодарю, сейчас лучше, — учтиво ответил он и посмотрел на Надю. Ему теперь все время хотелось на нее смотреть, видеть ее лицо, особенно глаза. Но именно их она и прятала. — Спасибо за это, — добавил он, указав на трость. Перспектива, на самом деле, была совсем не радостной, но в данном случае отказываться от нее — ухудшать ситуацию не только в отношении себя. Вадим прав.

— На здоровье, — отозвалась Вика. Это пожелание имело самое прямое назначение. — Ну, что, пора заняться организацией обеда? И хорошо бы закончить с ёлкой. Я привезла игрушки, мишуру и еще замечательные гирлянды-фонарики. Николя, надеюсь, тебе будет не трудно с ними разобраться?

— Конечно, разберусь, — отозвался он и посмотрел на Надю. Она быстро отвела взгляд.

— Надюша, ты останешься наряжать ёлку?

Вика незаметно толкнула подругу в бок.

— Нет, — торопливо ответила она, сделав вид, что не заметила тычка Виктории. — Женское дело — на кухне хозяйничать. А мужское

— заниматься гирляндами, — добавила она и первой ушла. Через несколько минут оттуда послышался приглушенный разговор.

Приезд Вики привнес в дом оживление. Надя подумала, что сразу стало как-то шумно, весело, такие, как она, способны собирать вокруг себя людей, создавать настроение, поднимать тонус. Энергия из нее была ключом, и Наде это очень нравилось. Недостатки Вики тонули в ее обаянии, готовности сопереживать, если необходимо — помогать, она не умела умно и долго рассуждать, логично раскладывать все по полочкам, зато могла утешить и настроить на положительные моменты, подчеркивая, что Надя — лучшая и все у нее будет хорошо. Она искренне верила в это.

Вадим и Николай переглянулись — что ж, ёлка ждала их. На ней уже красовались нарезанные Надей снежинки, возле стула находился большущий пакет с игрушками и украшениями. Сбоку торчал край яркой коробки. Вадим потянул за него и вытащил. Это оказались гирлянды.

— Иллюминация, держи, — он протянул коробку Николаю. Сам стал распаковывать яркие свертки.

Николай крутил в руках коробку и думал о своем. Перед тем как уйти на кухню, жена удостоила его взглядом. На него нахлынула горячая волна любви, опьяняющей. Такое с ним бывало редко, вернее, никогда, до Нади. Именно с ней он ощущал этот самый хмель, что-то на уровне химии, какие-то процессы в голове.

Там, на лестнице он едва сдерживал себя, так хотелось, отбросив все сомнения и нерешительность, заключить жену в крепкие объятия и никогда не отпускать. Но он не сделал этого, отчетливо понимая, что возможно, все только усложнит. В глазах Нади не было той нежности, к которой он так привык. Она умела ласкать одним лишь взглядом. Там плескалось изумрудное бездонное море, в котором Фертовский каждый раз тонул. Шансов спастись не было, да он и не желал спастись. Плен казался намного слаще свободы, к которой, как ему казалось раньше, он стремился. Свободы от сердечных мук и переживаний, от возникающей зависимости и необходимости идти на компромисс. Однако в данном случае, всего этого не требовалось. Хотя Надя Андреева не была покладистой и смиренной. Просто в их отношениях присутствовала гармония, вернее, она возникла, когда они

стали жить вместе. Их стала связывать в определенный момент не только схожесть мыслей и слов, но и разное, отнюдь не раздражающее отношение к тому или иному предмету или явлению. Во взаимном удовольствии они открывали миры друг друга. Но, оказывается, и мир может быть хрупким.

— Николая, — позвал его Вадим, вырывая из глубоких раздумий, возвратил к реальности. — Давай не будем вешать эти нелепые бусы? Они мне не нравятся. Вика купила шары, есть «дождик». Смотри, самая настоящая звезда, на макушку. Помнишь, похожие были во времена нашего детства?

— Помню, — отозвался Фертовский, — а на ёлку вешали не только яркие шары, но и фрукты и овощи из папье-маше, — он сдержанно улыбнулся, — кажется, это ты пытался откусить игрушечное яблоко?

— Было дело, — смутился Вадим, почесал в затылке, — я же не виноват, что оно ничем не отличалось от настоящего, ну, или почти ничем. Хотя матушка несколько раз предупреждала, чтобы я не трогал игрушки на ёлке. Но груши, сливы и особенно, яблоки, меня просто завораживали. Поэтому и не удержался. В итоге сломал зуб, хорошо, что молочный. Ой, какие же мы были в детстве глупые! — Вадим повесил пузатый шар на елку, увидел свое отражение в нем, скорчил гримасу: лицо неестественное, нос картошкой, глаза выпученные — ну просто маска-страшилка.

— По-моему, мы и сейчас не очень поумнели, — заметил Николай, стал распутывать провода с гирляндой. Для этого, правда, пришлось сесть в кресло, теперь что-то делать в основном он мог сидя. — Судя, по моему вчерашнему поведению, это так!

— Да ладно тебе, — отмахнулся Вадим. — Со всяким может случиться. Только сначала мне было трудно понять, чего же ты хочешь от меня. Нет бы все сразу объяснить, хотя объясняться мы не любим, ни ты, ни я. В этом все беды.

— Ты ее по-настоящему любишь?

— Кого? — не понял Вадим.

— Викторию.

— Люблю, — не задумываясь, ответил он. — Люблю осознанно, не только сердцем, но и умом. Я стал понимать, что моя жизнь замирает, когда ее нет рядом. С ней энергия, эмоции, движение вперед,

позитив, которого мне так не хватало. К сожалению, понимание этого пришло не сразу, но, слава Богу, я разобрался. Кстати, Надя только подтвердила мои измышления. Да, да, твоя жена. В тот самый вечер, когда мы с тобой договорились встретиться у вас дома. Я ведь приезжал и ждал тебя. Конечно, мы с Надей разговаривали.

— И? — Николай невольно почувствовал, как по телу прошла нервная дрожь.

— Старик, — Вадим хлопнул его по плечу, — тебе нечего опасаться и видеть во мне соперника. Надюша так о тебе говорила, что если б не Виктория, я бы точно позавидовал. Но со мной рядом женщина, которой я дорог и любим не меньше.

— Это просто какое-то безумие, — Николай стал напряженно тереть лоб, — цепочка невероятно нелепых совпадений: твой приезд к нам, я задержался и увидел, что ты выходишь из моего дома, а Надя тебя провожает у окна. Вдруг у меня перед глазами возникла картина, как вы вдвоем... И чем больше я думал об этом, тем больше убеждал себя, что вы любовники. Ведь ей кто-то позвонил, а я решил, что это ты... Она кокетничала по телефону. Я слушал и понимал: я схожу с ума.

— И ты ни о чем не спросил ее? — удивился Вадим. — Ничего не выяснил?

— Нет, я, молча, ушел из дома. Но кошмар моих подозрений продолжался, Надя отправилась в Беляниново, к тебе. Представляешь, что я почувствовал? А когда приехал сюда и увидел, как она выскочила из дома, и поправляет тебе шарф...

— Шарф? А, ну да, я вышел из дома и забыл перчатки. Вика попросила Надю, и та выскочила, ну и просто поправила мне шарф. Это преступление?

— Нет, конечно. Но когда все складывается в пользу подозрений, когда кровь бросается в голову, какой уж тут здравый смысл?

— И в итоге ты решил меня поколотить?

— Как насчет реплики там, в лесу: «Мне всегда нравилась твоя жена»?

— Ну, да! Я имел в виду Маргариту. У нас с тобой восемь лет разницы, а Рита ко мне всегда относилась как к взрослому. Это меня подкупало. Я ведь даже первое время ревновал. Мне казалось, испытывал чувства не мальчика, а мужа. Но она как-то сумела стать

для меня именно другом, наверно, даже старшей сестрой. Мне было очень жаль, когда вы разошлись. Вот и все.

— После всех твоих объяснений — я чувствую себя еще хуже, — вздохнул Николай.

Глава 39

— Не слишком ли ты жестока с ним? — спросила Виктория, она взялась резать овощи. А Надя тем временем оглядывала со всех сторон весьма внушительный кусок сырого мяса, который собиралась тушить.

— С мясом? — спросила она. Взяла большой нож.

— С мужем, — покачала головой Вика.

— В чем ты увидела проявление моей жестокости?

— Ты не замечаешь его, игнорируешь. Это болезненно для другого человека.

— Ты полагаешь, что я мщу? — Надя с чувством воткнула нож в мясо.

— Я уверена в этом. Ты жаждешь крови, — Вика с любопытством наблюдала, как подруга расправляется с мясом, — вон как орудуешь ножом.

— Не выдумывай, пожалуйста, я всего лишь готовлю еду, — спокойно ответила Надя, потянувшись к полке со специями.

— Ах, бедный Николенька! — улыбнулась Вика.

— Почему это бедный?

— Жена у него строгая и принципиальная. Холод ее прекрасных глаз просто сводит его с ума. Не очень усердствуй, девочка моя. Он и так мучается.

— Это заметно? — Надя внимательно посмотрела на подругу.

— Еще как. Но такой уверенной в себе ты мне очень нравишься. Чем салат заправлять?

— Обожаю, когда в доме пахнет вкусной едой, — Вадим потянул носом.

— Ты все-таки приверженец домостроя, — Николай наблюдал, как на ёлке мерцают огоньки-фонарики: сначала по цепочке загорается каждый, эдакой змейкой, потом все светят одновременно, постепенно

затухая. Целая композиция, даже завораживает, когда смотришь долго, ни на что не отвлекаясь.

— Я приверженец тушеного мяса, — усмехнулся Вадим, хлопнул себя по животу. И хотя там не было ни капли жира, все равно надо стараться поддерживать форму. У Николая свои заморочки: ноги длинные, стройные, пропорции идеальные — плечи, торс. Но к полноте тоже склонен. И первое, что у него поправляется — лицо, как-то сразу обрисовываются щеки и совсем немного, но уже виднеется второй подбородок. Как только живот перестает быть плоским, Фертовский принимается усиленно заниматься спортом, хотя не раз признавался, что считает это насилием над собой. Вадим подумал о том, что никогда от брата не слышал о его предпочтениях относительно женщин: худые, полные, среднего телосложения, высокие, маленькие, блондинки, брюнетки, шатенки... Встречался он с разными. Но Надя отличалась от всех, ни на кого не было похожа. И дело не только во внешности, есть женщины гораздо красивее ее, на которых сразу обращаешь внимание, вот, например, Виктория из таких, она яркая, бойкая. Надя более сдержанная, не раскрывается сразу, предпочитая наблюдать, слушать. Но в ней ощущается некая тайна, которая увлекает...

— Мальчики, обед почти готов, — в дверь сунулась Вика, — ой, какая красивая ёлка! — она широко улыбнулась. — Вы оба просто гении! Надюня, иди сюда, полюбуйся на это чудо!

Надя появилась в гостиной, увидела переливающуюся огнями елку, только сейчас ощутила, что в дом наконец-то пришел праздник. Остается лишь загадать желание. Она невольно перевела взгляд на мужа. Как он смотрел! В этом взгляде была и нежность, и страсть и отчаянье... Наде вспомнились пылкие ночи в «медовый» месяц, они, попав в рай Сейшел, пережили минуты настоящего блаженства. Но в раю нельзя жить вечно. И сколько еще испытаний их ждет впереди?

— Действительно, красиво, — согласилась Надежда, обошла вокруг ёлки.

— А оставшиеся бумажные снежинки можно наклеить на стекла, — тут же предложила Вика, подмигнула Вадиму, — у тебя есть клей?

— Есть где-то, поищем?

Зорин и Корецкая так быстро умчались с этими словами из гостиной, что Надя растерялась. Ей не хотелось оставаться с мужем наедине. Словно это почувствовав, он тяжело поднялся с кресла, проковылял мимо нее к выходу. В холле накинул куртку и вышел на крыльцо. Сигарета обожгла пальцы.

Обед прошел в напряжении, вернее, напряжение ощущалось между супругами Фертовскими, а Вика и Вадим пытались как-то разрядить обстановку шутками и байками. Надя упорно не обращала внимания на мужа, обходя его даже взглядом. Она понимала, что ведет себя не совсем умно, но теперь, заняв эту позицию, уже не знала, как выкрутиться. Ей сначала казалось, что она должна быть принципиальной до конца, позже стало казаться, что ее принципиальность сродни глупому упрямству. Еще примешалась жалость, Николай теперь был ограничен в движении. И все-таки она молчала.

После обеда Вика силой выгнала Надю из кухни, уверяя, что справится и без нее. Естественно, Зорин остался ей помогать. Николай, не говоря ни слова, оделся и вышел из дома. Надя слышала, как он пару раз нервно кашлянул, затем хлопнула дверь. В груди защемило, Надежда надеялась, что муж все-таки сделает еще одну попытку поговорить. Наверное, сейчас она уже созрела, чтобы прийти к примирению. Но он ушел. А сама она ни за что унижаться не станет. Она не виновата в том, что произошло. И никогда бы не подумала, что муж способен на то, в чем ее подозревал.

Ёлка радостно переливалась огоньками, Виктория достала красивые канделябры, осталось только зажечь свечи. Надя подошла к окну: уже начало темнеть, снегопад кончился. Красиво зимой за городом: белое покрывало полей, на котором искрится снег, зимний сон деревьев и удивительная тишина. Наверное, Николай тоже все это видел — похоже, остался на крыльце, двор точно не пересекал.

— Ты одна? — появилась Вика. — Где Николая? Вы не разговаривали? — выпалила она вопросы, один за другим.

— Нет, — отозвалась Надя, — он вышел на улицу, скорее всего, курит.

— И тебе вообще ничего не сказал? — удивилась Вика. Надя помотала головой. На душе опять стало тревожно. А если они вообще не помирятся?

— А, курит, понятно, — кивнула Вика. — Знаешь, мы с Вадимом решили переселить Николая в нашу спальню, ведь ему очень тяжело туда-сюда прыгать по лестнице.

— Подожди, а сами-то вы где будете спать? — не поняла Надя.

— Ну, — Вика сделала паузу, — в большой комнате наверху.

— То есть, в моей?

— Да, там как раз два спальных места.

— А я, следовательно, перееду в маленькую комнату рядом?

— Ты переедешь тоже вниз, в спальню, — Вика подошла к подруге, внимательно посмотрела ей в лицо, — Надюша, Николай — твой муж, вы должны находиться в одной комнате и спать вместе.

— Как ты себе это представляешь после того, что произошло? — нахмурилась Надя.

— А что, собственно говоря, такого случилось? Ну, приревновал тебя супруг, покипел, потом признал свою неправоту.

— Не признал, — отрезала Надя, почему-то начиная злиться, — он считает, что я спровоцировала эту ситуацию. Он мне не доверяет.

— Я тоже никому не доверяю, — пожалала плечами Виктория, села в кресло, закинула ногу на ногу, — и не могу сказать, что я полностью уверена в Зорине. Знаешь, мне иногда кажется, что он все еще испытывает к тебе что-то. — Надя, чувствуя, что от этих слов краснеет, быстро повернулась к окну.

— Глупости какие! — она должна была возмущаться и сделала так, чтобы это прозвучало естественно. — Вадим любит тебя и это очевидно.

— Очевидно то, что он рядом со мной, ему хорошо, удобно, он купается в моей любви. А что там у него глубоко в душе? Я не знаю.

— Но ведь он по своей воле поехал за тобой в Петербург и сделал все, чтобы вы были вместе, — напомнила Надя.

— Это правда, — улыбнулась Вика, поднялась с кресла, — поэтому и я сделаю все, чтобы ты и Николай были вместе. Помиритесь, наконец! Постель, между прочим, один из лучших способов.

— Я не буду использовать постель, — упрямо гнула свое Надя. Если честно, она вообще пока не видела выхода из создавшейся ситуации. Кажется, уже заигрались оба.

— Напрасно, — Вика деловито поправила очки, повернулась к ёлке, стала наблюдать за огоньками. — Уверена, Николай жаждет

оказаться с тобой в кровати и как следует там помириться.

— Не придумывай!

— Да это по его глазам видно. У Фертовского потрясающий взгляд, просто завораживающий. И вообще он уникальный, как и ты. Вы — идеальная пара. Я всегда об этом говорила.

— Помню, помню. И еще ты пророчила, что когда-нибудь я влюблюсь в него.

— Так и вышло, моя дорогая.

— Теперь понятно кому я обязана своим счастьем, — усмехнулась Надя.

— Ну, тогда еще раз послушай свою тетушку-фею и тащи свои вещи вниз. Будем меняться комнатами.

— Я бы предпочла все-таки маленькую комнату, на втором этаже.

— Девчонки, — появился Вадим, — я уже кое-что перетащил наверх. Надюш, тебе помочь?

Глава 40

— Ой, я совсем забыла! — Вика помчалась к своей сумке. — Я же купила диск с фильмом. Новинка, про вселенскую катастрофу.

— Про вселенскую — это точно новинка, — усмехнулся Вадим. — Ну ладно, давай свой фильм. Взбодримся всякими взрывами, разрушениями и попытками спасти планету. В очередной раз.

Надя поняла, что фильм ей совсем не нравится. Технический уровень спецэффектов, конечно, впечатлял, но не более. Дома складывались как карточные домики, башни оседали, создавая пыль и хаос, асфальт ветвистыми трещинами расходился в стороны, зияющие пропасти поглощали все живое и неживое. Сдвигались платформы материков, а океан превращался в неправдоподобно гигантский цунами. При всем этом главные герои спасались в самый последний момент, будь то вели машину или самолет. По ходу фильма Вадим иронично вставлял кое-какие замечания, с которыми Надя была полностью согласна, а Виктория испытывала настоящий страх, охала и временами даже закрывала глаза. По ее мнению, все это вполне могло бы случиться на самом деле.

Ближе к финалу фильма Надя поднялась с кресла и направилась на кухню ставить чайник. Это вызвало всеобщее одобрение. Минуту спустя Надежда вдруг поймала себя на мысли, что фильм они смотрели втроем. Николай в гостиную так и не пришел. Вполне вероятно, что он заглядывал сюда, просто никто не заметил. А потом тихо ушел к себе. К себе? В ту маленькую комнату наверх? Ведь он не знал о переезде вниз и о том, что Вадим и Вика предоставили им свою спальню. Вот глупая ситуация!

Надя бесшумно поднялась по лестнице, подошла к двери маленькой комнаты. Прислушалась — ни звука, ни шороха. Может быть, Николай спит? Она тихонько приоткрыла дверь: комната была пустой. Как и соседняя.

Надежда быстро спустилась вниз, заскочила на кухню, выключила чайник. Оставалась проверить спальню. Но мужа и там не оказалось. Тогда она бросилась в коридор — его куртки на вешалке тоже не было.

— Вика, Вадим, Коли нигде нет! — крикнула она в волнении. Сердце стало биться гулко и тревожно.

— Как это «нигде нет»? — не понял Вадим, первым вышел из гостиной.

— Его нет в доме.

— Так он же ходил на крыльцо курить, ты сама сказала, — пожала плечами Вика.

— Да, но когда это было?

— Гм, — Корецкая посмотрела на таймер проигрывателя, — два с половиной часа назад, — еще до фильма. Так надо посмотреть на крыльце.

— Если он там, то уже стал похож на сосульку, — пробормотал Вадим и выскочил на крыльцо.

— Николя там нет, — он быстро вернулся, как-то тревожно посмотрел на Надю, — ты проверяла все комнаты? А на веранде? А в кладовой?

Вскоре стало понятно, что Фертовского в доме нет. Куда он исчез? Мысль, что уехал на своей машине, Вадим сразу отменил — у брата ведь была повязка на ноге. Вряд ли он стал бы так рисковать, да еще в гололед. Следовательно, ушел, но зачем и куда?

Вадим стал одеваться.

— Ты куда? — Вика крутила очки в руках.

— Искать Николая, — ответил Вадим, нахлобучивая шапку, — далеко уйти он не мог. А вась мне повезет.

— Господи, на улице уже такая темень, — Вике стало по-настоящему жутко: пропал Николая и теперь еще Вадим уходит. А если с ними обоими что-нибудь случится? И на помощь позвать некого. А если разыграется страшная вьюга? Насмотрелась фильмов.

— Я пойду с тобой! — твердо произнесла Надя. — Я не смогу сидеть и ждать, я с ума сойду. Вадим, хочешь ты этого или нет, я иду с тобой, — в ее глазах было столько решительности и непоколебимости, что Вадим махнул рукой — одевайся!

— Вика, запри дверь, никому не открывай, — перед уходом стал наказывать Зорин, — телефон держи возле себя.

— Я боюсь оставаться одна в таком большом доме, — она обиженно поджала пухлые губы.

— Включи телевизор, какой-нибудь концерт. Уверен, что мы быстро догоним Николая. Надюша, ты готова?

Они вышли на дорогу, Вадим включил мощный фонарь. Луч осветил путь. Здесь он был утопан, а вот дальше, к лесу...

— Одного не могу понять: зачем он ушел? — сказала Надя, она старалась подстроиться под быстрый шаг Вадима.

— Он, наверное, почувствовал себя никому не нужным, одиноким.

Надежда вздохнула. Подобное чувство ей было знакомо, и теперь ее нежелание пойти навстречу, выдерживая характер, поставило Николеньку в такое положение. И если с ним что-то случится, она себе этого никогда не простит. Никогда!

Она вдруг вспомнила его лицо, там, в кухне, когда они обедали. Оно было таким хмурым, что даже пролегла складка меж бровей. Он ел явно без аппетита. А глаза казались темными, почти черными. Это глаза человека, находящегося в отчаянии.

Вика взяла в руки пульт, стала переключать каналы телевизора. Безудержное веселье, царящее практически на всех волнах телеэфира, почему-то ее раздражало. Где-то показывали старые фильмы. Вика остановилась на «Карнавальная ночи» — хорошо, что попала на самое начало. Зазвонил телефон, Корецкая резко вскочила, уронила пульт, стала бестолково крутиться на месте. Ах, вот он! Телефон почему-то находился возле елки. Номер не определился.

— Алло! — крикнула в трубку Виктория. В ответ — молчание, даже шорохов не слышно. — Алло! Говорите! Вас не слышно.

Она сделала несколько шагов назад, наступила на пульт, выключила тем самым телевизор, одновременно на том конце провода бросили трубку. Все это испугало Викторию, и тишина, которая сразу же окутала весь дом. Большой дом. Может, все-таки пойти на улицу? Хоть чуть-чуть побыть там, охладить свои страхи. Она выбежала в коридор, стала одеваться, вдруг опять зазвонил телефон, но только уже здесь, в коридоре. Вика уставилась на вздрагивающий аппарат. Зачем Вадим выбрал такой тонкий пронизывающий звук? А если это он звонит? Они могли уже найти Николая. Вика растерянно посмотрела на свои ноги: на одной уже был надет сапог. А телефон все звонил и звонил.

— Алло! — тихо произнесла она.

*...Растворялась я в нежности,
В ласке губ трепетала,
В поле снежной безбрежности
Иступленно рыдала.*

*Мне ль судьбе покориться,
Мне ль зачахнуть в тоске?
Приворотное зелье
Я варю в котелке...*

*И упала я в ноги
Властелину ненастья,
Чтобы взял мою душу,
Дал короткое счастье:*

*Разделенную нежность,
Жар объятий твоих,
Тот единственный трепет,
Что один на двоих.*

*Приворотное зелье
Закипает в котле,*

*Мне за это не страшно
Кончить жизнь на костре.*

*Пусть в неистовом пламени
Сгину, стану золой,
Но не быть мне желанной
Даже этой ценой.*

*Заклинанья бессильны,
Жалок ведьмин дурман.
Приворотное зелье
Выливаю к чертям! ⁶*

Пел красивый женский голос под аккомпанемент гитары. Правда, аранжировка была непрофессиональной, но голос пел с таким чувством, с такой болью, что Вика остолбенела и слушала как загипнотизированная. Как только девушка допела, связь оборвалась, короткие гудки, а Корецкая все держала трубку возле уха. Какая-то мистика! Непостижимо! Что за розыгрыш? Кому захотелось таким способом повеселиться в Новый год? И это происходило в Беляниново! Опять Беляниново... Когда-то Виктория Корецкая здесь позволила себе поиграть с нечистой силой, да еще в Купальскую ночь. А сейчас до Нового года осталось несколько часов, и неужели ей придется опять платить по счетам?! Но ведь она раскаялась! И Вадим ее любит, искренне и нежно. Но сейчас он с Надей... Они ушли вдвоем. Кто знает, не вмешайся когда-то Виктория, может им и суждено быть вдвоем? А как же Николая? Надя полюбила его, она сама говорила об этом. Хотя она могла так же полюбить и Вадима, уже была на пути к этому.

Вика побрела в гостиную. Остановилась посреди комнаты, вздохнула. И чего дергаться так? Ну, позвонил какой-то идиот, поставил песенку с мистической темой. Может, вообще, номером ошибся? Хотел разыграть свою подружку!

Вика вздрогнула, на кухне что-то упало. Она побежала туда — на полу лежала разбитая чашка Вадима. Мелкие, мелкие кусочки. «Разбитую чашу не склеишь» — вспомнились слова. Как чашка сама

могла упасть со стола? Только если находилась на краю. Но в таком случае, ее все равно должен был кто-то задеть, столкнуть, сдвинуть.

— Я начинаю сходить с ума, — тихо сказала сама себе Виктория, — так уже было в бане, у Ильи. Но там эти два ненормальных постарались... А сейчас?

Она увидела, как за стеклом кухни промелькнула тень. Кто-то прошел прямо у окна, затем раздался стук в дверь. А вдруг это Фертовский? Вика поспешила к двери, распахнула ее и увидела ... чёрта!

Глава 41

Он вылез из самого ада: жуткие, налитые кровью глаза, оскал зверя, морда серо-зеленая с мерзкими бородавками и рога! Самые настоящие рога! Один из них немного обломан, словно он участвовал в битве...

Вика набрала побольше воздуха в легкие и заорала! А что оставалось делать? Она еще и глаза закрыла. Так и стояла в дверях: в руке полушубок, в одном сапоге, глаза закрыты, и издавала такой оглушающий крик, какого в Беляниново, наверное, не слышали никогда.

— Ну, будет, будет! Успокойся, — прозвучал над самым ухом знакомый голос. Такой успокаивающий бархатный баритон. Как иногда красив может быть мужской голос! И не просто красив, а обворожителен, звуки льются на тебя, проникая в самую душу, согревая ее.

Виктория открыла глаза. Перед ней стоял Фертовский. Вместо страшной демонической рожи с рогами — интеллигентное лицо Николая, правда, тревожное.

— Ии-ых! — всхлипнула Вика и бросилась к нему в объятия.

— Все хорошо, успокойся! Все позади. Пойдем в дом, холодно, простудишься.

— Что это было? — от пережитого страха и напряжения по щекам Корецкой текли слезы. — Я открыла дверь — увидела черта!

Николай прихрамывая, вошел вслед за ней в дом. Закрыв дверь, проверил замок.

— Я вовремя появился, — он покачал головой. — Правда, твой крик мог напугать кого угодно, — Фертовский сдержал улыбку.

— И даже черта?! — Вика стала потихоньку приходить в себя, сняла сапог, повесила полушубок. В любом случае теперь ей не страшно. Николая ведь здесь. Он хоть и с больной ногой, но сумеет ее защитить.

— Да, это парни из коттеджного поселка дурака валяют, — махнул он рукой, — вырядились в нечистую силу, ходят, народ пугают. Я им пригрозил, они убежали. Но твой крик, думаю, подействовал на них эффективнее. Я слышал его, когда шел к дому.

— А песня в телефоне? — Вика сняла очки, стала тереть глаза.

— Какая песня? — не понял Фертовский.

— Кто-то позвонил по моему мобильному и молчал, потом позвонили по домашнему, и там пела девушка.

— Девушка? — переспросил Николай.

— Ну да, под гитару, — Вика прикусила губу. Знать, о чем песня, Николая вовсе не обязательно. — А потом разбилась чашка Вадима, сама разбилась, на мелкие кусочки. Я и так напугана, а тут еще и тень за окном, стук в дверь и... Боюсь одна быть в этом доме.

— Давай все сначала, — попросил Николай. — Ты сказала, что боишься быть одна дома, так?

— Ну, да, — Вика прошла в кухню, поставила чайник. — О, Боже! Я забыла самое главное! — Воскликнула она и побежала за своим телефоном.

Фертовский внимательно, но бесстрастно следил за ее перемещениями.

— Абонент временно недоступен, — Вика с нескрываемой досадой захлопнула крышку телефона, вернулась на кухню, — наверное, они попали в зону, где связи нет. Да, ушли уже больше часа назад, — она бросила взгляд на часы.

— Они — это Надя и Вадим? — Фертовский с трудом пытался найти смысл в этом потоке пока бессвязной информации. Викторину понять сразу — крайне сложно. Это под силу только Вадиму. Николай сел на высокий стул, машинально погладил больную ногу.

— Конечно! — эмоционально произнесла Корецкая. — Они ушли искать тебя, мы ведь все переживали. Ты исчез и никаких следов. Кстати, где ты был?

Николай вздохнул. Теперь кое-что ясно.

— Надюша, между прочим, так волновалась за тебя, что даже заплакала. Вадим решил идти искать тебя, она потребовала, чтобы он взял ее с собой.

— И ты попыталась теперь им дозвониться?

— Ну, да! — Вика выключила чайник. — Будешь чай?

— Буду, — Фертовский нахмурился. — И в каком направлении они двинулись?

— Откуда же я знаю? Наверное, к шоссе, а, может, и к лесу? Слушай, а если она будут искать тебя всю ночь?

Фертовский стал тереть лоб, затем надавил виски. Успокаивало только одно: Надя не одна занимается его поисками, с ней Вадим. Еще недавно подобные обстоятельства вызывали в нем отчаянную ревность, злость, разочарование. А теперь только это и утешало. Ведь пока рядом Вадим, с ней точно ничего не случится.

— До Нового года несколько часов, — Вика села напротив Николая, взяла в руки чашку, — а у нас все кувырком. Чего делать будем, а?

— Звонить, — Николай набрал номер, приложил трубку к уху.

— Надюша, ты замерзла? — спросил Вадим, они уже прошли значительный отрезок пути, сначала решили дойти до шоссе, здесь дорога была хорошо наезжена и утоптана.

Автомобили на шоссе в это время проезжали уже довольно редко. Вадим подумал о том, что если Николя решил уехать на попутке, то вариантов два: сделал это уже давно, поймав ту редкую машину, либо вынужден был вернуться в дом. Но в дом он не вернулся... Вадим посмотрел на Надю: она нервничала, все время оглядывалась, почему-то не надела перчаток, хотя то и дело подносила ко рту явно озябшие пальцы, грела их.

— Нет, нет, мне не холодно.

— Давай вернемся? — предложил Вадим.

— Вернемся? — упавшим голосом переспросила она. Боялась, что Вадим в какой-то момент решит, что поиск бесполезен и захочет вернуться в дом. Там тепло, уютно, и ... скоро наступит Новый год! Они совсем об этом забыли! Самая долгая ночь в году. Только у одних это замечательный веселый праздник, а у других...

— Пойдем в сторону поселка, — пояснил Зорин. Он понимал, что это предложение лишено смысла, вряд ли Николая туда направился, но в данной ситуации должны быть хоть какие-то действия по его поиску. — Только выберем дорогу короче, вот здесь через край деревни.

— Спасибо тебе, Вадим! — Надя прикоснулась к его руке. Ему показалось, что даже через перчатки он почувствовал, как замерзли ее пальцы.

— За что? — им овладело смущение.

— За то, что мне помогаешь и... — она не договорила.

— Не забывай, что Николай мне не чужой. Знаешь, я в юности за ним ходил хвостиком, внимал каждому его слову, даже подражал. Забавно теперь об этом вспоминать. — Вадим улыбнулся своим мыслям. — Когда мои родители решили переехать из Питера в Москву, я учился в шестом классе. Переезда требовали дела отца. Семья Фертовских уже тогда вернулась из Лондона. Абсолютно случайно оказалось, что мы поселились в соседнем доме. Николай поступил в университет, отец его считал настоящей трагедией то, что из-за их вынужденного отъезда, теперь сын получает образование не в Британии. Но настоящее возмущение вызвал выбор профессии: оператор, факультет ВГИКа, кафедра кинооператор мастерства. Дипломатическая карьера его никогда не привлекала. Да еще после скандала.

— Какого скандала? — Надя даже остановилась.

— Ты разве об этом ничего не знаешь? — удивился Вадим. — Ты не в курсе, почему они вернулись в Союз?

— Нет, — Надя помотала головой, — Коля много мне рассказывал о жизни в Лондоне, о том, что учился там живописи, и кто его этому учил. Корсо, я поняла, что этого человек был не просто ему учителем, наставником, кем-то больше, их связывало родство душ.

— Это правда. Он очень переживал, когда узнал о его смерти, лет пять назад, наверное. Они все время переписывались. Я даже видел эти письма — почему-то Корсо писал всегда на желтой бумаге, почерк такой красивый с художественными витками, Николай говорил, что в тексте частенько проскальзывали итальянские слова.

— Коля ездил на похороны?

— Конечно. Правда, там было все скромно, коротенькая панихида. Корсо в последние месяцы жизни обеднел. Ему помогала бывшая ассистентка — его ученица. Брат этого не знал. Ни в одном письме старик ни разу не пожаловался. А ведь он болел. Seriously болел. Мне кажется, Николя сокрушается до сих пор, что не смог ему ничем помочь. И если бы ему удавалось чаще ездить в Англию, навещать его, возможно, старик прожил бы дольше, кто знает. А в те времена у Николя тоже был непростой период, они с Маргаритой разводились. Что ни говори, а само слово «развод» всегда вызывало в нем болезненные ощущения. Еще с юности. Его родители... — он замолчал.

— Почему, Вадим? — Надя понимала, как много не знает о муже. — Это связано с его матерью? Где она?

У Зорина вдруг зазвонил телефон.

— Алло, Вика, что-то случилось? — крикнул он, почему-то напуганный ее звонком.

— Все в порядке, Вадик! — она невольно улыбнулась, услышав его голос. — Возвращайтесь домой. Николя нашелся. Он здесь. Мы ждем вас.

— Слава Богу! — вздохнул Вадим, посмотрел на Надю. — Твой муж цел и невредим, он вернулся.

Глава 42

Надя первой влетела в дом, чуть Вику не сбила с ног, скинула сапоги на ходу, бросила шубу на пол.

— Где он? — почему-то остановилась у лестницы, посмотрела на Викторию безумными глазами.

— В спальне, — Вика пальцем указала на дверь, которая в ту же секунду распахнулась.

— Ах! — Надя почувствовала крепкие объятия и осознала, как по ним соскучилась. По этим теплым рукам с длинными, немного жилистыми пальцами, по этому запаху, чуть-чуть терпкому, иногда смешанному с запахом сигарет, по этим глазам, меняющим цвет от янтарного до цвета крепкого кофе. Он так любил за ней наблюдать, а она чувствовала этот взгляд. По этим губам, их прикосновение

согревало ее мятежное сердце, а поцелуи казались самыми сладкими на свете.

Вика и Вадим переглянулись, он показал ей знаком подняться на второй этаж, чтобы не мешать этим двоим наконец-то помириться и понять, как они необходимы друг другу.

— С тобой все в порядке? — спросила Надя, прерывая поцелуи.

— Когда ты рядом — да, — Николай, не разжимая губ смущенно, улыбнулся. Это тоже была его улыбка: мелкие лучики возле прищуренных глаз, ямочки, крошечная светлая родинка под носом, морщинка-складка возле левой брови. — Я так по тебе скучал.

— И я скучала, — заметив, что он удивленно смотрит куда-то позади нее, Надя обернулась. — А где Вика и Вадим? — она тоже удивилась.

— Они нам с тобой уступили свою спальню, — Николай многозначительно посмотрел на жену.

— Да, я знаю. Вещи уже там.

— Так чего же мы ждем? — он опять притянул ее к себе.

— До Нового года совсем немного, — напомнила Надя.

— Тем лучше. Как его встретим, так и проведем.

— Ну что? — тихо спросила Вика, прислушиваясь к звукам в коридоре.

— Кажется, ушли к себе, — отозвался Вадим, бесшумно спустился на несколько ступенек, — может, мы тоже...

— Вовремя придумал! — возмутилась Корецкая. — Идем вниз, хоть как-то подготовим новогодний стол. Шампанское, фрукты — что-то должно быть на праздник?

Вадим вздохнул и первым спустился вниз. Проходя мимо двери спальни, улыбнулся. Слава Богу, что в доме воцарился мир!

— Сколько брать бокалов для шампанского? — спросил он у Виктории, пока та мыла фрукты. — Два?

— Почему два? — удивилась она. — Нас ведь четверо.

— Ты думаешь им сейчас до шампанского?

— Не сейчас, так позже, — Вика достала из полки фруктовницу, стала придирчиво осматривать ее на свету. Как же Корецкая нравилась Зорину в такие моменты! Неужели Николая прав, и он — настоящий приверженец домостроя? Жена должна быть на кухне, парить-варить-

жарить, ежесекундно заботиться о благе мужа, полностью растворяясь в его интересах и... Он поежился. Бывшая жена никогда о нем не заботилась и ни в ком не растворялась, кроме себя. С другой стороны, памятуя о прошлых неудачах, что же теперь делать из Виктории кухарку-домработницу, свалить на нее все, а самому просто пользоваться, как делают многие мужчины?

— Чем тебе помочь? — Вадим подскочил к Виктории. Она повернула голову, удивленно на него уставилась.

— Ты мне и так помогаешь. Зорин, откуда в тебе столько рвения? Тебе что-то надо?

— Ты такая красивая, — он погладил ее по плечам.

— И?

— Ну, просто, я хотел тебе как-то больше помочь.

— И как с этим связана моя красота? Подожди, я поняла: если ты станешь мне помогать, она должна сохраниться что ли?

Он кивнул. Вика усмехнулась, поставила фруктовницу на стол, притянула Вадима к себе.

— Вот тебе поцелуй за это.

— Вадим, по-моему, пора доставать шампанское, — крикнула Вика из гостиной, стол они уже подготовили к празднику: фрукты, конфеты, Зорин попросил еще и бутерброды. Фертовские пока не появлялись.

— Хорошо, сейчас принесу, только быстренько покурю, — он накинул куртку, вышел на крыльцо. Ночь-то какая! Безмолвная красота зимних полей, дремлющего леса, где-то вдалеке в небе видно зарево, наверное, фейерверки, а здесь небесное покрывало черное, как вороново крыло, и на нем лишь звездная россыпь бриллиантов. Воздух холодный, будто колкий, в первый момент это хорошо ощущается.

Вадим затаился, выпустил колечки дыма. Удивительно, что буквально через полчаса стрелка часов коснется двенадцати, дернется и перешагнет в другой год. Как просто и непостижимо! Останется позади все, что было в ушедшем году, а сейчас, эти полчаса год пока еще настоящий. И возможно, кто-то куда-то пытается успеть, что-то сделать, исправить, бежит, прыгая на подножку уходящего поезда, а все, что на платформе, оставляет в старом году, за поворотом, за закрывающейся дверью — фантазируй как хочешь. Суть неизменна.

Главное, с оптимизмом и детской радостью смотреть в будущее. Знать, что этот мир сам позаботится о тебе, надо только ему это позволить. Знать, что хорошее, доброе, светлое рядом с тобой, в тебе.

— Вадик, ты так долго куришь, — на крыльце появилась Виктория, шутливо ущипнула его, — я уже успела тебя потерять, — он улыбнулся, обнял ее, — один уже ушел курить на крылечко, а потом его все два часа искали, — Вика крепче прижалась к Вадиму.

— Да, кстати, за всей это суетой я забыл спросить: где же Николая прохлаждался?

— Представь себе, он был в твоём гараже. Сидел в своей машине. Мне кажется, обдумывал план бегства на ней, но здравый смысл возобладал, все-таки нога больная, и Фертовский не уехал. Ну и потом, куда он убежит от Надюшки? Все-таки они по-настоящему любят друг друга, — Вика вздохнула с каким-то особым чувством.

— Как мы с тобой. Разве мы любим меньше? — Вадим чмокнул Корецкую в макушку.

— Ну, я-то точно...

— Тебе, я смотрю, не терпится получить от меня доказательства? В который раз?

— Ребята, извините, пожалуйста, — распахнулась дверь, на пороге появилась Надя, такая вся смешная, взъерошенная, волосы явно наспех затянуты в хвост, тушь на одном глазу смазана, цепочка с крестиком намоталась на пуговицу кардигана. Зато глаза так светились, на лице столько счастья, что, казалось, сейчас из-за спины покажутся крылья, — мы уменьшили количество бутербродов на столе. Так есть захотелось. Простите нас?

Вадим и Вика переглянулись и одновременно засмеялись. Все втроем зашли в дом.

— Дайте нам пятнадцать минут, — сказала Вика, делая какие-то знаки Наде. Сначала они юркнули в спальню, потом побежали к лестнице.

— Учтите, осталось чуть больше двадцати минут! — Напомнил им Вадим и пошел на кухню. Николай как раз доставал бутылки из холодильника.

— Мы успеем!

— Ну и напугал же ты всех, брат, — Вадим взял из рук Николая шампанское, протер обе бутылки.

— Так получилось, но я не хотел никого волновать, — смущенно пояснил Фертовский. Он и так чувствовал себя неловко из-за всех этих событий в доме Вадима, а тут еще заставил нервничать других. Кто же мог подумать, что он пойдет в гараж? А самое нелепое, что Николай там, предавшись размышлениям, сидя в своей машине, в конце концов, просто задремал. Благо, что в помещении было тепло. Потом, конечно, проснулся. И вовремя: как только вышел из гаража, женский крик заставил его поторопиться и вмешаться — изгнать нечистую силу.

— Ладно, не бывает худа без добра, — усмехнулся Вадим, историю о чёрте он уже слышал, — к тому же ты помирился с женой. А это, действительно, важно! — он хлопнул его по плечу. — У меня есть одна идея, воплотим? Уверен, девчонкам понравится.

Николай невольно посмотрел на часы.

— Успеем! — подбодрил его Вадим. — Затраты времени минимальны. До гаража и обратно. Я знаю, что это у тебя всегда есть в машине.

— Ну вот, все в порядке, — Вика посмотрела в зеркало из-за плеча Нади. — Красота совершенная, — они обе улыбнулись. Все-таки привезти с собой вечерние платья, а главное, их надеть — великолепная идея! Заколоть волосы в красивые прически не стоило большого труда, несколько штрихов макияжа, перед этим, правда, Надя ужаснулась тому, что увидела в зеркале да еще Вика пошутила с намеком. Однако все быстро исправили, напоследок полили себя духами и царственно спустились по лестнице.

В холле свет не горел, дверь в гостиную была закрыта, но и там не пробивалась полоска света.

— Что это значит? — подозрительно прищурилась Виктория. Надя недоуменно пожала плечами.

— С Новым годом, очаровательные дамы! — Дверь гостиной открылась. Два элегантных джентльмена в самых настоящих смокингах держали в руках по два бокала с шампанским. На столе играли золотом свечи...

— Ой, я, кажется, забыла пакет с подарком для тети! — Надя пересмотрела сумки в машине и озадаченно почесала лоб под челкой, тем самым ее взъерошив.

Подарок для мамы уже доставили, очень уже ей хотелось СВЧ-печь. Но и тетю нельзя обделять вниманием. Договорились, что Надя и Николай заедут на Рождество к ее маме, там отпразднуют, ну и заодно подарок для тети оставят. — Такой синий, с веревочными ручками. Наверное, остался в коридоре. Я сбегая? — она посмотрела на мужа, тот кивнул. Непривычно было сидеть не на месте шофера, а рядом. Но что поделать? Теперь Надя водила машину, везде и всюду. Когда они уезжали из Беляниново, она впервые села за руль его «джипа», боязно, но под бесстрастным руководством Николая без всяких проблем добрались до дому. Наде даже понравилось. Напрасно что ли она права получала? Хотя эта идея полностью принадлежала Мише. Вот уж кто некстати вспомнился. Надя хмыкнула, быстро пошла к подъезду. Перед тем, как войти, обернулась. Супруг смотрел ей вслед. Как же хорошо, когда муж не сердится на твою несобранность, не упрекает в забывчивости, не придирается в мелочах, не раздражается на твои промахи. Он любит тебя и принимает — немножко полной и иногда неуклюжей, порой стеснительной, а иногда суетливой. Он понимает твою иронию и совсем не против, что ты любишь философствовать, копаясь в высших материях и поиске смысла. Он терпит твою манеру задавать кучу вопросов, иногда страстно спорить. И удачно парировать. Он знает, что ты умеешь и уступить, если это необходимо. А теперь, после всего, что случилось перед Новым годом, Николай и Надя, извлекли для себя урок, стали более чуткими и нежными друг к другу. Они словно держали в руках невероятно хрупкий сосуд своей любви, чуть ослабить — и он может разбиться.

Новый год в Беляниново встретили весело и шумно: ёлка торжественно переливалась огнями, на окнах радовал ажур изящных снежинок. Вика, оказывается, купила еще и хлопушки и грохотала с детским удовольствием.

Надя взяла в руки гитару и все ей подпевали. Виктория не выдержала и бросилась танцевать под испанские мелодии. Вадим с особым удовольствием следил за ее гибким телом, руками, ногами, вытворяющими самые невероятные танцевальные «па». А Николай

наслаждался красивым голосом жены. Так вдохновенно и чувственно она еще не пела никогда.

Вернулись они домой за пару дней до Рождества, решили купить подарки для родственников к этому дню. Когда вошли в квартиру, практически сразу раздался телефонный звонок. Свой мобильный за эти дни Фертовский так и не включил. Услышав: «Здравствуй, папа»! — Надя предпочла уйти из комнаты. Николай разговаривал с отцом долго и, видимо, эмоционально. Когда появился на кухне, был хмур больше обычного. Ничего не сказав, опрокинул рюмку коньяка и ушел в спальню. Надя благоразумно решила ни о чем его не расспрашивать. Пусть успокоится.

Он и, правда, сам успокоился. Нашел Надю в тот момент, когда она загружала стиральную машину. Встал у двери, несколько секунд наблюдал за ее действиями.

— Надюш, мне только что предложили сняться в журнале мужской моды. Какое-то русско-американское издание. Верхняя одежда от ведущих мировых модельеров, — Николай вдруг смутился, — я отказался.

— Почему? — она искренне удивилась. Даже перестала перекладывать белье.

— Но я же не модель! — покачал он головой. — И никогда этим не занимался.

— А фотографии с мистером Дарси?

— Это была просто студенческая игра, я помогал ребятам, не более. И все остальные снимки, что ты видела — любительские. Там я едва ли позировал, скорее, пошел на поводу у Бондарева. Я сам фотограф, не забывай.

— Но неужели тебе никогда не хотелось оказаться по другую сторону объектива? — Надя облокотилась на машинку и стала внимательно разглядывать мужа. Просто немислимо, что до сих пор его никто не заманил подобным предложением.

— Нет, не хотелось. Вот послушай, — он прислонился к дверному косяку, — ты очень хорошо поешь и аккомпанируешь себе на гитаре. Ты делаешь это не так часто, по вдохновению, но с душой, с желанием. Однако я почти уверен, в твоих мыслях не присутствует желание стать профессиональной певицей.

— Никогда к этому не стремилась, нет, и не было необходимости, — подтвердила Надя. — Но, пожалуй, один раз вполне могла бы сделать себе исключение, если бы мне предоставили возможность, — она задумалась, — и отважиться спеть на настоящей сцене. Просто чтобы понять — что это такое.

— То есть ты хочешь сказать, что мне следует все-таки принять предложение?

— Решать тебе, мой дорогой. Но если ты согласишься, будет здорово. И дело не в деньгах или престиже, это просто еще одна из возможностей в чем-то себя проявить.

— Ты знаешь, что я тебя люблю? — он улыбнулся, наклонился, чтобы ее поцеловать.

Надя вошла в квартиру, в коридоре подарочного пакета не оказалось, значит, оставила где-то в комнате. Ну, конечно, он лежал на полу за креслом. Надя наклонилась и только сейчас заметила, что телефон отключен. А ведь и правда, после вчерашнего звонка Фертовского-старшего, телефон больше не звонил, с мамой Надя общалась по мобильному. Значит, муж намеренно отключил домашний телефон, похоже, ссора была нешуточной и наверняка опять из-за нее. Кажется, отец Николая находит в этом особое удовольствие — доставать собственного ребенка, отравляя ему жизнь. Чаще всего это происходило из-за отсутствия собственной личной жизни. Вадим так и не рассказал, что произошло там, в Лондоне. Почему семья Фертовских была вынуждена покинуть Англию? Понятно, что это как-то связано с матерью Коли. Но он говорить о ней не хочет, даже в лице меняется при упоминании ее имени. Такого рода категоричностью он напоминает своего отца. Влюбился бы он что ли, Фертовский-старший, в конце концов?! Хотя он, конечно, не молод, муж говорил, что отцу чуть больше шестьдесят, но выглядит явно моложе своих лет: высокий, статный, нисколько не сутулится, волосы ничуть не поредели, только седина в кудрях, но она его не портит, а придает благородства. Если не знать о характере, вполне можно задержать взгляд и любоваться его внешностью. Но только так. А чтобы привлечь его внимание понадобится: дворянское происхождение, как минимум, «голубая» кровь, королевские манеры, приличное состояние и ангельское терпение. Вот было бы забавно, если бы Фертовский-

старший безоглядно влюбился в женщину, не обладающую ни одним из перечисленных признаков?! Хотя — безоглядно? На это он вряд ли способен.

Надя включила телефон. Он моментально ожил, оповещая о себе требовательными звонками, наверняка, звонил тот, о ком Надежда сейчас думала, свекор. Легок на помине.

«Не буду брать трубку, — решила она, направилась в коридор, — хотя вдруг это мама? Нет, они разговаривали совсем недавно. А если что-то случилось?»

Номер на телефоне не определился. Значит, не мама и не свекор.

— Да, я слушаю!

— Могу я поговорить с Николаем? — спросил женский голос.

— Его нет дома, — автоматически ответила Надя и задумалась: где-то она уже слышала этот голос. Что-то знакомое, какая-то особенная хрипотца, и слова она растягивает, словно долго думает над тем, что сказать. Нет, не вспомнить!

— Мне необходимо с ним поговорить, — отозвалась женщина.

Надя вдруг подумала о съемках в журнале. Вполне вероятно, что дамочка звонит именно по этому поводу.

— Может, ему что-то передать? — вежливо предложила Надежда. — Вы по работе?

Ответа не последовало, связь прервалась. Надя села. Что значит этот звонок? Кто эта женщина? И почему ей показалось, что она уже слышала этот голос?

Конечно, у супруга масса знакомых актрис и моделей, он с ними работает. И бывало, что они звонили сюда, правда, не часто, но всегда вежливо и явно по делу.

Странный звонок, словно провокация, желание Надю расстроить, выбить из колеи. Они только-только с Колей помирились, обрели равновесие. И чего им это стоило! Сколько душевных переживаний даже от простой неизвестности, ведь муж ушел в тот злопамятный вечер и ничего не объяснил. Думай что хочешь. А потом ворвался в Беяниново как ураган, затеял драку с Вадимом, а Надю обдал холодным презрением. И он не слушал ничьих оправданий...

А вот как бы Надя повела себя на его месте? Стала бы слушать его оправдания и объяснения? Поверила бы?

— Все в порядке? — спросил Николай, когда Надя вышла из подъезда. — Подожди, а где же пакет, за которым ты ходила?

Она опять забыла о нем.

— Давай купим что-нибудь по дороге? Не хочу больше возвращаться.

Глава 44

— У меня ощущение, что у тебя, после того, как ты сходила домой, испортилось настроение, — заметил Николай. Заехали в магазин, он остался в машине, Надя, молча, ушла одна. Она вернулась довольно быстро, подарок для тети купила, долго не выбирая, так же молча села в машину. Николай убавил громкость радио, смотрел на жену и ждал.

— Нет, все хорошо, — она отжала сцепление.

— Надо заехать на заправку, бак наполнить, — напомнил Николай.

— Конечно, — согласилась Надя, — здесь перестроиться?

— Да, пожалуй.

Она включила поворотник, свернула на одну из дорожек АЗС.

— Я оплачу, — даже не давая времени возразить, Николай вышел из машины, и, опираясь на трость, направился в магазинчик при станции.

Надя подождала несколько минут, что-то супруг задерживался. Она вышла из автомобиля, поежилась, но застегивать полушубок не стала. Ну и зачем расстроилась из-за звонка какой-то дамочки? Да мало кто звонил? Вполне могла быть экс-подружка Николая, которая просто не в курсе, что он уже успел жениться. Нет, подозрениям и ревности, Надя не должна давать волю. Она уже убедилась, сколь серьезными могут быть последствия.

— Простите, пожалуйста, зажигалки не найдется? — услышала Надя, обернулась и обомлела: перед ней стоял никто иной, как Михаил Соловьев. Вот уж воистину неожиданная встреча, и где? На заправочной станции.

— Надя? — он сразу узнал ее, хотя она изменилась: невероятно похорошела.

Он вышел перед этим из машины, похлопал себя по карманам, курить хотелось, но опять где-то потерял зажигалку. Так часто, когда торопишься, вечно появляются мелочи, которые тебя тормозят или задерживают. И вообще, сегодня на редкость бестолковый день: пришлось самому ехать к заказчику за авансом, который он обещал еще перед Новым годом. Но аванс оказался меньше обещанного. Всю обратную дорогу Соловьев злился и не обратил внимания, что горит сигнал о пустующем бензобаке. В результате не доехал до заправки метров пятьдесят, пришлось толкать машину. Нужной марки бензина не оказалось, он вынужден был залить более дорогой.

Надя смотрела на Соловьева, молча и бесстрастно. Просто королева. И где она такому научилась? У кого?

— Как ты? — после затянувшийся паузы, спросил он.

— Мне надо идти, — она предпочла его не информировать ни о чем, что касалось ее самой, — развернулась и пошла в магазинчик при заправке. Миша обошел вокруг джипа. Нет, не может быть, чтобы она приехала на таком! Она просто стояла возле этой тачки. Но как развернулась, тряхнула волосами, на лице никаких эмоций. Неужели в памяти ничего не всколыхнулось? И это та девушка, которая когда-то любила Мишеньку?! Любила безумно и пылко?! Потом неожиданно выгнала его не только из своей квартиры, но и из жизни. И ни разу об этом не пожалела. Здесь должно быть какое-то правдоподобное объяснение. Соловьев сел в машину, отъехал чуть в сторону и стал ждать.

— Николенька, — Надя подошла к супругу, который уже был у кассы. И, правда, очередь была большой. Кроме того, здесь обслуживали и простых покупателей. Некоторые водители даже ели разогретые в духовке пирожки и запивали горячим кофе. Продавщица была одна и явно никуда не торопилась, — ты знаешь, что мой муж — самый умный и красивый? — тихо промурлыкала Надя ему на ухо.

— Неужели? — серьезно удивился он. — Тогда тебе, действительно, повезло.

— Я тоже так думаю, — она проводила взглядом охранника магазина, который купил себе дымящийся, только что сваренный кофе — аромат ощущался на весь магазин. — Давай возьмем кофе? — тут же предложила Надя. — Так вкусно пахнет.

— Я не уверен в его качестве, — засомневался Николай.

— Ну, пожалуйста! Мы с тобой еще никогда не пили кофе на АЗС. В этом есть своя романтика, — она подумала о том, что намеренно хочет задержаться, тем самым дать время Соловьеву уехать. Было бы более логичным и чисто по-женски в данной ситуации сделать наоборот — пройтись перед его носом, да еще с мужем, доказав таким образом, кто чего стоит на самом деле. Но именно этого Надя доказывать и не желала. Для нее Соловьев был прошлой жизнью, кажущейся теперь даже какой-то нереальной, иллюзорной. А оглядываться и кому-то что-то доказывать — просто унижать себя. Если Соловьев и сожалел об их расставании, то это его проблемы, не ее. Ну, а если не сожалел, тем более, нет смысла выставляться перед ним.

— Кофе хороший, — Надя вдохнула аромат, сделала глоток.

— Неплохой, — согласился Николай. Он обычно пил кофе без сливок и сахара.

— Будем иногда сюда заезжать и пить кофе?

— Конечно. Тем более что по этой дороге мы ездим не только к твоей маме, но и в сторону Беляниново.

— Наше замечательное Беляниново! — улыбнулась Надя.

— Там я встретил тебя, — в ответ улыбнулся Николай.

— А я тебя.

— И я совсем тебе не понравился.

— Ну, может девушка хоть раз ошибиться? — она шутливо наморщила нос. — Я сейчас говорю также самоуверенно, как Вика. Она хотела, чтобы мы и Рождество провели в Беляниново.

— Вы давно дружите? — Николай допил свой кофе, оставил чашку.

— Давно, еще с детства. Только Викуся чуть помоложе, но это нам никогда не мешало, хотя мы и очень разные, — Надя сделала последний глоток кофе.

— Наверное, здесь работает принцип притяжения противоположностей. Но одного этого конечно мало. Необходимо взаимопонимание, дополняемость, терпимость, — он сделал паузу, — и, возможность друг у друга чему-то учиться.

— А мы с тобой учимся друг у друга? — Надя обернулась уже у дверей.

— Безусловно. Ты для меня — неиссякаемый источник любви и познания.

Поглядывая на дверь магазинчика, Соловьев перебирал в памяти те моменты своей жизни, которые были связаны с Андреевой. Ведь сначала их отношения развивались весьма романтично. Надя ему понравилась, и он был счастлив. Горделиво показывал ее родным, друзьям, кстати, последним она не понравилась, ну что за девица? Не курит, пиво не пьет, по большей части молчит. А если и открывает рот, то говорит слишком скучно и заумно. Например, попыталась поддержать тему «кино» и даже оспорила высказывания Светы — лидера в их компании. У Светы, видите ли, неверные сведения об экранизации. Ребята потом в один голос посоветовали Мише бросить Надю, как не вписавшуюся в их круг. Вот тут он впервые задумался, хотя, конечно, ее не бросил в тот момент. Но потом все стало как-то так складываться, что он чаще и чаще возвращался к этой мысли. Его компании она не нравилась, значит, они вдвоем туда перестали ходить, и Соловьев вынужден был видеть друзей реже. А забота и ласка Нади в какой-то момент показалась слишком приторной. Она неосознанно все больше и больше, наверно, давала ему понять: как его любит, что никуда не денется. Так его любит, что жаждет видеть, слышать, чувствовать каждую минуту...

Он словно очнулся, помотал головой. Из магазинчика Надя вышла первой, оглянулась на мужчину, который шел следом за ней. Соловьев от внезапно возникшего напряжения вцепился в руль обеими руками. В этот же миг все его существо охватило возмущение, даже злость, как смогла, такая как Андреева, охмурить кого-то? И не просто кого-то, а рядом с ней, шел весьма презентабельного вида мужик, явно ее старше, высокий, плечистый. Соловьева лишь утешало, что этот «мачо» хромает. Хоть какой-то недостаток в его внешности. Но надо признать, что шел он, опираясь на трость, делал это очень элегантно. Рядом с таким, как он, должно быть минимум длинноногая «модель», а не Надя Андреева, пусть и похорошевшая.

«Это ненадолго, — утешительно для себя подумал Соловьев, — он ее бросит, как это сделал я. Ведь Андреева — неудачница. Наверняка, ему уже надоела своей любовью. Не зря побежала за ним в магазин».

Они еще не успели дойти до машины, как спутник Нади внезапно остановился, притянул её к себе и поцеловал прямо в губы. Причем не чмокнул, а именно поцеловал. Она улыбнулась, что-то ему сказала. Он ответил и тоже в ответ улыбнулся. И так посмотрел на нее, что Соловьев этот взгляд скорее почувствовал, чем увидел, но у него вдруг отпали все сомнения по поводу того, кто кому «надоел со своей любовью». А, может, Андреева ему рассказала, что видела своего «бывшего» и попросила разыграть теперь целый спектакль, чтобы дать понять Соловьеву, кого он потерял? Что ж, она добилась своего: умна для этого. Ему, действительно, стало не по себе от того, что Надю теперь целует другой.

Соловьев дождался, пока они сядут в джип, все-таки джип, причем Надя была за рулем. Она никогда так не удивляла его, как в этот вечер. До сего момента он был уверен: во всем, что произошло между ними, только ее вина. Теперь стал сомневаться.

Глава 45

Как только Надя благополучно забыла о телефонном звонке незнакомой женщины, той самой, которая перед Рождеством спрашивала о Николеньке, она появилась снова. Номер опять не определился, но голос Надежда узнала сразу.

— Мне нужен Он! — без предисловий заявила незнакомка.

— Он? — переспросила Надя. Опять ощутила беспокойство, неясную тревогу. Зачем она сюда звонит? Чего на самом деле хочет? Выяснить с Колей отношения?

— Мне нужен Николай, — повторил голос уже медленнее, будто по слогам. И теперь так бесстрастно, что Надя забеспокоилась еще сильнее. Эта фраза вдруг показалась ей зловещей, как и сама женщина на том конце провода. — То, что в пламени — сгорит дотла, — сказала она, и связь оборвалась.

Надя шумно выдохнула, постаралась успокоиться, даже вслух стала рассуждать о том, что мало ли на свете полоумных шутников — любителей розыгрыша, причем совсем небезобидного. Вероятно, они в этом находят какое-то удовольствие, хотя для обычного человека — весьма сомнительное.

Этим же вечером у Надежды сгорела курица, практически вся. Надя поставила ее в духовку, тут же забыла об этом и ушла в магазин. Чудом в доме не устроила пожар. От огорчения расплакалась, долго не могла успокоиться. Помог лишь приход мужа и его уговоры. Уже ночью, когда Надя внезапно проснулась, она вспомнила слова этой странной женщины: «То, что в пламени — сгорит дотла». Нет, это просто совпадение и незнакомка здесь ни при чем. Надя всего лишь забыла, что у нее включена духовка. Но как она могла такое забыть? На плохую память никогда не жаловалась, тем более, здесь — на кухне. И ведь она не была ничем расстроена, чтобы забыть о такой простой вещи, как курица в духовке. Кажется, гарью пахло до сих пор. Надя поднялась с кровати, прошла на кухню: все в порядке, чисто, убрано. Запах... и его не ощущается. Ох, ей просто показалось! Придумала Бог весть что.

Она вернулась в спальню, прижалась к теплому боку мужа и уснула.

Звонок раздался через неделю. Николай еще был на работе. Надя только что вернулась, пока дошла до дома — окоченела. Морозы грянули неожиданно, только что была оттепель. Утром еще и поменялся ветер. Надежда торопилась, оделась легко, выскочила на улицу, сразу ощутила, каким холодным стал воздух. На ее удачу маршрутка подъехала тут же. А вот обратно... водитель из-за серьезной поломки всех пассажиров высадил на полпути. Пришлось топтать пешком. Как назло, все транспортно-маршрутные средства направлялись в обратную сторону, а на протянутую руку никто не обращал внимания. Ничего не оставалось, как ускорить шаг, утешая себя мечтами о горячей ванне.

Пена белоснежными холмами возвышалась над краями ванной, искрилась, подобна снегу на ярком зимнем солнце. Надя сбросила халат, посмотрела на себя в зеркало. Со временем перестала явно видеть недостатки своей фигуры, просто забывала о них. Конечно, в этом была заслуга мужа: его взгляды, полные восхищения и нежности, его слова, сказанные не только в порыве страсти, а так, от души, совершили настоящее чудо. Чудо в ее сознании, в ее ощущениях себя самой.

Она услышала звонок, когда уже подошла к ванне. Как не вовремя! Может, перезвонят позже? Нет, видимо, что-то срочное!

Надя надела халат и побежала в комнату. Впопыхах не обратила внимания на номер, высвечивающийся на телефоне.

— Да!

— Отдай его мне! Отдай мне мужа! — потребовал голос. Опять! На сей раз Надя разозлилась.

— Послушайте, перестаньте звонить сюда! Ничего и никого я отдавать не собираюсь!

— В омуте дна не достать, — услышала она в ответ и... короткие гудки. Номер! Надежда проверила и тут же перезвонила: «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Надя бросила трубку. Какое-то безумие! Звонит некая дама и требует, чтобы Надя отдала ей собственного мужа. Вот так просто, словно вещь. «Дорогой, я тебя решила отдать. Уж не обессудь». Надя покачала головой и прошла в ванную комнату. Сейчас окунется в теплую ласковую воду, пахнущую ромашкой и мятой, забудет обо всем, оставив воде свои печали и тревоги. И скоро Николенька домой вернется, он обещал пораньше...

Надя, ощущая блаженство в каждой клеточке тела, закрыла глаза. В памяти стали возникать образы лета, кажется, это Беляниново: шум ветра, волнующий лес, пробегающий по полям, как по волнам, щебетанье птиц, суетливый стрекот в высокой траве. А вот и река, задорная, с таким сильным течением, словно бежит наперегонки с самим ветром. Надя вошла в воду не раздумывая, сделала рывок вперед и поплыла. Ах, какой восторг! Сколько радости от того, что так быстро плывешь, будто летишь по воде, ощущая свою невесомость. А река все несет и несет, вон там, за поворотом она еще больше ускорит свой бег...

Надя вдруг почувствовала, что движение реки замедлилось и почему-то стало кружить на месте. Белая пена забурлила, будто при кипении. Через несколько мгновений воду стало поднимать, в центре образовалась воронка, Надя поняла, что ее туда затягивает. Она забила руками и ногами, воздуха не хватало. А гибельная воронка все кружила сильнее и сильнее...

Потом оказалось, что Надежда просто уснула в ванной. Да так уснула, что расслабленно закинула голову и, можно сказать, пошла ко дну. Хотя какое уж тут дно? Однако воды нахлебалась вдоволь. Муж

появился вовремя, услышал крики из ванной комнаты и побежал туда. Надя по-настоящему задыхалась и запросто могла в таком положении погибнуть. Супруг схватил ее за плечи и просто вытянул из воды. Отнес в спальню, вытер там насухо полотенцем, хотел приготовить чаю, но Надя так умоляла не оставлять ее одну ни на секунду, что он, запеленав ее как младенца в одеяло, положил к себе на колени и пообещал, что впредь будет присматривать за ней более внимательно.

— И что все это значит? — Виктория подлила подруге еще кофе. Надя позвонила после обеда, сказала, что им просто необходимо увидеться и поговорить. Поскольку Вадим уехал на пару дней, Вика предложила встретиться у нее. Надя, закончив рассказ, разволновалась и неосознанно стала гладить кошку Вики и Вадима, которая с самого начала разговора пристроилась на ее коленях. Муся, а это была именно она, посмотрела на гостью, сощурила лимонные глаза и заурчала.

— В омуте дна не достать, — сказала Надя. Эта фраза крепко зацепилась в памяти.

— Ну и... — Виктория села напротив и уставилась на нее, пытаясь понять.

— Женщина, что все время звонит, так и сказала: «в омуте дна не достать». В это же день я чуть не утонула в собственной ванной.

— Но ты ведь сама сказала, что уснула.

— Да, но, однако не все так просто. Во сне я попала в самый настоящий омут, и меня туда засасывало! Понимаешь? Я могла бы погибнуть. Я, конечно, осознаю, что мои слова звучат нелепо и неправдоподобно, но у меня такое чувство: что-то происходит, и оно не вписывается в рамки обыденного.

— Надя, мы живем в XXI веке, — улыбнулась Вика, поднялась из-за стола, пошла за кормом для кошки, которая тут же отреагировала на передвижение хозяйки, коротко мяукнула и через пару секунд уже весело хрустела коричневыми шариками. — Тебе звонит какая-то чокнутая тетка, требует отдать мужа, что только подтверждает ее безумие, при этом говорит загадками. Ты, как натура впечатлительная, естественно, реагируешь. Сгорела курица в духовке — ты вспоминаешь фразу про огонь.

— Пламя, — уточнила Надя.

— Ну да, пламя, — согласилась Вика, — и приписываешь ее злым чарам. Уснула в ванной, что совсем немудрено, и опять в твоей голове чушь, теперь про омут. Подруга, ты во власти своих фантазий. Знаю, знаю, меня тоже есть в чем упрекнуть, — она закивала головой, — я сама грешным делом кое-чем пользовалась. Но трава-терлич, по крайней мере, осязаемое средство, я ее в руках держала. И она является просто дурманом, если хочешь, отчасти наркотическим средством. А вот фразы, сказанные по телефону, способные сделать пожар или утопить в ванной? Что-то мало верится в их действенность.

— Ты и, правда, так думаешь? — Наде вдруг стало легче. Кошка опять вернулась на ее колени, где принялась мыть себе мордочку и ушки.

— Ты мужу рассказывала о своих подозрениях?

— Нет, конечно! Кроме того, скорее всего, он, так же как и ты, лишь посмеется над тем, что я придаю значение словам, хотя и похожим на заклинания, но в общем бессмысленным. Нет, я не стану ничего говорить Коле, да и думать больше не буду об этом.

— Ну, вот и славно, — подвела итог Виктория, — успокойся, следи за духовкой и не спи в ванной.

Глава 46

Фертковский вышел из здания редакции, посмотрел на часы: еще есть время, надо бы где-нибудь перекусить, а потом съездить в фотостудию. Со дня на день должен поступить в продажу журнал, где он на обложке. Видел предварительные снимки — высокопрофессионально, конечно, настолько, будто он всегда умел позировать.

— Привет! — Николай обернулся.

— Ангела? — удивился он. — Ты здесь, в редакции?

Невольно подумал о том, что эта встреча неслучайна, подобное обстоятельство не вызывало радости.

— Да, я тоже рада тебя видеть, — она улыбнулась, но только лишь одними губами. Все-таки у нее необычное лицо: всегда бледная кожа, а цвет глаз какой-то странный, серо-прозрачный, без тепла и эмоций. — Не гадай, наша встреча абсолютно случайна: меня попросили написать статью о духах древне-славянской мифологии. Хотя, пребывая

значительную часть своей жизни в Европе, я, пожалуй, несколько отошла от этой темы. Поверь, духов в Европе тоже предостаточно. Однако есть польза возврата и к своим источникам. Ты, кажется, собрался пообедать?

— У меня чувство, что ты способна читать мысли, — заметил Фертовский. Он сейчас предпочел бы уйти и больше никогда и нигде не пересекаться с Ангелой — ее присутствие напоминало ему о его слабости, ошибке, допущенной им совсем недавно, но благополучно, казалось, забытой. С другой стороны, он не собирался показывать свои страхи и по-мальчишески бежать, более того, готов объяснить Ангеле, если понадобится, что между ними нет и ничего не может быть.

— Не способна, — она покачала головой, — просто сейчас обеденное время, и у меня тоже есть час. Составь мне компанию, то небольшое, о чем я прошу.

Надя к полудню почувствовала недомогание: в горле першило, закладывало нос, тело будто ломило. Кажется, простуда. Она отпросилась с работы на полтора дня, заверив начальника, что справится и больничный брать не будет. Мужу решила не звонить, ни к чему его беспокоить. Пока ехала — совсем расклеилась: надо зайти в аптеку.

Подошла к кромке тротуара, стала ждать, пока переключится сигнал светофора. Как же многолюдна и суетлива Москва! И совсем неважно, что это: утро, день, вечер или даже ночь. Город, который никогда не спит. Тонкое наблюдение. На самом деле, Надежде вовсе не хотелось переселяться в столицу, ее вполне устраивало загородное проживание, но перемены в личной жизни повлекли и смену адреса. Сначала ее даже пугал современный холодный минимализм жилища мужа, но со временем... Нет-нет, она не ставила целью что-то менять, навязывать свой вкус, просто вместе с ней в квартиру вселились яркие краски, любимые меховые игрушки и немножко хаоса. Самое удивительное, что мужа это нисколько не раздражало. Он все воспринимал, как само собой разумеющееся. Он не стремился изменить ее ни в чем, это касалось и ее внешности. Фертовский был уникальным мужчиной, Вика права.

Надя подняла голову и вдруг на той стороне дороги увидела мужа. Она радостно замахала ему рукой, он даже обернулся, но для того...

для того, чтобы поддержать под локоть женщину, которая поскользнулась. Конечно, хорошие манеры были усвоены Фертовским еще с детства, в этом Надежда ничуть не сомневалась, однако здесь была не просто любезность аристократа — он, несомненно, знал даму, с которой шел рядом. После того, как она чудом не приземлилась на пятую точку, ну еще бы: в такой гололед на высоких тонких каблуках может ходить только отчаянная модница, она взяла под руку Фертовского. Он не возражал. Дама был весьма стройной, почти одного роста с Николаем, одета в норковую укороченную шубу. И все, лица Надя не видела, его закрывал глубокий капюшон. Они свернули за угол.

Как только светофор переключился на зеленый, Надя, расталкивая толпу, рванула через дорогу. Довольно прытко добежала до угла улицы, свернула и ... В радиусе трехсот метров не было ни Фертовского, ни его спутницы. Шел какой-то сгорбленный старик, перед ним торопился юноша, без шапки, зато укутавшись почти до самой макушки в толстый шарф, стояли несколько припаркованных автомобилей, их стекла уже успели покрыться инеем. Улица была на редкость тихой, дома плотно примыкали друг к другу. Надя пожалала плечами. Неужели показалось? Она потрогала свой лоб: горячий, наверняка поднялась температура, она еще и носится как угорелая, и стыдно признаться, выслеживает собственного мужа, ревнует. О, только не это! Хватило подозрений и ревности в Беляниново.

Дома ждал теплый плед и мягкая подушка. Надя выпила жаропонижающее, закапала в нос. Укрылась пледом и стала проваливаться в исцеляющий сон. Его сладостные объятия разрушили телефонный звонок. Надя перевернулась, тихо выругалась, все еще надеясь, что позвонили ошибочно. Ничуть, казалось, трели не прекратятся никогда.

— Слушаю! — она добрела до телефона и буквально нащупала трубку.

— Отражение станет вечностью!

То ли действие оказала таблетка, то ли Надя еще не совсем проснулась — испугаться она не успела, точнее, вообще не испугалась. Положила трубку телефона на место, обмоталась пледом, как туникой, и направилась к кровати.

— Что за чепуха? Отражение, вечность... — она неожиданно для себя самой остановилась перед зеркалом. Внимательно посмотрела: лицо бледное, глаза слезились от простуды, тушь при таком раскладе, естественно, размазалась, придавая лицу несколько устрашающе-готический вид. Надо бы умыться, но так не хотелось идти в ванную. Надя приблизилась к зеркалу вплотную. Вдруг в отражении позади себя заметила какое-то движение. Она обернулась: в комнате по-прежнему никого, кроме нее. Да и кому быть?

Надя опять посмотрела в зеркало и остолбенела. В отражении стояла высокая фигура в длинном балахоне. Лицо этой странной фигуры прикрывал глубокий капюшон, а светлые волосы спускались почти до пояса. Надя сделала шаг назад, еще один, и неминуемо должна была почувствовать спиной прикосновение этого существа. Отнюдь, существо двигалось вместе с ней. Надя опять обернулась: результат тот же — никого! — существо находилось именно в зеркале. Это невероятно, а главное, так страшно, что вообще перестаешь себе отдавать отчет в происходящем. Кажется, так называют шоковое состояние? Но почему тогда все еще работает мыслительный процесс? Потому что это сон? Просто страшный сон?

Существо вдруг стало поднимать обе руки, в широких рукавах Надя увидела в одном — серп, в другом — зеленый венок.

— Марана идет за тобой — прозвучал тихий надломленный голос. Неожиданно зазвонил будильник — закукарекал, звук себе поставил Николай, чтобы быстрее просыпаться по утрам.

У Нади закружилась голова, зеркало стало приближаться с немислимой скоростью. Больше она ничего не помнила.

Очнулась, долго смотрела в потолок, пытаясь осознать случившееся. В голове все еще был туман. В любом случае, надо потихоньку подниматься, не лежать же до вечера на полу посреди гостиной. Болел бок, видимо, ударились при падении, когда поморщилась от боли в боку, поняла что еще и «тянет» кожу на лбу. Так и есть, синяк величиной со сливу, красовался недалеко от левого виска, Надя его нащупала: будет спасать положение только густая челка. Стараясь не глядеть в злосчастное зеркало, Надя, кряхтя и охая, добралась до кровати, перед этим выключила все телефоны.

Но теперь спать не хотелось. От пережитого страза, казалось, и простуда прошла.

— Ты, я полагаю, уладил все свои проблемы в личной жизни, — заметила Ангела, она села напротив Фертовского.

— Проблемы в личной жизни? — переспросил он. — У меня их нет.

— Сейчас — да. Твое настроение иное, чем в прошлую нашу встречу. Следовательно, все разрешилось, остались лишь неприятные воспоминания, да и им суждено раствориться в тумане памяти. То, что мы хотим забыть — обязательно забудем. Ведь так?

— Послушай, Ангела, — Николай отложил в сторону вилку, есть расхотелось. Он внимательно посмотрел в ее бесстрастное лицо: надо же, почти никаких эмоций, а улыбку, иначе, как холодной, не назовешь. Нет, его тоже часто упрекали в скудном внешнем проявлении эмоций, в излишней сдержанности, но у Ангелы было нечто иное: ее холод казался абсолютно безжизненным, будто мертвым. Тот единственный интимный контакт между ними был торопливым, без прелюдий, здесь работали тела, но не души. И он в очередной раз пожалел, что поддался искушению.

— Не надо, — она остановила его жестом ладони, — все, что ты хочешь сказать, я знаю, вплоть до каждого слова. Не трать усилий понапрасну. У каждого из нас своя дорога, и повороты на ней тоже свои. Значительно сложнее путь к себе, но он не за горами, стоит лишь чуть-чуть подождать.

Глава 47

— Что за фильм? — Вадим после ужина подавил ворчание совести, блаженно растянулся на диване. Вика, не отрываясь, смотрела в экран телевизора. Смешная, так страстно любить мелодрамы могут только женщины, да еще искренне переживать и плакать. — Опять про любовь?

— Да, про несчастную. Девушка столько страдала и, наконец, нашла мужчину своей мечты, — объяснила Корецкая, мельком глянув на Вадима. В этот же момент к нему на диван прыгнула Муся, сначала она некоторое время терпеливо ожидала приглашения, сидела и не сводила глаз с хозяина. Гипноз возымел действие: Вадим знаком пригласил ее — пошлепал себя по животу, на что кошка мгновенно

отреагировала и с налету плюхнулась на это самое место. Затем последовал очередной ритуал, Вадим его называл «акупунктурой»: Муся выпускала когти, старательно принялась массировать живот хозяина, будто подушку взбивала.

Вообще-то процедура была болезненной, но Вадим терпеливо молчал, иначе Муся обидится и уйдет. Когда ритуал был закончен, она укладывалась дремать. Обычное дело после этого — ласковое поглаживание хозяина по ее шерсти и всякие смешные сюсюканья, сопровождавшие эти поглаживания. Одним из самых замечательных фокусов была реакция кошки на чье-либо чихание: в ответ она тихонько мяукала, реагировала даже, если спит. Вадим умилялся еще больше. Иногда Мусе нравилось кататься по полу и при этом зазывно поглядывать на хозяев, урчать. Вика называла подобную выходку эротическим танцем.

— Мужчина мечты, — Вадим посмотрел в потолок, вздохнул, — вы — женщины, так много от нас хотите, так много себе нафантазировали, придумали, что в итоге это усложняет жизнь обеим сторонам. Самое простое: принимать людей такими, какие они есть, допускать, что у всех есть достоинства и недостатки. А вообще, лучше не озадачивать себя делением на плохих и хороших. Ведь в итоге это совсем неважно.

— А что важно? — Вика повернулась к нему, поправила очки. Муся приоткрыла один глаз, видимо, ей тоже были интересны рассуждения хозяина. Еще бы! Он такой мудрый, сильный и притом ласковый и нежный — одним словом настоящий мужчина.

— Что каждый из нас уникален, неповторим, достоин лучшего. Я говорю о людях вообще. Ты согласна?

— Согласна, — кивнула Вика, — вот только при всей своей индивидуальности и неповторимости одни почему-то вызывают симпатию, других иногда хочется стукнуть по голове.

— И, тем не менее, надо стараться относиться ко всем равно. Если не получается, свести общение до минимума и быть отстраненным.

— Но это не всегда просто. Эмоции захлестывают, хочется всех и всё держать под контролем. Хочется, чтобы все было по-твоему, исполнялись мечты. Вот ты, — Вика села рядом с Вадимом, стала гладить кошку, — у тебя ведь тоже есть какие-то мечты?

— Пожалуй, нет, — он покачал головой, — у меня есть работа, любимая женщина, есть здоровье, есть даже замечательная кошка. Что еще?

— Ну, а дети, например? Тебе разве не хотелось в один прекрасный день стать отцом?

— Не думаю, что этот день мне покажется прекрасным, — у Вики от удивления вытянулось лицо, — я сейчас так мыслю, — пояснил Вадим, — наступит момент, может быть, я стану думать иначе.

— А мне кажется, ты стал бы чудесным папочкой, — Вика улыбнулась.

— Так, к чему ты клонишь? — Вадим даже сел, тем самым вызвав недовольство кошки. — Ты что, беременна?

— Нет, успокойся, — Виктория поднялась с дивана, выключила телевизор. — Детей все-таки надо иметь в браке, — добавила уже тише.

— Снова ты за свое, — Вадим опять лег, — Виктория, я тебя люблю и хочу быть с тобой. Что по сравнению с этим штамп в паспорте? Формальность. Главное то, что в сердце, в душе.

— Но я хочу быть твоей женой, — сказала она расстроено.

— Ты и так моя жена. Мы живем вместе, ведь поэтому и заключают брак.

— Чтобы жить под одной крышей? Вадим, это какой-то странный аргумент.

— Ты не поняла. Брак заключают, когда любят...

— Вот именно!

— Я не то хотел сказать, — он смутился, — наши отношения...ну, мы ведь все равно чувствуем себя супругами, мы вместе день и ночь.

— Ладно, я поняла, — она натянуто улыбнулась.

— Ну, не обижайся, пожалуйста! — Вадим поднялся с дивана, схватил ее за руку и притянул к себе, — я по-настоящему люблю тебя, всю, до единой клеточки. Люблю твой неутомимый характер, твои привычки и слабости, твои эмоции и молчания, когда ты чем-то озадачена. Люблю, когда ты на меня смотришь вот так, из-под очков. Даже люблю, когда ты в ванной поешь, хотя и фальшивишь.

— Что? — она шутливо толкнула его в грудь. — Не придумывай, я не пою в ванной.

— Да? — удивился он. — Тогда это кто-то другой пел, я перепутал.

— Ты хочешь сказать, что у тебя столько знакомых девушек, пение которых ты слушаешь в ванной, что ты и не вспомнишь, кому из них медведь наступил на ухо?

— Емко сказано! — восхитился Вадим.

— Да ну тебя! — сказала Вика, но больше не обижалась. Может, Вадим и прав? Самое главное у нее есть. Вот ведь парадокс: сколько у нее было поклонников, сколько из них делали ей предложение — ни за одного замуж Вика не собиралась и вообще не держала в голове подобных планов. Появился Вадим, влюбил ее в себя, заставил страдать... Но хорошо, что все-таки они вместе. Вика впервые стала мечтать о замужестве, тогда как Вадим и слышать об этом не хотел. И чем он ее так зацепил? Внешностью? Ну не такой он уж красавец! Блистал остроумием, расточал любезности? Наоборот, разговаривать вообще не хотел, не то что шутить, а уж насчет любезностей, — был скорее груб и невоспитан, не скрывал своей неприязни, а Надю, наоборот, жаловал. Вот и все обстоятельства. Этого хватило, чтобы «задеть» Викторию, сосредоточить на себе ее пристальное внимание и даже влюбить.

Надя все-таки уснула. Постепенно страх стал отпускать ее сознание, часы тикали убаюкивающе. Мысль: то, что с ней произошло — всего лишь галлюциногенное воздействие таблеток — все больше укоренялась в голове. А потом она просто потеряла сознание и ударилась при падении. Хорошо, что хотя бы синяк со лба не сполз на глаз, бывает и такое. Она услышала звук открывающейся двери, откинула плед и, забыв об ушибленном боку, довольно резко встала. Ох, даже заискрилось в глазах, больно. Держась за бок, Надя не спеша, направилась в коридор.

— Привет! — Николай снимал куртку.

Надежда вдруг вспомнила все события сегодняшнего дня: начиная от того, что она видела мужчину, так похожего на ее мужа, и, заканчивая призраком в зеркале, который сказал, что какая-то Марана хочет прийти за ней.

Фертовский поцеловал Надю в губы.

— Пока шел — замерз, — он стал тереть руки, — вот что значит мотаться целый день без машины.

— Так ты был без машины? — она сощурила один глаз.

— Еще утром лишился, увы, автомобилю необходим ремонт.

— Значит, ты по Москве передвигался пешком?

— И пешком, и на общественном транспорте. А почему ты спрашиваешь? — он улыбнулся. — Пойду, поставлю чайник, — направился в кухню, Надя за ним.

— Я не готовила ужин, — нехотя призналась она. Теперь смотрела на него, пыталась по лицу понять: способен ли он притворяться, либо и правда, ему не в чем себя упрекнуть?

— Я не голоден, — Фертовский вел себя спокойно, хотя спокойствие — это его обычное состояние.

— Ты где-то поел? Где? — Надя из полки достала чашки.

— Ты ведешь себя как следователь на допросе, — заметил он. — Чай с молоком?

Она кивнула. Только сейчас осознала, что и правда, это можно принять за допрос. Кроме того, она выглядит настоящей ревнивицей, которая заподозрила неладное и теперь готова докопаться до истины, чего бы ей это не стоило. А вот про стоимость надо бы подумать.

— Подожди, — Николай более внимательно посмотрел на жену, подошел к ней, убрал со лба ее челку — откуда у тебя синяк? — недоуменно спросил он. — Утром его не было. Надя, что случилось?

— Я упала, — она опустила глаза. Секунду размышляла, стоит ли рассказывать мужу о том, что произошло. Нет, не стоит, — голова закружилась. Я ударилась при падении. Хорошо, что синяк не под глазом, а то бы выглядела как пират.

— Иди ко мне, — Фертовский усадил ее к себе на колени, стал гладить по волосам.

— Я ужасно неловкая, — Надя положила ему голову на плечо, теплое, родное, — тебе, наверное, бывает стыдно за меня?

— Стыдно? О, да! Но я успешно преодолеваю это чувство, — он засмеялся, затем нежно поцеловал ее пальчики, один за другим, поцеловал ладонь.

— Скажи, ты никогда не посмотришь на другую женщину? — Надя взглянула прямо в его глаза.

— Посмотрю, конечно, — он сделал паузу, пряча улыбку, — но только как фотограф или оператор.

Глава 48

Николай перелистывал меню уже который раз, Надя то и дело смотрела на часы: Вадим и Вика опаздывали, обычное дело для Вики и крайне редкое для Вадима. Хотя повод для празднования придумали именно они. Виктория первой увидела журнал, для которого позировал Фертовский, позвонила Наде и выдала целый каскад восторгов. Они подолгу обсуждали каждую фотографию, которых было пять, отметили множество достоинств, как модели, так и работу фотографа. Еще Вика добавила, что у Николая не просто прекрасные внешние данные, но чувствуются актерские способности. Его может ждать слава на этом поприще. Надя призналась, что это был всего лишь эксперимент, причем мужа пришлось уговаривать, хотя он впоследствии остался доволен результатом. Скрупулезно рассматривал каждый штрих, то, как падал свет, как ложились тени — кое-что можно бы и подправить, сам он сделал бы чуть иначе. Но здесь художник передал свои, индивидуальные ощущения, и с этим спорить не имело смысла. Надя на снимках недостатков не видела, считая их безупречными, чем вызвала снисходительную улыбку у мужа. На вопрос, повторил бы он подобный опыт, получила однозначное «нет». Пусть каждый делает то, что у него получается лучше всего. А все-таки фотографии и впрямь были хороши.

— А вот и мы! — радостно сообщила Вика.

— Простите за опоздание, — поспешил извиниться Вадим. В этом Викторию изменить было трудно, у нее чувство времени атрофировалось полностью. Сначала это раздражало, но постепенно он привык и перестал обращать внимание, точнее, приспособился. Видимо, Вике нравилось, когда ее ждут. Вот и сейчас она выглядела вполне довольной, засмеялась, перецеловала всех троих, отдала ему шубу и уселась возле Нади. Через пару минут что-то вспомнила, полезла в сумочку, достала журнал, на обложке которого красовался Фертовский. Он даже смутился, переглянулся с Вадимом. Тот, пряча улыбку, стал предельно внимательно рассматривать меню. Вика успела рассказать и похвастаться всем друзьям и знакомым: брат ее парня и

муж лучшей подруги — «звезда»! Он на обложке модного журнала. Это же здорово! От гордости так и распирает.

— Да, ничего особенного, — слегка ошалевший от такого восторженного натиска, промямлил Фертовский. Нет, известность и даже слава в определенных кругах ему была не чужда, но только как фотографа и оператора, а не как модели. Оказывается, признание твоего таланта и мастерства куда меньше смущает и заставляет краснеть, чем подетально-пристальное внимание к твоей внешности, ее достоинствам и недостаткам. Нет, хватит и одной попытки, мир переживет такую потерю.

Надя, с улыбкой поглядывая на мужа, догадывалась о его мыслях. Все-таки он необычный человек, и не только потому, что ее муж. Со стороны он кажется абсолютно спокойным и уверенным в себе человеком, но это не так. И Надя все больше находила тому подтверждений. Но вот что удивительно — ей это нравилось. Ей нравилось в нем все, даже его недостатки. А уж достоинства! А Виктория вообще всегда была склонна идеализировать Фертовского. Вот и сейчас, подняла первый бокал за него. Вадим без тени ревности поддержал Вику, правда, при этом подмигнул Наде, давая понять, что правильно оценивает порывы ее безудержной натуры. Как же они подходили друг другу! Вика с ее ядерной энергией, частенько выпускаемой в большом количестве и без должного направления, и Вадим — рассудительный, рациональный, спокойный, способный безболезненно погасить такого рода энергию, либо направить ее в правильное русло. Ну, и взаимная любовь, конечно. Хотя, еще и чувство юмора — оно у обоих просто отменное. Пока Вика радостно-хващливо вещала о том, что именно она решила затеять ремонт в одной из комнат, разработав целую концепцию, Вадим, иронически показывал Наде мимикой, что заслуга Вики и правда — огромная. Надежда не выдержала и в результате расхохоталась, наблюдая за этой комичной пантомимой. Вадиму достался немой укор от Вики. Фертовский повернул голову к проходу и вдруг увидел Ангелу. Она сидела за крайним столиком и не сводила с Фертовского глаз. На секунду он растерялся, посмотрел на Надю, та смеялась над шутками Вадима.

— Простите. Я скоро вернусь, — как можно спокойнее произнес Николай. Необходимо Ангелу выпроводить из кафе и как можно

скорее. Делать вид, что он ее не заметил — уже глупо, она видела всю их развеселую компанию, и вряд ли она здесь случайно. Кроме того, чего можно ожидать от этой женщины — он не знал. Он вообще ее не знал. Ну, кроме того, что она ведет себя странно, говорит иногда загадками, правда, ничего не просит, не требует и не предъявляет претензий. Однако то, что она здесь и сейчас — признак плохой. Проходя мимо столика, за которым сидела Ангела, Николай бросил через плечо:

— Я жду тебя возле лестницы на второй этаж.

Она не ответила, не спеша допила свой кофе, расплатилась, еще раз посмотрела на Надю.

— Твоя жена та, что брюнетка? — Ангела подошла к Фертовскому, он уже стал нервничать, ломал в руке сигарету.

— Послушай, зачем ты пришла? Мы же все выяснили!

— Конечно, выяснили, — Ангела улыбнулась одними уголками губ, глаза опять без всякого выражения — само воплощение ледяной выдержки.

— Тогда, зачем ты пришла сюда?

— Попить кофе.

— Ты решила преследовать меня и мою жену?

— Согласна, в ней что-то есть. Причем, раскрывается это не сразу, и ты, видимо, в какой-то момент, ощутив себя Пигмалионом, по одному из законов психологии влюбился в свою Галатею. Я понимаю, до нее в твоей жизни были Галатеи, уже готовые, а это неинтересно, скучно. Вот разве что Маргарита...

— Откуда ты про нее знаешь? — удивился Фертовский. — Ах, да, отец! Что тот успел еще рассказать?

— Ты решил попробовать новый виток — новая попытка?

— Если хочешь, пусть будет так.

— Хочу я этого или нет, много происходит не по моей воле, однако кое-чем я править могу.

— Это угроза? — Николай сощурил глаза. Как все нелепо, он совершил всего лишь маленький промах, когда был в отчаянье, вот именно — в отчаянье. И что теперь расплачиваться всю жизнь? И какова расплата? Ну, предположим, Ангела пойдет к Наде и все ей расскажет. А где доказательства? Ее слова против его... Николай вдруг представил себе лицо Нади, ее глаза... и как он вынужден будет

оправдываться. Его передернуло. Надя поймет, что он лжет. Но ведь, в конце концов, все можно объяснить. Объяснить...когда тебя станут слушать. А если не станут? Еще совсем недавно он сам не хотел слушать никаких оправданий, хотя, как оказалось, жене не в чем было оправдываться.

— Угроза? — Ангела позволила себе удивление. — Тебе показалось. Людям часто многое кажется и лишь единицы склонны не смешивать истину с иллюзиями. Вот и те же немногие способны прощать ошибки. Мне пора идти, я и так задержалась. Береги свою Галатею!

Фертовский вернулся на место, речь в компании уже шла о том, что хорошо бы съездить в Беляниново на выходные. Воистину, дом Вадима становился уже какой-то общей дачей. «И еще, — подумал Николай, — именно там с нами происходит всякая чертовщина».

— Все хорошо? — он кивнул, тут же повернулся к Вадиму, который спрашивал о качестве вина.

— Надюша, не хочешь попудрить носик? — Вика посмотрела на подругу, взглядом предлагая прогуляться до туалета.

— Хочу, — согласилась Надя.

— А все-таки здорово, что мы сегодня встретились, — крикнула Виктория из-за двери кабинки.

Надя в этот момент подошла к раковине, ополоснула руки, подняла глаза и посмотрела в зеркало. И увидела там женщину.

— О, Боже! — она резко обернулась, женщина скользнула равнодушным взглядом, открыла сумочку, достала оттуда платок и помаду.

— Простите, — пробормотала Надя, облегченно вздохнула. Так недолго и неврастеничкой стать. Женщина тем временем уголком платка поправила макияж, подкрасила губы и убрала длинные светлые волосы под капюшон, затем направилась к выходу. В этот момент Вика вышла из кабинки, у двери женщина неожиданно споткнулась, громко цокнули тонкие каблук. Надя приросла к месту: это была она! Та женщина, которую Надя видела на улице тогда, с Николаем! Да, и шуба такая же, и рост высокий, и каблук, и она точно также споткнулась! Нет, это безумие какое-то! Хотя ... она вспомнила, что некоторое время назад муж куда-то выходил. Не к ней ли?

Глава 49

— Ты видела ее? — спросила Надя у подруги. Вика любовалась на себя в зеркало, прихорашивалась.

— Кого? — беззаботно отозвалась она.

— Женщину, которая только вышла отсюда.

— Здесь, кроме нас с тобой, никого нет.

— Сейчас — да, но пару минут назад...

— И пару минут назад тоже никого не было.

— Как это — не было? — Надя посмотрела на дверь. — Когда ты вышла из кабинки, белокурая женщина в довольно красивой норковой шубе как раз подходила к входной двери. Ты не могла ее не заметить.

— Да не было никого: ни здесь, ни возле двери! — Вика в зеркале перевела взгляд на Надю и как-то странно на нее посмотрела.

— Она еще дверью громко хлопнула.

— Никакого хлопанья и не слышала. Надя, тебе показалось.

— Показалось? — она начала злиться. — Лучше скажи, что в этот момент ты в облаках витала.

— Ну, вот еще! Ни в каких облаках я не витала.

— Значит, ты должна была видеть блондинку, которая выходила отсюда.

— О, Боже, далась тебе эта блондинка! — Вика полезла в сумочку за расческой. — Видела я ее, не видела, какая разница?

— Мне это важно.

— Почему?

— Важно и все, — уклончиво ответила Надя и отвернулась. Подумала, что надо было бы выскочить сразу вслед за незнакомкой и посмотреть: куда она направится, заметит ли ее Николай, даст ли знак. Неужели муж все-таки ее обманывает? Об этом даже думать больно. А если подозрения — лишь плод ее воображения? Ведь ошибаться может каждый. — И все-таки она была здесь, — пробурчала Надя.

— Я не видела, — упрямо возразила Вика.

— На тебя иногда нельзя положиться.

— Подруга моя дорогая, — Корецкая повернулась к ней, осмотрела ее с ног до головы, — а ты часом не беременна? — она сощурилась.

— С чего вдруг такой диагноз? — озадачилась Надя.

— Ты раздражаешься по мелочам, смотрю, за столом почти ничего не ела, выглядишь на редкость бледной — это с твоими-то всегда румяными щечками. Упала недавно в обморок — вон какой синяк на лбу, сама упоминала об этом. Теперь видишь несуществующих блондинок.

Виктория хитро улыбнулась.

— Успокойся, я не беременна, — Надя опять стала раздражаться.

— Уверена?

— Нас ждут. Мы пришли в кафе, чтобы стоять перед зеркалом в туалете?

— Вот: опять злишься! — торжествуя заметила Вика. Надя махнула рукой и первой направилась к выходу.

— Как дела? — спросил Вадим, завидев Вику и Надю, что-то они основательно задержались.

— Все замечательно, — Вика покосилась на подругу, та все еще хмурилась. Села, даже не удостоила мужа взглядом, уткнулась в тарелку: она и правда сегодня почти ничего не ела. Взяла вилку в руку, сделала из овощей горку. Все-таки непонятно, что ее так расстроило? Что за блондинка, которая ей привиделась, и это оказалось не просто важным, а удручающим, она явно огорчена.

— Давайте закажем какой-нибудь необычный десерт, — предложила Корецкая, подруга не устоит перед сладким, она, хоть и ограничивает себя, на самом деле — самая настоящая сладкоежка.

У Фертовского зазвонил телефон. Он посмотрел на экран, удивленно приподнял брови и, извинившись, вышел из-за стола. Пока разговаривал, находясь в проходе, Надя не сводила с мужа глаз. Ох, не понравился Вике этот взгляд, что-то происходило между ними. Подруга из тех, кто с трудом скрывает свои чувства и эмоции, у нее всегда было все написано на лице. Кажется, теперь она сердилась на Николая. Но из-за чего? Поссориться они в любом случае не успели — оба ведь на глазах, а когда Вика и Вадим пришли — сначала все было в порядке, в семействе Фертовских несомненно царил мир. Просто загадка какая-то.

За стол Николай вернулся довольным, но, естественно, комментировать ничего не стал. Объясняться было не в его правилах.

На сей раз это еще больше испортило Наде настроение, от десерта она решительно отказалась, лишь пригубила чай, но и только.

Ничего не подозревающий Николай внимательно слушал Вадима, который возмущенно рассказывал о каких-то сложностях налогового характера, связанных с магазином в Беляниново. Поймав взгляд Нади, Вика знаком спросила: что случилось? Та махнула головой, что означало: отстань. С таким постным выражением лица она просидела до конца встречи, вяло попрощалась с Викой и Вадимом. Всю дорогу домой молчала. Фертовский плохое настроение жены списал на обычную усталость, тем более, что в машине такси она то и дело закрывала глаза, будто хотела спать. Так и получилось.

Как только Надя вошла в квартиру, заявила, что примет душ и ляжет в кровать — опять разболелся ушибленный бок. Николай заикнулся о враче, но она и слушать не стала, ушла в ванную.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Николай, когда жена вышла после душа. Была там так долго, что он уже стал беспокоиться.

— Спасибо, сейчас лучше, — она подняла глаза, внимательно посмотрела на мужа.

— Тебе чего-нибудь хочется? — он медленно, одними пальцами провел по ее руке, снизу вверх, затем коснулся плеча, шеи. Этот жест Надя просто обожала, от него по телу бежали какие-то особые флюиды. Так умел делать только Фертовский, и еще при этом гипнотически смотреть в глаза.

— Нет, я устала, пойду спать, — она не без труда преодолела желание «растаять» перед ним, словно стряхнула с себя его чары и ушла в спальню. Николай сел в кресло, задумался. В голову опять лезла Ангела. Черт бы ее побрал! Он никогда не боялся женских притязаний, довольно легко справлялся со всякими ситуациями, ведь были же у него женщины, несмотря на его очевидную разборчивость и уровень претензий. Однако одно существенное «но» теперь отличало эту ситуацию от всех остальных: Надя! Его жена! И он не хотел ее терять, ни за что на свете. А вот Ангела, она слишком непредсказуема. Николай все больше ощущал опасность, исходящую от нее, ощущал интуитивно, без каких-либо логических заключений. Хотя то, что она уже дважды и так неожиданно появлялась возле него, навевало весьма определенные мысли. Чего от нее ожидать, он не знал. Но стал понимать: боится. Фертовский долго сидел в кресле, курил, потом

направился на кухню, несколько секунд соображал — зачем он сюда пришел. Часы уже пробили полночь. Ему вдруг так захотелось обнять жену, нет, даже больше, что он, принимая душ, думал лишь об одном: может, она еще не спит? Будить как-то не хотелось. Она не спала...

Когда Николай вошел, она лежала на животе, вздрогнула, повернула голову. Он лег рядом. Такой теплый, вкусно пахнущий. Надя даже зажмурилась от противоречивых чувств, раздирающих в этот момент ее душу.

— Я соскучился, — прошептал он ей на ухо. Она все еще боролась с собой, хотя, если хорошенько подумать у нее нет объективных причин сердиться на мужа. То, что ей показалось, не имеет доказательств, лишь домыслы, совпадения и женские капризы. Николай откинул одеяло и стал нежно губами прикасаться к коже ее спины. Надя все-таки сняла рубашку перед тем, как лечь в кровать и не уснула, значит, ждала его с определенными намерениями, хотя и жаловалась на усталость. Как он ее хотел! Как жаждал прикоснуться к телу, усладить взор каждым его изгибом. Страсть в нем закипала, подобна лаве, и неслась по венам горячим потоком. Поцелуи Фертовского уже достигли ее ягодиц, когда Надя поняла: она не может больше не реагировать. Позволила ему перевернуть себя, он сжал руками ее грудь, тут же извинился, осознавая, что его терпение уже на исходе. Об этом говорило его тело.

— Постой, — вдруг сказала Надя, выскользнула из объятий Николая, поднялась с кровати, отошла к окну.

— Что случилось? — у него даже в горле пересохло, смотрел во все глаза на обнаженную жену, стоявшую в лунном свете.

— Ты — лучшее, что было в моей жизни, — тихо сказала она.

— Почему — было? — удивился он. Все еще горел в лихорадке возбуждения.

— Может наступить момент, когда ты захочешь уйти, — Надя обернулась. — К другой.

— Какая ерунда, — выдохнул он, закатил глаза к потолку, откинулся на кровати. — Почему ты подумала о другой женщине?

— Тебе кто-то звонил...

— Из-за этого ты и расстроилась? Еще там в кафе?

Она кивнула.

— Это был Бондарев. Он вернулся из Европы, хочет предложить мне какой-то проект.

— Никита?

— Ну, да. А ты о чем подумала?

— Кажется, у меня не в порядке с нервами, — Надя села на кровати, — и головой я ударилась сильнее, чем боком.

— Есть отличное средство исцеления, — заметил Фертовский, — любимый муж — он улыбнулся. — Иди ко мне, — позвал он. — Иди ко мне навсегда.

Глава 50

— Я буду минут через двадцать, — Николай стоял в пробке, никак не мог проехать на Малую Дмитровку, хотя находился совсем рядом. Никита уже ждал его, звонил, торопил. Он всегда жил в цейтноте, вечно куда-то бежал, ехал, придумывал на ходу, на лету, мог в одночасье все переиграть. Из-за неудач расстраивался ужасно, но недолго, возрождался как феникс, и бежал дальше. Редко о чем-то сожалел, умел получать удовольствие даже от малого, хотя в работе своей требовательностью истязал всех. Из-за определенных трудностей последний их совместный проект был приостановлен, недолго думая, Никита укатил в Европу на какой-то кинофестиваль. Теперь вернулся, полный оптимизма и опять каких-то фантастических планов.

— Привет! — он пожал руку Фертовскому. — Я замерз как собака. Мог бы и быстрее ехать, знал, что друг ждет.

— Я был уверен, что ты на машине, — пожал плечами Николай. Свою он едва втиснул между узкими рядами улицы.

— Как видишь — нет, — Никита поднял повыше воротник, но это не помогало — он уже основательно промерз. Нет, это называется «конец марта», а зима еще показывает свой характер. — Ладно, идем, здесь в проулке есть небольшой, но славный ресторанчик. Надеюсь, ты не против итальянской кухни?

— Не против, — ответил Фертовский и вдруг поймал себя на мысли, что ему не хватает сумасшедшей энергии Бондарева, его взрывного характера и детской непосредственности.

— Отлично! Тем более что тема Италии будет актуальна в нашем разговоре.

Они выбрали столик в самом дальнем углу. Звучала веселая мелодия, а стены зала были хорошей имитацией итальянской таверны.

Никита отпил вина, крикнул от удовольствия.

— Меня всегда поражало в тебе отсутствие любопытства, — он проводил глазами хорошенькую официантку. — Николая, ты ни разу не поинтересовался, что за проект, из-за которого я тебя вытащил сюда.

— Но ты ведь все равно расскажешь и быстрее, чем я начну проявлять интерес.

— Ты — удивительный человек.

— Неужели? — он сдержанно улыбнулся.

— Поверь старому другу, — Никита откинулся на спинку стула, — видимо, в тебе есть то, чего мне так не хватает, особенно твоего спокойствия.

— Ты таков, каков есть, — заметил Николай, — каждому из нас дано свое, главное — уметь найти компромисс. Компромисс, понимание, не меняя ни себя, ни других. Просто принимая мир во всем его многообразии.

— Но отразить-то его красоту мы можем?

— Если умеем это делать — просто обязаны.

— Тогда тебе понравится то, что я предложу. Ты наверняка слышал о таком режиссере как Майкл Унтерботтом?

— Да.

— Мне выпал счастливый случай с ним познакомиться. Интереснейшая личность, должен признаться. Так вот, есть у него идея: снять документальный фильм об итальянском городе Генуя. Причем проект задуман снимать одной камерой и без определенного сценария, потому ему нужен не просто хороший оператор, а гениальный. Уверен, ты подойдешь Майклу.

— Генуя? — задумчиво переспросил Николай. Compliments Никиты он пропустил мимо ушей. В Генуе родился и жил его учитель, маэстро Корсо. Он так много рассказывал о своей малой Родине, что юный Коля в своих детских мечтах представлял себе Геную. Этот город стал его мечтой. Он дал себе слово, что когда-нибудь обязательно поедет туда, чтобы отдать дань памяти своему учителю.

— Да, Генуя, — подтвердил Бондарев, — даже по твоему непроницаемому лицу я заметил, что тебя эта идея взволновала, и больше, чем я ожидал. Так ты примешь предложение?

— Хотел бы, но...

— Но? Что тебе мешает?

— Я не могу принять решение и уехать, не посоветовавшись с Надей.

— Ты думаешь, Надюша будет против? — удивился Бондарев. — Да она же чудесный человек, она все поймет.

— Никита, эта разлука не на неделю, — покачал головой Фертовский.

— Твоя работа предполагает отъезды, разве не так? Надя, выходя за тебя замуж, знала об этом.

Николай вздохнул.

— Так, конечно. Но мы женаты совсем недавно.

— И чувства на самом пике? — закончил Никита и усмехнулся. — Прости, но мне сложно понять, что можно преданно любить одну женщину, наверно, поэтому я и не женат. Хотя, не спорю, есть женщины особенные. Хорошо, я на тебя давить не стану, примешь решение — позвони мне, но не затягивай, в интересах Майкла начать работу как можно скорее. Николя, послушай, я все смотрю и никак не пойму, — Никита резко сменил тему, — там, за столиком у окна: не твой ли папенька мило беседует с юной леди?

— Мой отец? Не может быть, — уверенно выдал Николай, но все-таки обернулся.

Фертовский-старший сидел к ним в профиль, напротив него занимала место пухленькая девица лет двадцати, не больше, внешности приятной, но не красавица, к тому же одета чисто в молодежном стиле — джинсы, свитер. Густые волосы стянуты в хвост на макушке. Но больше всего поражало то, как вел себя Фертовский-старший. Он не сводил глаз с этой девочки, что-то оживленно рассказывал, даже руками размахивал, а она смеялась от души, пряча лицо в ладонях.

Таким Николай отца не видел никогда: он словно разом решил нарушить им же установленные в обществе правила поведения настоящего аристократа.

— И как тебе этот кульбит? — усмехнулся Никита. Он понял, о чем подумал друг, ему приходилось общаться с Фертовским-старшим и лично ощущать на себе издержки его характера. То, что они оба сейчас видели, не поддавалось никакому логическому объяснению. Единственное, что когда-то могло изменить отца, повлиять на него — это влюбленность. Но он по своей природе был просто на это неспособен. Ни моложе, ни, тем более, сейчас. Однако именно сейчас вел себя странно. И если Николай так хорошо не знал бы своего собственного отца, то решил бы, что тот явно пытается произвести впечатление на свою спутницу — эту юную особу. Но вот что еще более странно, она, похоже, тоже получала удовольствие от общения с ним. По крайней мере, со стороны казалось именно так. Невероятно.

— Не хочешь подойти? — спросил Никита. Он, пожалуй, впервые видел друга в таком замешательстве. Николай то и дело поворачивал голову и бросал недоуменные взгляды в сторону отца и его спутницы.

— Нет, не хочу, — наконец сказал он, — и не хочу, чтобы нас видели. Пойдем отсюда.

— Что? — возмутился Никита. — Нам еще не принесли горячее. И я не доел свой салат.

— Даешь в другом месте, — отрезал Николай, бросил купюру на стол.

— Елки зеленые, — досадливо воскликнул Бондарев, — неужели тебе неинтересно: кто она? И чего тут с ней делает твой папенька?

— Нет!

— Сейчас ты говоришь, как сноб и гордец семейства Фертовских.

— Я и есть сноб и гордец семейства Фертовских, — зло сказал Николай и поднялся со своего места. В этот момент его отец повернул голову. Их взгляды встретились. Фертовский-старший побледнел, несколько секунд смотрел на сына, затем отвернулся.

— Может, теперь останемся? — попросил Никита. — Тебя все равно уже запеленговали, — констатировал он. — Ой, они сами уходят. Это похоже на бегство.

Николай так на него посмотрел, что Никита поспешил добавить:

— Ладно, ладно! — примирительно поднял руки. — Теперь есть возможность спокойно поесть.

— Генуя? — Надя переспросила, услышав рассказ мужа о встрече с Бондаревым. Про отца он, конечно, промолчал.

Надя взяла работу домой и весь вечер сидела с ноутбуком, периодически тихо возмущалась, что-то комментировала себе под нос. Николай рассказал о встрече не сразу, после ужина уселся было смотреть какой-то фильм, но быстро понял, что сюжет не воспринимает, все думал об отце и той ситуации в ресторанчике, это выбило его из колеи и основательно.

— Да, Генуя, — он внимательно смотрел на Надю. Она спокойно закрыла ноутбук, задумчиво потерла подбородок.

— Это для тебя важно? — спросила чуть помедлив. — Я имею в виду эту поездку не только как возможность заработать, но и с точки зрения твоей профессии, мастерства.

— Безусловно. И еще потому, что Генуя — Родина Корсо. Однако есть причина, по которой мне не хочется ехать.

— Какая?

— Разлука с тобой. Я уеду в апреле. Меня не будет полтора месяца.

— Так долго? — охнула Надя, подошла к мужу, обвила руками его шею. — Я буду тебя ждать и скучать, — ободряюще улыбнулась, — езжай, нельзя упускать ни единого шанса в своей жизни. Езжай, я буду ждать тебя.

Глава 51

В дверь позвонили.

— Я открою, — сказала Надя, муж в это время собирал чемодан к отъезду. Она распахнула дверь и глазам своим не поверила: перед ней собственной персоной стоял отец ее мужа! Это был его первый визит после свадьбы Николая. Фертовский-старший поклялся, что не переступит порог его дома, пока там находится плебейка, окрутившая его сына и пытающаяся пролезть в их семью.

«Клятвы не сдержал», — весело глядя на отца мужа, подумала Надя. Она уже успела забыть, как они внешне похожи: тот же рост, осанка, широкие плечи, волнистые волосы, только с проседью, и глаза: магнетический взгляд, от которого иногда мурашки по коже. И все-таки они разные, действительно, разные. Надя была уверена в этом.

Она стояла и, молча, смотрела на свекра: он на ее территории, и правила вежливости еще никто не отменял.

— Здравствуйте, — наконец буркнул он.

«Это уже прогресс» — подумала Надя.

— Добрый день, Владимир Григорьевич! — она невольно улыбнулась.

— Мой сын дома? — он, наконец, посмотрел ей прямо в глаза. По сути дела, он до сих пор так и не имел возможности, как следует разглядеть ту, которая так неожиданно, а главное, триумфально, вскружила голову его сыну да еще быстренько женила на себе. Да, у Николая явно со вкусом на женщин проблемы, причем с самой юности. Откуда в нем такое нежелание видеть социальные различия? Откуда приверженность к простолюдинкам? И ладно были бы они хоть красавицы.

— Да, конечно, проходите, пожалуйста!

— Надюша, кто там? — Николай выглянул в коридор. — Отец? — он так же, как и Надя, уставился на него, не веря тому, что видит.

— Я... нам надо поговорить, — Фертовский-старший вдруг и сам растерялся, тут же пожалел, что решил прийти сюда. Никогда не надо изменять себе и своим принципам, иначе жизнь превращается в хаос и сумятицу. А как же Маша? Она-то как раз и не вписывается ни в один из его жизненных постулатов. Машенька... Нет сил отказаться хотя бы от возможности ее видеть, слышать. Нет сил? Но ведь он и не может этого сделать, даже если и захочет.

— Поговорить? — удивленно переспросил Николай. — Ну, хорошо, давай поговорим.

— Наедине, — добавил Фертовский-старший.

«Мог бы и не утруждать себя уточнениями», — подумала Надя, удаляясь на кухню. Все равно она бы ушла с поля битвы. А битва предвидится, это чувствуется по каким-то особым флюидам напряжения, витавшим в воздухе.

— Присаживайся, — предложил Николай отцу, тот сел в кресло — спина прямая, руки сложены в замок. Николай поднял на него глаза в ожидании.

— Ты, я смотрю, собираешь вещи? — наконец прервал неловкое молчание Фертовский-старший.

«Интересно, зачем он пришел?», — подумал Николай. Если в очередной раз выяснять отношения по поводу выбора его избранницы, то, во-первых, для этого совершенно необязательно было сюда являться, тем самым нарушая свое обещание. Во-вторых, как правило, в подобных ситуациях он безотлагательно, сходу высказывал свои претензии и упреки, он не любил ждать никого и ничего, даже малейшее недовольство сразу вытаскивалось им наружу, тут же достигая ушей оппонента.

— Да, у меня командировка, — он почесал мочку уха, так делал, когда начинал нервничать. Честное слово, поведение отца никогда его не озадачивало так, как сейчас.

— Наверняка опять прожекты Бондарева? — не удержался от колкого комментария Фертовский-старший.

— Это моя работа.

— Это больше похоже на развлечение двух великовозрастных мальчигов, которые заигрались и не могут остановиться.

Николай вздохнул.

— Ты сам хотел, чтобы я снимал фильмы.

— Я был уверен, что у тебя есть к этому способности. Но ты не достиг ничего, кроме того, что снял несколько весьма посредственных полнометражек, два проекта у вас с Бондаревым вообще зависли в воздухе, словно вам они просто наскучили.

— Неправда, — возразил Николай, чувствуя, что начинает злиться. Хотя такой оборот разговора был для него привычным, по крайней мере, отец опять сел на любимого коня и вытащил из ножен меч. Теперь точно знаешь, чего от него ожидать. — Ты же в курсе, что у нас проблемы финансового характера. И кроме этого, посредственными наши фильмы никак не назовешь, награды просто так не дают.

— Чепуха, — отмахнулся, — даже «Оскар» не показатель достоинств фильма и его создателей.

Николай открыл рот, чтобы возразить, но не успел.

— И не напоминай мне, пожалуйста, в очередной раз, что ты еще и превосходный фотограф, — повысил голос отец, — это твое хобби — вообще пустая трата времени.

Надя даже из-за закрытой двери слышала каждое слово. Впервые она стала свидетельницей спора, когда вот так во всех подробностях

узнала о претензиях своего свекра. Да, муж и его отец ссорились нередко, и делали это обычно по телефону, либо при личной встрече. А Надя по настроению мужа или по обрывкам телефонных фраз считала себя причиной их размолвок, оказывается, претензии отца к сыну были куда разнообразнее. Ей страстно захотелось защитить мужа, объяснить его отцу, как он несправедлив, но она ясно осознавала, что своим выступлением только ухудшит ситуацию. Оставалось слушать и молчать. А лучше бы просто уйти? Нет, она не может оставить Николеньку одного. Наверняка, его поддержит мысль, что жена где-то рядом и готова в любой момент защитить его. Он знает об этом.

— Зачем ты пришел? — устало спросил Николай.

— Ты должен изменить свою жизнь. Ты неправильно живешь, меня это беспокоит. Ведь ты — мой сын, и я люблю тебя, — вдруг признался Фертовский-старший, поднялся с кресла и подошел к нему. — Я желаю тебе только добра, хочу, чтобы ты был счастливым.

— Счастливым? — ухмыльнулся Николай. — Ты только и делаешь, что пытаешься мне помешать быть счастливым. Ты в свое время вмешивался в мои отношения с Ритой, теперь делаешь то же самое с Надей. Я прошу всего лишь оставить нас в покое, позволить нам самим строить свою жизнь.

— Неужели ты не видишь, что она тебе не пара? — Фертовский-старший стал ходить по комнате. — Ваши отношения закончатся так же, как и твой первый брак.

— Сейчас все иначе, — горячо возразил Николай. Ну как доказать отцу, что он не видит главного? Надя — лучшее в его жизни!

— Что иначе? Что ты в ней нашел? — заорал он. — Я так надеялся, что у тебя с Ангелой получится.

— При чем здесь Ангела? — у Николая сердце забилось в два раза быстрее. Неужели отец знает о том, что между ними произошло?

— Я догадываюсь, что было в ту ночь, когда ты приехал ко мне: потерянный, разбитый. Ты ведь тогда удрал от жены, да?

— Я не удрал, как ты выражаешься, мне просто нужно было побыть одному, — стал оправдываться Николай, но незаметно вздохнул с облегчением, отец ничего не знал. — Произошло недоразумение и....

— А потом ты приехал ко мне и искал утешения? Это говорит о многом.

— Это говорит лишь о том, что в тот момент мне нужна была поддержка близкого человека.

— Правильно! Поэтому ты должен сойтись с Ангелой. Она утешит тебя, поддержит. Все очень просто, сынок. Она тебе подходит, она идеально тебе подходит.

— Это ты так думаешь! — повысил голос Николай.

— Разве я когда-нибудь ошибался? Все мои прогнозы оправдывают себя. Я всегда прав.

— Это просто невероятно! — Николай от бессильной ярости был готов швырнуть в стену первый, попавшийся под руку, предмет. — Твоя уверенность в собственной правоте принимает гипертрофированные формы. Ну, нельзя же так, в конце концов, ты не Бог! И ты можешь ошибаться и отступать от своих же правил, норм и стереотипов.

— Что ты имеешь в виду? — прищурился он.

— Я не хотел касаться этой темы, но чтобы защитить свою семью и себя, я скажу, — Николай перевел дыхание, — девушка, с которой ты был в кафе, значительно моложе, чем хотелось бы. Согласись, что это несколько дискредитирует тебя.

Фертовский-старший онемел.

— Было бы неразумно отрицать подобный факт, — продолжал наступать Николай, но делал это уже с той холодной сдержанностью, которая была ему больше свойственна.

— Ты не имеешь права... — наконец очнулся Фертовский-старший.

— Конечно, нет, — тут же согласился Николай.

— Она — моя студентка, — последовало непривычное слуху оправдание, — и я всего лишь консультировал Машу.

— Машу? — удивленно переспросил Николай, — ты не называешь ее полным именем?

— Прекрати сейчас же так себя вести! — потребовал Фертовский-старший. — Не забывай, с кем ты разговариваешь. Я — твой отец и заслуживаю хотя бы уважения.

— Безусловно, — подтвердил Николай.

— Ты, в конце концов, не имеешь права вмешиваться в мои отношения с кем-либо. Это из-за тебя у меня вся жизнь пошла наперекосяк.

— Что? — не понял Николай. Подумал, что отец так нелепо пошутил. — Из-за меня?

— Я знаю, кто в Лондоне сделал те скандальные фотографии с твоей матерью и отдал их прессе!

— Ты хочешь сказать, что... — Николай в первую секунду даже не смог подобрать слова.

— Ты ведь носился со своим фотоаппаратом, везде совал свой нос, беспрестанно щелкал.

— И это дает тебе основание обвинять меня в том, что я сфотографировал собственную мать с любовником и обнародовал снимки? — Николай в ужасе вытаращил на него глаза. — И ты всю жизнь так думал? Да ты сошел с ума!

— Я не намерен больше разговаривать с тобой в подобном тоне!

Он направился к двери, по пути задел стул, который выразительно гроыхнул. Пройдя в коридор, схватил пальто. Хлопнула дверь, так громко, что Надя вздрогнула.

Глава 52

— Нет, это безумие какое-то! — Николай появился на кухне через несколько секунд. Надя стояла у окна, смотрела на улицу: свёкр вышел из дома, пискнула сигнализация его автомобиля, он закурил, сделал пару затяжек, бросил сигарету в снег. — Ну, почему мы ссоримся практически каждый раз, когда видим друг друга?! Почему у нас нет взаимопонимания?

Надя молчала.

— Прости, дорогая, что ты часто становишься свидетельницей наших разногласий, — Николай пошел к ней сзади, обнял за плечи. Она не шелохнулась. — Ты мне так нужна, просто необходима, особенно, теперь, когда я узнал, что всю жизнь отец считал меня подлецом и предателем! — с горечью сказал он.

— Почему? — тихо спросила Надя, повернулась к мужу, посмотрела в его глаза. Что она хотела там увидеть?

— Почему? — переспросил он, взъерошил волосы, тяжело вздохнул. — Потому что это касается, в первую очередь, моей чести. Ты думаешь, легко слышать в свой адрес обвинения в предательстве, особенно когда знаешь, что ни в чем не виноват!

Надя подумала о том, что еще совсем недавно ее тоже несправедливо обвиняли в предательстве. И тогда Николай даже слушать ничего не желал. Хорошо, что ситуация разрешилась в ее пользу.

Надежда аккуратно высвободилась из объятий мужа, села за стол.

— Сядь, успокойся, пожалуйста, — как можно мягче произнесла она, — я заварю тебе чаю или чего покрепче?

— Я ничего не хочу, спасибо, родная, — Николай сел напротив, взял ее руку в свои, — просто послушай меня, пожалуйста.

...Мне кажется, мои родители никогда не любили друг друга, или это было до моего рождения. Их брак являлся, скорее, выгодной сделкой. Поэтому они и терпели. Отъезд в Англию стал значительным событием в карьере отца, хотя там мало что изменилось в плане семейных отношений. Единственное, что объединяло моих родителей — в своих стремлениях они всегда пытались прилично выглядеть в обществе. В этом они были абсолютно солидарны, а все остальное... — Николай задумался, стал нервно тереть лоб, — я думаю, моя матушка из тех редких женщин, у кого напрочь отсутствовал материнский инстинкт.

Надя в изумлении расширила глаза.

— Да, по сути дела, я мало видел от нее проявлений каких-либо чувств. Скорее, этого дождешься от отца. Больше всего ей интересна была она сама. Уверен, что ты подобные выводы уже сделала, когда я тебе рассказывал о Корсо и годах, проведенных рядом с ним. Такое случается в жизни, когда ребенок привязывается не к собственным родителям, а к совершенно постороннему человеку. Кроме того, что я получил от учителя азы своей будущей профессии, благодаря ему, я научился видеть и ценить прекрасное, познал доброту и душевную щедрость. Сейчас спустя годы, вспоминая о своей юности, я хорошо понимаю, почему выбрал для создания семьи ту женщину, кого по-настоящему люблю, а не из тех, кто мне подходил по социальному статусу, по мнению отца. Хотя он-то как раз и обжегся на этом, — Николай нахмурился.

...Софье Фертовской нравилось блистать в обществе, благо, для этого она имела все данные. Она всегда стремилась к жизни, полной

развлечений, новых впечатлений, беззаботности. Скука и обыденность ее просто убивали, убивали в ней желание радоваться этому миру и радовать собой других. Да, она искренне считала, что только одно ее присутствие — уже подарок для окружающих, особенно — мужчин. Она легко и хладнокровно разбивала сердца, не допуская никого в свое. К мужу она давно утратила интерес. Он знал об этом, но считал ниже своего достоинства опускаться до упреков или каких-либо выяснений. Хотя как-то раз попытался и был высмеян женой: неужели ты настолько низко себя оцениваешь, что считаешь, есть тот, кто уведет у тебя жену? Она сказала это с такой многозначительной улыбкой, что Владимир Фертовский лишь махнул рукой — в любом случае она — его собственность и никуда не денется, тем более что она хорошо понимает, где и в каком положении находится.

Так и было до того момента, как Софья не познакомилась с дипломатом из Италии. На несколько лет ее моложе, знойный красавец Джузеппе был родом из Венеции. С такой внешностью, как у него, ему бы сниматься для обложек супермодных журналов или даже покорять вершины кинематографа, но его интересовало совсем другое, а красивая внешность способствовала честолюбивым замыслам. Но самое поразительное, что за горящим взглядом черных итальянских глаз и приемами искусственного обольщения, было абсолютно холодное сердце и сплошной расчет, даже в мелочах. Однако Софья так влюбилась, что потеряла голову, впервые в жизни. Джузеппе весьма искусно интриговал и так играл ее чувствами, что она капитулировала и буквально сама его соблазнила. Они стали встречаться, но это было нелегко, приходилось прибегать к мощнейшей конспирации и лгать, все время лгать. Они словно играли в прятки, но не только с мужем Софьи, но и со всем миром. Любовная связь такого рода вполне могла спровоцировать дипломатический скандал. Общеизвестно, что все тайное рано или поздно становится явным. Кроме того, Софья, осознавая, что влюбилась по-настоящему в этого мужчину, решила оставить мужа, уйти из семьи. В одно из свиданий она озвучила свои намерения и тем самым страшно испугала Джузеппе: такого поворота событий он не ожидал, и вовсе не собирался сходить с Софьей и уж тем более, не желал публичного скандала, который навредил бы всем участникам этой истории. Джузеппе попытался образумить свою любовницу, осторожно

намекнув, что она устраивает его только в этом качестве. Софья устроила настоящую истерику, прямо в духе итальянских страстей. Джузеппе бросился ее успокаивать, все закончилось бурным примирением и занятием любовью. Однако итальянец крепко задумался...

Николай вдруг замолчал.

— Она, действительно, была готова уйти из семьи? — спросила Надя. — А как же ты? Ты ведь ее ребенок?

Он нахмурился, опустил глаза. Надя крепко сжала его руки. — Коленька, ты знаешь такие подробности этой истории, откуда?

— Все выплыло наружу, когда были опубликованы фотографии, на которых моя мать и итальянец придавались любовным утехам. Скандал был грандиозным, имя моего отца запятнано, он тогда чуть инфаркт не заработал. Неприятностей было предостаточно, не забывай, это времена других норм и правил, да еще за рубежом. Одним словом, нам предстояло вернуться на Родину. Фотографиями пестрела вся пресса, отец сходил с ума, мать сначала пыталась себя защитить, но Джузеппе отказался от нее почти сразу, обвинив во всем только ее. Себя он представил как жертву интриг этой порочной женщины. Он налево и направо давал интервью, понимая, что хотя бы на такого рода популярности повысит свой рейтинг, если уж с карьерой дипломата покончено. Мы вернулись в Союз, отец подал на развод. Я остался с ним. Больше я ее никогда не видел, она исчезла из нашей жизни.

— Твоей матери, наверное, было очень плохо? — спросила Надя.

— Почему ты жалеешь, прежде всего, ее? — удивился Николай.

— Она полюбила человека, который на поверку оказался ничтожеством и трусом, к тому же она потеряла семью.

— Она не любила нас с отцом, так же как итальянец — ее. Тебе не кажется, что она заслужила все это?

— Я не знаю, не мне судить, — Надя покачала головой.

— Я знаю! — резко отозвался Николай, поднялся из-за стола и вышел из кухни. Надя нашла его курящим на балконе.

— Ты все еще злишься на нее? Но ведь прошло столько лет! — мягко напомнила она.

— Да, и после стольких лет отец мне говорит, что это я сделал те скандальные фотографии. Это я испортил ему жизнь!

— Он просто погорячился.

— Нет, он, и правда, так считает! — возразил Николай. — И считал все эти годы.

— Неужели он так плохо знает собственного сына? — удивилась Надя. — Он же растил тебя, воспитывал, был рядом все эти годы. Мне очень жаль, что Владимир Григорьевич не хочет замечать очевидного: ты сын, которым можно по праву гордиться, ты — порядочный и искренний.

— Ты мне веришь? — Николай повернулся к жене, она обняла его.

— Верю.

— А если я ошибусь в чем-то, ты способна меня выслушать и понять?

— Способна, ведь я тебя люблю.

Он, наконец, улыбнулся.

Глава 53

— Я мало понял из сказанного тобой по телефону. Что случилось? — в квартиру вошел отец Ангелы. Полчаса назад ему позвонил Фертовский-старший в крайне возмущенном состоянии, в чем-то обвинял сына, говорил про какую-то Машу.

— Проходи, — отозвался хозяин дома, он держал в руке бокал со спиртным и, похоже, уже его ополовинил. — Выпьешь?

— Нет, знаешь ли — сердечко, — прижал руку к груди с левой стороны, — да и тебе не советую, немолодые мы уже.

— Немолодые... — повторил Фертовский, — в этом и вся беда. Мне казалось, что я никогда не постарею, а теперь смотрю в зеркало и...

— Ну, насчет зеркала тебе еще можно особо не расстраиваться, — Стефанович сел в кресло напротив, сложил руки в замок и устался на друга. — Ты вон, какой красавец, и стать, и фигура, и даже кудри сохранились.

— Да, что там кудри! — махнул рукой Фертовский. — Она еще девочка, понимаешь? Маленькая девочка, а я вдруг почувствовал такое...

— Подожди, объясни мне толком, — мягко остановил его Стефанович, — ты что, влюбился?

— Я и сам не знаю... — он поднялся с кресла, поставил неловко стакан и расплескал его содержимое. — Черт, не терплю свинства!

— Успокойся, пожалуйста, — Стефанович позвал домработницу, которая тут же навела порядок и, повинувшись характерным жестам гостя, пока хозяин, молча, стоял у окна, убрала бутылку. — Давай сухую и по порядку, хорошо?

— Это произошло на одной из первых лекций, ты же знаешь, что я еще и подрабатываю в Университете Управления. Большая аудитория, несколько групп, лица... Я не имею привычки всматриваться в них, особенно, когда читаю лекцию, семинары — другое дело. Но здесь получилось иначе, я показывал на экране табличные слайды, комментировал. Довольно часто в такие моменты внимание студентов ослаблено, они переговариваются, роются в своих телефонах, кто-то даже умудряется читать под партой. Она сидела на третьем ряду и внимательно смотрела на экран, свет в аудитории был приглушен, я намеренно его оставляю для возможности записей и пометок. Поэтому я смог увидеть ее лицо, глаза...

Ее не назовешь красивой, скорее миленькая, пожалуй, больше всего в ней привлекательна сама молодость, плюс живая мимика, интерес к миру, у нее лицо... — он задумался, — она удивительно интеллектуальна. И голос у этой девочки такого тембра, который ласкает слух мужчины.

— Голос? — переспросил Стефанович. Он ушам своим не поверил: Володя сроду не был романтичным и никогда, это точно, ничего подобного не говорил о женщинах.

— Да, он не низкий и не фальцетный, такой немного грудной и мягкий. Говорит она, не подбирая слов, нет лишнего, нет молодежного сленга. Представь себе, что Маша пересмотрела большую часть театрального репертуара столицы и весьма интересно рассуждает на эту тему. Я поразился и ее поэтическому вкусу: Уильям Сомервилль, оказывается, и ее любимый поэт. И она читает его в подлиннике.

— Володя, — попытался его остановить Стефанович, — ты говоришь, как пылкий юноша, который ослеплен своей любовью. Дорогой мой, это уместно лишь в определенном возрасте.

— Опять ты про возраст? — досадливо воскликнул Фертовский.

— Ну, хорошо, давай посмотрим с другой позиции? — мягко предложил Стефанович. — Сколько ты ее знаешь?

— Я отлично разбираюсь в женщинах, — заявил он, — даже, несмотря на неудавшийся брак. Я все-таки не мальчик.

— Вот именно! — подхватил Стефанович.

— Виталий, — Фертовский вздохнул, опустился в кресло, — я так устал от одиночества и пустоты, которой была наполнена почти вся моя жизнь.

— Но у тебя ведь есть сын.

— Я ему не нужен, он живет своей жизнью, по своим правилам, он совсем другой, чем мне хотелось бы. Наверное, я где-то виноват, что давил на него, пытался сделать из него свою копию. Это вызывало только протест и отчуждение, мы ссорились почти каждый раз. Знаешь, что я сделал в последнюю нашу встречу? — он стал теперь лоб.

— Что?

— Я обвинил собственного сына в том, что это он разрушил мой брак с Софьей. Помнишь, историю с публикацией этих ужасных фотографий с ее любовником?

— Помню. А причем здесь Николай?

— Я решил, что он тайком снимал свою мамашу. Черт, и как это мне в голову пришло? Он ведь был тогда совсем мальчишкой, правда, везде носился со своим фотоаппаратом, вечно пропадал у старика-художника. Знаешь, я даже ревновал его тогда, хотя в те времена из-за своей вечной занятости, мало уделял сыну внимания. Да и вообще, у нас была странная семья: каждый сам по себе, вот мальчишка и прибил к чужому человеку. Думаю, он любил его больше, чем нас, искренне переживал, когда мы покидали Королевство. Каждый из нас в тот момент возвращался на Родину со своей бедой: я был обманут неверной женой, разочарован и растоптан, кроме этого, в связи со случившимся моя карьера дипломата потерпела фиаско. И ты прекрасно это знаешь. Я заявил Софье, что в ближайшее время разведусь с ней, она устроила истерику — было что терять, любовник первым отказался от нее, а теперь бросил и муж. Сына я оставил при себе, она возражать не стала. Исчезла из нашей жизни сразу после расторжения брака.

— И ты больше никогда о ней не слышал?

— Кажется, через несколько лет он все-таки уехала за рубеж. Я тогда еще подумал: отправилась искать своего Джузеппе. Надо же, как

я хорошо запомнил его имя! Да и лицо помню до сих пор: чего она нашла в нем? Слащавый кривляка.

— Такие женщинам нравятся, — заметил Стефанович.

— Женщинам нравятся разные. Но, видимо, у моей экс-супруги вкус и правда, дурной. Снимки в газетах были по тем временам откровенно скандальные. Мерзость настоящая!

— И ты обвинил сына в том, что он такое мог сфотографировать, да еще придать огласке? — удивился Стефанович, покачал головой.

— Но кто-то ведь это сделал, — попытался оправдаться Фертовский.

— Лучше надо знать своих детей, лучше, вообще, позволить им жить, как они того хотят.

— Ты слишком лоялен, Виталий.

— Я, скорее демократичен и мудр, Володя. Ты думаешь, у нас с Гелой проблем не было? Ее последнее замужество чего стоило! Этот румын ее будто заколдовал, тоже мне граф Дракула. Хотя Дракула вряд ли помешался бы на западно-славянской мифологии. А мой бывший зять буквально бредил ею и Гелу втянул. Они сутками сидели в каких-то библиотеках, искали редкие книги, о чем-то вечно спорили. Мне кажется, в доме была маленькая лаборатория. А потом он просто исчез, растворился в пространстве и времени.

— Как это? — не понял Фертовский.

— Исчез, словно его и не было. Поиски ничего не дали. Гела изменилась, стала молчаливой, замкнутой, несколько раз съездила на родину мужа в Румынию, но ничего не объясняла и не рассказывала. Потом она вообще стала вести кочевой образ жизни. Только перед Новым годом приехала домой и решила с нами вернуться в Россию. Так что трудностей хватает у всех, поверь. Но это не значит, что ты можешь сомневаться в своем ребенке, в его порядочности и непоколебимости жизненных позиций. Таким сыном, как твой, я бы гордился. А ты его обвиняешь.

— Я защищался, он ясно дал понять, что Машенька мне не подходит.

Стефанович улыбнулся.

— То же самое ты говорил Николаю о его выборе. Разве не так?

Фертовский поднялся с кресла, сделал несколько шагов по комнате.

— Виталий, тебе легко говорить, ты как-то быстро смиряешься и уживаешься с людьми и обстоятельствами. Я другой и уже не изменяюсь.

— А мне кажется, что ты меняешься, — заметил Стефанович, — даже внешне. Но не это главное — тебе выпала возможность посмотреть на мир другими глазами, увидеть то, чего ты раньше не замечал или просто игнорировал, задуматься, наконец, о том, что некоторые стереотипы и те нормы, которыми ты жил все эти годы, создавали сложности не только тебе, но и тем, кто тебя любит. Скажи своему ребенку, что был неправ.

— Машенька, я нашел для вас стихотворение Уильяма Сомервилля. Оно отражает истину, и я его ощущаю применительно к себе. Я одинок и никому не нужен.

*В полях Астерии брожу,
Любовь и мир здесь нахожу,
Тьма возникающих красот
Восторг и радость мне несёт.
Благословен Природы дар,
Он весь Искусства полон чар,
Цветущий, полный счастья рай,
Где чувства льются через край.
Но я сказал царице той,
Что мир убрала красотой:
Простите, грот и синь небес!
Цветы, ручьи, тенистый лес!
Прохладе вашей я не рад,
Что нега, зелени парад,
И плеск журчащего потока;
Моя душа так одинока.*

Они опять сидели в кафе, теперь уже выбрали поближе к ВУЗу. Кафе «Метро» оправдывало свое название: антураж помещения — вагончик метро — стены, стекла, сидения, вот только еще столики впридачу. Молоденькие официантки носились одна за другой, пахло пиццей, кофе, сигаретами.

— Ну что Вы, Владимир Григорьевич, — выслушав опус, воскликнула она, — Вы не одиноки, у вас есть работа, друзья и... я. Мне с Вами хорошо и интересно. Вы — уникальный человек. Вот что главное.

— Человек? — стараясь скрыть разочарование в голосе, спросил он. Маша сегодня была особенно хороша — распустила свои густые волосы, глаза блестели, с губ не сходила улыбка. Эта девушка пахла весной. — А, ну да, конечно. — Ему так захотелось коснуться ее руки, лежащей здесь, совсем рядом, милых крохотных пальчиков, на одном из которых тоненькое кольцо, камень зеленый — под цвет глаз, что стало даже стыдно за своей романтический порыв, он давно ничего подобного не ощущал.

— Мужчина, — она сама коснулась его руки.

Глава 54

Генуя впечатлила Николая сразу, с первых минут его пребывания на этой земле. Ее интереснейшая история только тому способствовала. Оказывается, у Генуи есть еще и другое название — «Ла Суперба» — «гордая», а Петрарка когда-то охарактеризовал как «хозяйку моря», и еще ее называют красиво-напевно «Лигурия». В далеком прошлом Генуя соперничала с Венецией за господство на Средиземном море. Стратегически выгодное расположение и прекрасная природная гавань фактически сделали исторический подъем Генуи неизбежным. В период расцвета, в XIV веке, владения этого города-государства простирались за границами Сирии, Северной Африки и Крыма. Однако после поражения Венеции в 1380 г. в битве при Кьодже, Генуя ослабила морскую экспансию. Два века спустя, благодаря развитию банковского дела и других отраслей торговли, Генуя вернула себе былое могущество.

Почему именно Генуя? — спросил кто-то у режиссера Майкла Уинтерботтома. Решение было импульсивным, он однажды оказался в аэропорту Генуи и вдруг подумал, что здесь может получиться фильм. Так и вышло, проект оказался, бесспорно, удачным, даже был отмечен наградами. Но Майкл так влюбился в Геную, что решил снять еще и документальный фильм о ней, причем на роль гида пригласил именно того английского Актера, с кем работал в первом проекте. Такое

решение было обусловлено рядом объективных причин: они прекрасно понимали друг друга, уже с полуслова, хорошо знали город, Актер обладал, кроме таланта, эффектной внешностью, а главное — красивым бархатным голосом. И еще, его жена была итальянкой, поэтому любовь к Италии он уже впитал в себя. Одним словом, получилась идеальная кандидатура для осуществления задуманного. Николаю Актер тоже понравился, он был приветлив, ничуть не капризен и не высокомерен, но особенно Фертовского поразило его безупречное чувство юмора и самоирония. Общаться с этим человеком было одно удовольствие, Николай с тайной грустью и в тоже время с искренней радостью вспоминал годы, проведенные в Лондоне. Все в Актере ему напоминало о них. Наблюдая, как его оператор и Актер общаются, Майкл пошутил: как быстро они нашли общий язык, случайно не родные друг другу? К тому же даже будто похожи и внешне. Да, оба темноволосые, высокие, фигуры практически идентичны, да и в чертах лица отмечалось сходство, разница лишь в возрасте.

Актер улыбнулся в камеру, обнажив ряд белоснежных зубов, поздоровался дважды: по-английски и по-итальянски...

— Итак, самая красивая улица Италии — Виа Гарибальди. Строилась она в XVI веке для разбогатевших торговцев Генуи, не желавших тесниться в средневековых кварталах. Всю улицу застроили роскошными дворцами и особняками, участки продавались на аукционах, куда допускались только члены самых влиятельных семейств. Там возник этот элитный квартал. Как на торжественном параде дворцы один за другим выстроились в ряд: Палаццо Кабьезо, Палаццо Дориа, Палаццо Подеста.

В настоящее время Палаццо Бориа — Турси — здание муниципалитета, здесь же находится городской музей изобразительных искусств, где хранятся три письма Х. Колумба и скрипка Н. Паганини, уроженца Генуи.

Николаю нравилось снимать, все происходило без лишней суеты и спешки. Главными были его камера и экскурсовод, который рассказывал о Генуе так проникновенно и чувственно, словно о любимой женщине. В первые часы Фертовский сомневался в выбранной режиссером стратегии съемок одной камерой и с минимальной подготовкой. Но просмотренный материал дал ему

возможность увидеть и понять свой потенциал, некоторые ошибки, которые он учел на последующих съемках. Удивительно, но у Майкла не было четкого сценария, хотя герой фильма всегда знал, что и как говорить. Он обладал поистине тонким чутьем и улавливал настроение улиц, архитектуры, даже погоды.

Николай еще никогда не видел, чтобы камера так любила человека. Она следила за малейшим его движением, сменой эмоций, она с удовольствием погружалась в его глаза.

Решили сделать перерыв в съемках. Майкл сел в сторонке и чего-то ждал. Актер беседовал по телефону, бегло говорил по-итальянски, видимо с женой. В самом начале съемок она приезжала в Геную — бойкая, жизнерадостная брюнетка с шоколадным цветом глаз, с каждым членом съемочной группы поздоровалась отдельно, увидев Николая, удивилась. Потом весело призналась, что он очень похож на ее супруга. И это здорово, что есть еще один такой же по-настоящему красивый мужчина. Николай даже смутился, на что Актер с лукавой улыбкой признал, что его-то жене можно верить, она знает, что говорит.

— ...Площадь Феррари, — объявил Актер после того, как перерыв закончился, и Николай опять включил камеру, — пожалуй, именно эту площадь разумнее всего выделить как «сердце» современной Генуи. В центре пространства, — он сделал шаг в сторону, открывая камере вид, — пульсирует большой фонтан, обдавая алмазными брызгами прохожих, — словно в подтверждении его слов, Фертовский стал приближать камеру до тех пор, пока несколько светящихся на солнце капель не попали на объектив. — В глубине площади сразу за бронзовым монументом Джузеппе Гарибальди расположен главный городской оперный театр Карло Феличе, построенный в начале XIX века по проекту главного генуэзского градостроителя Карло Барабино.

Вечером Уинтерботтом отпустил отдыхать всю съемочную группу на целых два дня. Недолго думая, Актер предложил Фертовскому посмотреть на Геную несколько с иного ракурса. Николай согласился с радостью, ему был все больше и больше интересен и приятен этот человек.

Преодолев несколько десятков метров на бесшумном подъемнике, они оказались на одном из холмов, окружающих город. От увиденного у Николая даже перехватило дыхание: внизу — мягкие изгибы лигурийского побережья, а над ними, на фоне вечеряющего неба — вершины Апеннин. Между берегом и горами теснятся дворцы, музеи, величественные арки, со вкусом выстроенные кварталы, широкие площади и узкие улочки.

— Впечатляет? — спросил Актер, внимательно наблюдая за своим спутником.

— Безусловно, — отозвался тот.

— Да, столица Лигурии не вписывается в однозначное определение — она, как истинная женщина — многолика и непредсказуема, в ее объятьях каждый может отыскать то, что искал всю жизнь — простоту и роскошь, изысканность и вульгарность, благодетель и порок. Генуя — это зеркало жизни, поэтому каждый видит ее отражение по-своему, — он мягко улыбнулся. — Мне показалось, Никола, можно так? Что и у Вас особое отношение к Генуе, правда?

— Вы самый проникательный человек из всех, кого я встречал в своей жизни, — сказал Фертовский, — Вы правы, в этом городе родился и некоторое время жил весьма дорогой для меня человек, мой учитель. Он был художником, фотографом, но научил меня не только своему ремеслу, но и многому другому — добру, милосердию, справедливости, умению прощать и с оптимизмом смотреть в будущее. Я, как подумаю, что он ходил по этим улочкам, так на душе становится тепло и уютно, словно я вот-вот его встречу. К сожалению, я совсем не помню название той улицы, где он когда-то жил, но знаю, что это была старая часть города.

— В таком случае, мы просто обязаны совершить прогулку по древним улочкам Генуи. Обещаю, что и там буду хорошим гидом, — сказал Актер...

Глава 55

— Туристы просто сходят с ума во время прогулок по этим узким лабиринтам, — прокомментировал Актер, — улицы застроены шести и восьмизэтажными зданиями, в XVIII веке это были купеческие дома,

которые потом надстраивались, перестраивались. На маленькой площади Сан-Матео по местным поверьям обитает призрак Андреа Дориа, этот человек всю жизнь отстаивал независимость Генуи. Еще больше мистики добавляет то, что этот квартал сравнивают с клубком змей. Когда мы впервые снимали в старом городе, я помню, как холодок страха и опасности в каждом узком проходе, как и возможная угроза со стороны любого прохожего или вдруг свернувшего велосипедиста, не давали возможности расслабиться нам, персонажам этого фильма. Майкл вообще сторонник естественных вещей, как можно проще делать сложные вещи. Вы и сами это заметили, Никола. Майкл считает, что репетиции сбивают с толку.

— Даже в художественном фильме? — усомнился Фертовский.

— Да. Никаких команд «мотор» не было. Просто жужжала камера, мы что-то говорили, если так надо, потом шли куда-то, а камера продолжала снимать. Здесь для понимания куда важнее была атмосфера, а не диалоги. И все же иногда реальность вмешивалась и сюда. Мы снимали сцену в квартире того старика, который должен был ее показать моей партнерше и мне. Мы встретили его неподалеку и предложили сняться в кино, но он был глуховат и вряд ли понимал, в чем дело, когда я пытался объяснить. Он продолжал мне рассказывать о своей жизни. Этот замечательный старик создавал ту самую нужную здесь родственную атмосферу. Я тогда, как и сейчас, снимаюсь в свое удовольствие. И, конечно, ради Майкла. Кажется, это меня просто испортило. А вообще, я рад, что на данном этапе своей жизни могу потратить массу времени за гроши на один фильм, а другой будет высокобюджетным. Мне интереснее сами проекты, как и Вам, Никола?

— Да, интерес для меня на первом месте, хотя ваш уровень профессионального мастерства невероятно высок. А про известность я и не говорю.

— Известность? Помилуйте, — покачал головой Актер, — пока мы здесь, в Италии, Вы видели, чтобы хоть один человек узнал меня и попросил автограф?

Буквально в следующую секунду женские голоса заставили их обернуться. Две молодые хорошенькие женщины смотрели на Актера во все глаза, нет, они не ошиблись, узнав эту статную фигуру, широкие плечи, уверенную походку и английскую речь. Некоторое время шли за

ним и его спутником, тоже, кстати, очень интересным мужчиной и даже похожим на него. Не родственник ли?

Актер приветливо улыбнулся женщинам. Они стали наперебой что-то быстро говорить по-итальянски, получили по автографу, с гордостью назвав свои имена, запрятали листочки в свои сумочки, дружно сказали «чао», скрылись из виду.

— Никола, вижу-вижу Вашу улыбку, — заметил Актер, — наверное, эти две итальянки — единственные, кто видел что-то с моим участием. Поверьте, в этой стране к моей популярности относятся гораздо прохладнее. А знаете, что они сказали? «Вы, сеньор, не похожи на секс-символ». Забавно, правда?

Они прошли еще несколько улочек, стало темнеть. Николай подумал о том, что он любит ночные города, когда ты один на один с городом.

Ему вообще нравилось все, что он успел увидеть за дни своего пребывания в Генуе: зелень парков и садов, море, скалы, великое множество цветов — не напрасно Лигурийское побережье прозвали Цветочной Ривьерой, средневековые башни и замки, мраморные дворцы и соборы; аквариум — крупнейший в Европе морской зоопарк, фонтаны, памятники великих итальянцев. Ощущалась какая-то особая атмосфера, свой дух, сохранившийся с давних времен: удивительное обилие старины, от которой и поныне веет великолепием, в сочетании с бойкой жизнью портового города. В таком городе, как Генуя, просто невозможно не родиться художником. Корсо им был, он впитал в себя всю прелесть и красоту этих мест, его творчество рождалось где-то здесь, оно вдохновлялось этим городом.

— Перед обаянием Генуи были бессильны даже классики, — словно в подтверждение мыслей Николая сказал Актер, продолжая рассказ, — Гюстав Флобер писал так: «Я полюбил неповторимую Виа Аврелия, улицу удивительной красоты... Хожу по мрамору. Здесь все сделано из него: ступени, балконы, дворцы...». Кстати, для Ваших, Никола, соотечественников Лигурия тоже становится популярной. Одна из причин, на мой взгляд: сказывается «генетический» интерес к тем местам, где предпочитали проводить долгие зимние месяцы русские аристократы, писатели, художники. Впрочем, здесь и своих художников великое множество. Вы говорили, что Ваш учитель тоже занимался живописью?

— Да, он был весьма талантлив, я видел его полотна. Однако по ряду причин синьор Корсо был вынужден уехать отсюда и поселиться в Британии. Но он всегда скучал по своей Италии, особенно любил вспоминать Геную, говорил о ней с особым трепетом и нежностью. Теперь я его понимаю.

Николаю вдруг захотелось рассказать об Учителе все, что он помнил, окунуться в те годы, прочувствовать их именно здесь, в Генуе, где многое стало таким ясным и близким.

Актер слушал внимательно, время от времени кивал, давая понять, что проявляет искренний интерес и участие. Николай ловил себя на мысли, что за последние дни этот человек становится ему ближе, словно их души и правда были родственными. Его рассуждения, взгляды на мир, его принципы... Во время их бесед он говорил о вещах, таких знакомых и понятных Николаю, что, казалось, знает о всех его мыслях, надеждах, чаяниях...

Решили прогулку завершить посещением одной из трагторий старого города. Это было миленькое семейное заведение: уютный зал, гостеприимный владелец. Заказали по рекомендации последнего «миниброке по-генуэзски», овощной суп с соусом песто. Николай уже знал, что соус песто, содержащий в своем составе базилик, оливковое масло, чеснок, кедр и сыр, — основа лигурийских блюд. Актер посоветовал ему попробовать еще фокаччу и фаринате, лепешки с начинкой из местного сыра Рекко. А вино было просто изумительным! «Rossese» — красное, хозяин трагтории сказал, что производят его в Западной Лигурии.

Пока Актер бойко разговаривал по-итальянски с владельцем трагтории, Фертовский принялся рассматривать появляющихся посетителей. Вошел высокий мужчина, явно из породы тех, кто в молодости имел у дам оглушительный успех, но с годами стройность тела исчезла, появился округлый животик, походка потеряла легкость и пружинистость, лицо оплыло, размыв яркость черт, волосы поредели, а в оставшихся проглядывала седина. Но ему все еще хотелось быть неотразимым и пленять, он пококетничал с хозяйкой, сделал заказ и вальяжно откинулся на спинку стула.

Николай посмотрел на него еще раз, еще...Что-то неуловимо знакомое, эти жесты, это лицо, его мимика. Его вдруг осенило.

Стареющий Казанова неожиданно поднялся со своего места, так и не доев, резко бросил деньги за заказ на стол и направился к выходу.

— Я покурю снаружи, — сказал Николай Актеру, тот кивнул, все еще беседуя с хозяином трагтории.

— Пойдите! — крикнул Фертовский, быстро догнал итальянца.

— Что вам от меня надо? Разве мы знакомы? — боязливо крикнул итальянец. То, что он, услышав окрик Николая, сразу отозвался по-английски, только убедило последнего — он не ошибся. Николай быстро заметил, как тот на него смотрел, и, конечно, подумал, что это очередной муж искушенной им дамочки. А сам итальянец выглядел испуганно.

— Вы Джузеппе Винели? — спросил Николай. Итальянец отшатнулся от него.

— Чего Вам надо?

— Мне необходимо поговорить с Вами, — твердо сказал Фертовский, — это касается событий двадцатитрехлетней давности.

— Ах, так, — быстро успокоился итальянец. Он понял: явной опасности нет, к тому же этот, судя по произношению, англичанин, неагрессивен и слишком молод для событий, о которых он говорит, чтобы участвовать в них как потерпевшая сторона.

— Вы тогда жили в Лондоне, да?

— Жил, — подтвердил он, — точнее, работал там. Были времена, — вздохнул, очевидно, вспоминая самое приятное.

— Среди Ваших знакомых была женщина.

— Среди моих знакомых было много женщин, — самодовольно вставил итальянец. Николай поморщился, неприязнь к нему только усиливалась. Еще тогда, будучи подростком, он возненавидел человека, с которым «спуталась его мать» — так выразился отец. Теперь это чувство ничуть не изменилось. И дело вовсе не в том, что он ловелас и бабник, а в том, что он трусливый, малодушный, ищущий для себя выгоду и пользу, даже в мелочах.

— Ее звали Софья Фертовская, — с металлом в голосе сказал Николай. Лицо итальянца вытянулось, — Вы должны помнить.

— Конечно, я ее помню! — повысил голос тот. — Еще бы, именно из-за нее моя карьера разрушилась, все усилия полетели к чертовой матери. Угрозило меня связаться!

— Зачем Вы опубликовали те фотографии? — Николаю захотелось схватить его за грудки.

— Я? — итальянец выпучил свои темные глаза, провел рукой по вспотевшему лбу — наверняка страдает давлением, чего доброго ему еще плохо станет. — Я сам себе стал бы рыть могилу? Я похож на сумасшедшего? А кто Вы, собственно говоря? Почему допрашиваете и упрекаете меня? — он прищурился.

— Я сын Софьи Фертовской.

— Сын, — протянул итальянец, — тот вихрастый мальчишка, от которого Софи мечтала избавиться? Удивительное дело, у нее отсутствовал материнский инстинкт.

— Вы не смеете так говорить про мою мать! — Николай все-таки схватил его за лацканы пиджака.

— Еще как смею, — дернулся итальянец, — хотите знать больше? Это она опубликовала скандальные фотографии: наняла фотографа, затем договорилась с прессой. Она думала заполучить меня, просто сбежать я не согласился, поэтому устроила скандал. И все испортила.

— Это ложь, она не могла... — ошарашено отозвался Фертовский.

— Это правда. Спустя некоторое время Софи приезжала сюда, в Геную, разыскала меня и во всем призналась. Она думала, я прощу ее, — он ухмыльнулся. Николай отпустил его, — как бы не так. Она умоляла, даже плакала, но я остался непреклонен. Такое не прощают.

— Мерзавец! — Николай ударом разбил ему нос и сшиб с ног. Итальянец очумело смотрел на кровь на своей рубашке. Но сдачи давать не осмелился.

Николай устало побрел к траттории.

Глава 56

Вика услышала звонок телефона не сразу, готовила обед на кухне, да еще по радио женский голос что-то там пел про капельку неба. Корецкая прислушалась к звукам, доносящимся из комнаты.

— Алло, Надя! — сказала она, облизывая ложку.

— Ты можешь сейчас приехать? — каким-то сдавленным голосом спросила Надежда.

— Прямо сейчас?

— Да, мне нужна твоя помощь, — кроме нее Вика услышала в трубке еще какие-то голоса.

— Что случилось? Ты где? — она почувствовала неладное.

— Я в приемном покое, — Надя сделала паузу, — я попала под машину.

Пока Вика ехала по адресу, названному подругой, в голове, перебивая друг друга, бились две мысли: в каком состоянии Надя и все-таки выключила она — Вика — мясо или нет?

Надя, сжавшись в комок, почему-то сидела в углу коридора, медсестра раздраженно орала по телефону, какую-то старушку вели под руки родственники, поблизости ни одного врача.

— Надюнька, что произошло? — Вика подскочила к подруге: несколько царапин на щеке, на ладони пластырь, на коленке разодраны колготы.

— Вика, забери меня отсюда, пожалуйста, — как-то по-детски попросила она, — я хочу домой.

— Конечно, заберу, не волнуйся! — Вика обняла ее за плечо, прижалась к здоровой щеке. — Я только с врачом переговорю, хорошо?

Врача пришлось ждать долго, Вика начала терять терпение. Уже дважды за это время успела сцепиться с медсестрой, позвонила Вадиму, но у того телефон был отключен, наверняка, опять забыл зарядить. Совершенно не следит за ним, вот так что случись, до Зорина не дозвонишься. «Увижу — скажу все, что о нем думаю!» — сердито подумала она. Наконец, удалось выловить врача, молодой, правда, замученный, мужчина повернулся к Виктории. Хватило пяти минут, чтобы он начал улыбаться, забыв про свою усталость и раздражение. Вика умела очаровывать сходу и с удовольствием этим пользовалась. Она выяснила, что Наде крупно повезло, та отделалась царапинами, ссадинами, сотрясения мозга тоже нет. Единственное, что беспокоило врача — ее психическое состояние. Вика клятвенно заверила, что проявит максимальное внимание к своей подруге и обеспечит должный уход. Врач пошутил, что от такого ухода он бы и сам не отказался. Раньше Вика обязательно дала бы ему номер своего телефона, но это было раньше. Теперь у нее есть Зорин, а лучше него нет никого на свете, даже притом, что он забывает зарядить свой телефон.

Одним словом, хорошо, что все хорошо кончается, Вика усадила Надю в машину, привезла к себе домой.

Накаченная успокоительным, Надежда довольно быстро отключилась. Вика тихо вышла за дверь. Телефон Зорина по-прежнему был вне зоны досягаемости.

— Мрр-р-р, — раздалось из коридора, Муся ненавязчиво напомнила о себе. За всей этой круговертью Вика забыла, что давно пора кормить кошку.

— Кис-кис, — позвала Корецкая, насыпая в миску хрустящие шарики. Обладательница пушистого рыже-коричневого хвоста тут же прибежала. Увидев еду, что-то одобрительно проурчала. Ела неслышно, как и положено аристократке, затем принялась чистить манишку, лапки и мордочку. Закончив привычный после еды ритуал, она походкой королевы покинула кухню. Легко справляясь с дверью в гостиную, кошка бесшумно вошла. Несколько секунд держала нос по ветру, приняхивалась, затем легко запрыгнула на диван, пошла по нему, переступая мягкими лапками, приблизилась к лицу Нади. Та крепко спала. Недолго думая, кошка лизнула Надю в нос и улеглась ей под бок. Надя часто иронизировала, что кошки и коты ее любят больше, чем мужчины.

Вадим шумно ворвался в квартиру, бросил под ноги сумку, ветровку оставил на галошнице. «Какие-то неприятности», — подумала Виктория. Зорин изменял своей пресловутой аккуратности лишь в одном случае, когда злился на чью-нибудь глупость. Так и есть.

— Меня достал начальник, — буркнул он. Не помыв рук, схватил со стола кусок хлеба и принялся его жевать под укоряющим взглядом Вики. — Хочу есть! — в свое оправдание сказал Вадим, слопал еще один кусок хлеба и, наконец, пошел мыть руки. Когда вернулся, тарелка была уже наполнена: тушеное мясо с овощами, оливки, несколько сортов сыра, те, что он любил особенно. Виктория села напротив, пристроив подбородок на ладонях, стала наблюдать. Зорин всегда ел очень аппетитно, причмокивал и получал явное удовольствие от самого процесса. Наконец, он наелся, откинулся на спинку стула, довольный, улыбнулся. Вика смотрела на него поверх очков: единственный мужчина, который ей никогда не надоедал, ничем не раздражал. Хитрый прищур глаз с густыми ресницами, черты лица крупные, ноздри хищника, зубы белые и практически ровные, а на

губах частенько самодовольная улыбка. Кажется, что он себе на уме, чего-то там замышляет, обдумывает и держит тем самым Вику в тонусе.

— Эх, сейчас бы вздремнуть часик на диване, — мечтательно произнес Зорин, — но не выйдет.

— Однозначно, нет, — подтвердила Вика.

— Почему?

— На диване спит Надюшка. Я привезла ее к нам.

— Надя у нас? — удивился Вадим. — Что-то случилось?

— Да, ее сбила машина, — Вика принялась убирать со стола посуду.

— Что?! — Вадим решил, что ослышался.

— Какая-то нелепая история: небольшой проулок, Надя переходила дорогу, ни одной машины поблизости. Внезапно выскочила легковушка неопределенного цвета, номера заляпаны грязью, вместо того, чтобы затормозить, водитель газанул. Ну и, конечно, скрылся с места аварии. Вот и все, что я знаю. Но, слава Богу, Надя отделалась сравнительно легко: синяки, ссадины, больше испуга.

— Ты звонила ее матери?

— Нет, Надя просила ее не волновать, и Николая тоже ничего не знает. Хотя ему я пыталась звонить, дважды, но у него телефон отключен, как и у тебя, — она покачала головой, — вы по этой части оба невнимательные. А вот что случится со мной? Тебе ведь никто не дозвонится.

— С тобой ничего не случится, ты под моей опекой, — Вадим поцеловал ее в губы. — Ты нашла папку с документами на дом?

— Нашла, она в гостиной на столе.

— Я войду тихонечко, Надю не разбужу.

— Подождать никак нельзя? — Вика включила воду, намереваясь помыть посуду.

— Рад бы, но мне надо ехать в Беляниново прямо сейчас. Если к вечеру не вернусь, заночую там.

— Смотри, не балуйся там, — она пригрозила пальчиком, — девочек не води.

— Люблю, когда ты ревнуешь, — он поцеловал ее пальчик и хитро улыбнулся.

Вадим сначала дверь приоткрыл, сунул голову в проем: укрытая пледом, Надя спала калачиком, длинные волосы во сне растрепались, рядом с ней мирно посапывала кошка. Вот чудо! Муся спать любила только с Вадимом, ну еще недавно стала укладываться возле Виктории. Дома у родителей предпочитала широкий подоконник, либо с завидным упорством залезала на стол отца, откуда ее возмущенно прогоняли. Надю она видела во второй раз, и тут же сама пришла к ней и легла рядом. Услышав шаги хозяина, кошка открыла глаза.

— Мяу, — сказала она, давая понять, что заметила его и рада видеть.

— Тихо, Мусенька, — отозвался Вадим, — дай человеку поспать.

Он прошел к столу, взял папку, кошка все это время наблюдала за ним, но Надю не покинула.

— Не разбудил? — спросила Виктория, она уже вытирала посуду полотенцем.

— Только кошку, — усмехнулся Вадим.

— Муся там? — удивилась Вика.

— Да, лежит под боком Нади.

— Тебе ведь когда-то хотелось, чтобы не я, а она была рядом с тобой? — Вика сняла очки, стала крутить их в руках.

— Кошка? Она и сейчас меня любит больше, — Вадим проверял содержимое папки, на секунду задумался, сам себе кивнул, посмотрел на часы.

— Не кошка, а Надя, — Вика напряженно следила за его действиями.

— Тебе в голову иногда приходят просто сверх оригинальные мысли, солнышко! Я поехал, все, пока! — он поцеловал Вику, выскочил в коридор, через пару минут крикнул оттуда, — Я люблю только тебя, и мне нравится, что со мной рядом только ты, ну, и Муся, конечно!

Глава 57

— Привет! — Надя проспала несколько часов, Вика уже успела съездить в магазин, вернуться, наполнить холодильник, теперь сидела

на кухне и листала какую-то книгу. Надя стояла в дверях, сонная, вялая, лицо начисто лишено привычного румянца.

— Привет, ты голодна? — Вика захлопнула книгу.

— Нет, спасибо, можно просто чаю?

— Можно, присаживайся, вот стул. Как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит?

— Слабость в теле, но я сейчас раскачаюсь. Спасибо за заботу.

— Ты же знаешь, что я всегда готова тебе помочь, ты мне как сестра, — она подмигнула.

— И я тебя люблю, Викуся, — Надя, наконец, улыбнулась, даже щеки порозовели.

— А вот и вторая наша красавица появилась, — воскликнула Корецкая, завидев, как кошка грациозно входит в кухню. И, правда, хороша: походка пантеры, лапы ставит бесшумно, шерсть блестит, подошла к Наде, слегка потерлась об нее. — Любовь с первого взгляда, — весело констатировала Вика.

— Даже взаимная, — сказала Надя, глядя кошку, та подставляла то спину, то голову.

— Пока ты спала, Вадим заезжал домой, — сообщила Вика, — просил передать тебе пожелания выздоровления.

— Спасибо, мне и, правда, неловко, что я тут тесню вас своим присутствием, но быть сейчас одной дома очень тяжело.

— Успокойся, ты нисколько не теснишь нас, тем более, что Вадик уехал в Беляниново. А тебе сейчас не помешала бы и поддержка мужа, хотя бы по телефону.

— Не надо его беспокоить, Вика, — в волнении произнесла Надя, — он так далеко и, представляешь, как будет там нервничать и метаться?! Со мной ведь почти все в порядке.

— Вот именно, почти. В полиции вряд ли найдут ту тачку, — Виктория поставила перед ней чашку, села напротив, — ты, на счастье, отделалась сравнительно легко. Бывают ведь трагичные случаи. И, конечно, надо быть осторожнее.

— Дело не в осторожности, — Надя подняла на нее глаза, — я не все рассказала. Да и теперь, боюсь, ты решишь, что у меня паранойя.

— Не решу, рассказывай, — потребовала Корецкая, сняла очки, положила их на стол.

— Мне кажется, что этот наезд был запланирован, понимаешь?

— Ну, то, что машина неопределенного цвета и номеров не разобрать — еще не повод так думать, — Вике невольно хотелось выдвигать контраргументы, — хотя... — она умолкла, вспомнив, что обещала выслушать.

— Понимаешь, автомобиль появился неожиданно и ехал прямо на меня. Я сделала шаг обратно к тротуару, и машина стала сворачивать туда же.

— Может, шофер это сделал неосознанно? — предположила Вика.

— Или, напротив, осознанно? Кажется, он преследовал меня, — она задумалась. Что-то еще крутилось в голове, какое-то важное событие, словно недостающее звено, но никак не получалось его вспомнить. Это, наверное, от удара и падения.

— Он мог быть нетрезвым, — Вика запнулась, — или обкуренным, хотя это звучит ужасно.

Надя поднялась со стула, подошла к окну. Начало мая было чудесным, теплым, солнечным, приятно осознавать, что скоро наступит лето. А пока весна идет полным ходом. Недавно Надя слышала фразу от одной пожилой дамы: «Весна пришла, слава Богу, теперь проживу еще год, летом все как-то легче. Годы летят колесницей».

Колесница! Ее даже бросило в жар, голова закружилась, пришлось опереться о подоконник. Постояла несколько секунд, отпустило, Вика сидела, задумавшись.

— Я сейчас вернусь, — сказала Надя и пошла в коридор к своей сумке. Так и есть: звонок был сделан незадолго, как ее пыталась сбить машина. Как Надя могла забыть об этом?

— Виктория! — крикнула она так громко, что та испугалась, к тому же подруга очень редко называла ее полным именем. — Я вспомнила кое-что важное.

Вика вбежала в коридор, увидела, как Надя лихорадочно жмет кнопки своего телефона.

— Что? Что ты вспомнила?

— Опять эти звонки, — простонала Надя, — после того, как она звонит, со мной что-то все время случается. Да еще ее слова... Они всегда предвещают беду, перед аварией тоже был звонок.

— Надя, успокойся, пойдем в комнату, — Вика обняла подругу за плечи. Ох, и не нравилось ей сейчас состояние такой всегда разумной

и рассудительной Надежды. Она была явно растеряна и напугана, и не столько из-за аварии, нет, еще что-то. Вот только понять бы: где ее фантазии, плод воображения, а где реальная угроза?

— Давай так: ты сядешь, успокоишься, я принесу еще чаю и...

— Не оставляй меня, — Надя схватила ее за руку.

— Ну, хорошо, я здесь, — Вика усадила ее на диван, — в моем доме с тобой точно ничего не случится.

— Ты ее не знаешь, она способна на все, — тихо сказала Надя.

— Я так понимаю, что опять звонила эта полоумная баба? Вроде бы звонки прекратились, ты давно не жаловалась.

— Да, я тоже думала, что все кончилось. Мне случая с зеркалом хватило надолго, — она поежилась, словно в ознобе, — я и, правда, начинаю верить во всю эту мистику.

— А я верю в человеческое зло и зависть, как движущий мотив.

— Но она сказала: «Колесницу не остановить!», и через несколько минут появилась машина.

— Которая является той самой колесницей? — перебила Виктория. — Притянуто за уши.

— А все остальное тоже притянуто за уши? Огонь, вода, зеркало, не бывает таких совпадений.

— В нашей жизни, по-моему, бывает все, — вздохнула Виктория.

— Вот именно, — закивала Надя, — и поэтому я боюсь, по-настоящему боюсь.

Вика поднялась с дивана, стала ходить по комнате, так делал Вадим, когда что-то обдумывал и пытался найти выход из создавшейся ситуации. Надя смотрела на подругу в ожидании.

— Нам надо найти эту женщину, — наконец, изрекла Виктория, — думаю, тогда все станет ясно.

— Найти? — Надя подумала, что ослышалась.

— Да, — твердо сказала Вика, — и, прежде всего, пробьем номер телефона. Один из звонков все-таки определился?

Надя кивнула, хотя затея Вики ее пугала, получалось, будто ты поворачиваешься и идешь навстречу тому, от кого исходит опасность. Однако, на самом деле, не осознаешь, чем все это обернется. Если звонки и, правда, связаны с несчастными случаями, то человек или даже группа людей, которые проделывали все это, представляют реальную угрозу.

— У меня есть один знакомый, который поможет нам с номером телефона, — продолжала вслух рассуждать Вика, — Славочка когда-то настойчиво увивался за мной. Он отличный программист, хакер, и фиг знает еще что. Он он умеет добыть любую информацию. Да, звоним Славочке.

Пока Надя наблюдала за действиями подруги, слушала, как та щебечет с неизвестным Славочкой, осознала, что напряжение в ее душе от случившегося потихоньку ослабевает, даже улыбнулась: Вика опять была в своем репертуаре, подтрунивала и кокетничала. Видимо, Славочка в очередной раз попался на ее уловки и пообещал помочь, сказав, что скоро перезвонит.

— Уф, — Корецкая плюхнулась в кресло, — просто теряю квалификацию, — пошутила она.

— По-моему, ты очаровательна, как и прежде, сейчас даже более изящна, — Надя покачала головой.

— Если бы видела этого «мачо», — Вика закатила глаза, — тощий, долговязый, вечно какой-то непромытый, но в технике и электронике гений. Да, когда мужчина умен и талантлив, ему можно простить многое. Я стала больше разбираться в философии жизни — учителя хорошие — Зорин и ты, — она вспомнила про очки, схватила их со стола, — я еще раз посмотрю в твоём мобильном, в какие дни звонила наша сумасшедшая. Может, у нее, как у маньяка, есть какая-то серийность, что-то значащее в датах?

Надя протянула телефон.

— И еще, постарайся вспомнить, что она тебе говорила, кроме тех нелепых колдовских фраз. Нам надо за что-нибудь зацепиться, понять мотивы ее поступков.

Надя задумалась. Фразы, и, правда, напоминали заклинания, и потом случалось то, о чем в них говорилось. Но самое, пожалуй, важное, что эта женщина сначала спрашивала о ее муже.

Глава 58

— Слава сказал, что номер телефона принадлежит некоему Флориану Думитру, — Вика положила трубку, — по крайней мере, сим-карта на его имя была куплена несколько лет назад.

— И что? — Надя пока не понимала.

— А то, что у нас есть его адрес, — Вика щелкнула пальцами словно фокусник, — похоже, он не русский, молдаванин что ли? — она тут же села к компьютеру, нажала загрузку. — Среди твоих знакомых есть кто-нибудь с таким именем? Или ты слышала о нем?

— Нет, — покачала головой Надя.

— Точно?

— Конечно, Флориан Думитру — такое имя вряд ли забудешь.

— Это правда, — Вика стала быстро щелкать клавиатурой, — так, живет он в Кузьминках, недалеко от метро, — она еще пощелкала, — имя, я согласна, странное. Сейчас попробую определить его национальность, — поправила очки, закусила губу, — кажется, румын. Смотри, здесь чаще всего встречаются такие имена и фамилии.

— Румын? — переспросила Надя.

— Почему ты удивляешься? В России живут не только русские.

— Но румыны попадают как-то не часто.

— Значит, мне предстоит увидеть румына, проживающего в Москве.

— Почему тебе? — удивилась Надя.

— Потому что я хочу сесть в машину и поехать к этому самому Флориану. Надеюсь, он не старый и страшный, иначе будет сложнее общаться, точнее, затевать ссору.

— А если он преступник? — Надя почувствовала, как засосало под ложечкой, липкий страх опять стал наполнять ее сознание.

— Всенепременно, — пошутила Вика, но тут же осеклась, Надя побледнела от ее слов, — ну, какой он преступник? И в чем его преступление? В том, что с его телефона звонила полоумная баба, заметь, голос-то, угрожавший тебе, был женским.

Надя кивнула.

— Значит, этот Флориан всего лишь предоставил ей свой телефон. А как он мог это сделать? Да как угодно! Даже просто его потерять. Короче, в любом случае, надо съездить в Кузьминки.

— Я поеду с тобой! — заявила Надя.

— Вот еще выдумала, — возразила Вика.

— Я тебя не отпущу одну. Это моя проблема, и решать ее будем вместе.

— Ты нездорова.

— Я в порядке, — твердо сказала Надя, — мне будет гораздо хуже, если ты поедешь одна, я тут с ума сойду от волнения, а вдруг еще и в обморок упаду?

— Ладно-ладно, — с неохотой согласилась Корецкая, — собирайся, поедем вместе.

Добрались довольно быстро, автомобилей много, но поток все время двигался. Завернули в один из дворов среди пятиэтажных «хрущёвок».

— Что мы ему скажем? — Надя задала этот вопрос, когда они уже прошмыгнули в подъезд за какой-то бабушкой.

— Так и скажем, напрямую, что с его телефона кто-то звонит и нам угрожает, — Вика была сама решимость, — и если не прекратится, то мы пообещаем вызвать полицию. А вообще, мне просто любопытно посмотреть на этого товарища: как будет себя вести, как реагировать, наверняка, он не ожидает того, что мы вот так, в открытую, решили уличить его, прижав к стене.

— А если он не один? — Надя остановилась на четвертом этаже, может, все-таки не надо так рисковать?

— На худой конец, я скажу, что внизу полиция, — Вика продолжала подниматься.

— Ой, глупая и опасная затея — наш приезд сюда, — вздохнула Надя, но Вика уже протянула руку к звонку. Дверь была старая и обшарпанная, из угла этажа пахло чем-то тухлым. За одной из дверей затыкала собака, но не злобно, скорее, лениво, так, чтобы обнаружить свое присутствие. Вика позвонила еще раз, еще — ни звука, только тьяканье собаки, и та вскоре затихла, видимо, надоело.

— Никого, — вздохнула Корецкая. В следующий момент дверь открылась, на пороге стояла баба неопределенного возраста, халат так засален, что цвет ткани давно утерян, немые волосы всклокочены, лицо отекавшее, возможно, после излишнего вливания спиртного.

— Чего надо? — пробурчала баба и сощурилась.

— Здесь проживает Флориан Думитру? — вежливо спросила Вика, невольно морща нос, запах пота и немывтого тела перебивал все ароматы подъезда.

— Чего? — теперь баба вытаращила глаза. Вика повторила свой вопрос. Баба думала так долго, что Корецкая решила: та уснула стоя.

— Флориан Думитру, — опять сказала Вика, теперь уже по слогам и значительно громче.

— Не ори, — неожиданно отозвалась баба, — нет здесь такого.

— Может, жил раньше? — предположила Вика.

— Если раньше, то сто лет назад, — баба стала проявлять чудеса умственной деятельности, — я здесь живу всю жизнь.

— Одна?

— Тьфу, — баба разозлилась, — чего ты меня допрашиваешь? Нет здесь такого и не было.

— Скажите, пожалуйста, — поспешила вмешаться Надя, осознавая, что сейчас перед ними просто захлопнут дверь, — вы когда-нибудь теряли свой паспорт?

Вика перевела на подругу озадаченный взгляд.

— Я не теряла, а вот мужик мой — было дело, года, — она задумалась, — три назад.

— Не нашли?

— Где там! — баба махнула рукой, вроде, опять разговорилась. — Пришлось восстанавливать, проблем не оберешься. Надо следить за своими вещами, мне вообще кажется, паспорт Лёнькин украли.

— Понятно, извините, — Надя показала Вике знаком уходить. Баба с треском захлопнула дверь.

— Ты к чему про паспорт узнавала? — спросила Вика, когда они стали спускаться по лестнице, на некоторых этажах не было стекол, по подъезду гулял ветер.

— Не жил здесь никакой Флориан, — ответила Надя, — сим-карта была куплена на чужой паспорт, утерянный или украденный.

— Ерунда какая-то, — пожалала плечами Вика, — пахнет криминалом, но украсть паспорт, чтобы на него купить «симку», чтобы потом тебе угрожать с этого телефона? Ты очень важная шишка?

— Вот и я думаю, что в такой безупречной логике есть брешь. Представь себе: что можно с меня взять? Ни крупных сумм, ни роскошной дачи, ни собственной машины. Квартира, где живет моя мама, не стоит таких усилий. И что остается? Что у меня такого ценного?

Вика задумалась, они вышли из подъезда, пискнула сигнализация ее автомобиля.

— Ценное у тебя — твой муж, — она открыла дверцу машины, видя улыбку Нади, добавила, — я абсолютно серьезно. Наша психопатка ведь в самом начале требовала отдать ей Николая?

— И звучало это так, как будто он — вещь, принадлежащая мне.

Вика завела машину.

— Мы зашли в тупик с этим Флорианом, но отрицательный результат — тоже результат. Надо подойти с другой стороны. Что мы имеем на сегодняшний день? — Вика выехала на шоссе, тут же перестроилась в левый ряд. — Я прямо чувствую себя детективом, настоящее приключение! — воскликнула она и посигналила плетущейся «Хонде».

— На самом деле, приключение это — отнюдь небезопасное, — Надя показала на свои садины.

— Тот несчастный случай — последний, обещаю.

— Люблю твой оптимизм и уверенность, — опять улыбнулась Надя, — мне кажется, что мир держится на таких, как ты.

— А умнеет с такими, как ты, — в свою очередь ответила комплиментом Вика, — давай еще раз обсудим все, что было связано со звонками и угрозами?

Надя напрягла память, повторила уже не в первый раз все случаи, связанные с этой историей. Особенно было неприятно вспоминать про зеркало, тут пришлось озвучить и мистическую сторону, которая вслух казалась и, правда, нелепой. Можно, конечно, списать на воспаленное воображение, но теперь Виктория слушала, ничего не опровергая.

— Ты все-таки права, есть здесь что-то нечистое, — задумчиво произнесла она.

— Я вспомнила еще кое-что, — встрепелась Надя, — она сказала, что Марана придет за мной. Да, именно так.

— Марана? — переспросила Вика. — Кто это или что? Имя?

— Не знаю, — Надя пожала плечами, — никогда раньше ничего подобного не слышала.

— Тогда едем домой и первым делом забиваем в поисковике интернета загадочную Марану, — Вика нажала на газ.

У Нади в сумке завибрировал телефон, она переглянулась с Викой, вынула его так осторожно, будто он мог взорваться. Посмотрев на экран, облегченно улыбнулась.

— Привет! — сказали на том конце провода, — мне захотелось услышать твой голос. У тебя все в порядке?

— Да, конечно, — закивала Надя, знаком показывая подруге, что звонит Николай, — мы тут с Викой решили немного развеяться и покататься по городу. Кстати, тебе привет от нее. У меня все хорошо, только тебя не хватает, возвращайся поскорей, пожалуйста.

Глава 59

— Мне кажется, что твой муж имеет отношение ко всему происходящему, он вполне может что-то знать. Надо было все-таки спросить у него про Марану, — сказала Виктория, когда обе уже вышли из машины, направились к дому.

— А вдруг мы ошибаемся? Тогда мои вопросы могли показаться странными, ты не находишь? Он умный мужчина.

— Ну и что? Можно было что-нибудь придумать о том, что прочитала о Маране, — предложила Вика.

— На лжи легко попасться, вот я и не люблю лгать, да и не умею. Мои вопросы, в лучшем случае, вызвали бы недоумение: прочитала про Марану и расспрашиваю о ней мужа, который в командировке в Италии? Знаешь, — она задумалась, — Коля меня хорошо чувствует, мое состояние, он стал бы волноваться, а я берегу его покой.

— Это понятно, — одобрила Вика, — вот только ты не станешь отрицать, что в этой истории он тоже замешан.

— В любом случае, нам придется разбираться самим.

В компьютере Виктория выбрала поисковую систему и ввела ключевое слово. Тем временем Муся прыгнула на стол, подобное ей не позволялось, но хозяйка так была занята, что не обратила никакого внимания. Кошка преспокойно уселась возле монитора и принялась наблюдать, как пальцы Вики бегают по клавиатуре.

— Вот, Надюш, смотри, — Корецкая поправила очки и стала читать вслух:

«Марана, Марена, Мара — в славянской мифологии богиня, связанная с воплощением смерти, — она поежилась, — с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы. В переводе с санскрита

«мага» значит, — Вика сделала паузу, — «убивающий», «уничтожающий».

Надя подошла, посмотрела на монитор через ее плечо.

— Что скажешь? — Вика выглядела растерянной.

— Читай дальше, — спокойно отозвалась Надя, — вот эту ссылку.

... Мара позднее отчасти утратила связь со смертью, но сохранила свой вредный для человека характер, способность к оборотничеству. Она может летать ночной бабочкой, принимает облик вороны, может стать сгорбленной старухой, одетой в черную рвань, или высокой красивой женщиной с распущенными волосами в белом. Жуть какая-то, — опять не удержалась от комментария Вика, — читать дальше? Тут много повторов.

— Вот здесь, — Надя показала на конец страницы.

... Если рассматривать «мифологический» уровень понимания Изначальной Традиции, то следует упомянуть, что, согласно одному из мифов, Марана является дочерью Черного Змея (охраняющего переход из Яви в Навь по Калинову Мосту) и внучкой Ящера, владыки Подземного Мира, которую взял замуж Кощей (одна из ипостасей Чернобога), ее родной брат по отцу; от Кощея Марана родила дочерей — Водяницу, Снежану, Ледяницу, Немочу, Замору и других, связанных с умиранием, неурожаем, скотным мором и т. п.

— Надя, чем дальше я читаю, — воскликнула Вика, — тем страшнее! Но самое главное, мы ни на шаг не приближаемся к нашей загадочной психопатке.

— Я бы не стала так утверждать, — она еще раз пробежала глазами по тексту, — эта Марана — весьма любопытное явление, мы ведь совсем не знаем славянскую мифологию.

— Не спорю, но сейчас-то какое она имеет отношение к тому, что с тобой происходило?

— Я не специалист в этой области, но почему-то мне кажется, что имеет. Что-то крутится в голове, какие-то обрывки, но пока не могу составить картинку, однако подозреваю, что есть человек, который нам реально сможет помочь. И как я раньше о ней не вспомнила? — произнесла с досадой. — В интернете голая информация, набор фактов, а вот сложить все воедино да еще объяснить, может только человек. Надо звонить Марье Ивановне!

— Я ее боюсь, — Вика наморщила лоб.

— Почему? — удивилась Надя.

— Есть в ней что-то... — она замялась, подбирая слова, — ведьмовское, искушающее, она и людей видит насквозь, и меня летом на грех навела.

— Что ты такое говоришь?

— А все эти рассказы про Купальскую ночь? А в баню кто нас позвал? А травы и приметы? И книга у нее старинная с рецептами.

— Это называется знахарством.

— Это называется колдовством.

— Мне непонятно твое отношение: то ты активно отрицаешь присутствие мистики в нашей жизни, вспомни контраргументы, которые ты выдвигала во всем, что случилось со мной. То ты веришь в колдовскую силу, говоришь о травах, гадании, ясновидении, да еще Марью Ивановну подозреваешь в колдовстве. Она, между прочим, доктор исторических наук.

— Одно другому не мешает, — Вика поднялась из-за стола и только сейчас заметила кошку, нахмурилась. Перехватив ее взгляд, Надя поспешила взять животное на руки.

— Ты необъективна по отношению к ней.

— К кому? К кошке? Еще не хватало, чтобы она лазила по столам, — Вика погрозила ей пальцем. Муся хитро сощурила желтые глаза, она знала, что на руках Нади находится в безопасности.

— Я говорю о Марье Ивановне. Она — единственный человек, способный разобраться во всей этой истории. Надо ей звонить, правда, Мусенька?

Кошка посмотрела на нее, коротко мяукнула и спрыгнула с рук — действуйте, девочки!

Трубку долго не брали, Надя уже расстроилась, но на последнем звонке детский голос, подражая взрослым, произнес:

— Вас слушают.

Оказалось, что Марья Ивановна уже уехала на сезон в Беляниново. Надя с трудом выпросила у несговорчивого внука номер ее мобильного телефона. Услышав голос Надежды, Марья Ивановна искренне обрадовалась, пришла в восторг от того, что она вышла замуж и счастлива, ничуть не удивилась, что Виктория живет вместе с Вадимом. В этот момент Корецкая показала жестом, что была права — Марья Ивановна колдунья и все видит насквозь. Но последняя тут же

пояснила, что в Беляниново заметили, как они приезжали вместе. Надя специально для Виктории повторила это вслух, но та не поверила, пробормотав себе под нос «все равно она колдунья».

— Надюша, что-то случилось? — голос Марьи Ивановны изменился, стал напряженным. Нет, все-таки она очень хорошо умела чувствовать людей, и дело не в колдовстве. Мудрость, накопленный опыт, внимательное отношение, чуткость, доброе сердце.

— Нам надо разобраться в одном деле, — сказала Надя, — без вас никак не обойтись.

— Придется ехать в Беляниново к Марье Ивановне, — Надежда положила трубку телефона, повернулась к Виктории.

— Ты, между прочим, недавно попала под машину, — напомнила та.

— Вот чтобы такого больше не случилось, мы должны добраться до истины. Ты едешь со мной или нет?

— Конечно, еду! — поджала губы Вика. — Тем более что там Вадим. Отправимся прямо сейчас?

— Да, Марья Ивановна сказала, что мы должны успеть до ночи, дело серьезное и не терпит отлагательств.

В комнату вошла Муся, до этого она совершила прогулку на кухню в тайной надежде найти съестное в собственных мисках. Пришлось возвращаться в полном разочаровании — сегодня хозяйке было явно не до нее.

— А кошка? Куда мы денем ее? — вдруг вспомнила Виктория. Не отдавая себе отчет, она упорно искала причины, по которым поездку в Беляниново надо бы отменить или хотя бы отложить.

— А куда вы ее обычно отправляете, когда уезжаете?

— К родителям Вадика, но сейчас они уехали в отпуск. А если мы Мусю оставим одну, она начнет орать так, что перепугает всех соседей, она не любит одиночества.

— Тогда возьмем ее с собой, — решила Надя, — другого выхода нет. Да, Мусенька?

Кошка внимательно посмотрела на Надю, пару раз вильнула хвостом и стала тереться о ноги.

Через полчаса она и сообразить не успела, как была помещена в специальный транспортировочный домик и оказалась на заднем

сидении машины. Здесь пахло хозяйкой, но еще сильнее чем-то неприятным, бьющим в нос, кошка даже стала чихать. Хватило нескольких минут, чтобы понять: ей здесь совсем не нравится, страшно хочется наружу, а еще лучше в собственную постель — мягкий пушистый коврик на стуле в гостиной. Муся заявила об этом сначала тихо и интеллигентно, но хозяйка и ее подруга были чем-то так озабочены и даже спорили, что, конечно, ее не слышали. Они обе нервничали уже давно, Муся это чувствовала, особенно, подругу хозяйки, хотя у той были ласковые и нежные руки, и пахло от них приятно. И еще, она заступилась за Мусю, разрешив ей побыть на столе — любимом месте во всей квартире, запрет так сладок. От огорчения, что на нее никто не реагирует, кошка заорала так громко и требовательно, что Вика резко дала по тормозам.

Глава 60

«Беляниново» — прочитала Вика указатель и повернула машину. Кошка, до этого дремавшая на руках Надежды — пришлось все-таки вытащить ее из домика и долго успокаивать, взяв на руки — проснулась, подняла голову, наострила уши.

— Ну, и где же Зорин? — спросила вслух сама у себя Корецкая, когда уже подъехали к дому. Пару раз посигналила — никакой реакции. Она вышла из машины, открыла ворота, двинулась по направлению к гаражу. — Вот весело, — вернулась довольно быстро, — в гараже пусто. Куда же он делся со своим авто? И в доме его нет, давно бы выскочил. Не может быть, чтобы он еще не доехал, уже полдня прошло.

— А если задержался по дороге? — предположила Надя, — вспомни, наверняка, говорил, что куда-нибудь заедет?

— Нет, он рванул напрямик сюда, так и сказал: я еду в Беляниново, — Вика нахмурилась. Не нравилось ей это все, и сюда ехать не хотела — история-то уж больно мистикой отдает, да и Вадима здесь не оказалось, а должен быть. Куда, в таком случае, он подевался? И зачем надо было лгать про Беляниново? Лгать... До сего момента Вика и помыслить не могла, что Зорин способен на обман. Но все когда-нибудь случается. А если у него другая? Поэтому он и отмахивается от женитьбы, да он ее по-настоящему не любит! Мысли

пронеслись в голове, одна за другой, и оставили горечь в сердце. Неужели Зорин способен на ложь и предательство?

— Значит, Вадима что-то задержало, — выдала Надя, по лицу подруги догадываясь, что та уже готова поверить в плохое, — и может появиться с минуты на минуту. А чтобы ничего себе не надумывать, позвони ему, скажи, что мы приехали и будем ждать его здесь. Только не стоит допрашивать и упрекать, Вика, пожалуйста! Вадим тебя очень любит и неспособен на... — она замолчала.

— Договаривай! — потребовала Виктория.

— Он — порядочный, искренний и открытый. Такие, как Вадим, считают для себя ложь неприемлемой во всем, что они говорят и делают.

— Ты так хорошо его знаешь? — сощурилась Вика.

— Я знаю этот тип людей.

— Ну, ладно, я сделаю, как ты советуешь, — согласилась она, — послушаю, что он скажет в свое оправдание.

— Ты заранее настроена на обвинение, это плохо. Чтобы Вадим не говорил, ты будешь искать подвох в его словах. Вика, одумайся, ты не знаешь истинной причины его отсутствия, но это не значит, что Вадим будет тебе лгать и изворачиваться.

— Ладно, ладно, я же сказала, что буду просто слушать. Можешь сидеть рядом со мной и контролировать процесс.

— Ну, уж, нет, — улыбнулась Надя, — это личные отношения, и свидетелей быть не должно. Только давай зайдем в дом? Не стоять же нам на дороге? Мусеньку познакомим с новым жилищем.

Кошка все еще была у нее на руках, пугливо крутила головой по сторонам. Что за место, куда ее завезла хозяйка? Здесь столько незнакомых запахов, ветер их приносит с разных сторон; есть запах резкие, неприятные, такие, как у хозяйки в машине, а есть запахи, напоминающие о еде. Но все равно, надо соблюдать осторожность.

— Вот мы и дома, — сказала Надя, когда они вошли, осторожно опустила кошку на пол, та первым делом забила в самый дальний угол коридора. Да, смелость и воинственный характер сразу исчезли, Вика даже констатировала этот факт вслух, на что Надя сказала, что для кошек новое помещение — всегда стресс, они слишком привязаны к дому.

Корецкая прошла на кухню, наполнила чайник водой, щелкнула выключателем. Вадим, как весна наступила, все чаще стал наведываться сюда, тянет его, видите ли.

— Вика, не стоит делать из него врага, не давай воли негативным эмоциям, — напомнила Надя, — лучше скажи, ты не забыла ноутбук? Где он у тебя?

— Не забыла, — крикнула она из кухни, — посмотри зеленую сумку при входе, — а что ты хочешь теперь найти?

— Я вообще хочу что-нибудь почитать про славянскую мифологию, не только о Маране.

— Тебе не страшно? — высунулась в дверной проем.

— Мне кажется, когда не знаешь, страшнее, ты словно в темном лабиринте невежества бредешь наугад, слепой, глухой, беспомощный.

— А ты уверена, что знания всегда способны помочь?

— Хотя бы что-то разъяснить — да! А так ты просто марионетка в чьих-то руках.

— Да, кажется, я сейчас себя чувствую марионеткой в руках Зорина.

— Ты уже позвонила ему?

— Нет, сделаю это после того, как попьем чаю. Пусть настроение испортится позже.

Наконец, кошка позволила себе выйти из убежища в коридор, прогибаясь и прислушиваясь к каждому шороху в доме, она стала продвигаться в сторону кухни. Отсюда слышались знакомые голоса и, вообще, кухня есть кухня, в любом доме. Хотя... Муся не дошла пары метров, остановилась: странный дом, кроме разных запахов, в том числе запаха любимого хозяина — его она учуяла сразу от обуви в коридоре, — что-то такое витало в воздухе, и еще Муся своим кошачьим зрением видела тени, промелькнувшие по стене возле лестницы. Они были едва заметны, практически не издавали шума, но все же Муся их заметила. Это плохой знак, предчувствие беды.

— Ну, так я и думала! — Вика вернулась из гостиной с телефоном в руке и готова была разбить его о стену. Надя сидела с ноутбуком на кухне. — Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Он просто выключил телефон! И ты, Наденька, советуешь думать мне об этом человеке все лучшее?

От ее крика Муся спряталась под стол, прижалась к ногам Надежды.

— Я и сейчас думаю о Вадиме только лучшее, — спокойно отозвалась Надя, закрыла крышку ноутбука, — не возмущайся и не обвиняй его, пока ты не владеешь информацией, ты не можешь делать выводы. Позвони еще раз через некоторое время, уверена, все разъяснится.

— И давно ты такая мудрая? — съязвила Виктория.

— Недавно, — Надя посмотрела на часы, — скоро придет Марья Ивановна, — она поднялась со своего места, подошла к окну, — надо же, когда мы сюда приехали, небо было чистым, ни намека на дождь. А сейчас собрались тучи, и дождь, скорее всего, затянется на всю ночь.

— Меня поражает твое спокойствие, — Вика тоже подошла к окну. Майские дни стояли теплые, все распускалось, набирало силу. — Сегодня столько всего произошло, ты должна быть нервной, дерганной, напуганной. Да, днем ты боялась, но когда мы приехали сюда, неожиданно успокоилась. Что на тебя так повлияло?

— Я не знаю, — покачала головой Надя, — просто у меня появилось чувство, что мы все делаем правильно, какое-то внутреннее ощущение уверенности.

— Мне бы хоть малейшую долю твоего оптимизма, — вздохнула Вика, села за стол, злобно посмотрела на брошенный в хлебницу телефон. Мало того, что Зорин сам ни разу не позвонил, так еще и свой телефон отключил. — Тебе не кажется, что сейчас я веду себя совсем не в свойственной мне манере? И ты, кстати, тоже.

— Ты так думаешь? — Надя отвернулась от окна.

— Конечно, ты мыслишь позитивно, видишь во всем хорошее, успокаиваешь меня, я же напротив, психую, загнала себя в угол и подозреваю любимого мужчину в измене.

— Есть немного, — она подошла, обняла ее за плечи, — все уладится, я обещаю. О, — услышала звонок, — Марья Ивановна. Пойду открою, — побежала к двери.

Глава 61

— И откуда у нас такая замечательная кошка? — Марья Ивановна сначала увидела любопытную мордочку, выглядывающую из-за угла,

затем животное появилось во всей красе.

— Это Муся — кошка Вадима и Виктории, — пояснила Надя.

— Чудесное создание, просто необыкновенное, — улыбнулась Марья Ивановна, — добрый вечер, девочки! — сняла легкую защитного цвета ветровку.

— Проходите, пожалуйста, — Надежда пригласила ее в гостиную, Вика сидела за ноутбуком.

— Может, чаю или кофе? — предложила она, чувствуя неловкость, смущала ее эта женщина, смущала и все тут. Только одно ее присутствие напоминало о глупостях, совершенных в Купальскую ночь, да еще о воровстве трав и обмане. Хоть уже и прошло время, многое уладилось, все-таки она вправе упрекнуть Викторию, и справедливо, но неприятно. И Вика была больше, чем уверена, что Марья Ивановна не только знает о ее проделках, причем не от Нади, та точно ничего не расскажет, но и об угрызениях совести, стыде.

— Нет, спасибо, мы побеседуем без церемоний, — улыбнулась Марья Ивановна, села не в удобное кресло, а на стул, выпрямила спину, — тем более что разговор будет интересным. Виктория, а в хлебнице все же лучше держать хлеб, а не телефон, да и плохо слышно его отсюда.

— Откуда Вы... — Корецкая осеклась, посмотрела на Надю. В следующий момент телефон из хлебницы ожил — сначала гулко вибрировал, затем запел модный попсовый хит. Вика резко вскочила с места, тем самым напугала кошку, которая только-только перестала опасаться незнакомой обстановки.

— Скоро мы останемся одни и спокойно все обсудим, — сказала Марья Ивановна, потирая запястье, что-то суставы разнылись, не напрасно, скоро будет дождь.

— Одни? — переспросила Надя. Марья Ивановна иногда любила говорить загадками, Надя еще с детства привыкла к этому и мало удивлялась, считая это само собой разумеющимся: просто Марья Ивановна — наблюдательная и мудрая.

Вика вернулась из кухни еще более возбужденная и нервная, бросилась к своей сумке, стала лихорадочно проверять ее содержимое, точнее, искала кошелек, пересчитала в нем наличные, облегченно вздохнула.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила Надя, наблюдая за ее действиями. — Звонил Вадим?

— Нет, Антон, — Вика резко дернула за молнию сумки, оторвала «собачку».

— Антон? — Надя решила, что ослышалась.

— Да, Зорин пьяный находится в баре «Паф», на Арбате. Машину где-то бросил, хорошо, хоть успел позвонить Антону, потом свой телефон разбил. Антон говорит, что Зорин на ногах не стоит, льет слезы как баба. Осмотрел его: вроде руки-ноги целы, в аварию не попадал, лицо не разбито, но вдрызг пьяный. Я должна поехать, — она взъерошила волосы, — с Вадимом случилось что-то серьезное, он не просто так напился.

— Езжай, конечно, — одобрила Марья Ивановна, — ты все правильно решила, теперь все правильно.

Вика, наконец, посмотрела ей в глаза: они были по-доброму прищуренными и теплыми, как и улыбка. Марья Ивановна будто светилась изнутри.

— Все будет хорошо? — тихо спросила Корецкая.

— Да, — она кивнула, — когда отдаешь, взамен получаешь гораздо больше.

— Я оставляю Надю в Беляниново, Вы поможете ей?

— Сделаю все, что в моих силах, не беспокойся, мы справимся. Поезжай, не медли, совсем скоро усилится дождь, а твой путь не близок и нелегок, но в конце него ты найдешь то, чего желаешь всем сердцем.

Виктория мало что поняла, но согласно кивнула. Мысленно она уже ехала по шоссе, к Вадиму, она нужна ему.

Вышла из дома, почувствовав прохладный ветер, застегнула пиджак. Ветер был порывистым, словно злился, трепал волосы, проникал под одежду. Это он принес дождь, крупные капли которого уже намочили землю. Пока Вика добиралась до гаража, успела промокнуть и промочить туфли. В довершение ко всему машина завелась не с первого раза, что-то в моторе глохло, словно не хотело отпускать. Вика вдруг вспомнила фразу, когда-то брошенную Надей: есть нечто мистическое в Беляниново, это место живет по своим законам, здесь и природа особенная, не просто живая, а с характером, норовом, она все время вмешивается в дела людей.

— Наденька, потрудись, пожалуйста, вспомнить вот что, — Марья Ивановна сделала паузу, — если не брать во внимание все три несчастных случая, происходило еще что-нибудь такое за все это время, что тебе показалось странным?

— Станным? — задумалась она.

— Да, например, обращала ли ты внимание на некоего человека, который вел себя необычно, что-то говорил, делал... Либо тебе о чем-то таком необычном рассказывал муж, — конечно, происходящее с ним связано. Вспомни о последних событиях вашей жизни, кого вы встречали.

— Муж... нет, ничего необычного он не рассказывал, — Надя поднялась с дивана, прошла по комнате, — в последнее время? Он встретил Никиту, тот предложил ему работу оператора в Европе, сейчас Николай там. Нет, ничего особенного, — она покачала головой.

— А до этого? Было что-нибудь такое, что нарушило привычный ход событий?

— Перед Новым годом мы серьезно поссорились, — Надя вздохнула, — Коля решил, что я и Вадим... — она осеклась, — одним словом, он приревновал. Никаких вопросов, выяснений, он хлопнул дверью и ушел. Ночь провел у своего отца, сообщил мне об этом ледяным тоном по телефону, — она замолчала. Не думала, что вспоминать будет так болезненно, будто все заново переживала. Того Фертовского она совсем не знала и была напугана не только неясностью происходящего, но его презрением и даже злостью. Он вмиг стал чужим.

— Не переживай, — Марья Ивановна погладила ее по руке, — это уже в прошлом, к которому возврата нет.

— Вы так думаете?

— Я знаю. И что же было странным в тех событиях? Ты не зря вспомнила.

— Когда я уехала с Викой в Беляниново, я звонила мужу, телефон взяла женщина. В тот период он все еще был у своего отца, но почему ответила женщина?

— Так-так, — Марья Ивановна сложила руки на груди.

— И вот еще что, — Надя опять поднялась со своего места, никак не удавалось оставаться спокойной, — мне кажется, что у моего мужа

все же есть некая женщина, нет, была до меня, и она не ушла из его жизни, — Надя посмотрела на Марью Ивановну и поняла, что последние мысли произнесла вслух. — Совсем недавно отец Николая в разговоре с сыном упомянул имя некой Ангелы, с которой, как мне показалось, он связывал надежды сделать ее своей невесткой. Он еще на что-то намекал в их прошлом, но я плохо поняла. Мои подозрения небеспочвенны?

— Мы должны разобраться, — Марья Ивановна слушала внимательно, время от времени кивала головой.

— Я ревнивая, да? — Надя усмехнулась, — получается, мой рассказ состоит из того, что мы с мужем только и делаем, что ревнуем друг друга? Нелепо.

— Я вот что хотела спросить, — Марья Ивановна отвлекла ее от грустных мыслей, — телефонные звонки: тебе показалось, что женщина, взявшая тогда трубку телефона твоего мужа, и последующие звонки с угрозами — один и тот же голос, да?

— Я не уверена, — Надя задумалась, — хотя голос... когда она звонила, то у меня было ощущение, что он мне знаком. Я тогда озадачилась: где могла слышать такую особенную хрипотцу? И тянет она слова своеобразно, будто не очень хорошо знает русский язык. Такое бывает, когда человек очень долго живет за границей.

— Как ты говоришь, звали женщину, о которой упоминал твой свёкр? — теперь озадачилась Марья Ивановна.

— Ангела, да, точно, Ангела. Мне хорошо запомнилось это имя, оно очень редкое.

— Редкое, чтоб я ошибалась, — сказала Марья Ивановна.

Глава 62

— Наденька, который сейчас час? — Марья Ивановна поискала глазами часы — свои оставила дома, торопилась, — мне необходимо сделать один важный звонок, но боюсь прослыть невоспитанной, еще не очень поздно?

— Нет, без четверти восемь, вполне можно звонить. Вам дать телефон?

— Спасибо, я со своего, — она достала мобильный, нацепила на нос очки, до этого покоящиеся с цепочкой на ее полной груди, — хочу

кое-что узнать, а заодно и проверить. Можешь остаться, тебе будет интересно послушать.

Надя устроилась в кресле, поймала себя на мысли, что они все ближе к разгадке. То, что здесь замешана женщина — понятно стало еще раньше, теперь только подтверждалось, но Наде почему-то не хотелось в чем-либо обвинять собственного мужа, она знала — он ее любит.

— Добрый вечер, Лидочка! — набрав номер, сказала Марья Ивановна. — Я тебя не отвлекаю от дел? Нет? Хорошо, при нашей последней встрече ты говорила, что видела Ангелу.

Надя напряглась, Марья Ивановна перевела телефон на громкую связь.

— Видела, — подтвердила Лида, — и Гелка даже снизошла до разговора со мной, вот уж удивительно, — она усмехнулась, — мы в университете никогда не дружили. Она слишком высокого о себе мнения, всегда одна, и, кажется, от этого ничуть не страдала. Училась все курсы на «отлично», у нее ведь «красный» диплом?

— Помню, — отозвалась Марья Ивановна, воскрешая в памяти образ. Ангела Стефанович и правда, училась прилежно, всегда готовилась к семинарам, не пропускала лекций, писала аккуратным мелким почерком. Не участвовала ни в каких мероприятиях, не ходила на дискотеки и вечеринки, вместе с тем не выглядела «зубрилой» и «синим чулком». Она была высокой худощавой. Красивая? Пожалуй, но красота без ярких красок, красота Снежной королевы. Одевалась со вкусом и так дорого, что завидовали даже преподаватели. Как выяснилось позже, вещи ей привозил отец из-за границы. Он боготворил дочь и поощрял все ее начинания, в том числе, желание поступать на исторический, хотя мечтал для нее об ИнЯзе.

Неожиданно для всех на третьем курсе Гела вышла замуж, пришла на лекцию после летних каникул, а на безымянном пальце — колечко. Девчонки заохали, стали приставать с расспросами, Гела ограничилась лишь констатацией факта, по-прежнему не проявляя никаких эмоций. И все же информация просочилась: муж был из очень состоятельной семьи, старше Ангелы на десять лет, красив как бог. Погиб через полгода в автомобильной катастрофе. Гела скрыла от всех этот факт, даже траур не носила. «Бесчувственная» — так окрестили ее

однокурсницы. Она по-прежнему держала дистанцию, никого не впуская в свой мир. С годами вряд ли изменилась. Хотя...

— Она сказала, что еще раз вышла замуж, будучи за рубежом, — продолжала рассказ словоохотливая Лида, вот уж точно кто всем всегда интересовался и узнавал даже самые тщательно скрываемые тайны.

— Вот как? Так она жила за границей? — уточнила Марья Ивановна.

— Да, все эти годы, уехала туда с отцом, сначала Франция, потом Румыния, потом еще где-то, я не помню.

— Чем Гела там занималась?

— Точно не знаю, — задумалась Лида, — она как-то вскользь упомянула что-то связанное с живописью, точнее, с организацией выставок.

— А как же история древних славян? Гела, кажется, одна из немногих, кто хотел даже написать книгу. Об этом не без гордости рассказывал Леопольд Борисович, единственный из преподавательского состава, с кем Гела делилась мыслями будущего историка.

— Книгу она не написала, насколько мне известно, но статьи в журналы пишет. И совсем недавно была публикация в историческом издании. А, вспомнила, историко-архивный журнал «Ярило». Она, вернувшись в Россию, занялась изучением славянской мифологии. Говорит: «надоели европейские дүхи!» По всей видимости, детей у нее нет, а второй муж не против, раз отпустил на Родину. Хотя, думаю, они просто разбежались.

— Она что-нибудь еще рассказывала о своей жизни? — Марья Ивановна посмотрела на Надю, та сидела, затаив дыхание. Станным образом разрозненные кусочки постепенно, но верно складывались в мозаику, начала вырисовываться картина.

— Пожалуй, это все, что я услышала, — сказала Лида, — и того много. Напоследок я шутливо спросила: под какой фамилией теперь искать ее публикации? Она почему-то смутилась, сказала, что фамилию мужа не брала, ей не нравятся иностранные фамилии.

— Он — иностранец, — с каким-то удовлетворением произнесла Марья Ивановна, распрощалась с вездесущей Лидой, отключила телефон. — Кажется, мы все ближе к разгадке, — она потерла руки.

— Вы думаете, что это та самая Ангела? — почему-то вдруг усомнилась Надя.

— Уверена, — отозвалась Марья Ивановна, — отпали бы все сомнения, если бы ты знала фамилию Ангелы, о которой говорил твой свёкр.

— Увы, мне известно лишь имя, — пожала плечами Надя.

— Тогда сделаем вот что, — Марья Ивановна посмотрела на стол с раскрытым ноутбуком, — попробуй найти статью в журнале «Ярило», автор Ангела Стефанович.

Надя села за компьютер, не успела ввести ключевые слова, как внезапно во всем доме погас свет.

— Что случилось? — раздался из полной темноты голос Марьи Ивановны. — Неужели выбило пробки? Надо же, как темно!

— У меня в телефоне фонарик, — вспомнила Надежда, нащупала на столе мобильный, через несколько секунд экран засветился желтым.

— Нам для начала нужны свечи, — сказала Марья Ивановна. Она была из тех, кто в сложной или неординарной ситуации не теряется, не паникует, напротив, включает защитные механизмы, оперативно принимает решение, верно расставляя приоритеты, даже в мелочах, — в этом доме есть свечи?

— Наверное, где-то есть, только их надо поискать, — ответила Надя.

— Пока будешь искать, утро настанет, — она, кряхтя, поднялась с места, — посвети мне дорогу к двери. Я схожу к себе в дом за свечами, а ты пока позвони Виктории, да выясни у Вадима, если получится, где здесь пробки, как нам починить освещение, хорошо?

— Да, — кивнула Надя, — вот только, — она замаялась, — Вы, пожалуйста, возвращайтесь быстрее, мне... я боюсь оставаться одна в этом доме.

— Ну, ты не одна, с тобой кошка, — она погладила Мусю по шерстке, — ничего не бойся. Обещаю, что скоро вернусь. А ты, чтобы не давать воли страхам, займи себя делом: завари-ка нам чаю, сумеешь? И позвони Виктории.

Надя проводила Марью Ивановну до самых ворот, даже на крыльце постояла, затем вернулась в дом. Набрала номер телефона Виктории: гудки, гудки, вероятно, сейчас ей было не телефона.

Освещая себе путь фонариком, Надежда прошла в гостиную, постепенно глаза стали привыкать к темноте, очертания мебели приобрели бóльшую четкость. Окна были закрыты плотно, но шторы почему-то тихонько колыхались, словно с ними заигрывал ветерок.

Надя услышала позади себя урчание кошки, обернулась. Ее глаза, как два огонька, светились в темноте и передвигались. Муся подошла к Наде и коротко мяукнула. Надя хотела ее погладить, но кошка игриво отскочила в сторону, опять посмотрела на нее. В несколько прыжков покинула гостиную, выскочив в холл, там еще раз оглянулась.

— Чего ты хочешь, Мусенька? — Надя вышла вслед за животным, которое опять не позволило себя погладить, ловко увернувшись от руки. «Мр-р-р-р» произнесла Муся с таким удовлетворением, что Надя, наконец, поняла: кошка решила поиграть. Она прыгнула на ступеньку лестницы, потом еще на одну, села. Надя сорвалась с места, но не застала кошку врасплох, та побежала выше.

— Прямо догонялки, — Надежде стало смешно, она поддержала игру, таким образом, обе оказались наверху. Здесь холл был поменьше, зато более темный, только огоньки кошачьих глаз.

«Наверное, кошка веселится над тем, как я за ней бегаю», — подумала Надя. В какой-то момент чуть не ухватила Мусю за хвост, но та опять увернулась. И на сей раз спряталась так тщательно, что, как Надя не искала и не звала, кошка словно растворилась в темноте. Еще раз крикнула во мрак ее имя и поняла, что та появится тогда, когда сочтет нужным. Пришлось спуститься вниз одной.

Внизу было так тихо, что Надя слышала собственное дыхание и еще, как бьется ее взволнованное сердце. Надо же, оказаться далеко за городом в чужом доме, практически в ночное время да еще без света! И это притом, что в последнее время в ее жизни и так происходит много необъяснимого, наполненного мистикой, от чего становится по-настоящему страшно.

— Занять себя делом, — вспомнила Надя вслух и двинулась на кухню. Там поставила чайник на плиту, нашла заварку, не торопясь проделала всю процедуру, хотя было и неудобно — в одной руке приходилось держать фонарик. Немного посидела за столом кухни, затем подошла к окну: дорога, ведущая в деревню, была пустой, она освещалась тусклыми уличными фонарями. Марья Ивановна, наверное, только дошла до своего дома.

«Надо подождать еще немного», — подумала Надежда, вернулась в гостиную, на всякий случай позвала кошку — в ответ тишина. Раскрыла ноутбук, почесала лоб и, наконец, сообразила, что он может работать и без электричества.

Он тихо и так приятно загудел, что она даже улыбнулась, хоть что-то нарушало зловещую тишину дома. Ноутбук моргнул голубым экраном и полностью загрузился, отобразив на рабочем столе иконки, они располагались на фоне розовых тюльпанов.

Поисковик выдал сразу несколько ссылок на статью Ангелы Стефанович в журнале «Ярило», чуть замедлив, он раскрыл первую статью. Она была большой, слева фото автора. Увидев ее, Надя обомлела, в следующий момент услышала звонок.

Глава 63

Виктория влетела в кафе, резко остановилась у входа, нервным жестом поправила очки и стала искать глазами Зорина. У окна сидела парочка, явно влюбленные, в углу трое парней, совсем молодые, единственный официант лениво двигался между столиками. Где же Вадим? Неужели Антон его отпустил одного в таком состоянии?

— Простите, — Вика остановила официанта, — мне позвонили, что тут у вас один человек, как бы это сказать, несколько переборщил с горячительным.

— А, он там, — официант махнул рукой в сторону колонны, оказывается, там тоже был столик, он будто прятался от глаз входящих.

— Спасибо, — облегченно произнесла Вика и пошла в указанном направлении, официант уже с интересом посмотрел ей вслед.

Отвернувшись, Антон разговаривал по телефону, Зорин сидел за столом, положив голову на руки.

— Привет, Антошенька! — сказала Корецкая. Он быстро закончил разговор и отключил телефон. Стараясь скрыть смущение при виде своей бывшей возлюбленной, кашлянул и ответил на ее приветствие довольно прохладно. Вадим никак не отреагировал на прибытие Виктории, головы не поднял.

— Что случилось? — она устало опустилась на стул, пока ехала сюда, нервничала, то и дело нарушала правила дорожного движения.

— Сама видишь, — отозвался Антон. И он никогда не видел Зорина в таком состоянии. И, вообще, сегодня неудачный день: сорвались переговоры по вине поставщика, на шоссе Антона оштрафовал гаишник, жена сообщила, что в ближайшее время ее кладут в больницу на сохранение, а тут еще в стельку пьяный Зорин и Виктория рядом... Антон внимательно посмотрел на нее: изменилась? Вроде бы, нет, только очки стала носить, и все такая же яркая, с особым шармом. И, как всегда, уверенная в себе, победительница, ведь Вадима все-таки охмурила, как бы он не сопротивлялся.

— Что пьян — вижу, — сказала она, — а причина-то какая? Вадим не имеет привычки напиваться.

— Вы давно вместе? — вырвалось у Антона, он тут же об это пожалел. Но Корецкая улыбнулась.

— С осени.

— Ты его любишь? — он понимал, что выглядит глупо, но сменить тему сразу не получилось. А вообще, он всегда выглядел глупо в ее глазах, одним разом больше...

— Люблю, — все так же улыбаясь, сказала Вика, — и мне кажется, любила всегда, только его.

В этот момент Вадим поднял голову, посмотрел на Вику затуманенным взором, соображал несколько секунд.

— Да, — наконец, произнес он. Непонятно было, к чему относилось это самое «да»: то ли он одобрил высказывание Виктории о ее чувствах к нему, то ли сам с собой согласился, что-то надумав. Хотя в таком состоянии вряд ли его мысли были ясными и что-то можно надумать.

— Вадик, — Вика прикоснулась к его руке, — что случилось?

— Я, пожалуй, пойду, — морщась, сказал Антон, чувствуя себя лишним с самого начала. Эти двое забывали обо всем на свете, когда находились рядом друг с другом. Их взаимное притяжение было настолько очевидным, что Антону вдруг вспомнились все обиды, предательство и безысходность. Виктория так и осталась непокоренной вершиной. Для него. А Зорин покорил ее сразу, без всяких усилий, а главное, желаний. Чего же она такого увидела в нем, чего нет у Антона? Загадка любви, этого самого непредсказуемого, невероятного и подчас совсем необъяснимого чувства.

— Спасибо тебе большое, Тошенька! — Корецкая вскочила, поцеловала его в щеку, будто обожгла. Чужая женщина, чужая и все еще волнующая. Антон покраснел.

— Не за что, — промямлил он, глядел на бывшего друга, все-таки пути разошлись, и разделила их именно Виктория, — если понадобится помощь — звони, — уже уходя, бросил Антон. Осталось непонятно: к кому обращался? На Корецкую больше не смотрел, отводил глаза.

— Прости меня, пожалуйста, — услышал уже за спиной, — за все, чем я тебя обидела.

Не оборачиваясь, махнул рукой.

— Ох, — сказал Вадим.

— Как ты себя чувствуешь? — Вика села напротив.

— Хреново, — наконец, он хоть что-то произнес осознанно. Посмотрел на нее, взгляд тяжелый, но она почему-то сразу поняла, что это не от опьянения. И хотя была напугана случившимся, понимала, что есть объективные причины, все объясняющие. Зорин — один из самых разумных мужчин на свете.

— Поедем домой? — мягко произнесла она.

— Поедем, — покорно кивнул, голова болталась.

— Ты можешь идти сам?

— Естественно, — он произнес практически одни шипящие. Поднялся из-за стола, ухватившись за спинку стула, качнулся, несколько секунд восстанавливал равновесие. Вика подставила свое плечо, сначала Зорин отнекивался, упряма ему не занимать, но потом все-таки принял помощь. Да, определенно так идти было легче. Официант проводил их насмешливым взглядом до самой двери.

Улица их встретила порывистым ветром, это подействовало на Зорина несколько отрезвляюще. Сели в машину, он откинулся на спинку сиденья.

— Спасибо! — сказал глухо, но теперь уже четко.

— За что? — Вика завела автомобиль, отжала сцепление, слегка надавила на педаль газа, стала аккуратно выезжать на шоссе.

— Не стала упрекать.

Она промолчала, только подумала о том, что не упрекнула вовсе не из-за мягкости характера, а из-за шока, в котором пребывала, увидев его в таком состоянии. Хотя нет, все-таки она отдавала себе отчет в

том, что Вадим напился не просто так. Тем более, изменив своим планам ехать в Беляниново: ведь там какие-то налоговые вопросы, а он всегда ответственно подходит к делу.

Через несколько минут Зорин закрыл глаза и, убаюкиваемый мягким ходом машины, провалился в тяжелый хмельной сон, даже захрапел. Подъехав к дому, Виктория еще полчаса сидела в машине и не тревожила его. Опять пошел дождь, вода, словно слезы, текла по стеклам. Вика сидела и смотрела, как работают стеклоочистители, их равномерный ход убаюкивал. В какой-то момент она закрыла глаза и тоже ощутила сладкую зовущую дрему, но спохватилась. Надо будить Зорина и вести его домой.

Он никак не хотел просыпаться, даже брыкался, но все же разлепил веки и почти вывалился из машины. Лицо было помятым, в голове тяжесть, но ноги уже слушались. Вика закрыла машину, не оборачиваясь, направилась в подъезд. Первой вошла в квартиру, свет включать не стала.

— Я должен все объяснить, — Вадим взял ее за руку.

— Может, завтра?

— Нет, сегодня, сейчас, — он поднял голову, посмотрел на нее, стал кусать губы. — Я был на опознании, в морге, — наконец, произнес эти слова, и перед глазами опять возникла та картина, до мельчайших подробностей, до тошноты.

— Кто? — прошептала Вика тихо, одними губами.

— Моя бывшая жена, — выдавил он, — ее изнасиловали, издевались, а потом убили, — комок в горле мешал говорить, — при ней не оказалось ни документов, ни денег, ни телефона, лишь визитка ее салона. Она вечно таскала их с собой пачками, — он ухмыльнулся. — Родители ее всегда баловали, Юлька не знала отказа в деньгах. Это было вместо любви и заботы, — Вадим сделал паузу, мысли перескакивали с одного на другое, — она возомнила себя великой художницей — вечеринки, светская болтовня, бомонд... Зачем я ей был нужен, до сих пор не понимаю?

— Может быть, она неосознанно чувствовала в тебе ту самую недостающую ей любовь и заботу? — осмелилась предположить Вика.

— Чувствовала, но не знала, что с этим делать. Мы жили плохо, совсем не понимали друг друга, будто говорили на разных языках. Потом она стала пить, якобы для вдохновения, которого не было. В

голове появлялись образы, фантазии — так утверждала Юлия. Я ей не верил, это псевдотворчество, болезненное забвение реальности. Одним словом, я ушел, бросил ее. Возвращался несколько раз, наивно полагая, что она образумится, верил ее обещаниям. Она даже преследовала меня. Постепенно то, что осталось от моих чувств к ней, а это жалость — переросло в раздражение и желание сбежать подальше. Что я и сделал, — он облизал пересохшие губы, — я не просто скрылся от нее, я понял: моя жизнь — это моя жизнь, ее за меня никто не проживает, каждый день, каждый час, они принадлежат только мне. И я хочу быть счастливым, радоваться утру, пению птиц, шуму ветра, даже суете мегаполиса...

— Ты все еще страдал, когда в твоей жизни появилась я?

— Нет, я уже был другим.

— Значит, ты не боялся влюбиться?

— Влюбиться? А что это такое — любовь? В браке я ее не видел, говорят, что счастливые семейные пары, пройдя этап, когда проходит страсть и пыл, становятся друзьями, хорошими друзьями. Это слово вбирает в себя многое: уважение, взаимопонимание, компромисс, терпимость, заботу. С Юлей я не испытал ни один из этих этапов.

— Поэтому ты теперь и боишься жениться? — догадалась Вика. — Ты думаешь, что после штампа в паспорте все изменится? — она больно сжала его руку. Он не ответил. — Вадик, но я не Юлия! — Вика вскочила. — Я — другая! Да, не стану причислять себя к идеалу, утверждая, что состою из одних достоинств, не стану обещать «золотые горы» и великую любовь.

— Вот видишь, — перебил он, удивленный ее горячностью.

— Я просто хочу быть рядом с тобой и отдавать все, что могу тебе дать. А главное, стараться сделать тебя счастливым, тебя, а не себя! И ты прав, для этого мне не нужен штамп в паспорте.

Впервые за все время их отношений спать легли врозь. Вика, молча, постелила себе на диване в гостиной. Долго лежала без сна, мысли все возвращались к разговору, поняла одно: не надо было упрекать Зорина, все-таки он перенес драму, напился даже, пытаюсь забыться. Он чувствовал себя виноватым: если бы их жизнь с Юлией сложилась иначе, она могла бы быть сейчас жива. Он не захотел за нее бороться до конца, предпочел сбежать, оставить одну выбираться из

ямы. С этими мыслями Вика уснула. Но и там тревога не покидала ее: снились какие-то обрывочные кошмары, изуродованное женское тело да еще без головы, оно лежало в канаве. Неожиданно нахлынувший поток воды понес его вперед. Не успела Вика опомниться, как вода смыла все: тело, кровь. Мостовая блестела от слепящего солнца.

— Подвинься, — услышала Вика над самым ухом, почувствовала рядом тепло мужского тела, Зорину всегда было жарко, он как печка. — Надо было покупать более широкий диван, — проворчал он.

— Кто тебя сюда звал? — Вике не хотелось открывать глаза.

— И это ты так разговариваешь со своим будущим мужем? — возмутился Зорин.

— Что? — она сразу открыла глаза.

— То самое, — он приблизился к ее лицу, — Корецкая, выходи за меня замуж?

— И не подумаю! — выпалила как из пушки.

— Тогда я буду просить тебя об этом каждый день, пока не надою. И чтобы отвязаться, ты согласишься.

— Зорин, что с тобой?

— Я поумнел, — он полез к ней целоваться, навалился всем телом, подмял под себя...

Глава 64

Звонок был в дверь, хотя в первую секунду от испуга Надя подумала, что звонит телефон. Нет, тот мирно покоился на столе, рядом с ноутбуком.

— Вижу, света все еще нет, — Марья Ивановна вошла в коридор, — и Виктории, похоже, не дозвонилась.

— Она трубку не берет, — виновато отозвалась Надя.

— Ну и ладно, я принесла нам столько свечей, что хватит до утра, — она вытащила из пакета бумажный кулек, — будем как в старину.

Надя соорудила подставки под свечи, использовала карандашницу и две керамические чарочки.

— Пока я ходила, чем ты тут занималась? — Марья Ивановна заметила на кухне свет от монитора ноутбука, подошла ближе. — Это

же Ангела! — увидев фотографию своей бывшей ученицы, воскликнула она. Все те же светлые волосы, серо-прозрачные глаза, черты лица правильные, но какие-то без тепла, чувств. — Ты нашла ее статью?

— Да, — Надя теперь уже более спокойно стала рассматривать снимок, — дело в том, — она сделала паузу, — Марья Ивановна, я видела эту женщину в реальности, видела дважды, один раз совсем близко от себя.

— Вот как? — она удивленно приподняла брови.

— В обоих случаях и мой муж был рядом, он знает ее, я уверена.

— Расскажи подробнее, — попросила Марья Ивановна, явно о чем-то задумавшись.

Надя поведала, как сначала видела их на улице, своего мужа и эту женщину, та еще споткнулась, а Николай поддержал ее. Потом они свернули за угол и будто растворились. И в кафе... Женщина у зеркала поправляла макияж, точно — это была она! Надежда смотрела ей вслед и думала: где могла ее видеть? И споткнулась она на выходе точно так же. А Вика ее не видела потому, что невнимательна, вечно в облаках витает. А ведь женщина неслучайно находилась в том же кафе, что и они. И муж знал об этом, он выходил и наверняка с ней разговаривал.

Надя вскочила с места и стала ходить по кухне. Так неизвестно до чего в своих рассуждениях доберешься. Совсем не хочется верить в плохое, одно дело гипотетически предполагать, что ты способна простить предательство, быть великодушной, другое — когда факты начинают давить, и реальные ощущения совсем не ведут к великодушному прощению.

— Но как же все это связано с той мистической чепухой, которая со мной происходила? — озадачилась Надя.

— Чепухой? — усмехнулась Марья Ивановна, — не думаю. Тут дело потруднее, чем кажется на первый взгляд. Чувство, что мы близки к разгадке, у меня лично, правда, мозаика сложновата, да и намешано много. Хотя, — она опять задумалась, — в ней есть подсказки. Давай для начала прочитаем статью Ангелы, пойдем, о чем пишет моя бывшая ученица.

Надя стала читать: сначала автор писала в целом о славянской мифологии, заумными терминами, как показалось Наде, рассуждала о

ее роли в истории русского народа, проводила параллели с мифологией народов Европы, упоминала про инкубов и сукубов. Исследовала цикл легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. В конце этого абзаца упомянула о сводной сестре Артура — Моргане ле Фэй. Оказывается, та была заклятым врагом Артура и даже похитила его волшебный меч Экскалибур. Однако после кровавой битвы под Солсбери, когда король и его мятежный племянник Мордред поразили друг друга, Моргане была одной из трех женщин, которые увезли смертельно раненого Артура в Аваллон. Моргане ле Фэй — владычица Аваллона — Яблоневого Острова. Ее считают богиней Зимы, Тьмы и Смерти, противостоящей Артуру — «Господину Лета». Противовес темной стороне ее деятельности — она хранительница тела Артура на Аваллоне.

Надя подняла глаза на Марью Ивановну.

— Читай дальше, — бесстрастно сказала та.

... Моргане — корень «мор», близкое слово «мрак», впечатление как о ночном кошмаре. В западно-славянской мифологии известна польская Маржана (zмага — кошмар), чешская Морана, белорусская — «Мара — нечисть», французская — cauchemar. Древне-кельтские мифы повествуют о богине войны Морриган, появляющейся на полях битв и предвещающей смерть. Согласно буддийским мифам, божееству Маре подчинено огромное количество демонов ненависти и вожделения. Мара — одно из самых древних, таинственных и «смутных» божеств в славянских языческих поверьях. Это божеество наделено универсальной властью, особым образом влияющее на судьбы людей. В ее руках Нити Жизни. Она как призрак часто появляется в доме, чтобы своим серпом подрезать эти самые Нити.

Надя осеклась.

— Любопытно, — тут же с точки зрения профессионала прокомментировала Марья Ивановна, — Гела сделала неплохой анализ, а связала-то все как между собой, интересная логика.

— Марья Ивановна, — у Нади от страха догадки засосало под ложечкой, — все несчастные случаи — это Ангела? Она... Марана?

— Марана — дух, божеество мифологии, — покачала головой Марья Ивановна, — а Гела — человек из плоти и крови. Хотя... — она замолчала, увидев на пороге кухни два светящихся глаза. — Позволь спросить, где же ты была? — нетрудно было догадаться, что кошка,

услышав голоса, решила присоединиться к компании людей. Перед этим она отлично выпалась, тихо, темно, условия весьма подходящие. А теперь не мешало бы и подкрепиться. Муся посмотрела на Надю, всем своим видом показывая, что удивлена упреками Марьи Ивановны: разве можно у кошки спрашивать «где она была?»

— Аристократка, самая настоящая, — улыбнулась Марья Ивановна. — Ты давно ее кормила?

Муся с готовностью принялась поглощать еду в миске, заботливо привезенную Викторией, та собрала весь набор: две мисочки, кошачий лоток, транспортировочный домик и даже щетку-чесалку для шерсти. Марья Ивановна, прихлебывая чай, с удовольствием наблюдала за кошкой.

— Надюша, вы когда-нибудь в детстве с девочками не занимались тем, что вызывали духов? — вдруг спросила Марья Ивановна. — В темной комнате, например, с книжкой, подвешенной на веревочки?

— Было такое, — закивала Надя, — атмосфера жуткая и одновременно хотелось смеяться. Почему-то чаще всего тревожили дух Пушкина, мучили его вопросами. Однажды сидели с Викой днем под одеялом и проводили спиритический сеанс, а в комнату неожиданно вошел ее отец, он почему-то раньше вернулся с работы. Представляете: мы сидим на кровати, на головах одеяло, вызываем дух и ждем. Медленно открывается дверь... Мы так визжали от ужаса! Помню, в первый момент кровь застыла в жилах, просто какой-то животный страх. Самое забавное, что отец Вики тоже испугался, от нашего визга. Спустя годы мы вспоминали этот случай. И только спустя годы я стала понимать, что эта забава не такая невинная, как мы думали. А почему Вы спросили? — она вдруг напряглась. — Вообще-то я тогда пошла на поводу у Вики.

— Время движется к полуночи, — Марья Ивановна тяжело поднялась с высокого стула, — да и условия нам подходят.

— Условия? — переспросила Надя.

Марья Ивановна взяла чашку, посмотрела в нее, затем двинулась к мойке, неторопливо ополоснула и поставила в сушку. Намеренно тянула время, сама еще до конца не просчитала, чем все может обернуться. Но одно знала точно: над Надей уже занесен Меч, и будет

лучше, если она не станет ждать, когда его опустят, а сама пойдет навстречу Судьбе, которую можно попытаться изменить.

— Ты готова полностью довериться мне? Сделать все, что я скажу? У тебя хватит мужества противостоять тому, во что трудно поверить, а ты с этим столкнешься.

Надя побледнела.

— Кажется, у меня нет выбора?

— Выбор есть всегда, но каков будет результат, нам неизвестно. Гарантий человек не может давать. Это не в нашей власти.

Мистика мистикой, но есть еще и другое: Надя вдруг вспомнила об аварии — попытка наверняка не последняя, похоже, за нее взялись основательно. Выхода другого просто нет.

— Я готова ко всему, — твердо сказала она.

— Хорошо, но учти: когда все случится, меня рядом не будет, я — лишь твой Проводник...

Глава 65

Надя ощутила слабость во всем теле, веки отяжелели и закрылись, голос Марьи Ивановны становился все тише. Вдруг засвистел ветер, да такой сильный, что Надежда испугалась и закричала, но только ухудшила ситуацию: ветер подхватил ее и стал кружить так, что она потеряла сознание.

Очнулась в высокой густой траве, недалеко пел тонкий женский голос. Надя опять испугалась, медленно перевернулась, попыталась встать на четвереньки, но запуталась в одежде: вот чудо, на ней был длинный красивый, цветастый, настоящий русский сарафан! А волосы? Толстая коса змеей спускалась ниже пояса. Нет, Надя, конечно, знала, что попадет в прошлое, но как-то иначе представляла обстановку и себя в ней. А тут и, правда, все реальное: и костюм, и даже ее внешность, а уж как пели девушки! Не спутаешь ни с какой фольклорной группой двадцать первого столетия. А воздух? А трава? Ну да, в деревнях необъятной России, конечно, есть заветные уголки природы, которым радуется сердце русского человека, но их становится все меньше. И все чаще в нас просыпается желание вырваться, хотя бы ненадолго, из тесного и загазованного мегаполиса, убежать туда, где за городом вдоль дорог не помпезные и

дорогостоящие коттеджи, а простые деревянные домишки с резными наличниками, с дымом, тянущимся от трубы, с буйно растущими кустами цветущей сирени, с пыльной дорогой и бегущей речкой. Где вода кристально чистая, а трава такая высокая и густая, что пробираешься по ней с трудом.

Надя, наконец, поднялась, огляделась: настоящая красота! Природа нетронутая, ветер приносит пряные запахи цветов, в густом влажном воздухе носились стрекозы, в бирюзовом небе высоко парили ласточки. Значит, дождя не ожидается. На поляне девушки водили хороводы, двигались плавно, словно по воздуху, на головах венки с цветными ленточками. Надя забыла, зачем она здесь. Забыла: все, что она видит и слышит — мираж, иллюзия. Нет, реальность-то здесь и сейчас, только ее в этой реальности по определению быть не может. Словно в пику ее мыслям одна из девушек обернулась и крикнула:

— Надька, айда хороводы водить!

Надя посмотрела по сторонам, неужели обращаются к ней?

— Ну, чего стоишь? — последовал еще окрик. Как такое может быть? Ведь Марья Ивановна перенесла Надю в прошлое, перенесла сознание, но не тело... Хотя тело — вот оно, здесь, одето в сарафан, а на локте свежая царапина — порезалась о траву, и девушки зовут по имени. Вот чудеса!

Приподняв сарафан, чтобы в нем не запутаться, она побежала к ним, только коса прыгала из стороны в сторону, в ней атласная лента. А на поляне возле реки мужики уже разжигали костер.

День клонило к закату, в воздухе носилась мошкара, вдалеке старалась кукушка. Тем временем принесли соломенное чучело, одетое в женскую сорочку, мониста и веночек. Такое же чучело Надя видела в Купальскую ночь в Беляниново и неожиданно вспомнила, что там его называли Марой. А это созвучно Маране! Значит, все верно.

Костер набрал силу, языки пламени лепестками стали тянуться в темнеющее небо, заиграли два балалаечника, да так весело, так заливисто, что женщины постарше бросились в пляс, до этого лишь молодежь резвилась.

Надя ходила среди людей и не переставала удивляться: никому и в голову не приходило, что девушка, с любопытством рассматривающая их наряды, слушала их разговоры и песни — человек из далекого

будущего, такого будущего, о котором они и представления не имели. Марья Ивановна каким-то волшебным образом позаботилась об этом. Кроме того, почти все девицы были под стать Наде — полногрудые, с пышными формами, румянощечкие. Так что из толпы она нисколько не выделялась. А они как будто ее знали, окликали по имени и звали в круг.

Запели частушки, и Надя с удовольствием смеялась тонкости деревенских острот, в какой-то момент поймала себя на мысли, что осталась бы здесь жить, хотя бы на время, какие они — далекие предки, может быть совсем рядом кто-то именно из ее рода?

— Надя, — она услышала свое имя, обернулась. Молодой человек улыбнулся: ох и хорош собой! У нее даже дыхание перехватило — парень был так похож на Фертовского, что в первую секунду она испугалась. Но потом, приглядевшись, заметила, что он ростом ниже, волосы более светлые, да и возрастом явно моложе ее супруга. И все же было что-то приятно знакомое в его улыбке, карих очах, осанке.

— Я тебя ищу с самого полудня, — сказал он, чуть-чуть притронулся к ее руке.

«Ого! — подумала Надежда. — Неужели и здесь у нас с ним чувства? Ну, конечно, кого она могла выбрать в прошлом? Конечно, такого же, как Фертовский!»

— Я была, — она запнулась, где же она могла быть? — В поле.

— Я так и думал, — он потянул ее к себе, но обнимать при всех постеснялся, просто смотрел в глаза, — где твой венок? Обещай, что гадать не будешь? Ведь мы и так знаем свою судьбу. Осталось только дожидаться осени.

«Что же будет осенью?» — невольно озадачилась Надя. Она все время забывала, что это не ее реальность.

— Осенью мы сыграем свадьбу, — мечтательно сказал парень.

«Точно! — вспомнила Надежда. — Мы с Фертовским поженились осенью».

— Скажи мне, люб я тебе, зорька моя ясная? — он улыбался так ласково, что она кивнула.

«Ну и ситуация, — Надя подумала о Марье Ивановне, не иначе, как та забавлялась таким кульбитом: получалось, что Надежда встретила с собственным мужем здесь, в прошлом, точнее, кем-то, очень на него похожим. А вдруг он и есть предок Фертовских? Узнай

об этом Владимир Григорьевич, позеленел бы от досады, их предок уж точно не из аристократов — простой деревенский парень».

— И ты мне любя! — он позволил себе лишь прикоснуться к ее волосам.

— Парни, девки, кто первым через костер? — крикнул один из балалаечников. Молодежь зашумела, заволновалась. Разделились на пары, первым прыгнул невысокий белобрысый парень с самой бойкой девкой, держась за руки, они перемахнули через огонь, только сарафан колыхнулся. Затем прыгнул мужичок, громко крикнув от азарта. Костер заволновался, поленья сердито затрещали.

Люди стали прыгать, один за другим, весело, с криками, визгом, кое-кто разбежался подальше, некоторые чуть ли не с места. Надя стояла в сторонке, знала, что должна сделать — получила на этот счет вполне определенные инструкции, но страх сковал ее. Да еще парень рядом ни с того ни с сего принялся вспоминать, как в прошлом году какая-то Агафья платье себе подпалила. Вот шуму-то было, народ бросился тушить, а у девки ноги уже горят. Хорошо, что успели спасти.

«Здорово, — слушая его, подумала Надя, — и у меня, если полезу в огонь, примерно такая же перспектива. С другой стороны, у меня нет альтернативы, придется прыгать, иначе, зачем Марья Ивановна все это затеяла?»

Раз-два! Прыгнули еще несколько человек, искры огня попали девке на косу, но тут же затухли. Надя смотрела, как зачарованная, со стороны казалось все просто: разбежался, прыгнул, получил адреналин или радость от чувства преодоления.

— Прыгнем, Наденька? — она почувствовала руку на своей спине, вздрогнула.

— Хорошо, только вместе с чучелом, — согласилась она.

— Сейчас принесу! — он с готовностью подхватил чучело. Надя боязливо взяла Мару в свои руки, посмотрела в ее круглые глаза из больших пуговиц. Неужели именно это нелепое создание способно что-то изменить в ее жизни?!

Надежда одной рукой прижала чучело к себе, другую руку вложила в натруженную ладонь своего партнера.

Они почти не разбегались, она ощутила лишь сильный рывок, подняла ноги от земли, так хотелось от страха закрыть глаза, ведь под

ногами была огненная бездна, дышащая нестерпимым жаром.

«Сторю!» — в последний момент отпустила руку, чучело первым упало в костер.

Глава 66

— Почему получается падать плашмя и обязательно лицом вниз? — ощутив жуткий холод, Надя открыла глаза. Хотя особо жаловаться было грех: сначала падение в густую траву, теперь в мягкий рыхлый снег. Но почему так холодно? Неужели она все еще в сарафане? Нет, замечательная теплая шубка, на голове платок, на ногах валенки. Видимо, тело еще не успело перестроиться, конечно, непросто из лета в зиму прыгнуть.

Надежда поднялась на ноги, думая сейчас лишь об одном: не дай Бог оказаться где-то в поле, далеко от дороги, сугробы — это тебе не высокая трава, здесь увязнешь — пиши пропало. На счастье она оказалась совсем близко от хорошо утопанной тропинки, ведущей в деревню. Страхнула с себя снег, поправила платок и пошла.

Деревня была небольшой, домики все опрятные, одни побольше, другие совсем маленькие, на крышах шапки снега, из труб вьется дымок, за заборами залиvisto лают собаки. Наверное, такой раньше вполне могла быть и Беяниново. У колодца заледеневшая вода блестела на солнце, на срубе висели многослойные сосульки, так хотелось протянуть руку и надломить их, по-детски, шаловливо, наблюдая, как тысячи хрустальных осколков падают в снег. А мороз ощущался, пощипывал лицо и руки, Надя спрятала их в рукава, варежки Марья Ивановна не предусмотрела.

— Надя-я-я-я! — услышала свое имя, обернулась. Уже перестала удивляться, что и в этой реальности ее знают, вообще перестала чему-либо удивляться, так проще, когда все воспринимаешь как должное. Шапкой в руке махал все тот же молодой человек из предыдущей картинки. Только теперь он был и одет соответственно, по-зимнему: шаровары, тулуп, ушанка.

«Мы поженились или нет?» — с любопытством и одновременно с волнением подумала Надя. Ей нравился этот парень, в чем-то он даже превосходил Фертовского, был более улыбчив, открыт, как-то сразу располагал к себе. Если принять за основу предположение, что он все-

таки имеет отношение к роду Фертовских, то с поколениями характер мужчин этого клана претерпел некоторые изменения, и, например, снобизм и мрачность, очевидно, приобретенные качества, нежели переданные по наследству.

Вот слышал бы ее сейчас муж! Слышал бы и видел, как она радостно отозвалась и пошла к другому, ну, разве что объятья не раскрыла! А вот он-то как раз и обнял ее, крепко прижав к себе. От него пахло табаком и мешковиной. Темно-русовая борода была кучерявой и мягкой, глаза веселые, а улыбка — озорной.

— Пойдем к Оксане, она ждет, — сказал он, — матушка уже там.

«Кто такая Оксана? — чуть не спросила Надя, но вовремя прикусила язык. — Матушка уже там? Чья? Моя или его? Ох, как же зовут моего парня или уже мужа?! На каждом шагу сложности, приходится быть начеку».

Когда вошли в дом, светлый просторный, слева — большая русская печь, женщина в цветастом ярком платке, накрывающая на стол, воскликнула:

— Николенька, Надя, наконец-то вы пришли! Негоже молодым так долго почивать. Мы с Оксаной заждались.

Все стало ясно: раз обратилась к нему первому, значит, его мама, зовут тоже Николаем, уже легче, раз долго почивали, значит женаты. Надя порадовалась своему умению мыслить логически. Из-за занавески, разделяющей большую горницу на две части, показались любопытные детские мордашки.

— Ну, идите, идите, за стол! — скомандовала им бабушка.

— А вот и я, — в сенях появилась молодая женщина с ведром воды, скинула с головы теплый платок, улыбнулась так приветливо и так знакомо, те же ямочки и прищур глаз, что у Нади не оставалось сомнений — перед ней сестра Николая, а ей золовка Оксана. «Суббота — золовкины посиделки» — вспомнилась фраза. — Что же вы стоите на пороге, молодежь? Особое приглашение? Николенька, веди женушку к столу.

Надю усадили, с одной стороны Николай, с другой — мальчишки, его двое племянников, хихикая и толкая друг друга, первыми схватили по блину.

— Ешьте, ешьте, — подбодрила бабушка, — блин — символ солнца. Такой же круглый и горячий. С пылу, с жару, а вот эти «с

припеком» — особенно вкусные, есть с грибами, яйцами, с рыбой.

Надя оглядела стол, чего здесь только не было к блинам: масло, сметана, икра, грибы, сметки, сыр, севрюга, мед, соленья, а для детей в деревянной расписной плошке — медовые пряники и орехи.

— Еда на Масленицу должна быть обильной, — сказала свекровь, Надя с любопытством поглядывала и на нее — моложавая, румяная, черты лица правильные, красивая женщина, да еще, похоже, с добрым и приветливым характером. Таковую бы иметь в настоящей реальности, в той, куда она скоро будет вынуждена вернуться. Как только Надя об этом подумала, в глазах поплыло, картинка стала терять четкость... Нет, нет, еще рано! Марья Ивановна, я еще ничего не успела сделать!

— Наденька, тебе плохо? — муж заметил ее бледность, и то, как она невольно схватилась за его локоть.

— Нет, все в порядке, — улыбнулась с трудом, — голова закружилась, сейчас уже прошло.

— Немудрено кружится голове в твоём-то положении, — с лукавством заметила Оксана. Надя вытаращила на нее глаза. — Ешь, тебе теперь надо за двоих питаться, — золовка положила ей еще блинов, Надя невольно прижала руку к своему животу, еще сюрприз, — кроме того, матушка права: как встретим Масленицу, так и год проведем, мы-то хотим год удачный, богатый и сытый. И зиму проводить обязаны, чтобы весну встретить. Чтобы накормить тех, кого рядом с нами нет, — она положила блин на «духовое» окошко, это для того, чтобы души предков не были в обиде, ведь весной они с небес спускаются, чтобы помогать живым своей молитвой.

— Как у нас говорится? «Ешь на Масленицу столько раз, сколько собака махнет хвостом или сколько раз прокаркает ворона», «Хоть с себя все заложить, а Масленицу проводить», — засмеялась свекровь, — а потом пойдем на гулянья. Эх, нынче праздник на славу!

— Это точно! — подхватила Оксана. — А вчера что было? Пантелей Мироныч закутался в большую шубу, до пят, да и выпил с медведем по чарке водки, зверя из города привезли на потеху люду, кольцо в носу, ухо одно обкусано, видать, характер еще тот, но да выпивки охоч — поддержал Мироныча, а тому и хорошо. Чуть не полез обниматься к зверю. Всегда у нас веселились напропалую на покатуху⁷. Еще при Иване Грозном его опричники в кулачном бою кропили кровью лед Москвы-реки.

— А при батюшке Петре I? — стала вспоминать мать Николая. — Сказывали, у Красных ворот был сооружен гигантский фрегат, на его палубе паясничал сам император с супругой Екатериной-матушкой, придворные в масках волков, драконов, птиц разных. Всегда на Масленицу веселье было без удержу, хотя духовенство и возмущалось, ах нет, сами тоже развлекались с простым людом, как будто стремясь наесться-нагуляться перед Великим Постом.

Надя убедилась в истинности слов относительно веселья и изобилия в округе, когда они после застолья, всей семьей отправились на праздник. На масленичной площади в центре стоял столб с колесом, на вершине которого символ — ярко пылающее солнце. Торговые ряды ломились от всевозможных лакомств: пузатые самовары с бархатным чаем, медовые плошки, душистые связки баранок, пряники с узорами да надписями. Николай протянул ей большой пряник с надписью «Кого люблю — тому дарю», она смутилась, и не только от его внимания, но и от чувств, которые к нему испытывала: нравился ей он, ох, как нравился! Думала, что не может влюбиться в двоих одновременно, оказалось, что может. И к нему-то она прониклась сразу, хотя... Может, потому и прониклась, что увидела в нем черты своего настоящего мужа, сначала внешне, и хотя он был более открыт и эмоционален, чем Фертовский, все же в нем также ощущалась основательность, глубина, мужественность. А когда он становился серьезным, тут уж был полной копией Фертовского. Получается, что тот, кто сейчас рядом с Надей — просто идеал, мужчина ее мечты, лишенный всяких недостатков, такой, каким мог бы быть настоящий Николай? Марья Ивановна произнесла одну из фраз, которая Наде показалась не совсем ясной: «Ты увидишь там, в другой реальности, все, что пожелаешь, чего захочешь, там воплотятся твои мечты и иллюзии, но будь осторожна — так ли это тебе необходимо? Контролируй свои мысли!»

Теперь все встало на свои места. Получается, Надя захотела увидеть идеал в своем супруге — вот и увидела. Она еще раз внимательно посмотрела на него и подумала о Фертовском. Не надо никакого идеала, никакой безупречности: пусть он будет иногда мрачным и молчаливым, пусть у него будут свои страхи и комплексы. Надя любит его вместе со всем этим, таким, каков он есть, и она

твердо знает, что ее любовь ему тоже нужна, не меньше. А сейчас рядом с ней — всего лишь плод ее воображения, но он не Фертовский, он не настоящий, вот и все.

Глава 67

Надя успокоилась, когда вспомнила, зачем она здесь: вовсе не для того, чтобы копаться — кого любит больше, кого меньше. «Смотри на всё со стороны», — словно услышала слова Марьи Ивановны и кивнула ей, невидимой, но была уверена, что та наблюдает, наблюдает и ждет.

— Надюшка, — крикнул Николай, он о чем-то разговаривал с парнем на расписных санях, тот кивал, — прокатимся?

Она согласилась, зная, что еще есть время до того, как все наступит. Веселые кони в розанах, колокольцах и бубенцах нетерпеливо перебирали ногами. Николай заботливо укутал Надю в тулуп, сел рядом, обняв за плечо.

Кони мчались так легко, что захватывало дух, дорога была «замазляной» на солнце, ухабистой, сани то и дело ныряли, то вверх, то вниз. В какой-то момент даже чуть не перевернулись, Николай испугался, потом неоднократно спрашивал у Нади: не болит ли чего? Нет, у нее ничего не болело. Напротив, она была счастлива!

Деревня звенела бубенцами, кричала гармошками, горела пестрыми красками нарядов, шуты и скоморохи шутили до слез, звучали задорные частушки, кружились хороводы. Люди легко скатывались с огромной ледяной горы. Надя riskовать не стала, к тому же Николай отговорил, напомнив о ребенке. Вот уж воистину странно было слышать об этом, она точно знала: в реальности не беременна, но здесь ведь иллюзии, то, чего она желала бы...

Посреди площади там, где шла Масленица, был поставлен высокий столб, облитый холодной водой. На нем повесили подарки, на самом верху — резной сундучок, украшенный камнями, наверняка дорогая вещица. Надя залюбовалась.

— Достать? — Николай поймал ее взгляд.

— Очень высоко, — покачала головой.

— Только не для меня, — он скинул верхнюю одежду, поправил шапку, потер руки и, азартно крикнув, полез. Несколько раз

соскальзывал, не падал, правда, но терял преодоленные этапы. Однако упорно двигался вперед, шапка свалилась с головы, когда Надя поднимала ее, услышала женские перешептывания: повезло же девке, такого парня отхватила!

Она победно улыбнулась, после этих слов стала такая гордость распирает, будто и в самом деле, Николай ей муж. А когда он все-таки добрался до макушки столба, все заплодировали, а он преподнес ей тот самый заветный сундучок, она поцеловала его при всех. Губы были разгоряченными и такими же мягкими, как у Фертовского. Нет же, это и был он, разве можно спутать его поцелуи с чьими-то еще?

Стали разводить костры, у самого большого собралось много народу, запели:

*Злость растратила зима,
Снег ее под солнцем тает,
Долгожданная весна
Дверь тихонько открывает.
Русь заводит хоровод,
Угощает всех блинами,
Приглашает весь народ:
Веселитесь люди с нами!*

В костер полетели блины — «гори, блины, гори, Масленица!». Несколько парней нарочно перемазались сажеей и давай стараться выпачкать других, в первую очередь, конечно, девушек. Николай, наблюдая за этим зрелищем, от души расхохотался.

— А ведь я тебя в прошлом году первой вымазал сажеей, помнишь, Наденька? — спросил он, легонько сжал ее руку, — а ты не стала возмущаться, смеялась в ответ.

Она кивнула, хотя, естественно, ничего не помнила. Нет, помнила, что назвал ее «дурнушкой» в самом начале их знакомства. Назвал и тут же забыл. Да, начало было неромантичным, не то, что здесь.

— Ты хороший, ты очень хороший, — Надя прижала его руку к своей щеке, — я буду скучать по тебе, — добавила тихо, но он расслышал.

— Скучать? — переспросил, но тут же отвлекся, Оксана громко рассказывала, что была такая история: давным-давно Масленица

вышла из сугробов, увидела мужичонку и подхватила его в пляс. Так и заплясала до смерти.

Надя, услышав рассказ, поняла, что пора, это знак. Она подошла к костру, бросила пучок соломы в огонь: ты сгоришь, как горит эта солома. Пепел твой развеют по полю.

Костер вспыхнул, искры целым фейерверком брызнули в стороны. Надя повернулась к Николаю:

— Я люблю тебя, — призналась она, обнимая его за плечи, — мы обязательно встретимся, в будущем. Мы это почувствуем.

— Как это — в будущем? — не понял он. — Разве ты куда-то уходишь?

— Я должна... — она сделала шаг назад, — я не могу тебе ничего объяснить, да ты и не поверишь. Но запомни одно: с тобой я везде счастлива...

На сей раз перемещение было безболезненным — просто щелчок и все. Хотя сознание, ну, никак не могло принять таких скачков в пространстве и времени.

Дом был старым, ветхим: пахло пылью, стены увиты паутиной, словно тюлем. Тускло горели свечи на столе, оплывшие, закопченные, в углу старая-престарая икона Спасителя. Значит, в доме жил кто-то верующий. Но кто хозяин или хозяйка этого дома? И куда он делся? Марья Ивановна именно про это перемещение говорила туманно, лишь намекала, да и то, Надя поняла совсем немного. Что она там просила сделать первым делом? Надежда прошла по комнате, осмотрелась.

Окна без штор, стекла давно не мыты, свет луны с трудом пробирался через них в комнату. Ночь глубокая, мрачная, безжизненная. После ярких красок Масленицы обстановка в этом месте казалась весьма неуютной.

Надя поёжилась, обняла себя за плечи. Так что же там говорила Марья Ивановна? «Найти в старом доме книгу и читать ее? И не спать, только не заснуть». А что за книга? И где тут её искать? Понятно лишь то, что Марья Ивановна Надю пугать не хотела.

Что-то в углу скрипнуло, Надя резко обернулась, сердце заколотилось так бешено, что стучало в ушах. Угол этой комнаты был самым темным. Она взяла в руки свечу, скрип раздался повторно,

несколько секунд раздумывала... Все-таки надо посмотреть — лучше знать, с кем или чем имеешь дело.

В углу находилось кресло-качалка, облезлое, с обломанными подлокотниками, в самом кресле — куча рваных тряпок. Это просто кресло, Надя вздохнула с облегчением. Оно было таким старым и потрепанным, что удивляло одно — как оно еще не рассыпалось?

Неожиданно тряпки зашевелились, Надежда заметила это краем глаза и отпрыгнула в сторону, уронила свечу, бросилась ее тушить, еще не хватало устроить пожар — тут все такое ветхое и разохшееся, что мигом вспыхнет.

— Мяу! — сказали тряпки в кресле, из-под них высунулась коричнево-рыжая морда, длинные белые усы, желтые глаза, розовый нос.

— Муся? — удивилась Надя. — Ты-то как сюда попала?

Вместо ответа кошка чихнула, вылезла из тряпок, принялась умываться.

— Вдвоем нам не так страшно, — Надя сходила к столу за свечой, — только не убегай, хорошо? Надеюсь, ты не согласишься есть? Тут точно ничего съестного не сыщется, а если и было, давно протухло.

— Мяу! — согласно отозвалась кошка, спрыгнула с кресла, которое стало так качаться и скрипеть, что угрожало разлететься на части. Муся сладко потянулась, еще немного полизала переднюю лапу и направилась к окну. Судя по поведению кошки, дом ей не казался незнакомым или представляющим какую-либо опасность. Надю это успокоило. Она вдруг заметила среди старых тряпок, из которых вылезла кошка, уголок чего-то твердого. Потянула его на себя, вытащила книгу. Вот так Муся! Мало того, что она появилась поддержать Надю, еще и указала, где находится книга. Надежда раскрыла ее — буквы были написаны от руки, витки такие замысловатые, вычурные, к тому же текст по-старославянски:

«В году 1200 по рождеству Христову случилось в селе Дивееве чудо превеликое и престрашное. Месяца сензорника, сиречь июля, 26-го дня собирал на закате солнца отрок Ясень, крещеный Варфоломеем, целебные травы на Кудрявой горе...

Надежда вздохнула, для чтения было мало света, она подтащила более или менее устойчивую табуретку к окну возле кошки. Муся, не мигая, смотрела вдаль. Надя сначала смахнула грязь со стекла, потом стала тереть его носовым платком, оказавшимся в кармане. По центру образовался довольно чистый круг обзора, через который теперь просматривалась улица: несколько таких же темных и старых домов с покосившимися крышами, без света и признаков жизни, хотя там могли спать, время-то ночное. С другой стороны деревни виднелся большой холм, хорошо освещаемый луной. Небо было звездным — много-много мелкого бисера — тишина и умиротворение.

Кошка сидела неподвижно, лишь временами сужала желтые светящиеся глаза да помахивала кончиком хвоста. Надя подумала и принесла к окну еще свечу.

— Муся, знаешь, я рада, что ты со мной, — Надя погладила ее по длинной пушистой шерстке, — ты замечательная кошка, умная и воспитанная, — та одобрительно постучала хвостом о край подоконника, — жаль только, что не разговариваешь, мы бы здорово пообщались. Как с твоей хозяйкой, — Надя улыбнулась, — Вика у нас разговорчивая, правда? Но, наверно, больше всего ты любишь своего хозяина? Вадим — уникальный, — при упоминании имени хозяина кошка повернула голову и внимательно посмотрела на Надю, — да-да, ты тоже это знаешь. И Вика поэтому и влюбилась в него.

Надежда раскрыла книгу и начала читать с того места, где остановилась. Но текст явно не поддавался чтению, местами были стерты целые слова, местами буквы. Зачем ей это читать? Надя закрыла книгу. Непонятно, по какой причине Марья Ивановна настаивала прочитать книгу. А если это не та книга? Если Надя ошиблась? Тишина-то какая. Сознание того, что ничего не происходит, рядом кошка, которая ведет себя спокойно, расслабило ее.

Надя поднялась с табуретки, стала ходить по комнате, но пол так жалостно скрипел, что она не выдержала — села на лавку у стены. Лавка была широкой и на удивление крепкой.

— Я только чуть-чуть полежу? — сказала Надя кошке, последняя никак не отреагировала.

Надя легла на лавку, закрыла отяжелевшие веки. Спать...

Глава 68

Заволновались луга, пробежал по ним сердитый колючий ветер, завыл в лесу волк — протяжно, опечаленно, зашумели на осинах листья, река забурлила — открылись кувшинки, замолчали птицы. До утра еще далеко, самое время подкараулить и погубить Солнце, а вместе с ним и жизнь.

Красота ее удивительна, даром, что неземная. Наряды лучшие, на голове — венец, в одной руке — зеленый венок, в другой — серп. Идет, трав не топчет, цветов не ломает. Оглядывается — очи печальные далекой звездой светят, но нет в них жизни, лишь смерть, кукует она тихо и грустно, сердце иссушает, косит вековое, разрывает неразрывное, небо с землей смыкает. Но идет не одна, рядом — бестелесные навии, вестники болезней. Спустилась с холма, прошла по деревне — холодом повеяло. Остановилась возле одного из домов, заглянула в окно: на подоконнике кошка чистит лапку, а на скамье человек спит. Спит? Сон его будет вечным...

Марана ударилась о землю, превратилась в ночную бабочку, облетела дом, нашла трубу — выюшка открыта.

Надя перевернулась, вытянула ноги, глубоко вздохнула. Еще вздох, еще... вдруг воздуха стало не хватать. Она не поняла: спит и задыхается во сне, или уже в реальности? На грудь стало что-то давить, Надежда закричала. Открыла глаза и ужаснулась: на ее груди сидела огромная, размером с хищную птицу, ночная бабочка, крыльями, словно руками, тянулась к ее горлу.

Надя схватилась за эти самые крылья и стала их оттаскивать от себя. Но не тут-то было. Мертвенно-холодные и твердые, словно панцирные, они неумолимо приближались к ее шее. На несколько секунд остановились, что-то щелкнуло. Надя замотала головой, забила ногами, попыталась выскользнуть из-под чудовища. Но не получилось, концы крыльев обвили ее шею и стали сжиматься.

Вдруг раздался дикий, просто леденящий душу, кошачий крик. Муся бросилась на гигантскую бабочку и вцепилась в ее тело, судя по всему мягкое, в отличие от крыльев. Разве с такими можно летать? Хотя подобных бабочек нет в природе.

Чудовище упало на пол, забилось в нервной агонии и так захлопало крыльями, что Надя ощутила, как ее буквально сносит

ветром. Она откатилась в угол и с ужасом наблюдала происходящее. Бабочка легко сбросила кошку с себя, но та не отступала, отскочив в сторону, сделала стойку и опять бросилась на врага. Зубы прошлись по жестким крыльям, лязгнули, но не причинили никакого вреда. Кошка сменила маневр, подскочила сзади, но враг опять успел увернуться. Зато Муся получила удар по своему боку, и сильный — оказалось, что у чудовища на концах крыльев по два шипа, и они задели ее. Кошка взвизгнула от боли, на пару мгновений отступила, враг тут же начал движение к Наде, та от страха даже пошевелиться не могла. Чудовище двигалось прямо на нее. Как только Муся поняла это, она, подобравшись всем телом, опять бросилась на врага.

Кошка все глубже вонзала свои острые зубы, а чудовище все сильнее вырывалось. Эта была настоящая битва, кошка получила несколько сильнейших ударов, правый бок ее кровоточил, вокруг валялись клочья рыжей шерсти. На секунду она все же ослабила хватку, чудовище воспользовалось моментом и рвануло изо всех сил. Кошка оказалась отброшенной мощной волной в сторону, ударилась о стену. Тем временем Надя вдруг поняла, что должна сделать: она опустилась на колени перед иконой Спасителя и начала молиться. В ее памяти неожиданно всплыли все молитвы, которым ее учила крестная. Надя молилась неистово, она знала одно: спасение в молитве. Помощи ждать не от кого, кроме Него...

Чудовище перестало атаковать, оно словно приросло к месту. Это подбодрило Надю. Она осеняла себя крестом.

Вдруг вспыхнуло: огонь сначала множеством искр разлетелся в стороны, а затем, превратившись в тонкие горящие нити, стал разбегаться по комнате. Он не пробовал мебель, паутину и стены, он их просто поглощал.

— Муся, где ты? — среди всего этого хаоса Надя бросилась искать кошку, видела, какие та получила увечья. А ведь она защищала Надю, едва ли не ценой своей жизни.

Тем временем пламя охватывало все большую площадь, дымило. Первым рухнул стол — затрещал и рухнул. За ним пали скамья и табурет.

— Муся, кис-кис-кис, — Надя металась от одной стене к другой, языки огня, угрожая спалить все на своем пути, подбирались ближе и ближе.

Наконец, Надежда обнаружила кошку, та забилась в угол за креслом, глаза от страха огромные, как два блюдца, раны кровоточат. Ни секунды не медля, Надя сорвала со стены икону, подхватила животное и устремилась к выходу. Сюда огонь еще не добрался, хотя так пахло дымом и гарью, что если не соришь, то отравишься. Наугад и почти вслепую Надя свернула налево по сеням и чуть ли не с налету врзалась в дверь, которая оказалась запертой. Только этого не хватало! Может, вернуться и выпрыгнуть в окно? Нет, там везде огонь. Тогда ничего не остается, как выбить дверь.

— Мусенька, подожди, здесь, в углу, — Надя положила икону, опустила кошку на пол, та опять забилась в угол. Надежда с размаху наскочила на дверь, доски жалобно закрипели, дверь закачалась, но не поддалась. Надя лихорадочно соображала: чем бы ее подцепить? Обыскала глазами сени: на покосившемся столе лежали странные предметы — рукоятка от топора, дырявый таз, рядом пара ручек от него и кусок кочерги или лома? Заорала от радости, схватила и стала ломать входную дверь...

Ночь дохнула свежим воздухом. Кошка выскочила на улицу вслед за Надей и тут же спряталась в ближайших кустах, сколько Надежда не кричала, она не отозвалась.

На огромном дереве неподалеку каркнула ворона, Надя вздрогнула. Она обернулась, кровля рухнула, дом превращался в дымящие руины. Все произошло так внезапно: чудовище-бабочка, битва ее и кошки, пожар... Они с Мусей чуть не погибли. Неужели все из-за того, что Надя перед этим просто уснула? А ведь Марья Ивановна предупреждала: «спать нельзя! Иначе последствия будут непредсказуемыми». Какими? Кто может знать?

Надя вытерла тыльной стороной ладони лоб и обнаружила, что он вымазан в саже, платок в кармане был не намного чище. Кроме того, платье на ней висело клочьями, будто это она, а не кошка боролась с чудовищем. Настоящий кошмар, и она сама виновата во всем.

Надя вздохнула, хорошо, что все кончилось не так плачевно, как могло бы. Она взяла в руки икону и пошла по тропинке, куда и зачем? Не знала, но ведь не стоять же здесь возле разрушенного огнем дома и смотреть, как тот догорает... А чудовище? Ведь оно никуда не делось. А вообще, каким образом оно попало в дом? Дверь была закрыта, окна

тоже. Хотя в этой реальности возможно все — Марья Ивановна и об этом предупреждала. А бабочка? Надю осенило: Марана способна к оборотничеству, они читали об этом! Неужели она боролась с самой Мараной?! Страх заставил дрожать каждую клеточку, холодный пот градом покатился по лицу. Надя обернулась и опять посмотрела на уже тлеющий дом. Неужели все позади?

— Мяу! — по дорожке, прихрамывая, бежала Муся: хвост трубой, лапки в белых носочках, на боках кровь уже стала запекаться.

— Ну, иди, иди ко мне, — Надежда взяла ее на руки, та сразу заурчала, потерлась о ее шею. — Ты в порядке?

Муся заурчала еще громче.

— Ты знаешь, что ты — лучшая кошка на свете? — улыбнулась Надя.

— Мур, — кошка внимательно посмотрела на Надю, и вдруг так растянула мордочку, словно улыбнулась, сощурила желтые глаза.

— А теперь — домой? — Надя свернула с тропинки, увидела дорогу, ведущую в другую деревню, вывеска гласила «Беляниново». Вот это да! Не ожидала ничего подобного, хотя пора бы привыкнуть, что здесь возможно все.

Солнце поднималось из-за горизонта, природа просыпалась.

— Дойду до дома Вадима, отосплюсь, — решила она. Ведь худшее уже позади, это точно, уже не сомневалась.

Глава 69

В этот день все не заладилось с самого начала. Мало того, что съемочная камера вышла из строя — Фертовский долго с ней возился, так еще пошел дождь, который не дал возможности снимать с одной из обзорных площадок, и Майкл решил отложить съемки. После обеда Актер уехал в имение родителей своей супруги, обещав вернуться к завтрашнему дню.

Николай некоторое время побыл в гостинице, почитал, затем решил выйти на улицу. Дождь закончился, Фертовский с наслаждением вдохнул запах влажных каменных мостовых, усилившиеся ароматы, приносимые ветром из кофеен и мини-пекарен. Генуя ожила.

Фертовский долго бродил по ветвистым улочкам города, слушал то здесь, то там быструю итальянскую речь, сопровождаемую пылкими эмоциями и активными жестами. Итальянский язык — это все вместе: и слова, и движения, и мимика. Опять вспомнился учитель Корсо, да он и не забывался. Едва ступив на землю Генуи, Николай ощутил и сердцем, и душой, что Корсо здесь: учитель не умер, он просто вернулся на Родину.

На город стал спускаться вечер, центральные улицы заиграли иллюминацией, но Николай решил уйти подальше от многоголосой суеты и огней, побыть наедине с самим городом.

Переулки, повороты, здесь так легко заблудиться, но ему даже нравилось шагать в этой неизвестности. Она обладала каким-то невероятным притяжением, что там — за следующим поворотом?

Зазвучала музыка, сначала тихая, едва слышимая где-то за одним из поворотов слева, Фертовский прошел мимо, но спустя несколько секунд вернулся, музыка звучала негромко, но она звала, манила. Правда, переулок, откуда она доносилась, был без освещения, очертания домов едва угадывались. Но он все-таки пошел. Звуки музыки стали усиливаться, поворот, еще один — крошечная площадь, под старинным фонарем играл скрипач, юноша лет шестнадцати, не больше. Одет был в черный потертый сюртук, длинные волнистые локоны лежали на плечах, острый тонкий нос, сжатые ниточкой губы, черные огромные глаза — удивительное лицо, сколько в нем грусти и обреченности! Худенькие, еще подростковые плечи вздрагивали от усердия, длинные руки двигались с невероятной скоростью, смычок в них казался живым и он управлял музыкантом, а не наоборот.

Фертовский подошел поближе, около музыканта на мостовой лежал футляр от скрипки, в нем несколько монеток.

«Не густо», — подумал Николай. Хотя мальчишка явно старался: все его существо изливало музыку, мелодия не то, чтобы была красивой, скорее, эмоциональной, она жила в нем, являлась его неотъемлемой частью. У Николая защемило сердце, так бывает, когда музыка волнует, навеивает что-то личное. Он подумал о Наде, о своих чувствах к ней — эта разлука была первой после их ссоры перед Новым годом, уехав в Италию, он все время думал о жене. Он любил ее по-настоящему — разумом, душой, телом... Он боялся потерять ее, и мысли не допускал, что когда-нибудь может наступить такой момент,

что они станут чужими друг другу, и виной тому — его ошибка. Как бы он хотел повернуть время и все исправить. Но нет, приходится мириться с реальностью и с тем, что сейчас, в Генуе, он один, без Нади, бродит по незнакомым улочкам ночного города, который, на самом деле, чужой и равнодушный. И даже этот мальчишка с талантом гения вынужден зарабатывать, играя на улицах, а цена ему — несколько монет в футляре от скрипки. Фертовский, не раздумывая, бросил в футляр все деньги, что у него были с собой. Нет, не жалость и благотворительность двигали им — он словно платил за свои ошибки, наивно надеясь, что избавившись от денег, так же избавится от мук совести.

— Это слишком много, — за спиной прозвучал низкий хриплый голос. Николай резко обернулся: человек в темном плаще и в шляпе с полями, скрывающими лицо, — он не заслуживает и половины, — добавил незнакомец. Скрипач, ни на кого не обращая внимания, продолжал играть. — А вот ты, — человек в темном сделал паузу, поправил шляпу, еще больше прикрывая лицо. Николай обратил внимание, что рукава плаща такие длинные, что кисти рук безнадежно тонули в них, ни одного дюйма живой кожи. — Ты можешь получить индульгенцию, такой шанс выпадает не каждому даже здесь, на Земле.

— Индульгенцию? — удивленно переспросил Фертовский.

— Сегодня как раз такая ночь: ночь отпущения грехов, — незнакомец саркастично усмехнулся.

— Кто Вы? — Николаю вдруг стало страшно.

— Есть вопросы, ответы на которые лучше не знать. Какая тебе разница: кто я? — отмахнулся он: судя по тону, явно начал терять терпение. — Мы теряем время, второго случая может и не представиться. Ведь так? А ошибки надо исправлять. Ведь любовь так легко потерять — трещина, даже если тебя простят, со временем превратится в пропасть. Но сейчас у тебя все еще есть шанс.

— Как я могу изменить то, что уже произошло? — Николай решил уже больше ничему не удивляться, незнакомец читал его мысли как книгу. — Прошое не изменить.

— Можно изменить настоящее, — он пожал плечами, — а связь времен неразрывна. Все-таки человечество, — он опять усмехнулся, — ни в малейшей степени не ценит того, что имеет, особенно, Его любовь. Он для нас настоящий Отец, Он всегда дает вам свободу

выбора. У другой стороны такого выбора нет, а плата идет по всем счетам, да еще с процентами.

— Что я могу сделать? — Фертовский запустил пятерню в волосы, нервно откинул их.

— Сейчас? Слушать музыку, — незнакомец посмотрел на скрипача. Тот взмахнул смычком, зазвучала музыка. Николай напряг память: ведь он уже слышал эту композицию и совсем недавно. Точно! Это было, когда Актер в фильме рассказывал о Николо Паганини, о той самой легенде, согласно которой Паганини будто вступил в сделку с самим дьяволом за умение виртуозно играть на скрипке — жители порта до сих пор слышат по ночам ее звуки. Режиссер тогда пустил за кадром музыку Джузеппе Тартини «Trille sonate du diable» — «Соната дьявола».

Она звучала все громче и громче, уже просто оглушала. Николай закрыл глаза и вдруг ощутил, что стал резко уменьшаться в росте, будто все кости разом зашевелились. Это было почти не больно, скорее, странно и непривычно. Необычные ощущения продолжались: рост перестал уменьшаться, но неожиданно захотелось встать на четвереньки — находиться в вертикальном положении было крайне неудобно. Едва Фертовский оказался на четвереньках, почувствовал, что теперь меняется его кожа, ее покалывало во всех местах, где-то даже зудело. Как только зуд и покалывания прекратились, все поры кожи словно открылись, из них полезли волоски. Он с ужасом наблюдал, как в считанные секунды оброс шерстью — мягкой, длинной! Невероятно! Что за магия? От ужаса он попытался закричать, но не смог, лишь коротко мяукнул! Точнее, издал звук, похожий на кошачий. И только сейчас заметил, что обострилось обоняние: в нос ударили десятки запахов, в основном, неприятные, особенно — запах старых тряпок, они были повсюду, словно большой тюк, необходимо выбраться из них.

Он буквально онемел, когда смог, наконец, высунуть морду и увидел ... Надю! Она была поражена не меньше него. Теперь — такая огромная — смотрела на него сверху вниз.

— Муся? Ты-то как сюда попала? — и голос у нее был такой громкий, что у меня зазвенело в ушах. Но хуже всего — тряпки — они окружали его со всех сторон, старые, рваные. Николай чихнул, наконец, вылез наружу. Чтобы хоть как-то избавиться от навязчивого

запаха, он принялся себя... лизать! Невероятно, но это помогло: длинный шершавый язык оказался настоящей щеткой, кроме того, абсолютно все суставы обладали такой гибкостью, какую имеет не каждый гимнаст. Николай оглядел себя внимательно: он стал животным, кошкой! Не может быть!

Надя что-то сказала про еду, он хотел ответить, но опять лишь мяукнул. Какое необычное состояние: ты в теле кошки, говорить не можешь, однако понимаешь и мыслишь как человек. И Надя такая непривычная — она такая большая и голос у нее громкий. Но что это за дом? И почему они здесь?

Николай прошелся по скрипящим половицам, принялся: ничего особенного — все старое, пыльное, у потолка бегали какие-то тени — это сущности тонкого мира, но они совершенно безопасны, типа мотыльков-призраков. Вот это да! Он может видеть больше, чем простой человек! И мыслит он в двойном ключе, ведь снаружи он — кошка. Опять попробовал потянуться — хорошо! Ощутил каждую косточку. А как с прыжками? Он с легкостью взлетел на подоконник. Надя тут же устроилась рядом, подставив себе старый табурет, взяла в руки какую-то старую книгу, попыталась ее читать, но быстро бросила это занятие. Надежда провела рукой по шерсти кошки — оказывается, очень приятно. Он всегда знал, что у его жены ласковые и нежные руки, но тут блаженство прикосновения было в десятки раз сильнее, словно искорки пробежали по каждой шерстинке. Вот почему кошки и коты так любят, когда их гладят — это не просто ласка, это удовольствие, да еще какое! Неожиданно для себя он заурчал и лизнул ей руку. Надя улыбнулась. Как же ее красит улыбка, будто вся светится.

— Муся, знаешь, я рада, что ты со мной, — Николай, услышав эти слова, постучал кончиком хвоста о край подоконника, тем самым выражая согласие. И он тоже очень рад, хотя и в такой необычной ситуации, хотя и не знает, ради чего все это затеяно, и чем кончится. Однако то, что Надя рядом — уже прекрасно.

Надя опять открыла книгу и стала читать вслух, Николай слушал и смотрел вдаль. Сначала было все безмятежно и тихо, но в какой-то момент, когда Надя, устав, погрузилась в дрему на лавочке у стены, Николай почувствовал беспокойство. Оно было едва ощутимым — так, по телу пробежала легкая дрожь. Но когда дрожь повторилась, он

забеспокоился не на шутку. Стал напряженно вглядываться туда, где шумел лес — зрение было таким острым, что на первых порах от непривычки даже резало глаза, но он приспособился. На опушке леса стоял волк: выл, протяжно, печально, выл не к добру. Трава на лугу заволновалась, словно живая, река забурлила. Что-то такое явно приближалось к деревне, но что? Вот здесь Николаю не помогало ни зрение, ни обоняние. И все же он чувствовал беду. Какими удивительными качествами обладают представители семейства кошачьих! Воистину поверишь, что древние считали кошку священной, ведь ей столько дано от Создателя. Вот только в шерсти что-то движется и покусывает. Николай внимательно осмотрел свою белую лапку...

Вдруг услышал хрип, обернулся и к своему ужасу увидел, что на груди Надежды сидит что-то темное и большое, душит ее. Николай издал боевой клич и, не раздумывая ни секунды, бросился ее спасать.

Никогда и ни с кем он так не боролся, да и противника, подобного этому, у него не было. Мало того, что существо превосходило его в размерах раза в три — оно еще и обладало недюжинной силой. На концах его жестких крыльев были шипы, они причиняли невероятную боль — Николай почувствовал будто в бок воткнули острие ножа. На пару секунд он потерял ориентацию, в глазах задвоилось. Но видя, что чудовище опять нацелилось на Надю, он собрал все свои силы и бросился на врага...

Как только зубы глубоко вошли в мягкую плоть чудовища, оно стало извиваться и дергаться. Неожиданно у самого уха Николай услышал женский голос, молящий о пощаде: «Отпусти! Отпусти, мне больно!» Он растерялся. Чудовище воспользовалось моментом и рвануло изо всех сил. Николай оказался отброшенным к стене, получив удар по голове, сразу обмяк.

Тем временем Надя бросилась на колени перед старой иконой, стала читать молитвы. Молилась она горячо, даже неистово, размашисто осеняя себя крестом. Не оборачивалась, но не из-за страха перед чудовищем, а затем чтобы ни на секунду не перестать молиться... Чудовище шипело, но с места больше не двигалось, будто его приковали. Тем временем свеча на краю подоконника перевернулась, искра попала на тряпицу, что была рядом.

Потом Николай плохо помнил происходящее: слышал голос Нади — она звала его, точнее, ту, в теле которой он находился — кошку Мусю. Дом охватил пожар, все горело, валил дым, трещали остатки мебели. Надежда схватила икону и кошку, их надо было спасти. От потери крови и ударов Николай едва соображал, к тому же его сильно тошнило. Когда оказался снаружи, рванул в ближайшие кусты. Понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя. Дом рухнул окончательно, поленья превращались в пепел. Но не это произвело на него самое сильное впечатление — голос, мольба о пощаде. Кто стоял за этим ужасным обликом? Или ему показалось? В любом случае, слава Богу, они успели спастись.

Николай увидел, как она, усталая, плетется по дорожке вниз, к краю деревни. Он побежал за ней. Когда оказался на ее руках, стал ласково тереться об нее. Любимая...

Фертковский дернулся, открыл глаза. Понадобилось некоторое время, чтобы сообразить, где он и что с ним. Постель гостиничного номера была основательно помята, будто здесь и правда, шла борьба. За окном поднималось теплое солнце Генуи. Надо же такому присниться?! Он в теле кошки, старый дом, пожар, Надя.

Николай поднялся с кровати, вдруг ощутил боль в правом боку, невольно прижал к нему руку: на пальцах осталась кровь...

Глава 70

— Николенька! — Надя увидела мужа в аэропорту, замахала рукой. Он, заметив ее, тоже махнул в ответ, поправил сумку на плече.

— Привет, родная! — первым делом поцеловал в губы.

— Как ты долетел? — Надя улыбнулась, обратив внимание, что муж, видимо, не брился уже значительное время. Вопреки общепринятым меркам, ей нравилась мужская щетина, была в этом какая-то настоящая мужественность, небрежная привлекательность.

— Все хорошо, — отозвался он, — только я соскучился, — добавил уже тише.

— Я — тоже. Приехала на твоём джипе, подумала, тебе будет приятно на пути домой сесть за руль.

— О, моя мудрейшая и прозорливейшая! — он улыбнулся.

— Льстиво несколько, но приятно, — она засмеялась. — Все в порядке? Работа закончена?

— Почти, думаю, Майкл остался доволен. А у меня для тебя сюрприз, — Фертовский хитро прищурился. — Сейчас или дома?

— Конечно, сейчас! — воскликнула Надя. — Ты же знаешь, мне не утерпеть.

— Тебе понравится, — он полез в сумку. Достал из нее конверт без опознавательных знаков, к тому же незапечатанный, — это лично для тебя, — не сдержал улыбку.

Надя взяла конверт, в нем лежала фотография с подписью на английском языке: ее имя, пожелания, автограф. Теплый взгляд карих глаз, темные кудри, ямочка на щеке.

— Ты видел его? — воскликнула Надя. — Но где? Каким образом вы встретились?

— В это трудно поверить, но оказалось, что мы вместе работаем над съемками фильма. Твой любимый Актер давал комментарии в кадре. Они с Майклом большие друзья, — пояснил Николай. Сел за руль, завел машину. Несмотря на его любовь к путешествиям, он сейчас с ясностью осознал, как хорошо оказаться в знакомой обстановке, привычным движением повернуть ключ зажигания, услышав ласковое рычание мотора, коснуться руля и поехать домой, просто поехать домой.

— Неужели? — глаза Нади загорелись. — Расскажи мне все по порядку, хорошо?

Он с удовольствием окунулся в воспоминания: Уинтерботтом, съемки, Генуя, ее очарование. Поездка оказалась удивительной, необычной, он будто отдал дань памяти своему учителю, увидел Италию его глазами. А тесное общение с Актером оказалось дополнительным приятным бонусом. Николай рассказал Наде о том, что на съемки приезжала жена Актера. Пообщавшись с ней, Фертовский понял одну истину. Он всегда иронично относился к утверждениям Нади относительно того, что похож на мистера Дарси, но когда жена Актера совершенно искренне призналась, что находит сходство очевидным, а ведь ее муж играл Дарси, Николаю пришлось задуматься. Забавно, он даже в зеркало себя рассматривал. Неужели, это правда?

— Николенька, спасибо тебе большое за снимок и автограф! — Надя поцеловала его. — Ты сделал это для меня, ты и, правда, уникальный! Знаешь, — она задумалась, — ты в десятки раз лучше мистера Дарси, ты — настоящий!

Он улыбнулся, рассказал все, кроме одного — той самой ночи, когда произошло то странное событие: то ли сон, то ли явь. Однако бок болел несколько дней, пока рана не затянулась, да и на теле оказалось множество синяков. Что же это было? Почему все это, так или иначе, связано с Надей?

Когда приехали домой, он заметил ожог на ее руке и пару синяков на шее, спросил причину — Надя смутилась, пролепетала что-то несвязное в ответ. Какие-то мистические совпадения и рассказать-то о них не сможешь. Сама история нелепая, а уж его превращение в кошку...

— Ты веришь, что я люблю только тебя? — Фертовский прижал жену к себе.

— Конечно, — отозвалась она, — а в связи с чем ты об этом меня спрашиваешь?

— Ты не должна сомневаться во мне ни на секунду.

— Ну, полностью быть в ком-то или чем-то уверенным, мне кажется — это обманывать, прежде всего, самого себя. Все в этом мире переменчиво, и надо быть готовым ко всему. Однако оптимистичный взгляд на жизнь мне нравится больше.

Надежда проснулась среди ночи, снилось что-то тревожное, но она не вспомнила. Вообще, нормально спать стала совсем недавно, всё во снах видела кошмары, о которых никому не рассказывала, даже Марье Ивановне. Они толком и не обсудили случившееся. Тогда утром Надя проснулась в доме Вадима и Вики, в своем времени, под боком спала кошка, живая и невредимая. Марья Ивановна оставила лишь записку, что больше не о чем беспокоиться, сама срочно уезжает в город. Днем позвонила Виктория и сообщила, что выезжает и скоро будет в Беляниново. С Вадимом все в порядке.

Надя вернулась домой. Постепенно впечатления стали ослабевать, эмоции от пережитого притупляться, только по ночам еще виделись кошмары, но и они вскоре исчезли.

Мужа в постели не было, значит, ему опять не спится, наверное, повлияла смена климата. Надежда прошла в кухню, так и есть: сидит за столом, в руке — сигарета, лицо мрачное.

— Что-то не так? — Надя уже определяла по выражению лица: расстроен и еще как. Он потер лоб, поморщился.

— Помнишь, перед отъездом разговор с моим отцом? История о скандальных фотографиях и выдвинутые обвинения в мой адрес?

— Да, помню, конечно, — Надя села напротив, проявляя терпение, дождалась, пока он достанет еще одну сигарету, закурит.

— Так вот, — он выпустил дым в сторону, — в Генуе я видел того человека, который много лет назад был любовником моей матери. Я имел честь его видеть, — фраза прозвучала с нескрываемой желчью.

— Неужели такое возможно? Ты не ошибся, это точно он? — усомнилась Надя.

— Он, я же разговаривал с ним. Сначала он хотел от меня сбежать — принял за мужа очередной соблазненной им юбки, но я догнал его и принялся выяснять совсем иное. Тогда он успокоился. Знаешь, за эти годы он изменился, постарел, изрядно набрал в весе, но я узнал его, в память накрепко врезалось это самодовольное лицо.

— И что же он сказал? Ты ведь узнал о том, кто опубликовал эти снимки?

— Да, — Николай тянул с признанием, уже пожалел, что завел этот разговор. Хотя кто, как не жена, все поймет правильно, да еще утешит? — Их отдала журналистам... моя мать, она заранее наняла фотографа, она все продумала.

— Твоя мама? — воскликнула Надя. — Не понимаю, зачем ей это было надо? Она прекрасно знала, что случится скандал да еще какой! Ведь если их связь раскроется, муж не простит ей измены.

— Ей было плевать на его прощение, — резко отозвался Фертовский, его тон был сейчас пугающим, означало, что он либо злится, либо раздосадован, — она хотела уйти от моего отца, уйти со своим любовником, которого давно уговаривала все бросить и бежать. Он обещал, тянул время, передвигал сроки, придумывал причины, по которым они пока не могут этого сделать. Она чувствовала, что любовник ускользает от нее, но отказаться от него она уже не могла, да и не хотела. Видимо, любила по-настоящему. Это была ловушка для нее самой...

...Будучи в отчаянии, Софья Фертовская решилась на радикальные меры. Вот только она не предполагала, что любовник предпочтет отказаться от нее и трусливо сбежит. А муж ее просто не смог простить. В Россию вернулись разными дорогами, отец без проблем добился того, чтобы сын жил с ним, Софья не возражала. Ей вообще тогда было не до сына, хотя когда ей было до него?

Она избавилась от всех разом. Жалела ли о своем поступке? Неизвестно. Сейчас Николай был склонен думать, что она тогда хотела быть рядом только с итальянцем. Женское сердце, способное на сильную страсть, так же сильно может возненавидеть, но если вектор судьбы развернется...

— Они встречались после всего случившегося? — догадалась Надя.

— Да, спустя несколько лет, когда она смогла уже теперь беспрепятственно ездить за рубеж, Софья Фертовская поехала в Италию и разыскала своего бывшего любовника.

— Он к ней вернулся?

— Нет, конечно. Интерес к этой женщине был давно уже утерян, к тому же она испортила его карьеру, а этого простить ей он точно не смог, — Николай произнес таким тоном, что Надя поняла — передает дословно речь итальянца.

— Значит, твоя мама осталась одна?

— Не думаю, наверняка утешилась еще кем-то. За все эти годы она не вспомнила ни обо мне, ни об отце.

— Как ты думаешь, где она сейчас может быть? — Надя покрутила пепельницу вокруг оси, чуть не перевернула.

— Мне это совершенно неинтересно! — отрезал Николай и передвинул пепельницу. — А теперь — тем более.

— Почему теперь?

— Как ты не понимаешь? — он опять стал злиться. — Я всегда думал, что моя мать просто от природы неспособна любить. Я не видел от нее ничего, кроме раздражения и нескрываемой скуки, она нас терпела, небескорыстно, конечно, за положение в обществе и материальный достаток. Мне казалось, итальянец был для нее развлечением — жажда приключений и все такое — но любить... Ради него она опозорила себя! И теперь представь, какие она испытывала к

нему чувства? Да еще потом приезжала и опять унижалась. Она просто... — он сжал губы, не давай вырваться оскорблению.

— Пожалуйста, успокойся, — Надя притронулась к его руке, — в любом случае, нет смысла так горячиться.

Николай вскочил, с грохотом оттолкнул от себя стул.

— Никому не пожелаю оказаться на моем месте. Тебе меня понять трудно.

— Я пытаюсь это сделать, понять тебя, разве не так? — она подошла к мужу, посмотрела в его глаза.

— Я знаю, — он поморщился от досады на самого себя, обнял ее за плечи, — прости за упреки. У меня есть чем жить и кого любить. Жаль лишь одного, — он сделал паузу, — для собственного отца я — предатель. Придется смириться и с этим.

— Но ты же можешь рассказать Владимиру Григорьевичу о своей встрече с итальянцем?

— Я никогда не сделаю ничего подобного. Я не стану оправдывать себя ценой обвинения другого, тем более, собственной матери, какой бы она ни была.

Глава 71

Дверь открыла пожилая худощавая женщина, по всей видимости, домработница, Надя слышала о ней от мужа.

— Здравствуйте, мне необходимо поговорить с Владимиром Григорьевичем! — как можно решительнее произнесла Надя. Всю дорогу чуть ли не заучивала слова и настраивала себя на тон делового человека, тем более что аргументы в ее пользу имелись, да еще какие! Правда, пришлось на славу потрудиться, зато игра стоила свеч. Теперь главное — быть спокойной и убедительной.

— Проходите, пожалуйста, хозяин Вас ждет, — домработница с плохо скрываемым любопытством посмотрела на незнакомую молодую женщину. Значит, все-таки пришла! Да она годится ему в дочери! Вот уж воистину не поймешь этих мужчин: на старости лет гоняются за девицами, пыжаты, ведут себя так, словно им это вернет молодость. Не вернет! И Владимир Григорьевич туда же, и о принципах своих, и о морали своей совсем позабыл. Но нет худа без

добра, зато в своем увлечении хоть сына оставит в покое. Николенька поживет без нравочений и вмешательств отца.

— Ждет?! — удивилась Надя. Такого поворота она не ожидала. Вслед за домработницей прошла в гостиную, осторожно села на краешек высокого стула, невольно выпрямила спину. Огляделась: наверно, что-то подобное можно увидеть в антикварных магазинах. Хотя Надежда в них ни разу не была, но почему-то, судя по окружающей обстановке, подумала именно так. Стол, стулья, камин, комод, канделябры, что еще? Отделка под старину или это и, правда, все старинное? Дом-музей. Теперь понятно, почему у мужа царил в квартире минимализм: его достала антикварная помпезность.

— Машенька, как я рад! — в гостиной появился Фертовский-старший. Надя остолбенела: потертые джинсы, черная рубашка, конечно, без галстука, две верхние пуговицы расстегнуты, блеснула в прорези цепочка, но главное даже не это — лицо! Улыбка, ямочки, легкий румянец на тщательно выбритых щеках и во всем облике такая молодость, такая энергичность, что на секунду Надежда усомнилась: свекр ли перед ней? Увы, иллюзии быстро рассеялись.

— Что Вы здесь делаете? — улыбка слетела с уст, на смену ей пришли презрительно поджатые губы, нахмуренный лоб, сдвинутые брови.

«Боже мой, надо же Николеньке внешне так походить на своего отца! Радуетя или сердится — выражение лица такое же», — подумала Надя, а вслух сказала:

— Мне надо с Вами поговорить, — то, что она явно застала его врасплох, придало ей уверенности, даже захотелось улыбнуться.

— Вы выбрали не самое подходящее время, — он невольно посмотрел на часы. Но тон все-таки был не гневливым. Неужели девочка, о которой говорил муж, растопила это каменное сердце?! Кажется, Маша? Ну да, судя по восклицанию, Фертовский-старший ждет именно ее. — И вообще, о своих визитах надо сообщать заранее. Хотя, о чем я? Разве от таких, как Вы, можно ожидать знания подобных тонкостей?

— Таких, как я? — с насмешкой в голосе переспросила Надя. — И в чем же превосходство таких, как Вы?

— Во всем, моя дорогая!

— Например? — ей стало даже интересно. Она впервые вступила со свекром в открытый диалог, который, конечно, был больше похож на конфликт, однако отец Николая, по крайней мере, снизошел до разговора, а это уже полдела. Хотя его витиеватая речь об истинном аристократизме и хороших манерах оказалась довольно скучной — Надя слушала в пол-уха. Нового узнала мало, многое просто подтвердилось. Немудрено, что ее муж был воспитан в атмосфере снобизма, высокомерия и собственного превосходства над окружающими.

— Хорошие манеры, — Надя произнесла эти слова, как только свекр замолчал. Поднялась со своего места, сделала несколько шагов в сторону окна, обернулась, — действительно, в них нет ничего плохого, но до тех пор, пока они не начинают вытеснять подлинное внимание, участие, симпатию.

Фертовский-старший расширил глаза.

— Знаете, чем в социуме, которым Вы так гордитесь, нередко подменяется такое понятие как искренность? Дешевым суррогатом выхолощенных манер! Не верю, что Вы никогда не ощущали этого на себе. Тем более что среда-то не совсем Ваша, социум не родной.

— Что Вы имеете в виду? — выдавил Фертовский. Он был поражен речью невестки — такой открытой и даже дерзкой.

— Мне было любопытно узнать кое-какие факты, понять, чем же так гордитесь Вы в отношении своего рода. Ощущение «голубой» крови — это лишь психологическая составляющая собственного сознания, активно навязанная, как правило, внешними факторами. Вы просто хотите казаться таким, в это верите, наверняка, искренне. Внушение — великая вещь.

— Я не желаю Вас больше слушать, — он стал злиться. — Вы пришли сюда, чтобы унижать меня?

— Отнюдь, — Надя не теряла самообладания, хотя видела, как багровеет лицо ее оппонента. В гневе даже Николай его боялся и предпочитал не раздувать пламя, но Надя осознавала, зачем пришла сюда, и что второго шанса быть не может.

— Я вовсе не собиралась Вас унижать, Владимир Григорьевич. Несмотря ни на что, я уважаю Вас как отца своего мужа, Вы вырастили и воспитали Николая и, наверное, по-своему его любите. Вот только ему слишком сложно с этой Вашей любовью. Позвольте

ему самому делать выбор, ошибаться, выигрывать, идти вперед, познавать. Каждый сам строит свою жизнь.

— Дочка, Вы и понятия не имеете о том, как больно родителям, когда их ребенок несчастлив, когда он идет по ложному пути.

— Ложному? Но ведь истина — понятие весьма относительное, и она таит в себе столько загадок, она так непредсказуема.

— Мне неясны Ваши намеки, — он больше не злился, но явно потерял интерес к разговору, более того, демонстративно поглядывал на часы и тем самым давал понять, что желает избавиться от общества Нади, как можно скорее.

— Я позволила себе исследовать родословную Вашей фамилии — Фертовский, — она поняла, что медлить больше нет смысла, пора открывать все карты. — У нее очень интересный корень, в старославянском языке это буква «Ф», ее название. Но именно этот путь меня никуда не привел, как я не старалась раскопать что-либо. Если не кириллица, тогда латиница, решила я. Так и есть! — глаза ее засияли. Свекр поджал губы. — Изначально Ваши потомки были вовсе не Фертовскими. Тульская губерния XVII века, крестьяне Астафьевы, — Надя достала из сумочки свернутый рулон, раскатала его на столе. Длинный список имен и фамилий был оформлен в виде древа с ветвями, стволом и корнями. У корней внизу стояло имя «Иван Астафьев». — Замечательный, надо признать, был человек, славился своими изобретениями на всю округу, имел грамоту от самого губернатора.

— И причем здесь я? — Владимир Григорьевич поморщился. Само слово «крестьянин» уже его смущало.

— А Вы смотрите дальше, — Надя указала на ствол, — видите, здесь, начало XIX века, правнук Ивана Астафьева — Александр, участвовал в войне 1812 года. Я выяснила, что он отличился в нескольких сражениях, был ранен, представлен к награде.

У Александра родились две дочери, одна из которых — Екатерина — отличалась незаурядными музыкальными способностями, к тому же прекрасно пела. Будучи на гастролях в Англии, она страстно влюбилась в весьма среднего скрипача, обедневшего английского дворянина, можно сказать, голову потеряла из-за него. Привезла в Россию к отцу и выложила все начистоту: дескать, влюблена, честь отдала, другого пути нет, как идти под венец. Вторая дочь тем

временем твердо решила уйти в монастырь. Матушку чуть удар не хватил.

Делать нечего, обвенчали Екатерину и Джона в местной церкви, и стала она носить фамилию Ферт или Ферс, на конце буква «с», это если по-английски, а на русский манер «Ферт». Так Астафьевы превратились в Ферты.

Однако это не все. Непривычная русскому слуху короткая фамилия Ферт стала Фертовской из-за ассимиляции с польской княжной Беатой Блажевич. Только тут произошло вливание аристократических кровей. Муж ее, Вениамин Ферт, был простым врачом, правда, невероятно красивым. Вот и влюбилась Беата. Вздорная, авантюрная, она была проездом в России, путешествовала, подхватила простуду в маленьком городке. Доктор, который ее лечил, просто свел ее с ума своей обходительностью и внешней красотой. Беата решила женить его на себе, взяла фамилию мужа, но на польский манер, уговорила и его на это. Так появилась семья Фертовских.

Глава 72

— Вот Ваши Вениамин и Беата, — Надя указала на ветви дерева с правой стороны. — Продав в Польше свой маслозавод, пани Беата перебралась в Россию. Предприимчивая, надо сказать, была женщина. Она и в Российской империи жила на широкую ногу, но не только благодаря своему наследству. Ум имела аналитический, разбиралась в экономике, приняла участие в нескольких прожектах и получила с них солидную прибыль, при этом меценатствовала, даже зналась с родом Юсуповых. Правда, с мужем жила плохо, он не одобрял ее образа жизни, не привык к такому. В весьма, по тому времени, солидном возрасте родила ему сына Андрея или Анжея, который унаследовал от матери все выдающиеся качества ее ума и характера, а от отца — внешнюю красоту. Женился он удачно, тем самым приумножив капитал семьи, но самое важное, что впоследствии смог уберечь, то есть спрятать, часть капитала от Советской власти, но спрятал не только капитал, но и свое происхождение. Женился, заимел двух сыновей, одного из них назвал Григорием, ну, а дальше Вы сами знаете, Владимир Григорьевич, — Надя умолкла — все что хотела,

сказала, даже больше. Рассказ прозвучал эмоционально и живо, по крайней мере, собеседник не перебил ни разу и было заметно — слушает внимательно.

Несомненно, родословная богатая, есть чем и кем гордиться, а родоначальниками все же были Астафьевы — крестьяне Тульской губернии, от которых не открестишься. И почти в каждом поколении были мезальянсы, то с одной, то с другой стороны.

Фертовский молчал, вероятно, обдумывал услышанное. Сомневаться в словах невестки не приходилось, часть из рассказанного он знал от своего отца и дяди, но только часть и именно ту, о которой они предпочитали вспоминать.

— Мне нечего добавить, — Надя прервала безмолвие, так и не дождавшись никакой реакции от свекра. Впрочем, то, что он не возражал, не выдвигал никаких контраргументов и не пытался что-то доказать, ее вполне устраивало. Спорить, тем более, ссориться с ним она не собиралась. Направилась к выходу, не успела протянуть руку к двери, как та открылась сама.

— Ты?! — глазам своим не поверила. — Как ты здесь оказалась? — она обернулась, посмотрела на свекра. Он нервно взъерошил волосы, прищурил один глаз. Хватило прихода невестки и ее речей, чтобы выбить его из колеи, а тут она еще увидела Машу.

— Я к Владимиру Григорьевичу, — Маша переступила порог комнаты, смотрела на Надю испуганно, но уходить не собиралась.

— Значит, это та самая Маша? — догадалась Надя. Мир тесен, а реальность способна на такие чудеса, которые вовек не придумать. — Владимир Григорьевич, Вы ждали именно эту девушку?

— С какой стати я должен перед Вами отчитываться? — наконец он пришел в себя. — Я в своем доме и принимаю гостей по своему усмотрению. Между прочим, Вы в их число не входите. Не будьте столь наивны, ожидая, что после Вашего исторического экскурса в прошлое моих предков, я кардинально поменяю свое мировоззрение. Не скрою, что есть любопытные факты моей родословной, есть чего стыдиться, однако гордости за своих предков и фамилию я испытываю больше. И уж точно останусь при мнении, что мезальянсы губительны.

— Спасибо за искренность, — Надя позволила себе улыбнуться, перевела взгляд на Машу, вдруг заметила из-за открытой двери чемодан. — Ты пришла сюда насовсем?!

— Да, — Маша подняла на нее глаза, стала переминаясь с ноги на ногу.

— Родители знают?

— Мы поссорились, я ушла из дому.

— Позвольте, на каком основании этот допрос? — вмешался Фертовский, не понимая, что происходит. Невестка дерзко пересекла все границы дозволенного. Он подошел к Маше, взял ее за руку, та покраснела. — Останется Мария здесь или еще где-нибудь — это не Ваша забота, как и наша с ней жизнь, — он посмотрел на девушку с такой нежностью, что у Нади отпали все сомнения.

— Владимир Григорьевич, а как же мезальянсы? Вы не опасаетесь их губительных последствий? Вы и Маша...

— При чем здесь мезальянс? — раздраженно перебил он. — Я говорил, прежде всего, о браке моего сына с Вами.

— Если в моем лице Вы видите абсолютно другой социум и, несомненно, гораздо более низкий, то, наверняка, не станете отрицать, что и мои родственники занимают примерно ту же ступень?

— Это очевидно, — по слогам выговорил он.

— В таком случае, поздравляю Вас с самым прямым попаданием: Мария Свиридова — дочь моей двоюродной сестры! Видите, Владимир Григорьевич, как бы Вы не хотели, родства Вам со мной никак не избежать. В роду Астафьевых-Фертовских одна из самых повторяющихся закономерностей — неравные союзы. Может, поэтому у Вас в поколении столько талантливых и красивых представителей? Поразмыслите на досуге, — она повернулась к племяннице, — Машенька, ты твердо решила здесь остаться? Подумай, не поторопилась ли ты?

Маша посмотрела на Фертовского, он был ошарашен, растерян, слишком много за одно утро: визит невестки, ее разговор, разумные, на удивление, доводы, и Маша. Они только обсуждали ее переезд к нему, но не решили окончательно, а тут оказалось, что она еще и родственница Надежды.

— Я не знаю, — видя смятение мужчины, Маша и сама растерялась. Еще недавно он был так уверен в своих чувствах, говорил о любви к ней, о том, что и не мечтал в свои зрелые годы встретить такую, как она, и получить взаимность. Маша всей душой ощутила тоску его одиночества, узрела за фасадом сдержанности и холодности

его бедное сердце, полное нерастраченной нежности и желания любить. Ее не волновало, что он намного старше, преподает в ее ВУЗе, что слывет весьма строгим и неуступчивым человеком. Перед ней он предстал совсем другим, он открыл ей себя, и эта истина ее ошеломила. А сейчас он молчал и даже отпустил ее руку.

— Мне надо идти, — Надя поняла, что эти двое должны сами разобраться и понять: чего же они на самом деле хотят? — Машенька, поступай так, как велит твое сердце, слушай только его.

Она кивнула, проводила взглядом Надю, ссутулив плечи, стояла спиной к Фертовскому, боялась обернуться. Нелепо все: разговоры про неравный брак, присутствие Нади, и то, что она, оказывается, невестка Фертовского. Дома как-то раз дискутировали на тему ее замужества, хвалили супруга и осуждали его отца: от него, по словам матери Маши, у Нади были одни неприятности — высокомерный вздорный старик! Но имена и фамилии ведь не произносились. Если бы Маша знала тогда? И что бы это изменило? Наверно, все. Ведь она бы в этом случае смотрела на Владимира Григорьевича с предубеждением и даже мысли не допускала бы, что он может ей понравиться. Не просто понравиться, а тронуть ее сердце. Как же теперь все усложнилось!

— Я, пожалуй, тоже пойду, — сказала Маша — так и не обернувшись и не посмотрев на мужчину, с которым еще недавно мечтала связать свою жизнь — неважно, сколько лет им было бы отпущено. А сейчас она ясно осознавала — нисколько. Он молчал, значит, не собирался ее останавливать. Мезальянс...

Маша вздохнула, захотелось плакать, почему-то стало жалко себя, только сейчас поняла: как больно, когда рушатся мечты, пусть смешные, девичьи, наивные, и пусть мужчина ей не подходит ни по одному из общепринятых критериев. И она ему тоже не подходит, другой социум — все равно в груди щемит, и проклятые слезы текут по щекам.

Взяла в руки чемодан, аккуратно закрыла за собой дверь. Когда шла по длинному коридору, увидев домработницу, отвернула лицо, прятая слезы. Бедная девочка, глупенькая! Сколько же слез ты еще прольешь в своей жизни, страдая от любви?!

Вышла на улицу, невольно зажмурилась от яркого солнца, май был чудесным, он уже подарил столько тепла и света, жаль, что на душе так уныло и мрачно.

— Машенька! — услышала она свое имя, еще не успела уйти далеко. — Маша!

Фертовский бежал, держась за сердце. Перед этим стоял ошеломленный, все никак не мог осознать произошедшее, смотрел, как Маша уходит, слышал ее шаги, хлопанье дверей — сначала одной, затем другой. Он просто не смел ее задерживать, не имел права, ведь она решила уйти, сама решила, одумалась. Но когда вошла Елена Степановна и спросила: будет ли он пить чай? — вот только тут Фертовский осознал, что сойдет с ума, если ничего не изменит в своей жизни, а главное, если в ней не будет Маши.

Глава 73

— Наденька, как хорошо, что ты пришла! — воскликнула Марья Ивановна. Она сама позвонила ей, сказала, что есть повод пообщаться, и назначила встречу у себя, в квартире, благо, домашних не было.

— Здравствуйте, Марья Ивановна! — Надя прошла в комнату, села на узкий диванчик.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не жалуясь, — пожала плечами, удивляясь вопросу, — я неважно выгляжу?

— Нет, что ты! Просто скоро тебя ждут перемены, и они, в том числе, коснутся твоего облика. Ну да ладно, я позвала тебя не для этого. Давай попьем чайку и поговорим о наших прошлых делах, хорошо?

Марья Ивановна накрыла передвижной столик, поставила розетки с медом, печеньем, конфетами, заварила чай. Надя взяла в руки чашку, с удовольствием прикоснулась к ее тончайшим фарфоровым стенкам, ручка витая, словно золотистыми нитями переплетена.

— Звонков больше не было? — хозяйка зачерпнула ложку меда, окунула ее в чай.

— Нет, не было ни звонков, ни несчастных случаев.

— Правильно, я так и думала.

— Марья Ивановна, я все равно мало поняла из того, что произошло, — призналась Надя, — а сейчас, по прошествии времени, мне вообще все кажется неправдоподобным, фантастическим.

— У памяти есть замечательные качества: она способна притуплять и сглаживать негатив событий, эмоций, отдалять их от человека. Хотя в некоторых людях все-таки долго живут такие чувства, как месть, разочарование, зависть. А вообще, нередко случаи, когда человек и сам себе не отдает отчета, почему так поступает, хотя если итог один, не все ли равно, каковы побудительные причины или мотивы? — Марья Ивановна отставила чашку, задумалась.

... Останки Ангелы Стефанович нашли в загородном доме их семьи. Был чудовищный пожар, сгорела большая часть дома, остальное разрушено. Пожарные пока добрались до места...

— Пожар? — Надя ушам своим не поверила.

— Да, кроме того, Ангела была в доме одна, отправилась туда накануне вечером, родителям сказала, что останется ночевать. Пожар начался далеко за полночь. Вот что странно: из дома Ангелы звонка о помощи не поступило. Пожар обнаружили соседи, поэтому те и не успели вовремя. Ангелу спасти не удалось.

— Господи, это моя вина! — вырвалось у Нади. Видя недоуменное лицо хозяйки дома, добавила, — пожар случился при мне, — вскочила, стала ходить по комнате, — то есть, я хочу сказать, что в моих видениях избушка тоже загорелась.

— Надя, успокойся, — усадила ее Марья Ивановна, — я знаю, что происходило в твоих видениях, и в пожаре дачи Ангелы ты невиновата.

— Но ведь во всех случаях именно я пыталась сжечь Марану, избавиться от нее.

— Марану, но не Ангелу, — уточнила Марья Ивановна.

— Я опять ничего не понимаю, — с досадой сказала Надя.

— Давай все по порядку, хорошо? Связь между Мараной и Ангелой, я подозреваю, конечно, была. Гела, по моим сведениям, в последние годы серьезно занималась исследованиями темы славян и их мифологии, в этом ей помогал муж, тот самый румын Флориан Думитру.

— Флориан Думитру? — переспросила Надя. — Так это все-таки он звонил мне?

— Нет, он не мог звонить, так как несколько лет назад пропал без вести, у Гелы, скорее всего, остался его телефон.

— А как же регистрация номера на адрес в районе Москвы? Мы с Викой ездили по адресу, нет там никакого Думитру, выходит путаница.

— Вот тут, я полагаю, очередная его афера. Этот самый Флориан навевывался в Россию, крал паспорта, делал подложные документы, снимал деньги со счетов, притом обладал невероятным обаянием, умел подать себя. Увлекался химическими опытами и даже неплохо разбирался в литературе и живописи. Но самое удивительное, что совершенно серьезно считал себя потомком графа Дракулы, благо, родился где-то недалеко от Пенсильвании. Одним словом, он, применив все свои таланты, заинтересовал Гелу, да так, что та стала его женой. Они в то время по большей части жили в Европе, в Россию приезжали пару раз. Потом он неожиданно исчез, будто растворился, ни следов, ни свидетелей. Его, конечно, искали, но безрезультатно. Самое странное, что на поисках Ангела особо не настаивала, больше волновался ее отец, несмотря на то, что отношения с зятем оставляли желать лучшего. Тестю не нравились малопонятные разговоры о каких-то опытах по возрождению мертвых клеток, об омоложении крови. Гела и Думитру сутками пропадали в домашней лаборатории.

— Откуда Вы все это знаете, Марья Ивановна? — Надя слушала и удивлялась не только самому рассказу. — Неужели Вам поведал сам отец Ангелы?

— Нет, конечно, — улыбнулась, — о пожаре я узнала от Лиды, а потом нашла возможность и повод познакомиться с экономкой семьи Стефанович — Галиной Юрьевной. Мы примерно одного возраста, к тому же Галечка — весьма словоохотливая особа, вот я все и разузнала.

— А мне иногда кажется, что Вы — волшебница, — воскликнула Надя.

— Скорее, ведунья, — уточнила Марья Ивановна, — ну и, конечно, база знаний вкупе с логикой и интуицией. Ох, Наденька, в этом мире все гораздо проще, чем нам кажется, стоит быть лишь внимательным, наблюдать и делать выводы.

— Так значит, Ангела и Думитру ставили опыты? — вернула ее к теме Надя.

— Да, и я боюсь, что не безопасные.

— Почему Вы так думаете?

— Почему? — Марья Ивановна подлила ей чаю. — Боюсь даже предполагать, что случилось на самом деле, но уже после гибели Ангелы, буквально спустя пару недель, пришло известие из Румынии. Там у Думитру тоже была квартира, где он как раз в последние дни перед своим исчезновением проводил очередной опыт. Так вот, румынские власти сообщили, что нашли останки Флориана. И знаешь — где? Недалеко от столицы археологи, занимавшиеся раскопками в том районе, обнаружили «славянское кладбище вампиров», относящееся к X или XI веку. На окраине кладбища одна из могил была свежей. Там покоился мужчина с отрубленной головой, в висках длинные толстые гвозди, на груди покойника — тяжелый камень. Такой специальный ритуал применялся еще в древние времена аж у ирландских кельтов, а также, позднее, в Восточной Богемии. Люди, придавшие земле, таким образом, мертвеца, твердо верили, что хоронят не просто человека, а упыря-кровососа. Так вот, в могиле лежал ни кто иной, как Флориан Думитру.

— Что? — Надя даже поперхнулась.

— Согласна, — спокойно отозвалась Марья Ивановна, — темная история. Остается только догадываться, кто и зачем его убил, похоронил таким образом, связано ли это с тем, что Флориан считал себя потомком Дракулы? Что были за опыты в его лаборатории? Ведь после исчезновения Думитру все записи, формулы, исследования, которые могли бы хоть что-то прояснить, тоже исчезли. А у Гелы на тот момент, хоть и было алиби, подтвержденное ее отцом, вот только экономка утверждает обратное: дочери хозяина не было в доме отца. Он прикрывал дочь. Галина решила не вмешиваться, тем более, что доказать что-то трудно.

— Неужели Вы думаете, что Гела... — прошептала Надя.

— Теперь уже ничто и никто не прольет свет на эту историю, впрочем, как и на историю с Мараной. Мои предположения — всего лишь гипотеза, Наденька, хотя и бытует мнение, что истина всегда где-то рядом, — усмехнулась Марья Ивановна.

— И все-таки, какая же связь между Ангелой и Мараной?

— По всей видимости, Геле удавалось каким-то образом, не спрашивай меня только, каким, вызывать дух Мараны. Заговоры, заклинания, особые ритуалы... Я, правда, не знаю. Тут одной травой, вызывающей видения, не обойдешься — нечто более сильное,

мощное, похожее на попытку, и успешную, управлять потусторонней силой. Одно мне ясно без сомнений: Ангела хотела убрать тебя с дороги из-за твоего мужа, ей был нужен именно Николай. Любовь, ревность, зависть? У Гелы были, видимо, свои причины. Она ведь знала Николая еще с детства, их семьи дружили. Спустя годы встреча с ним, очевидно, что-то в ней всколыхнула. Порой женщины идут на все, чтобы сделать мужчину своим.

— Неужели она так его любила?

— Не знаю, — вздохнула Марья Ивановна, — иногда желание добиться своего гораздо сильнее любви. Гела уже перешла некий рубеж, все-таки смерть Думитру, думаю, на ее совести, она ощутила вкус крови, вкус жизни и смерти.

— Это так страшно, — Надя вжала голову в плечи.

— Теперь нам бояться нечего, все позади. Забудь об этой истории, иди дальше и береги то, что имеешь. Люби, будь любима, цени тех, кто рядом. Знаешь, существует поверье, что у каждого из нас есть свои крылья, их дарит нам при рождении наш Ангел-Хранитель, бывают моменты, когда они раскрываются и даже зовут нас в полет, но чаще всего, большинство из нас просто носят их в багаже, а иногда и теряют. Так вот, желаю тебе почаще отправляться в полет, расправляя свои крылья.

— Крылья в багаже? Как это... точно, — Надя на секунду задумалась, и вдруг лицо ее просветлело, — Спасибо, Марья Ивановна!

— Да, вот еще что, — Марья Ивановна поднялась с места, прошла к серванту, достала оттуда бумажный сверток. — Возьми от меня тебе подарок, — развернула сверток, протянула Наде.

— Марья Ивановна, — воскликнула Надежда, — это же та самая икона! Она была в моем путешествии во времени, она помогла нам спастись!

— Да-да, я знаю, это и есть Спаситель, девочка моя. И теперь икона будет у тебя, она станет хранительницей вашей семьи, вашего очага.

— Большое спасибо, Марья Ивановна! — Надя прижалась губами к иконе.

— Храни вас Господь, — улыбнулась Марья Ивановна. — Да, вот еще что, поздравь от меня Викторию со свадьбой.

— Но... откуда Вы знаете? Я ведь ничего не рассказывала!
Марья Ивановна опять улыбнулась.

Глава 74

— Какая ты красивая! — воскликнула Надя, вошла в квартиру, где шли последние приготовления к свадьбе. Эти дни Вика жила у своей матери. Сегодня Вадим должен приехать сюда, выкупить невесту, как и положено, затем отвезти ее в ЗАГС, а потом...

Вика вчера полдня исписывала листки бумаги фамилией «Зорина», вот смешная! Не спала полночи, нервничала, в голову лезли всякие мысли, вплоть до того, что завтра Вадим передумает и не приедет за ней. Но он, словно чувствуя ее настроение, позвонил поздно ночью и сказал «я люблю тебя», после чего Вика тут же уснула.

Однако утром все пошло кувырком: проспала стилист, которая должна была приехать пораньше, сделать невесте прическу и макияж. Ванная засорилась, там стояла вода, доносилось противное слуху бульканье; Вика надела новые туфли и через пару часов суетной беготни по комнатам натерла ногу, в довершение всего разбила очки и наступила на подол своего платья. Села посреди комнаты и заревела во весь голос. Мама бросилась устранять неполадки: сунула дочери платок, чтобы та вытерла слезы, открыла дверь запыхавшемуся стилисту, коротко сказав все, что о ней думает, залепила дочери мозоль пластырем под цвет кожи. Очки ей сегодня совсем не нужны, будут лишь портить фотографии, подол платья остался цел, даже не испачкался. А ванна пусть булькает.

Надя приехала, когда Викуся уже во всей красе сидела перед зеркалом, сияла и любовалась собственным отражением, жемчужины блестели в ее рыжих волосах.

— Ты счастлива? — спросила Надя, села на диван, взяла на руки кошку.

— Ты еще спрашиваешь? Лучше Зорина нет никого на свете.

— Ты его любишь.

— Это правда. Ну, а как у тебя дела? — она хитро прищурилась. — Как здоровье и не только твое?

— Что ты имеешь в виду?

— Я пару дней назад звонила тебе домой, а Николая сказал, что ты поехала к врачу, правда, не уточнил, какому, сказав лишь, что тебя подташнивает по утрам и слабость. Он был озабочен.

— Я не стала говорить тогда ему о своих подозрениях.

— И?

— Виктория, сегодня твоя свадьба и твой день, к чему сейчас заострять внимание на мне? — Надя прятала улыбку. Вика вскочила.

— Брось свою пресловутую тактичность и альтруизм. Скажи мне только: я буду крёстной или нет?

— Будешь! — засмеялась Надя.

— Ура! Это лучший подарок на мою свадьбу! — она стала бегать по комнате, пританцовывать, припрыгивать, неосторожно повернула ногу и... сломала каблук.

— Боже мой, что же теперь делать? — расстроилась Надя. Виктория, недолго думая, скинула туфли, швырнула их под стол, ничуть не огорчилась.

— Ну и хорошо, — спокойно сказала она. — Все равно они мне ужасно натерли ноги. Сломанный каблук на удачу.

— Есть такая примета? — удивилась Надя.

— Будет! — выдала Вика. — Где мои бежевые босоножки? Они не хуже, к тому же удобнее. Так что там сказал врач? Все хорошо?

— Вика, ты неисправима! У тебя свадьба, сломан каблук, вот-вот приедет Вадим, а ты волнуешься о моем ребенке?

— Я — будущая крёстная мать, о ком же мне еще волноваться? А Николая-то знает?

— Конечно, и он очень обрадовался. Сначала, правда, растерялся, никак не мог взять в толк, почему я говорю о нас троих? Иногда даже умный мужчина не понимает самого простого. Но уж когда догадался, то так радовался...

— Здорово! Надо сообщить и Вадику, он ведь Николая не чужой.

— Скажем, ведь мы — одна семья.

Николай и Вадим вышли на улицу покурить. Вечерело, свадьба была в самом разгаре, тамада попался веселый, находчивый, гости с удовольствием принимали участие в шуточных конкурсах.

— Жаль, что у вас с Надей не было свадьбы, — прикуривая, сказал Вадим.

— Ты же знаешь, что нам этого не надо, кроме того, я не очень люблю подобные мероприятия, как оказалось, Надя — тоже, — Николай выпустил струю дыма.

— Ну да, а теперь у вас вообще жизнь изменится, — многозначительно улыбнулся Вадим.

— О чем ты? — не понял Николай.

— Птичка на хвосте принесла, что ты еще раз станешь отцом, так?

— Это правда? — позади них стоял Владимир Григорьевич. Он пришел на свадьбу позже всех, на удивление тепло поздравил племянника и его жену, затем довольно долго разговаривал со своей сестрой, матерью Вадима, та сначала хмурилась, что-то переспрашивала, затем улыбнулась и в порыве радости бросилась обнимать брата. За этой сценой наблюдала Надя и все поняла: свекр рассказал о Маше.

— Да, правда, — нехотя подтвердил Николай: сообщать эту новость отцу он в ближайшее время вовсе не собирался, прекрасно зная, как тот относится к его жене, а тут еще и ребенок будет, но не от той, от которой отцу хотелось бы. Все были в шоке, узнав о гибели Ангелы, только Николай с облегчением подумал, что его тайна умерла вместе с ней.

— Я рад, — сказал Фертовский-старший, — что у меня будет еще один внук или внучка, и не за океаном, а здесь, близко. Передай мои слова своей жене.

— Ты сам можешь ей их сказать, — отозвался опешивший Николай. Отец ли перед ним?

— Хорошо, — тут же согласился Владимир Григорьевич, — знаешь, — он посмотрел на Вадима, тот понимающе кивнул, потушил сигарету, ушел, показав Николаю знаком «держиись», — я много думал о нас, о тебе, даже о твоей матери. Она совершила ошибку, я не смог простить, мы остались с тобой вдвоем. Ты веришь, что я всегда любил тебя?

Николай нахмурился, был так растерян, что просто не понимал, как реагировать, что говорить, таким он отца не знал.

— Я всегда хотел, чтобы ты был счастлив, но как-то забывал о том, что у тебя может быть свое представление о счастье.

— Это так, — осторожно подтвердил Николай.

— Мне хочется, чтобы мы опять стали одной семьей, ты обязательно должен приехать к нам в гости.

— К нам? — переспросил Николай.

— Да, к нам с Машей. Я познакомлю тебя с ней.

— Познакомишь, но не только меня, я приеду со своей женой.

— Конечно! Спасибо! — отец вдруг смутился и поспешил оставить его в одиночестве.

Когда Николай вернулся в банкетный зал, то первыми увидел Вадима и Викторину: под романтическую мелодию они кружились в медленном танце, просто светились от счастья. Надя стояла возле окна с его отцом, неужели? Первым порывом Николая было подойти к ним, но видя, что жена улыбается, а отец даже приосанился, он не стал им мешать.

Надя, краем глаза наблюдая за мужем, заметила, как он удивился ее мирной беседе со свекром, даже замер на секунду, не веря своим глазам, двинулся было к ним, но передумал. Встал, прислонившись к стене, и продолжал смотреть на жену и отца, на танцующих Вадима и Вику, на гостей за столом. Потом — будто что-то понял — вдруг просиял своей солнечной, по-детски открытой улыбкой, которую Надя так любила. Такое же удивленно-счастливое выражение на его лице она увидела два дня назад, когда сказала, что ждет ребенка... Теплая волна любви и радости вновь поднялась в ее душе: «Как хорошо, что мы вместе!» — подумала Надежда. Пусть не все в их жизни безоблачно, но самое главное — они встретились и помогли друг другу найти потерянные крылья, которые — она это точно теперь знала — уже никогда не будут лежать, забытые, в багаже... Надя взглянула на свекра и опять поразила: как же они похожи с Николаем! — Фертовский-старший тоже сиял, и сейчас трудно было представить, что его взгляд совсем недавно был так холоден и неприступен...

Впервые за полгода, с того момента, как Николай женился на Наде, его отец разговаривал с ней без высокомерия и надменности, даже улыбался. Просто чудеса! Они, наконец, нашли общий язык и тему, явно интересную им обоим, эмоционально что-то обсуждали. А отец-то?..

Разгадка в том, что он влюблен — это одно из самых лучших состояний, в котором может находиться человек. Приняв в свое сердце любовь, он начинает излучать ее в мир, и она заполняет собой все

пространство. Да, любовь буквально вокруг: Виктория и Вадим стали мужем и женой, Николай слышал от Нади, что, благодаря свадьбе и родители Вики помирились; в их семье — семье Фертовских, будет ребенок — плод любви, и даже отец влюблен в свою Машу. Кажется, все неприятности и невзгоды закончились, пора в этой истории ставить точку? Хотя...

Эпилог

— Ну, ты даешь! — удивился Бондарев, допивая третью чашку кофе.

— Прости за мое опоздание, — повiniлся Николай, усаживаясь напротив, — так сложились обстоятельства.

— Это сильное опоздание, — Никита бросил взгляд на часы, — что на тебя совсем не похоже. Так что у нас случилось? Какое предложение ты хотел мне сделать? Кстати, Уинтерботтом остался тобой доволен, подумывает о совместных проектах и дальше, имей это в виду. Кофе будешь?

— Буду, — кивнул Николай, невольно улыбнувшись манере Бондарева грузить информацией, перескакивая с одного на другое.

— Здесь вполне приличный кофе. Я его распробовал, ведь мне пришлось тебя ждать долго. Да, хочу обрадовать новостью: возможно, мы с тобой скоро закончим наш фильм, я нашел спонсора.

— Никита, — поспешно перебил его Фертовский, — вот именно об этом я и хочу с тобой поговорить. Вполне вероятно, что ты сочтешь мое предложение мало разумным или, того хуже — полнейшей авантюрой, но проект стоит того, чтобы рискнуть.

— Уже интересно, — оживился Бондарев, — по двум причинам: то, что проект идет от тебя — обычно, я этим занимаюсь, и то, что дело авантюрное, а ты его протезируешь. Вроде, из нас двоих ты более мудр и рассудителен, я ошибаюсь?

— Тебе виднее, — пожал плечами Николай, — спасибо! — сказал официанту, подавшему кофе.

— Так выкладывай, не томи, черт возьми! Я уже почти согласен влезть в твою авантюру, хотя и понятия не имею, во что ты там хочешь меня втянуть.

— Надя написала роман, — Николай с удовольствием сделал глоток крепкого бодрящего напитка.

— Не знал, что твоя жена — графоманка, — пошутил Никита.

— Это и для меня явилось новостью, — не обиделся на такую характеристику Николай, — хотя, как впоследствии, оказалось, увлекается она литературным творчеством давно: рассказы, эссе, даже поэзия, но все благополучно хранится в столах, папках, в лучшем случае — в виде подарочных открыток у друзей.

— И? — терял терпение Бондарев.

— Я хочу снять фильм по ее роману, это отличный материал, — наконец выдал Николай. — Написать хороший сценарий, подобрать актеров и...

— А режиссером, естественно, буду я?

— Если дашь свое согласие, — улыбнулся Фертовский.

— Ты же знаешь, что я берусь за самые нестандартные проекты, но... — он сделал паузу, — первым делом все-таки хочется прочесть роман, так сказать, первооснову.

— Конечно, — согласился Николай, — я принес тебе распечатку, — он достал папку с большим количеством листов формата А4.

— Ого! — в который раз удивился Никита, взял папку, полистал. — Материал, правда, стоящий?

— Говорю не как муж, а как профессионал в нашем деле. Материал достойный внимания — сюжет, герои, натурные съемки, тема праздника Ивана Купала — все это по-настоящему увлекает. Я даже знаю, кого мы уговорим сыграть роль одного из главных героев.

— Да? И кого же?

— Актер известного московского театра — образ именно для него. Кажется, ты с ним как-то виделся и даже разговаривал на одном из кинофестивалей?

— Было дело. Отличный актер, глубокий, содержательный, с яркой внешностью и особым обаянием, к тому же — интеллигентный и умница. Что ж, мой друг, берусь решить вопрос и с ним. Согласится, я уверен. А нас с тобой ждет адская работа — ты еще не забыл, какой я сатрап на съемках?

— Никита, ты — гений! Все остальное неважно, — сказал Николай.

— Тогда — вперед! Беремся еще за одно дело? Кстати, как романто называется? — Бондарев пролистал рукопись, не заметив титульного листа.

— «Я тебе посылаю любовь».

Размышления после прочтения

Автор практически без экспозиции сразу вводит читателя в центр событий и действий — и мы почти сразу попадаем в обстановку Сейшельских островов. За счёт расширения географии автор расширяет и сферу воздействия текста — у нее связаны насыщенность текста событиями и "ареал" происходящего, это тоже вполне логично и понятно: если первая часть касалась более сферы личной, внутренней, лирической, то вторая, хотя тоже сосредоточена на процессе решения психологических проблем, расширяется до более "эпических" размеров, поэтому и действие происходит не только на линии "Москва — Беяниново", но и в Генуе, на Сейшельских островах... Чаще, чем в первой части, смещаются и временные планы: больше воспоминаний героев, появляется также целый сюжетный пласт "прошлой жизни" Нади, когда она в полумедитативном состоянии попадает в деревню то ли XVIII, то ли XIX века. Я, когда читала, неосознанно отметила, что крестьянство в романе не связано с крепостничеством, и поэтому в роман неожиданно добавляется пасторально-буколическая струя, в результате воздействия которой жизнь крестьян воспринимается в романтическом ключе — как жизнь, полная гармонии с окружающей природой, язычеством и пантеизмом, диктующими быт и бытие крестьян. Не случайно Надя чувствует себя внешне и отчасти внутренне абсолютно органично в этом мире — она и в современной реальности сохраняет особенную связь с природой, отличающую её от других персонажей (эпизод с черепахой и описание подводного мира во время "медового месяца", вещие сны и способность чутко воспринимать чужое слово и оттенки его смыслов и интонаций произнесения). Счастье, продиктованное внутренней гармонией с внешним миром и с собой, которое испытывает Надя в прошлом, подчёркивает тонкую душевную организацию главной героини, вокруг которой строится повествование обеих частей романа.

Мысленно композиция второй книги поделилась у меня на три части: Сейшелы, Москва, Генуя и Беяниново. Финальную часть, касающуюся "закрывания" сюжетных линий Фертовского-старшего и Маши, Вики и Вадима, разговора о фильме в самом конце, — я не считаю, потому что по композиционной роли это чистый пример эпилога, который обычно выделяется не как самостоятельная часть, но как необходимый для жанра романа финал. А самостоятельных частей, на мой взгляд, три, каждая из которых проводит и развивает главную мысль, питающую весь сюжет книги, а также, по-видимому, задумки относительно всего произведения в целом: первая — идиллическая — часть связана с понятием Абсолютного счастья, испытываемого Надей и Николаем. Воспоминания о первом вечере Нади у Николая дополняют картину этого счастья и сразу определяют их отношения — очень трепетные, очень доверчивые и даже безоблачные. Характер Николая, описанный как непростой, но очень привлекательный, не мешает любоваться этим героем с самого начала и до конца, и все его поступки воспринимаются в ключе умиленном, трогательном, потому что почти все действия, мысли и поступки Николая даны как бы глазами Нади, даже в те моменты, когда она его не видит, а автор применяет интроспекцию, забираясь в душу героя и рассматривая её изнутри, с психологической точки зрения. Тем не менее, сама автор часто смотрит на него глазами Нади, тем самым подчёркивая, как глубоко чувство героя и образ любимой им женщины проникает в его сознание и душу, он как бы впускает в себя Надежду (во всех смыслах этого имени — в частности и в нарицательном тоже, конечно), и становится частью её. Так же и Надя — впускает в себя Николая (но её образ более сложный, она — главная героиня и её мы знаем лучше Фертовского, потому что всё повествование подано с её точки зрения и крутится вокруг неё) — и это взаимопроникновение между ними, как на физическом, так и на духовно-психологическом уровне, происходит именно в первой части на Сейшелах. Поэтому это такая длинная и подробная часть, основанная именно на понятии абсолютного счастья, которое и заставляет героев неразрывно слиться друг с другом. Поэтому и их краткая ссора во второй части так мучительно переживается обоими ("Не мог он сейчас вернуться, не мог, не было сил ни на разговор, ни на объяснения. Хотелось просто исчезнуть, раствориться") И поэтому в этой части мало действия — и оно не

подразумевается там, — так как читатель должен сосредоточиться на идее слияния двух этих персонажей. Первая часть также прогнозирует и дальнейшие проблемы персонажей (пророческий сон Нади), и финал — не смотря на все перипетии, герои должны остаться вместе в любой ситуации, а вероятнее всего финал будет счастливым, потому что заслужен героями ещё в первой книге.

Вторая часть — московская — в неё включаются все истории с Гелой, Фертовским и Викой, Вадимом, и, конечно, Николаем и Надей. Интересен образ Гелы и её мужа, особенно в контексте современной фантастики и увлечения мистицизмом действительно большим слоем общества. Конечно, благодаря сну Нади, образ Гелы читаем с самого начала, она сразу является как демон, соблазняющий Николая, проникающий таким образом в его жизнь и вредящий ему и, главное, Наде. Помня о том, что счастьем героев будем мешать женщина "с небесным именем", читатель сразу выделяет её из прочих персонажей и опасается с первого же появления, с первого же упоминания Фертовским-старшим, хотя он и не называет её по имени. Интересна и заметна, конечно, этимология имени: с одной стороны, имя действительно небесное — "Ангела", с другой стороны, форма "Гела" напоминает о булгаковской Гелле — живом мертвце, вампире и приспешнице Воланда. Её увлечения колдовскими чарами, славянской демонологией окрашены негативной энергетикой, и она предстаёт как самый пугающий и опасный персонаж, к тому же способный принимать облик смерти-Мараны и ночной бабочки-вампира.

Разрешение всех московских перипетий происходит в третьей части — в беляниновской (плюс эпизоды в Генуе, связанные с превращением Николая). Она как бы делится на две части, завершая и разрешая два крупных сюжетных конфликта: первый — ссора Николая и Нади. Именно в Беляниново, которое подруги Вика и Надежда воспринимают как мистическое место (и оно действительно такое, судя по тому, что после борьбы с Мараной Надя видит указатель на Беляниново), — именно там совершается их примирение и возвращение взаимопонимания. Второй раз Беляниново помогает Наде избавиться от дьявольского наговора Гелы и справиться с Мараной, вновь именно там появляется Мария Ивановна, это сфера её обитания, хотя и есть эпизод их встречи в московской квартире — но он уже относится к эпилогу, к этапу разрешения сомнений и последних

вопросов конфликтного и сюжетного характера. Беляниново, судя и по первой, и по второй книге, составляет (отчасти вместе с Сейшелами и Генуей) второе пространство произведения. В сфере реальности существует Москва (в первой части также Казахстан) — в ней быт, повседневность, даже если она окрашена мистикой. Бытийное же находится в иной сфере, больше связанной с потусторонним миром. К этой сфере относится, в первую очередь, Беляниново — это пространство, находящееся в ином измерении, наиболее открытое как чудесам (встреча Нади и Николая в первой части), так и колдовству (эпизод с баней в первой части, сцена с Мараной во второй части). Также более относятся к сфере нереального, иного измерения Генуя, где происходит превращение Николая в кошку, и Сейшелы, где оба героя оказываются в земном раю, в котором существование и жизнь протекает в других временных и темповых рамках. Стык двух миров — квартира Нади и Николая, главных героев. Здесь обнажается первородная сущность влюблённых — они предстают как Адам и Ева — сосредоточены друг на друге, влюблены и абсолютно счастливы. Их слитность с природой (эпизод с дайвингом или в ботаническом саду) подчёркивает эту ассоциативную связь с библейским мифом.

Путь последующих приключений героев — необходимый путь испытаний каждой любящей пары, стремящейся сохранить счастье и любовь. Я как раз добралась до сути, к которой вела: если первая часть книги "Я тебе посылаю любовь" была посвящена идее женского счастья, которое даётся человеку после длинного пути самопознания и самораскрытия и даже полосы трудностей и неуспеха; то вторая часть — это проблема, о которой не задумываются многие романтические дилетанты-писатели — о том, как удержать и сохранить счастье. Искусство героини — в умении и понимании науки сохранения того, чего она добилась путём сложных переживаний — своего благополучия, священного для неё чувства и взаимопонимания, а главное — гармонии с близким и самым дорогим ей человеком.

Параллельно автор решает и проблемы нравственности (Виктория), и проблему чёрной, губительной зависти (Ангела), и проблему социального высокомерия успешных людей (Владимир Григорьевич Фертовский) и разрабатывает отдельные бытовые мотивы. Поэтому в романе соединяются черты детектива ("расследование" Вики и Нади об Ангеле), любовного романа (первая

"сейшельская" часть), буколики (там же), жанровой повести (путешествие Нади в прошлой и фрагменты бытоописания крестьянской жизни), сентиментального романа и "магического реализма", сплетающего воедино реальный и ирреальный планы событий. В центре же — главная идейная линия: мало получить счастье путём испытаний — надо пронести его через быт и жизнь, сомнения, убеждения, споры и сложности, что гораздо тяжелее, чем "бороться и искать, найти и не сдаваться", чем преодолевать невероятные приключения, достойные романтических героев Вальтера Скотта. Как пишет один из моих любимых классиков: "...подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера; там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечу чёрный или алый, как огонь, плащ — и портрет готов..." — как нарисовать романтического героя проще, чем человека заурядного, обычного, со всеми его психологическими и бытовыми чертами, да нарисовать так, чтобы он был интересен и увлекал читателя — так же гораздо труднее писать роман об обычной повседневности, чем о невероятных приключениях, рисках, опасностях! У автора в центре внимания как раз бытовая ситуация — семья из двух любящих людей. Но чтобы сохранить чудо их любви, необходимо пройти целый ряд трудностей, которые воплощаются то в бытовых формах (ревность Николая), то в невероятных мистических приключениях (колдовские поступки Гелы). Любовь у героев проходит самые тяжелые испытания — ревностью, завистью, непониманием — и, благодаря главной героине, она не только сохраняется, но и крепнет, что доказывается финальной вестью Нади о ребёнке.

Последняя глава эпилога — о фильме — очень трогательный момент, оставляющий финал открытым. Жизнь книги переходит в новую сферу, перевоплощается в новое явление — в область мечты о кино, плюс, как мне кажется, это очень характерный для нас, дилетантов, ход: мы ведь часто пишем о том, о чём мечтаем или размышляем, но не знакомы на практике, особенно в период романтических мечтаний — и оканчиваем наши произведения не только счастливо, но ещё и тем, о чём мы даже едва помечтать боимся в реальной жизни. Просто в наивной вере в то, что слово материально,

а написанное слово — вдвойне: и вдруг... когда-нибудь... да сбудется? Поэтому в финале романа принято решение снимать фильм по книге.

Два романа, конечно, являют цельную книгу, единое произведение, в первую очередь благодаря тому, что сюжетные линии во второй части продолжены относительно первой. Характеры обрисованы подробно, во второй части эта тенденция продолжается. Обращает на себя внимание то, как автор переносит и развивает дальше намеченные в первой части темы: главную тему любви, проходящую через испытания; тему колдовства, играющую небольшую, но важную роль в первой части и превращающуюся в лейтмотив во второй части, связанной с действиями Гелы против Нади; тему театра, кино, фотографии в первой части, отзывающуюся во второй наиболее ярко в генуэзских эпизодах и образе Актёра.

И ещё одна важная вещь, объединяющая романы воедино — это, конечно, заглавия. В прошлый раз я писала об ассоциации заглавия "Я тебе посылаю любовь" с ангельской темой, со священной природой чувства в романе. Вот теперь, мне кажется, эта теория подтвердилась, потому что второе заглавие — "Крылья в багаже" — оказались мне непосредственным продолжением мотива ангела, заложенного в первом заглавии. Такая возвышенная и романтическая трактовка сюжетных поворотов, описанных в двух частях романа, стала ещё одним способом подчеркнуть цельность частей книги.

Елена Александровна Демиденко
преподаватель русского языка и литературы,
кандидат филологических наук.

notes

Примечания

Ю. Медведев, Е. Грушко Русские легенды и предания. «Эксмо», 2004.

Фовизм в живописи характеризуется яркостью цветов и упрощением формы.

Коралловые образования

4

Рыба семейства тунцовых

Использованы материалы — заметки Олега Карцева —
инструктора по дайвингу.

6

Песня группы «Мельница»

7

Одно из названий Масленицы.